

Центральная городская библиотека
им. Н.В.Гоголя

Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

ЛЮДИ В КВАДРАТЕ

ПРОЗА «КОНТАКТА»

Составитель - Н.Н. Калашников

Новокузнецк
2004

От составителя

«Люди в квадрате» - первый сборник прозы Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт», работающего при Центральной городской библиотеке им. Н.В. Гоголя. В апреле 2003 года клуб отметил свое 25-летие.

Перечитываю свой старый черновик: «За семнадцать лет существования «Контакта» многие его члены писали рассказы, повести, юморески, пародии...» Именно тогда, восемь лет назад, делалась первая попытка издать сборник прозы «Контакта». Первая, но далеко не последняя. А к своему 25-летию клуб пришел со значительно расширенным активом талантливых авторов. Да и в жанровом отношении произошло значительное расширение. В активе клубных авторов, помимо перечисленного ранее, - сказки (и циклы сказок), романы, эссе, миниатюры... Секция собственного творчества стала ведущей в клубе – два раза в месяц без перерывов на летние каникулы.

Сборник назван по рассказу рано ушедшего из жизни журналиста и писателя Александра Головкова (1957-1999). Его произведения были острейшей социальной сатирой, упрятанной в форму фантастического рассказа. Один из его рассказов – «Монолог Харона с Цербером на поводке» - был в 1997 году номинантом премии «Интерпресскон» (одной из самых значительных в российской фантастике) по разделу «Короткий рассказ».

Для меня сочетание слов «люди в квадрате» имеет, пожалуй, двойное значение. Во-первых, и это связано с содержанием рассказа А. Головкова, это люди, стремящиеся вырваться из замкнутого пространства повседневности. Во-вторых, «люди²» – наделенные талантом и благодаря этому помогающие другим вырваться из квадрата обыденности.

Сборник состоит из трех разделов: «Мир на холсте» – произведения авторов, пришедших в клуб в первом десятилетии; «Поиски» – рассказы и повесть «контактовцев» второго десятилетия; «Найти слова» – произведения нынешнего поколения «Контакта». Разделы названы по произведениям Валерия Колотвина, Ирины Бычковой, Ольги Рыжовой.

В каждом разделе есть произведение гостя клуба. Это автор, который не был членом «Контакта», но каким-то образом связан с клубом. Журналист Валерий Немиров, ведущий страничек фантастики сначала в «Сельской правде» (в 80-е годы), а затем в «Кузнецком рабочем» (в 90-е годы), неоднократно писавший о клубе. Писатель из Таштагола (к сожалению, трагически погибший) Сергей Ковякин (1949-1996), участник наших конкурсов, неоднократно обсуждаемый на клубе. Студентка Анна Чернышева. Она передвигается на коляске. Ее рассказы и повести читались и обсуждались на заседаниях клуба и были приняты с большим интересом.

История имеет *тенденцию к цикличности*. Не избежала этого и история «Контакта». Начиналось творчество «контактовцев» попыткой написания повести-буриме, которую поглавно писали члены клуба в первый-второй год существования «Контакта». Сохранилась от этой повести только первая глава, написанная Валерием Колотвиным. Разумеется, в ней чувствуется очень сильное влияние творчества братьев Стругацких (а кто из нас, любителей фантастики, тогда, да и гораздо позднее, вплоть до сегодняшних дней, не испытывал на себе влияния лучших российских фантастов?), но мне она кажется вполне самостоятельной и интересной. И неважно, что, в конечном итоге, повесть *не* была закончена, - она дала толчок дальнейшему творчеству членов клуба.

Году в 2000-м новое поколение клуба, узнав от меня об этой незавершенной повести-буриме, загорелось желанием проверить свои силы - написать свою повесть таким же образом. Сюжеты двадцатилетней давности их, конечно, не интересовали. Сейчас в моде фэнтези. И вот на моих глазах было лихо закручен сюжет с магами, с суперменом, говорящими зверями. Месяца в три они скрутили эту повестушку и, похоже, поверили в свои силы. Повестушку, конечно, тут же забыли (да и не стоила она того, чтобы помнить, - разве что мне, с умыслом рассказавшем им байку о трудностях написания первого буриме), но собственное творчество получило новый толчок. Появилось много хороших произведений, часть из которых и представлена в третьем разделе сборника.

Та творческая атмосфера, которая царит в клубе, заражает не только молодых. Более двадцати лет посещает клуб Анатолий Верещагин, более пятнадцати – Сергей Тараканов. У них и мысли раньше не возникало, что они могут что-то написать. Но к 25-летнему юбилею в клубе появились два новых писателя – из клубных «старичков».

И, наконец, у меня появилась надежда, что этот сборник все-таки увидит свет, хоть и малым тиражом, но не будет единственным для «контактовцев». Издательство «Сталкер» (Донецк, Украина) заключило договоры с Евгением Грепом и Натальей Колесовой на издание их книг. Ольга Белоусова, участница Форума молодых писателей (Москва) в 2002 г., увидела свой рассказ в книге «Пролог. Молодая литература России», изданном в 2003 г. Олег Нестеренко стал участником Форума молодых писателей в 2003 г., и его сказки получили высокую оценку Эдуарда Успенского.

Первый сборник прозы клуба «Контакт» выходит в свет. Я надеюсь, что произведения, его составляющие, найдут своего читателя.

Президент КЛФ «Контакт»
Николай Калашников

МИР НА ХОЛІСТЕ

Верещагин Анатолий
Гилев Борис
Головков Александр
Колотвин Валерий
Колотвина Марина
Ксионжек Владислав
Плеханова Светлана
Старков Дмитрий
ТПРУНЯ
гость клуба - Немиров Валерий

Со - Творение

(ИЗ КНИГИ «АНТОЛОГИЯ «ГРИБНИЦЫ»)

На вопрос: религиозно ли мое искусство? - я, пожалуй, не могу ответить ни «да», ни «нет». Моя первоочередная задача - «разбудить» зрителя, дать ему возможность войти в состояние «действующего ассоциативного потока», но при этом подразумевается, что сам поток ассоциаций у каждого зрителя будет свой, индивидуальный, основанный на его личном опыте и его впечатлениях. Фигуратив, присутствующий в той или иной мере в каждой работе, служит лишь некой «отправной точкой», дальнейший процесс восприятия есть внутренний процесс самого зрителя. Поэтому зритель, внутренне религиозно (а тем более антирелигиозно!) настроенный, несомненно увидит религиозные символы и сюжеты «в контексте» какой-либо религии либо противоречащие ей, но ведь точно так же он увидит, к примеру, крест над дверями там, где другой увидит всего лишь две скрещивающиеся трещины на стене, или же «глаз Бога» в разрыве облаков, и это будет говорить лишь о его личной организации внимания, о его картине мира. Человек, склонный в окружающем мире вообще искать «следы Божественного присутствия», и в картине ищет (и именно поэтому непременно находит!) эти следы, человек, в душе которого поселился страх, в картине скорее всего найдет воплощение этого страха, а склонный видеть в окружающем мире таинство - найдет его и в картине. И в этом смысле «я-зритель» нахожусь, пожалуй, примерно в равных отношениях с любым зрителем. Более того, одним из основных критериев «состоявшейся» работы для меня является не «смогла ли я-художник воплотить в работе то, что хотела», а «могу ли я-зритель в этой, я подчеркиваю, своей же работе увидеть нечто, что я не могла видеть раньше», смогу ли я расширить свои границы, поняв (не осмыслив, а именно в изначальном значении корня «-нять», т.е. «вобрат в себя») нечто новое, не воспринимаемое раньше, т.е. доселе находившееся за рамками моего внимания, моей картины мира. В чем-то это сродни общению с собственным ребенком - вроде и «плоть от плоти», - но в то же время совершенно другое существо, бесконечно доступное и в то же время бесконечно

недоступное для понимания в силу своей инакости. И с осознания этого начинается процесс познания этой инакости, самопознания в этом процессе и расширения собственного «я» через общение, взаимодействие, обмен.

Существует высказывание о том, что «дети должны шагнуть дальше своих родителей». Можно спорить, можно принять, можно просто улыбнуться... Ребенок непременно «шагнет», и непременно

Рис. М. Колотвиной

«дальше», уже просто потому, что у него свой путь, и куда бы он ни «шагнул» - по пути ли родителей, назад либо в сторону - это все равно будет шаг за границу родительского мира, дальше, в неизвестное. Я не отношусь к той категории родителей, что склонны видеть в своем ребенке «свое произведение» (и в какой-то мере свою собственность!), искренне и действительно желающих, чтобы ребенок повторил и продолжил их путь, проповедовал их взгляды

(не имея их опыта, приведшего к формированию этих взглядов!), руководствовался их картиной мира (переняв ее, что называется, «на слово»), но при этом, разумеется, желающих уберечь его от повторения своих ошибок. И вот именно на этом пути их детище должно «шагнуть дальше», вызвав «удовлетворенное и гордое рукоплескание родственников». Нет и еще раз нет. Изначально признавая, что мой Путь - это мой добровольный выбор, я не склонна навязывать его кому бы то ни было. И в этом случае само искреннее признание уникальности и свободы духовного мира ребенка дает возможность к неограниченному творческому общению, равноправному обмену.

Аналогично же я не отношусь к тем художникам, которые, глядя на только что законченную работу, могут с гордостью и удовлетворением сказать, что они «воплотили» или же «изобразили» «именно то, что хотели», и что «картина целиком и полностью соответствует первоначальному замыслу». Если даже такая картина и удовлетворила бы «меня-художника», то явно не удовлетворила бы «меня-зрителя». Поэтому, как ни парадоксально это звучит, для достижения некоего внутреннего компромисса, т.е. чтобы удовлетворить достаточно привередливого «я-зрителя», «я-художник» должен сделать нечто, «первоначальному замыслу» именно не соответствующее! Как в самом процессе творчества (будь то картины, стихи, или даже интерьер комнаты), так и в процессе «осмысления содеянного» первоначальный замысел является не более чем «отправной точкой», своего рода «детонатором», стимулирующим процесс, как правило, куда более обширный и глубокий, нежели сам этот замысел. И чем более глубокие слои оказываются вовлеченными в этот процесс - тем интереснее и ценнее для меня оказывается законченная работа. Зачастую в результате рождается произведение, до «понимания» которого (и то лишь более-менее полно) я сама «дорастаю» лишь через несколько лет, столкнувшись с тем или иным событием, так или иначе изменившим мою картину мира или же как минимум давшим мне какую-то дополнительную информацию, могущую послужить «ключом». Момент осознания подобен озарению...

Это, кстати, в полной мере объясняет, почему я в принципе неспособна работать «на заказ», а также почему в своей работе не пользуюсь эскизами. Сама ситуация «заказа» подразумевает, как минимум, «видение» будущего результата и «воплощение» этой «умозрительной картинки» на холсте, что в корне противоречит организации моего личного процесса. Да и, с другой стороны, мне

это просто не интересно. А эскиз мне всегда представляется вполне в своем роде «состоявшейся» работой, после которой можно «двигаться дальше», и зачастую совершенно в другую сторону...

В конце концов, да простят мне религиозные фанатики сие кощунство и гордыню, но не аналогичные ли чувства овладели Творцом в тот момент, когда увидел Он всю красоту и совершенство сотворенного им Мира и, осознав, что длительное созерцание столь неизменного в своем совершенстве порядка ему попросту скучновато, для того, чтобы не потерять своего интереса к происходящему, взял да и сотворил Человека «по образу и подобию своему», т.е. в полной мере наделив его даром Творения (Или это как раз Человек «сотворил» Творца «по образу и подобию?»), изменения по своему усмотрению существующего порядка, да еще и с возможностью «сотворения» себе подобных! Не правда ли, большего «элемента неожиданности» трудно и пожелать тому, кто желает вечно с неизменным детским любопытством наблюдать за бесконечным процессом Со-Творения Мира?

7.08.01.

ГОЛОВКОВ Александр

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Они встретились случайно в центре города. Они появились с разных сторон площади и медленно, но уверенно приближались друг к другу. Они были почти ровесники. Они были очень удивлены.

Тишина оглушала их. Пыльный асфальт пробили вялые побеги растений, согнувшиеся в раскаленном воздухе. В тени высушенных веток прятались пауки. Дрались скорпионы за место в бездействующая фонтане. Они встретились на площади, как в пустыне.

Он взял ее за плечо, удивляясь нежности её тела, она прикоснулась к его руке, восхищаясь упругостью мышц. Потом они долго напряженно смотрели друг другу в глаза, пытаясь постичь смятенные мысли и чувства. Это было так странно. Как впервые.

-Я никогда не видел таких, - выговорил он на малопонятном ей языке.

Он хотел её обнять. Она отшатнулась.

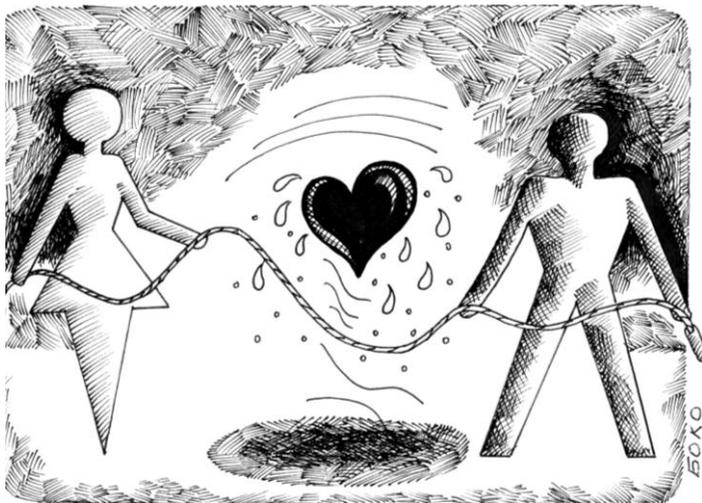
-Не бойся, - сказал он. - Я люблю тебя.

Она нерешительно остановилась.

-В Европе я бываю часто, но раньше я тебя не встречала.

Она пристально смотрела ему в лицо. Он ей нравился и отпугивал. И это чувство было ей незнакомо.

-Я не хочу с тобой расставаться, - снова сказал он. - Я давно уже никого не видел. Мои родители умерли. Я увезу тебя в Азию. Я там живу. Там, дома, у меня работает много заводов-автоматов, которые производят топливо, электроэнергию, шьют для меня одежду, выращивают хлеб... Я буду любить тебя.

Рис. Бориса Кобзаря

Он протянул руку к её выжженным солнцем локонам.

-Я не могу с тобой поехать. Моя мама болеет, - глухо отозвалась она. - Поедем к нам в Америку.

Он с готовностью согласился.

-Мы отправимся туда вместе, или ты полетишь на своём самолёте?

-Я хочу с тобой, - она прижалась к его груди. - А самолетов в Америке осталось еще много.

Старенький автомобиль катил по пыльной мостовой среди обветшавших небоскребов.

-Раньше здесь, наверное, было очень интересно и весело, - предположила она.

-Да, - вздохнул он. - Но это было давно. Когда нас не было. Что делать, мы жертвы благополучия. Ты же знаешь, это началось еще в двадцатом веке. Семьи стали состоять из трех человек.

-Да, увеличился темп жизни, людям было некогда жить, они торопились...

-Нет, просто было хлопотно возиться с детьми. А все хотели жить беззаботно. Они, наверное, не думали о нас. Они отдыхали в благоустроенных квартирах, катались на автомобилях, развлекались в кино, в ресторанах.

-И двое после себя оставляли жить одного. Сначала стало некому работать. Тогда людей заменили автоматы. А теперь вот некому жить.

-Возможно, мы последние из всех живших когда-либо людей и последние из влюбленных. Мне даже сейчас еще как-то не верится, что нам удалось встретиться на этой пустой планете.

-А я уже не могу представить, что еще час назад не знала тебя, не знала, что ты есть. Я тоже буду тебя любить. Я никуда не отпущу тебя из Америки. Там у нас тоже работают заводы. Папа перед смертью запрограммировал их на триста лет. Они будут работать, когда мы тоже уже умрем. Когда уже никого не будет.

-Они будут работать для наших детей. У нас будет много детей.

-Но они уже не смогут продолжить человеческий род, ведь браки между родными оканчиваются плохо.

Машина тащилась по едва заметной дороге среди песчаных откосов, за склоны которых цеплялась убогая растительность с развешанной на ней паутиной.

До аэродрома они доехали молча. Ключ зажигания остался в притихшем на взлетной полосе автомобиле. Салон самолета встретил их приятной прохладой. Он сел в кресло пилота и усадил ее к себе на колени.

Огромный лайнер взлетел над городом, над мертвой планетой.

-А может, на Земле остались еще влюбленные?

ЛЮДИ В КВАДРАТЕ

Плоскость - что поле. Ни начала, ни конца. Взгляду не за что зацепится. Много километров вокруг - ни точки, ни линии. Некуда сесть. Зато, сколько хочешь, можно идти или бежать куда-нибудь и

слушать, как в ушах свистит ветер. А за спиной не остается ничего. Даже следов порой.

Отряд, состоявший из четырех человек, брел в беспорядке. Три аккуратных квадрата и один горбатый треугольник уныло поглядывали на горизонт. Их покидали последние надежды увидеть там хоть что-нибудь. Старый У, морщась, чесал за ухом. Сколько будет продолжаться эта неопределенность? Есть ли в жизни смысл? Пора бы понять, куда и зачем они идут.

У чувствовал, что растет недовольство и что его авторитет под угрозой. Ведь это он обещал людям счастье. А где его взять, если ничего нету? Если кругом - только среда, только дикая природа.

Природа создала людей, но забыла создать для них счастье.

Же потоптался, обескуражено глядя по сторонам, засучил рукава и стал неторопливо уплотнять материю. Из всех двумерных существ только люди способны уплотнять материю и делать различные предметы.

-Все, мы пришли. - У сложил по бокам руки, он держался подчеркнуто невозмутимо.

Ка скосил на него недобрый взгляд.

-Уже? - удивился горбатый Эн.

-Да, - спокойно продолжал У. - Мы долго шли и поняли, что природа создала людей, но забыла создать для них счастье. Значит, человек должен трудиться. Мы - homo quadratus. Мы должны создать свою цивилизацию. Мы сами должны стать счастливыми.

Трое настороженно смотрели ему в лицо.

-Что же нам делать? - спросил Же.

У прищурился.

-Надо строить квадрат. Только в квадрате мы будем счастливы. Потому что мы будем трудиться и каждому достанется по равному углу, а не так как в параллелограмме. Квадрат - правильная геометрическая фигура. Только в квадрате возможны справедливость и счастье!

Лица засветились улыбками.

-Верно! - поддержал Ка.

Квадрат построили быстро, на одном энтузиазме. Несколько дней торжествовали и кричали —Ура! У —Ура! не кричал. Через три дня перестал кричать Ка. Потом - Же. Ещё через два дня Эн угомонился.

Люди сидели в своих углах, В квадрате было тихо. Только мухи звенели. Эн ворочался с боку на бок, да Же уплотнял материю, мастерил прямую, ломал ее, снова делал и этим производил шум.

Ка несколько раз выходил из квадрата, но вскоре возвращался хмурый, озлобленный. У задумчиво смотрел в плотную сторону.

-Мы построили счастливый мир, - из угла вздохнул Эн. - А почему так грустно?

-А ты займись чем-нибудь, - посоветовал Же, ломая очередную прямую.

-Да, - произнёс У. - Мы остановились на достигнутом. А так нельзя.

-А что делать? - спросил Эн.

-Надо утолщать стороны, - решительно сказал У.

-Снаружи! - поддержал Ка.

Ещё несколько дней с энтузиазмом утолщали стороны. Через неделю энтузиазм иссяк.

-На работу! - как обычно утром скомандовал У.

Но никто не пошевелился.

-А зачем утолщать стороны? - вызывающе спросил Ка.

-Счастье должно быть прочным, - твёрдо сказал У.

-Но стороны и так уже шире, чем сам квадрат, - зло возразил Ка.

-А я знаю, - сказал Эн. - Надо построить диагональ.

-Старо, - пробормотал Же. - Квадрат разбивается на два равных прямоугольных треугольника.

-Квадрат с диагональю будет несправедливым, - заявил У. - Потому что в нём будет шесть неравных углов!

-Тогда надо построить две диагонали, - перебил Эн. - В квадрате получится четыре одинаковых треугольника, и каждому из нас достанется по три равных угла. Три угла больше, чем один!

-Это справедливо, - согласился У.

Построили диагонали с узкими дверями в смежные треугольники. Стало совсем тоскливо. Раньше хоть друг друга видели. А теперь куда ни помотришь - серые стороны. И за стороной - тихо. Высунется кто-нибудь в дверь:

-Ну, как дела?

-Никак.

-И у меня также.

Тогда в своём тесном треугольнике У провел собрание.

-Пусть каждый из точки пересечения диагоналей построит высоту, - сказал он. - Тогда каждый будет иметь по два треугольника. Два треугольника лучше, чем один.

Высоты построили, только радостнее не стало. Протиснешься из одного треугольника в другой, откроешь дверь в следующий - а

там никого.

Случайно встретились все четверо за углом квадрата.

-Мы же культурные люди! Надо заняться благоустройством, - сказал У. - Да и селекторную связь не мешало бы наладить.

Построили водопровод, видеотелефон. Щелкнешь клавишей - появляется изображение соседа в углу.

-Чем занимаешься?

-Сижу, а ты?

-Тоже сижу.

От непомерного сидения у Ка вырос животик, углы притупились, и он стал похожим на кружок.

-Давайте развивать науку. Надо измерить, во сколько раз диагональ квадрата больше его стороны, - сказал однажды У.

-Зачем? - проворчал Ка.

-Чтобы знать, - убеждённо ответил У.

Долго измеряли диагонали и стороны. Выяснили, что они несоизмеримы, то есть, что диагональ больше стороны в корень из двух раз. Попутно открыли, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Да, тут было над чем задуматься.

-Ну и что? - зло спросил Ка.

У смотрел в серую сторону, в его глазах чернела глубокая тоска. Же сидел задумчивый. Перед ним стояли маленькие пустые, бессмысленные квадратики.

-Я знаю, - по селектору объявил Эн. - Надо построить квадрат в больших масштабах.

-Правильно, - сказал У. - В большом квадрате нам не будет тесно.

Построили большой квадрат, в котором тотчас воцарилась гнетущая тишина.

-Теперь надо строить диагонали, - робко сказал из угла Эн.

-Зачем тебе диагонали? - сурово спросил Же. - Тебе что угла мало? Жить слишком хорошо стал!

-Надо вычислить число корень из двух с точностью до двадцати десятичных знаков, - оказал У.

-А на какой чёрт это нужно?! - вспылал Ка.

-Надо построить два квадрата, - сказал Эн. - А в каждом квадрате диагональ.

-Нет, - вздохнул Же. - Насчёт квадрата уже всё понятно. Плохо в нем жить.

-Надоело, - выронил Ка. - Скучно.

-Нам скучно, потому что мы не веселимся, - сказал Эн.

-А с чего веселится-то? - усмехнулся Же.

-Надо сочинять стихи, - сказал У.

-Пожалуйста, - отозвался Ка. - Я сижу в квадрате. Ура! Все.

-А где же рифма? - недоумевая, спросил У.

-А у меня белый стих, - заявил Ка. - А если разобраться, то, может быть, даже верлибр.

-Да, - согласился У. - Это выдающееся произведение современности, отражающее самую суть сегодняшней жизни.

-Квадратная поэзия квадратной жизни...

-Бросьте вы свои плоские шуточки!

-Придумал! - воскликнул Эн. - Надо ходить друг к другу в гости!

Же отвернулся.

-Чур, я первым пойду в гости, - Эн торопливо выбрался из своего угла и подплыл к Ка. - Привет, дружище!

-А почему именно ко мне надо идти в гости?! - вскипел Ка. - Что я, хуже других, что ли?!

-Но ходить в гости - это хорошо, - наставительно сказал У.

-Ему, может быть, и хорошо! - заорал Ка - А я его не приглашал! Тоже мне, гость нашелся! У самого кроме прямого угла ни хрена нету!

-Я же хотел, как лучше, - обиженно проговорил Эн, возвращаясь.

У открыл узкую дверь, вышел из квадрата. Кругом простиралась чистая плоскость. *Tabula rasa*. Простор для философии. У поседел, лицо его осунулось. Квадратная тема готова была свести его в могилу. Он посмотрел на чистый горизонт. Что там? Есть там хоть что-нибудь? Или ничего нету? Неопределенность. Это она мешает быть счастливыми. А квадрат - определенная геометрическая фигура. Правильная фигура! Только в квадрате возможно счастье!

У вернулся в квадрат.

Ка спрятал недобрый взгляд, Же хмуро ковырял сторону, Эн плевал на неуплотнённую материю и следил, как растворяются его плевки.

-Тунеядцы, - проворчал У.

Он прошёл было в свой угол, но потом вернулся на середину.

-Надо утолщать стороны. За работу!

ЭТОТ СЛАДКИЙ ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ

Кругом были небо и земля. А между небом и землей было оно. Оно не висело и не лежало, но было здесь, он это чувствовал. Он смотрел налево, направо, вдаль... Кое-что он видел. Но остальное ускользало за горизонт.

-Чудно.

Он решил подойти к нему с другого конца. Шел, шел, шел., а конца не было.

-Странно.

Он попытался его объять, распростер руки, сгреб в охапку. Что-то в этом было. Но не все.

-Интересно.

Он его понюхал - пахло сладко. Попробовал съесть - горько.

Он в него плюнул, оно вlepило ему пощечину. Он бросил в него камень, в ответ оно больно ударило палкой. Он поднялся на ноги, потер шишки и сказал:

-Хорошо.

Он пробовал его возвысить - оно присохло к земле. Он пробовал его втоптать в грязь - оно восстало.

-Что же ты такое? - спросил он.

-А что такое ты? - спросило оно.

Он улыбнулся - оно посветлело. Он нахмурился - оно потемнело.

Так.

Тридцать три года он его вычислял, прежде чем понял, что это бессмысленно.

-Ясно, - сказал он. - Это оно. Оно такое. Как я сразу не догадался? Вот оно какое, бытие наше.

К СЛОВУ О КРИТИКЕ

Послушал я выступление одного не старого, но уже маститого писателя. Критиковал он нашу литературу современную. Он стоял на высокой трибуне и говорил, отвлекшись от аудитории и обратив к небесам глубокомысленный взор. Кстати, литература - это не только то, что издается, но, главным образом, то, что пишется и читается. Так вот...

-Надо, - говорил он, - писать так, чтобы свои произведения не стыдно было читать на могиле.

Тронули меня его слова. Все сомнения рассеялись. Лишь одно осталось: не стыдно ли читать на могиле? И решил я провести эксперимент. Сложил в «дипломат» свои рукописи, сунул томик Чехова на всякий случай от скуки и поехал на кладбище.

День выдался теплый. На счастье никого в этот день не хоронили, не поминали. Так что никто не мешал. Тишина на кладбище стояла гробовая. Вынул я рукописи и стал думать, что же можно прочесть из этого вельух, чтобы усопших не обидеть? Я перебрал все свои рассказы и понял, что ни один из них нельзя читать здесь. Становилось скучно. Даже тоскливо. Каково живому человеку на кладбище? Тогда я достал припасенный томик Чехова, открыл его наугад и стал читать первое попавшееся место. Рассказ назывался «В ландо». Читаю и чувствую - не стыдно. Да уж не такой Чехов писатель, чтобы за него краснеть приходилось. Хоть память предков грех беспокоить по пустякам... Но только я так, читая, подумал, как могилы зашевелились, надгробные плиты, памятники задвигались, оградки заскрипели. Жутко. Стали из могил покойники вылезать - кто в чем, у кого еще не все сгнило, кто без ничего - голый скелет. Не вытерпели. Вылезли и - ко мне. Лица у них всех постные. Я, конечно, испугался. Но и любопытно было: какое впечатление на бестелесные души классика производит? И стал я бледными губами шевелить дальше.

Окружили меня убогие, слушают, молчат. Вижу, интересно им: кто это на кладбище художественную литературу читает? Я стал паузы делать между абзацами, думал, спросят чего-нибудь. Но они зубы стиснули и молчат упрямо. Дочитал я до конца, жду, в какую сторону Фортуна повезет.

-А что, неплохо, - сказал, наконец, один свежий тип. Костюм на нем был новый и держался прилично. - Мне, знаете ли, при жизни не довелось этого почитать. Спасибо товарищу за содержательный визит.

Он улыбнулся. Но другие были настроены без всякой иронии.

-Ты зачем писателей позоришь? - напрямик спросил меня труп постарше.

-Так ведь классика, - я сунул книжку за пазуху.

-Так что, это для мертвых что ли написано? - вмешался совсем дряхлый скелет, одни пустые глазницы. - Зачем нам, покойникам, суетные истории? Жаль, что Чехов не на нашем кладбище. Он бы тебе...

Кровь во мне остыла, и дыхание пропало.

-А мои рассказы вас устроят? - все же сумел осведомиться я.

-Голова твоя, - скелет постучал костяшками пальцев по черепу.

- И что за манера у вас пошла - писать бессмертные произведения ни для кого конкретно, а так, для вечности, не помня о живых людях, о своих современниках, с которыми вы бок о бок третесь повседневно? Мертвым не нужно ничего. Пишут для живых людей, для детей, чтобы воспитать новое поколение. «Такова, братие, сия дивная повесть, написанная во славу божию, а читающим на пользу, старым людям на послушание, а молодым людям в поучение и поощрение, воинам на храбрость, а древним на память», - выдал он цитату из Сибирской летописи.

-Бить будете, - догадался я.

-Будем, - с оптимизмом откликнулись восставшие из могил.

Тут я поспешил прервать эксперимент. Ноги у меня устали стоять. Я захотел немедля заняться оздоровительным бегом. Ветер свистел в ушах, и я не слышал, догоняли меня или нет.

С тех пор я всем советую не привлекать покойников к общественной жизни.

МОНОЛОГ ХАРОНА С ЦЕРБЕРОМ НА ПОВОДКЕ

-Посмотри, какая красота кругом. Вечные сумерки. Чёрные тюльпаны цветут. А воздух-то, воздух!.. Фу. Что, персик, приуныл? Облять некого? Неправда, мир грешен. Вот у этой горки Сизиф работает. Сизиф, ты здесь? Где? Почему не работаешь? Опять перекур? Что, уже сделал? Чего ты наворчал? Смотри-ка передовик... Почему камень такой маленький взял? Халтуришь! Бери вон тот! Понятно большой. Работать так работать. Здесь тебе не санаторий. Я тебе дам помощника. С помощником и дурак делает. Может, тебе ещё и зарплату платить? Тебе сказали это делать. Вот и делай. Сейчас Цербера отвяжу! Да, всю жизнь на одном месте будешь работать. Ты не вниз кати, а вверх. Сколько сегодня камней закатил? А почему так мало? Когда перевыполнять будешь? Боишься норму повысят? Ты не о себе думай, а об общем благе. Что значит на кой... Разговорился... Нужна эта работа. Нужна! Я сказал. Работай, не халтурь, не срок отбываешь, наверно. Что? Ну и что ж что загробная. Жизнь, она и есть жизнь. Что абсурд? Вся жизнь - абсурд! Камю сказал. Сосед твой. Хватит ругаться. Прописан? Прописан. Ка-

кая разница, где жить. Выписать? На волю хочешь? Тебе дай волю... Как это ты не знаешь, что делать? Вон камней сколько... Ну ты загнул! Вплавь через Ахеронт ещё никто не перебрался. Перевезти? Ты меня просишь? Я назад не повезу. Я и за взятку не повезу. Что ты требуешь? Льготы? Пенсию? Требуешь создать в аду райские условия? Хлеба и зрелищ ему... Девочек не надо? Какая забастовка? Это тебе не Кузбасс. Революционер... Что ты там ещё ворчишь? Цербер, гавкни на него! Так его в три пасти. Ишь социализма захотел... Ну, пойдём, много их ещё... Вон пятьдесят девиц воду в бездонный колодец носят. Ух, сейчас повеселимся с бабами. Женский труд у нас в почёте...

СТАРКОВ Дмитрий

...ОЙ, ТАМ, ЗА ЗАНАВЕСОЧКАМИ!..

(НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ
ИЗ ЖИЗНИ БАТЬКИ КОЗАНОСТРА
И ЕГО БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ.)

Распоряжение № 0000001 от 25.3.00:

Назначить батьку Козаностра главным положительным героем романа "...Ой, там, за занавесочками!!!" - с правом ношения маузера и на полном отрядном довольствии.

Автор.

Распоряжение № 0000002:

Как я есть главный положительный герой батька Козаностр, то распоряжаюсь:

Шаршавого Вампирчика - как он есть левацкий элемент, Босевича (от слова «босс»)- за потребление непонятных слов в отряде,

*шорца Фоню - за что, не помню, однако не зря
- ЛИШИТЬ КАПУСТНОГО ПАЙКА НА НЕДЕЛЮ*

Батька: Козаностр

Отряд вот уже пятый день пробивался к лабазу, где, по слухам, сохранились еще две канистры с ацетоном. Конечно, капусту можно потреблять и так, но в этом смысле батька Козаностр был консерватором.

- Ты, Шава, того... - не раз говаривал батька начальнику штаба, в то время как Босевич (от слова «босс») подозрительно косился на провинившегося.

И левацкий элемент умолкал.

На исходе света к батьке подъехал шорец Фоня, посланный накануне в разведку. Надо сказать, что в отряд Фоня пришел едва ли не раньше самого батьки. Был он, как все шорцы, маленького роста, невзрачный, с черной, блестящей шевелюрой и слегка косолапой походкой. О своем появлении в отряде Фоня рассказывал так:

- Тайга был. Моя тозе был. Потом люди сли, моя насли. Калик дали. Скусный! Моя с ними посол. Дай калик скусный!

И благодарный слушатель разорвался на четвертинку, а иногда даже на полкалика, в надежде вытянуть из Фони что-нибудь еще. Но тот, получив калик, немедля засовывал его глубоко под язык и на все вопросы отвечал однозначно:

- Не снай...

Разочарованные, слушатели расходились. Однако в каликах Фоня нужды не терпел.

- Бачка, моя горбатого пымал! - сообщил он.

- А ну, ну, давай его сюда! - обрадовался Босевич (от слова «босс»). Он любил горбатых - ведь у горбатых всегда имеются в загашнике свежие калики, это известно кому угодно. Известно также, что горбатые очень неохотно расстаются со своим загашником, но это Босевича (от слова «босс») волновало меньше всего. Срочно организовали привал, построили допросный блиндаж, поставили у входа двух часовых, и Босевич (от слова «босс») приступил к дознанию.

Надо сказать, что в отряде Босевич был за шефа контрразведки. А поскольку в отряде никто не знал, что такое «шеф контрразведки», и, как следствие, не мог определить точно босевичьи обязанности, то занимался Босевич исключительно обустройством своих личных интересов, каковые заключались в непрерывном пожирании каликов, капусты с ацетоном и уж на самый худой конец - даровой осиновой похлебки. Калики и капусту он тоже предпочитал даровые и порой клал все силы на получение вождеденных ед даром.

Удобно расположившись за походным письменным столом, он крикнул:

- Вести!

- Кому? - спросили снаружи.

- Не кому, а кого, хари масонски! Горбатого, что Фоня привел.

- Ладно, Босевич, не валяй, однако, дурака. Как это Фоня его привел, ежели ацетону в отряде уже неделю нет?

- Ты мне это брось! Сказано - веди, и точка!

- Да чо зря ходить?! Ведь не хуже нас знашь: горбаты на сыру капусту не идут! Отвяжись, дай, однако, поспать.

Босевич (от слова «босс») чертыхнулся и приказал привести Фоню.

- Ну, моп твою ять! - послышалось снаружи. - То горбата ему, то Фоню... Ни сна, ни отдыха, понимаешь... - после чего Фоня вместе с горбатым, непонятным образом изловленным на сырую капусту, был доставлен.

- Фоня, - начал допрос Босевич, - а в самом деле, как это ты его словил, ежели ацетону в отряде уже неделю нет?

- Моя сырой капуст кидал, насяльник! - глядя в сторону, ответил Фоня. - Она голодный был, сырой сибка-сибка кусал.

Босевич решил не продолжать пока эту тему и обратился к горбатуму:

- Где калики?

Горбатый пробуркотел в ответ нечто невразумительное.

- Она говорит: его твоя не понимай! - объяснил Фоня.

- Так спроси его ты!

Фоня повернулся к горбатуму и что-то пробурчал. Горбатый буркнул ему в ответ.

- Она говорит не сказу! - растолковал Фоня.

Босевич и так уже был раздражен дураком часовым, к тому же ему что-то не верилось, что такой пожилой и тертый горбатый прельстился сырой капустой (на Фонину честность надежды было мало, особенно если речь шла об ацетоне). Босевич выхватил маузер.

- Ща - в лоб-то, харя масонска!!!

Фоня растолковал горбатуму текущий момент, после чего горбатый заплакал от бессильной злости, подвел Фоню к карте, висевшей на стене, и что-то долго ему втолковывал. Когда горбатый кончил, у Фони загорелись глаза; весь он засиял как новая лаковая кобура и перевел для Босевича:

- Насяльник! Она сказал: твоя сволось, стреляй, сё-равно не сказу!

Прежде чем Босевич (от слова «босс») успел сориентироваться в ситуации, у него с треском лопнуло терпение, и он нажал курок. Горбатый с дырой между глаз повалился на пол. Фоня метнулся было к выходу, но Босевич уже пришел в себя и ласково спросил:

- Куды?

Фоня оценил обстановку и разом потускнел.

- Сакал ты, насяльник! - плачущим голосом ответил он.

А Босевич, будто и не заметив оскорбления, еще ласковее спросил у горбатого, лежащего на полу:

- Так и где же калики?

Фоня оценил обстановку еще раз. Горбатый на полу, рядом лужа. Лужа, надо полагать, кровь - не может же у горбатого из дыры меж глаз течь осиновая похлебка. Будучи шорцем сообразительным, Фоня понимал: горбатый в таком состоянии отвечать не способен.

- Ну? - поторопил Босевич.

- Вона, где два бугор посередке! Сакал ты, Босевись!

Босевич (от слова «босс»), перескочив через стол, бросился наружу. Фоня сел на пол и заплакал. Глотая слезы, он отрывисто бормотал что-то по-шорски, иногда вставляя слова — «Босевись - сакал». За этим занятием его застал вернувшийся с добычей Босевич.

- Ладно, кончай.

На Фонином лице появились проблески надежды.

- Скажешь, откуда ацетон, угощу.

Проблески угасли. С одной стороны, калики, которые Фоня любил не меньше, чем Босевич; с другой же - секрет приобретения ацетона, открывать каковой ужасно не хотелось. Чтобы ускорить принятие решения, Босевич оторвал от связки один калик и дал Фоне понюхать. Этого Фоня выдержать не смог.

- По тайга зверь ходила. Моя никогда такой зверь не видал. Моя стреляй, в зверь дырка. Из дырки цетонь. Зверь баской тряс, потом усол сибка-сибка.

Как известно, в тайге бывает всякое. За свою долгую, нелегкую жизнь Босевич успел в этом убедиться. Но поверить в такого не менее чудесного, чем полезного зверя - это уже слишком. И все-таки... Босевич задумался. С одной стороны - зверь слишком уж необычен. С другой - Фониной фантазии на такую примочку явно неостанет. Шеф контрразведки почесал затылок мушкой маузера и спросил:

- А какой он?

- Цетонь? У-у! Высей цистка цетонь!

- Да не ацетон, валенок ты шорский, зверь какой?

- Она... длинный такой!.. Голова - нет, хвост - нет!.. Безит быстро, лап совсем не видно. С боку нарисован, как у змей... Оттак...

Фоня сцапал со стола карандаш и нацарапал на гладкой доске:

АЦЪТОНЪ

Босевич опять почесал затылок мушкой маузера и откусил разом полкалика. С минуту он сидел молча, потом встал, сунул маузер в кобуру, запер в сейф оставшиеся калики и сказал:

- Показывай!

Через несколько времени ходу в тайге появился просвет. Просвет в тайге - само по себе дело невозможное, что бы там ни утверждали Близнецы, которых с незапамятных пор упрекают в старческом маразме. Но такое!.. Босевич с недоумением смотрел на два длинных - без конца и края - куска железа, лежавших вдоль просвета. Больше всего это походило на корни капустного дерева, но железо, да еще так много... До такого не смогли бы додуматься даже маразматика-Близнецы. Хотя, может быть, кто-то из них снова съел чего-нибудь не то... Босевич задумчиво пнул ногою один из кусков железа - и запрыгал на одной ноге, отчаянно матерясь, а свободной рукой дал Фоне в ухо.

- За сто, насыльник?! - взвыл Фоня.

- Знал бы, за что, давно б убил! - рыкнул Босевич. - Ладно, фиг с ним; лучше скажи, что это значит?

- Зверь безала - след осталась, - ответил Фоня.

На это Босевич промолчал, а про себя решил, что без Шавки тут не обойтись - недаром же он у батьки начштаба, после чего послал Фоню за Шаршавым Вампирчиком, а сам присел на одну из железных полос и положил под язык четвертинку.

Из томно-блаженного состояния его вывел осязательный толчок.

- Посунься! - сварливо сказал подошедший Шавка и сел рядом. Настроен он был недружелюбно. - Чего тебе?

- Угощайся, Шава, - Босевич (от слова «босс») подал Шаршавому Вампирчику остатнюю четвертинку.

Тот удивленно посмотрел на шефа контрразведки, однако четвертинку взял.

- Шавочка, - просительно сказал Босевич, - обрисуй ситуацию!

Шавка сложил крылья на животе, сунул дареную четвертинку в пасть и свесил голову на грудь, после чего засопел и затащил перепонками глаза.

- Шава... - неуверенно вякнул Босевич.

- Не мешай! - отмахнулся начштаба и вновь погрузился в созерцание своего чешуйчатого живота. Длилось это довольно долго.

Босевич загрустил уже было по поводу даром потраченной четвертинки, но Шавка вдруг встрепенулся, затем широко развел крылья в стороны и с хрустом скрестил на груди.

- Ну??

От нетерпения Босевич начал жевать ленточку со своей папачи.

- Значица, - тут Шаршавый Вампирчик помолчал, дабы Босевич смог лучше оценить смысл сказанного. - Нужно два красных фонаря!

От удивления Босевич икнул и проглотил ленточку.

- Харя твоя масонска, Шавка, - выругался он. - Ты дело говори, а не...

Тут Босевич поперхнулся и, мучительно кашляя, застучал кулаком меж лопаток. Шавка дождался полной тишины и сказал, что ежели Босевичу известен другой способ ловли зверя, то не с его, Шавкиным, скудным умом сюда соваться, а потому - эскизье муа, гуд найт эврибоди.

- Дак это... - растерянно бормотнул Босевич. - Не бывает же красных фонарей! Фонари всегда желтые, хоть к дереву сходи да посмотри. Ни разу не видел, чтоб красные росли...

- Босевич, - процедил Шавка, - сколько вместе ходим, никак не пойму, кто из вас умней: ты или твой стол. Говорят - красные, значит, надо красные, и все тут!

В другое время Босевич бы обиделся, но теперь...

- Да где я тебе возьму, Шава?!

В ответ Шаршавый Вампирчик разразился длинной речью.

Более половины ее Босевич понять не смог, но смысл сводился к следующему: если два желтых фонаря завернуть в куски красных полиэтиленовых галифе батьки Козаностра, получатся искомые красные фонари. Как именно они получаются, Босевич не понял, однако в реальность плана отчего-то поверил. Но позволит ли батька заворачивать фонарь в свои штаны? А почему бы нет? Для дела ведь!

- Фоня, - крикнул Босевич, - поди сюда!

- Сево, насяльник? - отозвался Фоня.

- Иди в лагерь! И без батькиных штанов не возвращайся, понял?!

Фоня в недоумении покачал головой и удалился. Злосчастная его голова трещала от обилия нынешних впечатлений, и когда с него потребовали - ни больше, ни меньше - штаны батьки Козано-

стра, он не особенно удивился. Нигде не задерживаясь, Фоня пошел к батькину блиндажу и вошел внутрь.

- Бачка, так сто Босевич станы твоя просит! - доложил он.

Батька Козаностр оторвался от своих мемуаров и задумчиво глянул на Фоню.

На своем веку батька повидал всякое, застал даже одно из последних Всеобщих Позеленений. Но чтобы шефу контрразведки среди ночи понадобились его, батькины, штаны!.. Батька подвигал бровями вверх и вниз и, наконец, решил, что Босевич, как правило, зря ничего не делает - недаром же он шеф контрразведки. А раз так, то штаны надо бы дать. Не размышляя более, батька Козаностр вылез из своих превосходных красных полиэтиленовых галифе и отдал их Фоне.

Остаток темноты и все завтрашнее светлое время в лагере кипела работа. Было объявлено, что осиновой похлебки не получит никто, пока нужное количество бревен не будет доставлено куда надо. Одновременно с этим был послан кавалерийский разезд к фонарному дереву; под вечер все необходимое было доставлено, и Шаршавый Вампирчик, тыча когтем в карту, излагал план поимки. После долгих мучений Босевич запомнил свои обязанности наизусть; таким образом все, наконец, было готово.

В облаве на зверя принял участие весь отряд. Не взяли только Близнецов - все дело могут испортить, был прецедент. Батька Козаностр, пошедший вместе с Босевичем, который ссудил его отборным спелым каликом, лежал теперь в кустах рядом со своим любимым ведмедем. Приобняв животину за шею и откусывая иногда от калика, батька предавался воспоминаниям.

Батька Козаностр любил предаваться воспоминаниям. На привалах он обычно забирался в тайгу - подальше от лагеря - и вспоминал, что придет в голову. Как-то раз, углубившись, по обыкновению, в чашу, батька увидел письменный стол, стоящий меж двух капустных деревьев. Из-под стола торчали: пара ног, обутых в кирзовые сапоги, пара покрытых чешуей когтистых лап и кончик гладкого перепончатого крыла. Со стороны пары кирзовых сапог доносился могучий храп.

Батька не любил тех, кто мешает вспоминать. Раздосадованный, он вытащил из-за пазухи маузер и пощекотал стволком одну из когтистых лап. Из-под стола донеслось нервное хихиканье, а храп прекратился. Вслед за этим на свет показалось худое, шибко ошестиневшее существо. Одето оно было в неопишумые лохмотья цвета

маренго, на коих в самых неожиданных местах желтели пуговицы. На левой его руке имел место браслет, второй такой же сжимал шею существа № 2, выбравшегося следом. Было оно покрыто зеленоватой чешуей, имело две когтистые руки, два перепончатых крыла и ноги, очень похожие на руки.

Батяка Козаностр был тогда еще сравнительно молод и неопытен. Только это спасло двум странным созданиям жизнь; батяка любил стрелять первым, но тут, в силу молодости и неопытности, просто удивился. Впрочем, его можно понять, так как это происходило еще до последнего Всеобщего Позеленения. До последнего Всеобщего Позеленения чудес в тайге было немного. А молодой батяка еще не успел устать удивляться удивительному.

А тем временем существо в кирзовых сапогах подошло поближе, осторожно, словно боясь обжечься, потрогало ленточку на батякиной папаше и с радостным воплем: «Наши!» обхватило батяку за шею и трижды облобызало. Слегка опешивший батяка высвободился из объятий существа; оно между тем вытянулось во фронт и отрапортовало, захлебываясь счастливыми слезами:

- Старший следователь по особо важным делам Иван Пантелеевич Жмыкин в ваше распоряжение прибыл!

Окончательно опешивший батяка вымолвил одно только слово:

- Вольно.

Существо, так неожиданно оказавшееся — «старшим следователем по особо важным делам Иваном Пантелеевичем Жмыкиным», немного расслабилось и продолжило доклад:

- При себе имею арестованного назвался Шаршавым Вампирчиком без определенных занятий арестован за незнание порядка подозрительный вид и появление в общественном месте голым после долгих запираТЕЛЬств созная что голым ходит от рождения надо думать с целью...

Из всего этого батяка понял не больше половины, а потому просто указал стволом маузера в направлении лагеря: раз уж вечер безвозвратно погиб, то лучше отвести этих двух на показ Близнацам, пусть разберутся. А шлепнуть никогда не поздно.

После того, как Близнацы подвергли приведенных перекрестному допросу, выяснилось: Иван Пантелеевич Жмыкин - это имя, а передняя часть его названия вызывает у Близнацов только смутные ассоциации со словами «неф контрразведки» и «босс», что, впрочем, обстановку нисколько не проясняло. Чувствовалось, что мно-

гое может объяснить так называемый —Шаршавый Вампирчик”, но тот предпочитал скромно помалкивать.

Поразмыслив над ситуацией, батька решил: коль раз этот —Иван Пантелеевич” - суть —шэф контрразведки”, то пускай им и остается (что бы эти слова ни означали) - при отряде и на полном довольствии.

Что же касается —Шаршавого Вампирчика”, которого новоиспеченный —шэф контрразведки” тут же сократил до «Шавки», то - быть ему начальником штаба вместо покойной Анфисы - с правом ношения маузера и, опять же, на полном отрядном довольствии.

Таким образом кончилось все к полному общему удовольствию и согласию. На следующий день Босевич уже шатался по лагерю и шулял у бойцов калики, рассказывая взамен историю своей жизни. Заключалась история в том, что —после службы в армии” Босевич поступил в —агропромышленный институт, на отделение нормального питания крупного рогатого скота”. Что означает такая фигова туча непонятных слов, никто, в том числе и сам Босевич, не знал, но каждый святым долгом почитал спросить: —заем?” На это Босевич отвечал, что сразу после окончания института пошел работать в —милицию”, где ему тут же присвоили —офцерское звание”.

- И вот, братцы мои, - рассказывал Босевич, - иду это я на работу, утро, форма на мне новая, с погонами, сапоги блестят - а навстречу такое вот - голое, шаршавое, и морда - сплошной зеленый змий. Ну, думаю, не иначе - масон. Я его без разговоров - цоп, и —наруники”, конечно. А он, подлюка, из них выскользнул - велики оказались - и ходу. Я - за ним! Догнал и на шею браслетик нацепил. Попробуй, говорю, теперь - удавлю... при попытке к бегству. Веду его в —отделение”, на ходу —апрос” сымаю... а пришли мы черт знает куда! Ну заболтался я с ним... Тут ваш батька нас и нашел.

В общем, история была темная, непонятная, и спустя несколько времени бойцы утратили к ней всякое любопытство. Тем более, что каликов, конечное дело, не жалко, но они же, черт побери, убывают! Короче, через несколько времени Босевича стали попросту гнать.

- Иди, иди! - говорили, бывало, братаны Власовы. - Оно, конечно, каликов не жалко... но они ж, черт бы их побрал, к убыванию тенденцию имеют!

И Босевич, понунив голову, отходил. Погоди-ка! А кто же первым назвал шефа контрразведки Босевичем (от слова «босс»)?

Странно, но этого батька Козаностр не помнил совершенно. Может быть, Фоня?.. Или...

Вспомнить, что было дальше, батька не успел. На фоне темнеющего понемногу неба, по-над таинственными следами, появилось некое темное пятно. Бежало оно неторопко, похрюкивая, посапывая, и через несколько времени скрылось за поворотом.

- Оно! - возбужденно шепнул Шаршавый Вампирчик и командовал: - Заваливай!

Бойцы взялись за работу и устроили поперек следов завал из заготовленных заранее бревен. Тут же из-за поворота послышались крики:

- Тупик! - и сразу вслед за этим из зарослей выломился Босевич (от слова «босс»). Шаршавый же Вампирчик, не теряя времени, водрузил на вершину завала фонарь, завернутый в кусок красных полиэтиленовых галифе батьки Козаностра. —Хорошие штаны были”, - подумал батька.

А из-за поворота тем временем выбежал неведомый зверь. Увидев второй фонарь, он дико всхрипнул, помчался было назад, но тут взвилась вверх красная ракета, и в игру вступили ловчие под командованием Фони. Рванувшись назад, зверь прочно и основательно запутался в крупноячеистой сети, которой в отряде пользовались для ловли диких ведмедей. Зверя накрыли второй сетью, углы ее растянули промеж деревьев - для верности. Пойманное существо еще немного побарахталось, сопя, как десяток раздраженных ведмедей; потом, видимо смирившись со своей незавидной долей, затихло. Подбежавший Босевич осветил его фонарем. На округлом зверском боку имела место полустертая надпись:

А Ц Ъ Т О Н Ъ

Дождавшись наступления света, к зверю привели Близнецов. Поглядев на него, Близнецы сказали только:

- Железнодорожная цистерна.

И больше от них ничего не удалось добиться. Чувствовалось, что многое может разъяснить Шаршавый Вампирчик, однако тот предпочитал скромно помалкивать. Когда же стали исследовать зверя на предмет извлечения из него ацетона, выяснилось: весь ацетон вытек через дыру, пробитую в звере Фониной пулей. Фоню обозвали поганым барбидуком и гнусным бабуанцем, после чего отряд двинулся дальше.

Отряд вот уже пятый день пробивался к лабазу, где, по слухам, сохранились еще две канистры с ацетоном. Конечно, капусту можно потрещать и так, но в этом смысле батька Козаностр был консерватором.

- Ты, Шава, того... - не раз говаривал батька начальнику штаба, в то время как Босевич (от слова «босс») подозрительно косился на провинившегося.

И левацкий элемент умолкал.

Свет клонился к середине. Листья капустных деревьев свернулись от жары, бойцы сняли папахи, обмотали головы тряпками и потихоньку дремали в седлах. Шаршавый Вампирчик, тяжело взмахивая крыльями, летел замыкающим. И только несгибаемый батька прямо сидел в седле, крепко обхватив ногами бока ведмеда. Дожевывая четвертинку и глядя в никуда, батька Козаностр предавался воспоминаниям

Нет, кто же все-таки назвал шефа контрразведки Босевичем (от слова «босс»)? Или Фоня?... А, да это же сам батька и придумал - уж больно чудное слово, —бсс"... да бог с ним, с прозвищем, а только Босевич поначалу каким-то странным был. Все про какой-то —рест" лопотал, про —общество" какое-то. Никто его понять не мог, а Близнецы послушали-послушали и тоже как-то чудно залопотали. Выходило, по-ихнему, есть в тайге какой-то —ород", а уж в этом самом —городе" - все остальное: и —общество", и —арест", и еще слова всякие; как у Близнецов языки в узел не завяжутся? В общем, не верилось батьке, что могут в тайге такие слова существовать свободно. Но откуда-то Близнецы их знают?! Батька Козаностр решил убедиться во всем сам - ведь тогда он был еще сравнительно молод и неопытен. Но, услышав про батькину выдумку, Босевич опять заговорил непонятно. Призвали на помощь Близнецов, с их помощью выяснилось: батьке, а вместе с ним и Босевичу, в городе грозит опасность. Связывалось это опять же с загадочными словами —рест" и —общество", а также почему-то с красными полиэтиленовыми галифе батьки. Батька плюнул и велел Босевичу (а заодно и Близнецам) по пустякам впредь умов не мутить, иначе наказаны будут. Вылезал там еще Шавка, было дело, но говорил еще непонятнее, чем Близнецы. За что и был на неделю лишен капустного пайка. А Фоня...

Вспомнить, что было дальше, батька не успел. Спереди, оттуда, где ехали дозорные, послышался крик:

- ЛАБАЗ!!!

По отряду прокатилась волна оживления. Батька пришпорил ведмедя и поскакал на крик.

Среди деревьев в небольшой ложбинке действительно стоял лабаз. Более того, на его дверях красовался здоровенный висячий замок вкупе с табличкой:

- Что за моп твою ять? - удивился прискакавший Босевич.

- А барбидука ее снай!

Тем временем к лабазу подтянулся весь отряд. Последним тяжело спикировал Шаршавый Вампирчик, и началось толковище. Босевич гневно спросил: кто же повесил на двери эту гадость, и что же это такое за безобразие. На это бойцы ответили, что таких штук в отряде отродясь не водилось. Босевич взял было за шкуру Фоню, но вовремя сообразил, что на такую примочку Фоной фантазии явно не достанет. Несмотря на это, отряд уже совсем было собрался приговорить Фоню к лишению капустного пайка на неделю, но вдруг из-за густой листвы послышался издевательский смех. Надо сказать, что в этом месте тайга немного оправилась от последнего Всеобщего Позеленения, поэтому даже слепой различил бы среди оранжевых ветвей трех молодых горбатых, издевательски смеявшихся. Ну конечно, кто же, кроме горбатых, способен на такую подлость, как поддельный лабаз с ехидной табличкой! Батька Козаностр выхватил из-под тулупа свой верный маузер, любовно выращенный им еще в Осиновом логу. Три выстрела слились в один. Горбатые посыпались с веток, как спелая капуста. Босевич,

соскочив с ведмедя, обшарил их заглазники и презрительно плюнул:

- Пусто!

Батька поморщился. Ведь можно же было взять живьем... А теперь вот... с них не то что каликов - зелени вчерашней не вытащишь...

Внезапно батьку осенила одна мысль. Он толкнул ногой Шаршавого Вампирчика, примостившегося рядом на бугорке.

- Тихо! - гаркнул тот. - Батька говорить будет.

Батька Козаностр неторопко сунул маузер за пазуху, поддел большими пальцами лацканы тулупа, оглядел свое воинство - слева направо, потом справа налево - и, наконец, изрек:

- ЗАВТРА - ОБЛАВА!

Воинство с криками —ра!» подбросило вверх шапки. В последнее светлое время рыли ловчие ямы, потом улеглись спать, выставив предварительно дозоры.

Батька Козаностр сидел в штабном блиндаже. Крупный, зрелый фонарь освещал том батькиных мемуаров. В углу, положив под себя одно крыло, а другим укрывшись, храпел Шаршавый Вампирчик. Нет, как ни крути, а Шава - парень неплохой. Начальник штаба из него просто загляденье, и не по-нашему знает...

Но Анфиса...

Стекла батькиных очков затуманились. Анфису он помнил с тех пор, как помнил себя. А уж маузеры она выращивала!.. Вон у Шавки на боку... Батька сам никогда так не мог, чтоб прямо с кобурой.

Анфиса...

Это ж подумать только - горбатые ей сами калики приносили! Да что горбатые - ведмеди и те ее любили. Тот, на котором батька сейчас ездит - ее подарок... Кажется. Оживи она, да пойдешь с отрядом к лабазу - лабаз сам навстречу прискачет. Вот какая она была...

Батька как-то подозрительно хлюпнул носом.

Не упади она тогда в землеройкину нору... Землеройка - она ведь не разбирается: кто да что - пополам перекусит, и вся-кот... ну. Извели их всех потом, шкуры на седла пустили, а толку? Анфису не вернешь...

Голова батькина клонилась все ниже и ниже, в конце концов достигла раскрытого тома мемуаров, и батька Козаностр задремал.

Проснулся он от жуткого крика. Шаршавого Вампирчика в углу уже не было; шелест крыльев доносился снаружи. Рефлекторно выстрелив пару раз в потолок, батька бросился наружу. Лагерь был

взбудоражен. Из блиндажей, палаток, землянок и просто из-под кустов выскакивали полуодетые бойцы и бегали взад-вперед, отчаянно матерясь и стреляя в воздух. Постояв на пороге секунды две и окончательно проснувшись, батька Козаностр гаркнул:

- ТИ-ХХХА!!!

Воцарилась тишина. Откуда-то из-за деревьев выпорхнул Шаршавый Вампирчик, спикировал к порогу батькина блиндажа и, шумно переводя дух, сообщил:

- Босевич пропал!

Толпа удивленно загудела. Мнения высказывались самые разные, но все сходились на том, что калики Босевич любил - отсюда и чудеса всякие. Наконец догадались спросить Шаршавого Вампирчика, который разъяснил: Босевича похитили горбатые.

- А говорил моя ему, не стреляй горбата! - раздался злорадный шепоток Фони. - Дазе калика не дал... сакал.

- На выручку - добровольцы - три шага вперед! - крикнул начштаба. Сквозь толпу протолкались братаны Власовы:

- Мы пойдем! Он нам ишо восемь каликов должен остался. Не пропадать жа добру... - Вслед за ними вызвались еще четверо босевичьих кредиторов, и совсем скоро отряд добровольцев на выручку Босевича выступил.

Прошагав несколько времени, спасатели увидели меж деревьев свет. Все зашикали друг на друга и потихоньку поползли на свет, прячась за спящими ручейниками.

На небольшой полянке, освещенной множеством костров, кипела работа. Горбатые перебежали с места на место, рылись в каких-то ящиках и протирали суконками блестящие, довольно неаппетитного вида железяки. Посреди поляны двое самых здоровых забивали в землю острый занозистый кол в четыре руки толщиной. Трещали костры, лязгало железо, перекликались меж собой горбатые - и над всем этим ужасом парил могучий храп Босевича (от слова «босс»), свисавшего с ветки вниз головой и тем не менее спавшего сном человека с чистой совестью. К груди босевичьей была подвешена дощечка с непонятной надписью:

К
А
З
Ъ
Л
Ъ

Добровольцы принялись совещаться. Немного подумали на тему: что означает загадочная надпись. Братаны Власовы, которым не терпелось получить наконец обратно свои восемь каликов, сказали:

- Круши горбатых! - и вскинули карабины.

- Ну да! Разбудите Босевича - он вам даст! - резонно заметил кто-то из добровольцев.

Братаны Власовы озадаченно притихли. Толковище пошло дальше и пришло к выводу: Босевичу так и так просыпаться, а потому - вперед:

- УРРААА!!!

Отчаянно вопя и паля во все стороны, спасатели ворвались на поляну. Босевич нервно дернулся, икнул, открыл глаза и упал. Тут же костры, горбатые и все прочие - исчезли, как будто и не было их. Разом замолчав и прекратив расход боезапаса, бойцы окружили Босевича. Он же одной рукой протирая глаза, а другой почесывая затылок, изрек:

- Чо вам? Поспать не дадут... бабуанцы гнусные...

- Ты... - только и смог выговорить Шаршавый Вампирчик, а Босевич тем временем продолжал:

- И так все кошмары мучат... лабаз какой-то, горбатые эти... - и Босевич точно вывел генеалогию горбатых, а также гнусных барбидуков, мешающих ему спать

- Ты... опять у Блинецов из котелка отъел?! - кипя негодованием, выдохнул Шаршавый Вампирчик.

- У кого хочу, у того и отъедаю! - отрезал Босевич и вывел точную генеалогию Шаршавого Вампирчика.

- Харя твоя масонская! Жрешь всякую гадость, а нам - твои глюки расхлебывать?! Батка! Покарай!!! - воззвал Шаршавый Вампирчик.

Батка Козаностр поразмыслил и решил, что за такие чудеса Босевич заслуживает лишения капустного пайка на неделю, какую операцию над ним немедля и произвели. Босевич тяжело вздохнул, но выводить точную генеалогию батки Козаностра не посмел, и отряд двинулся к лагерю.

Отряд вот уже пятый день пробивался к лабазу, где, по слухам, сохранились еще две канистры с ацетоном. Конечно, капусту мож-

но потреть и так, но в этом смысле батька Козаностр был консерватором.

- Ты, Шавка, того... - не раз говаривал батька начальнику штаба, в то время как Босевич (от слова «босс») подозрительно косился на провинившегося.

И левацкий элемент умолчал.

Тайга - чем дальше, тем больше - принимала свою первоначальную оранжевую окраску. Следов Всеобщего Позеленения оставалось все меньше, и теперь можно было ожидать чего угодно.

Когда свет начал меркнуть, к батьке Козаностру подъехал Фоя.

- Бачка, так сто бабуансы близко, - доложил он.

- А ты видел, что ли? - недоверчиво спросил Босевич. Общеизвестно: тот, кто встречает барбидуков и бабуанцев - назад не возвращается.

- Не! Сапах есть! - ответил Фоя.

- М-да-а... А барбидуки с ними?

- Не снай... В них сапах нет...

- Ну, вот что. Дальше не пойдем. Привал здесь. Караулы удвоить, и проследи, чтоб каликов не жрали, - распорядился Босевич. Фоя довел директиву до всеобщего сведения; через полчаса лагерь был готов, и все устроились на отдых.

Граф сидел у костра и плотоядно принохивался к осиновой похлебке, которая вот-вот должна была подойти. Наконец желанный миг настал. Граф снял котелок с огня, пристроил его на бугорке, окунул в густое варево ложку, приготовив загодя четвертинку, взятую под совершенно масонские проценты у братанов Власовых...

- Посунься! - послышался из-за плеча ворчливый голос Шавки.

Бесцеремонно отодвинув Графа, он подсел к котелку и запустил в мою кровную похлебку свой уполовник. Дурная его привычка - подходить и жрать без спроса чужую похлебку - была известна всему отряду давно, поэтому Граф промолчал. Да и то сказать - полкотелка начштабу всегда хватало от пуза. Сегодня он явно был не в духе, потому как съел всего три ложки и завел разговор:

- Вот ты, Граф, небось думаешь, умный?

Граф отвечал в том смысле, что да, а если он думает иначе, то нечего с дураком сидеть и потреть почему зря его похлебку.

- Да ладно, ладно, умный ты, Граф, спору нет, а вот кто я такой - ведь не знаешь.

Забираться в генетические дебри было лень, и Граф кратко изложил Шавке свои взгляды на его родословную. Тот, вопреки ожиданиям, не обиделся.

- Дурак ты, Граф, хоть и умный. Я - это ж ты!

- Это как?

- Да вот так: я - это ты, только наоборот. Ты ж меня так и придумал, да забыл.

Против этого возразить было нечего. Граф допил из котелка остатки хлеба и положил под язык четвертинку, а Шаршавый Вампирчик неторопко рассказывал:

- Первое, что помню, - это деревню нашу, Старое Новодьяково, объявление на столбу, - Шавка порылся в защечном мешке и вынул пожелтевший от времени тетрадный листок с надписью химическим карандашом: —ОБВЛЕНИЕ. ОПЧЕСТВЕННОМУ СТАДУ ПОЗАРЕЗ НУЖОН КОЗЕЛ. ЖЕЛАЮЩИЕ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ПРАВЛЕНИЕ.” - И волокет меня за шкуру участковый наш, Ульян Сидорыч. Приволок меня в правление и говорит:

- Чо, масонска харя, тут нюхаш?!

Ну я, понятно, ему - совсем, мол, очумел, старый хрен, какой я тебе масон? И чего тут у вас нюхать, окромя органических удобрений?

А он мне:

- Не масон, говоришь, - а ну, спой —Ивернационал”!

Тут, понимаешь, вконец я дошел.

- Я, - говорю, - тебе не колхозная самодеятельность, и ты мне, козлина гнусный, не районный худсовет!

Ну, меня, понятное дело, в КПЗ. Посадить - посадили, да так и забыли там. Потом уж этот на пенсию вышел, так нового назначили, он на меня посмотрел этак: за что, мол? А ни за что, говорю. Нет, врешь, говорит, чтобы с такой зеленой мордой, и ни за что?! И в город меня отправил. А тамошний начальник...

Эту историю слышал уже весь отряд, а кое-кто (пользующиеся благоволением Шавки) и по нескольку раз. Впрочем, лень Графу было его останавливать, пускай... Он устроился поудобнее, привязал котелок к ноге, чтоб не сперли, помечтал немного о Швейцарии и уснул. Снилось ему: вот попал он, наконец, в Швейцарию. Идет, а на каждом углу - котлы с осиночкой, калики грудями... А он идет и калики ногой откидывает... Тут Шавка откуда-то вырулил, давай калики в мешок собирать. Дурак, Граф-то говорит, это же сон мой, вот проснусь, и нет никаких каликов - одни воспоминания... А он - давай масоном ругаться. За что?

Разбудил Графа резкий звук трубы. Бойцы вокруг неспешно подымались со сна и поддегивали ремни карабинов - чтоб удобнее. Промеж костров шлялась и мутила народ неразлучная тройца: старик Эженыч, Хысь и еще один, с неприличной фамилией. Слухи распускались самые невероятные. Стоя в плотной толпе бойцов, старик Эженыч вещал, восполняя недостаток слов энергическими жестами:

- ... А тут барбидуки на нас ка-ак!.. А мы им - эть!..эть!.. эть!.. И, стало быть, отбились тогда. А счас - не-е... барбидуков так просто не отобьешь - ученые стали. Так что, ребяташки, не отбиться нам таперича. А тогда чего зря каликам пропадать?! Сыпь в кучу! Гулять будем!! Йех!!! - старик Эженыч хлопнул папахой об землю и выкинул замысловатое коленце. Хысь и третий компонент тройцы (который с неприличной фамилией) одобрительно загудели. Однако среди бойцов такой поворот энтузиазма не встретил.

- Ишь чего! - зашумели в три горла братаны Власовы. - Мы, значит, ему свои кровные высыпай, а он, подлюка, жрать будет?!

Бойцы согласно закивали и потихоньку разошлись. Старик Эженыч, досадливо плюнув, пошел в другой конец лагеря. Приятели потянулись за ним. Вскоре с той стороны послышался крик:

- Братцы! Ить барбидуки нынче ученые стали, не отбиться нам! А каликам пропадать?! Сыпь в кучу, йех, гуляй!!!..

Раздался выстрел, и старик Эженыч замолк. Взорам сбежавших предстала такая картина: старик Эженыч лежал на траве и мелко сучил ногами - отходил, а чуть поодаль стоял на бочке Шаршавый Вампирчик с дымящимся маузером в лапе.

- Бойцы! - гаркнул этак, засим, закутавшись в крылья, несколько времени помолчал, дабы до всех дошел глубокий смысл сказанного. Наконец, пальнув из маузера еще раз, продолжил: - Говорю прямо, для многих из нас этот час последний. Дорогу к лабазу нам преградили барбидуки и бабуанцы. Все мы отлично понимаем, что это значит. Эти существа - позор всей тайги и давно должны быть уничтожены. Самим своим существованием они преграждают дорогу к счастью и нам, и всем остальным обитателям тайги. А потому - не пожалеем жизни за правое дело. Ура.

- УРА!!! - закричали бойцы.

Завершив таким образом подготовку к решающей битве, отряд рассыпался в цепь и залег. Старик Эженыч, поднявшись с земли, недоуменно спросил:

- Так я... живой, кажись?

- Живой, живой, - успокоили его. - Шава в воздух стрелял.

Ожидание длилось довольно долго. Вдруг кусты зашевелились, и, вылезши из них, рядом с Графом присел некто в мохнатом свитере.

- Друг! Что, неприятности? Понимаю, ох, понимаю! - и вкрадчивым, задушевым голосом начал вещать о том, как несправедливо устроен сей мир, и как ему хотелось бы его (мир) лучше и справедливее...

Все это настолько совпадало с Графовыми мыслями и желани-ями, что к горлу подкатил комок. Сознание его помутилось...

...и мир с громким, будто после осинового похлебки, треском лопнул.

Очнулся Граф от громкого, резкого хлопка. Человек в свитере корчился на земле; над ним стоял Шаршавый Вампирчик. Маузер его еще дымился.

- Дурак ты, Граф, хоть и умный. Глянь-ка на него!

Граф с ужасом посмотрел на человека в свитере. Лицо его медленно, но верно превращалось в донельзя наглуую и тупую харю, а кисть правой руки - в черную кожаную папку с монограммой: —профО.С.Линский. О больших местах среднестатистического человека.”

- Повезло тебе, Граф, что я успел. Это ж барбидук!

Барбидук с земли затухающим голосом сказал:

- Н-ня-а...

Шавка быстро обернулся и всадил пулю в его лоб. Барбидук затих окончательно, а Шавка вновь обернулся к Графу:

- Говорил же я тебе, идиоту... Ладно, не время сейчас. Вон они.

Над кустарником неподалеку колыхались многочисленные хоругви и транспаранты:

КАПУСТУ ЕШЬ, А ПОЛИТГРАМОТУ - РЕЖЬ!

ЭКСТРАСЕНСОРИКУ - В МАССЫ!

ЧЕМ КАЛИКИ ЖРАТЬ ОТ ЗЕЛЕННОЙ ТОСКИ, НАУКИ ГРАНИТ ЗУБАМИ ГРЫЗИ!

ЭКСТРАСЕНСОРИКУ - ИЗБРАННЫМ!

ПОКА ТЫ ЕШЬ КАПУСТУ С АЦЕТОНОМ - МОГУТ СЛАДКО СПАТЬ МАСОНЫ!

ЭКСТРАСЕНСОРИКУ - НА...

Дальше читать было некогда. Цепи бойцов поднялись и побежали вперед, увлекаемые батькой Козаностром и Шаршавым Вампирчиком, передегивая на ходу затворы и перекладывая поближе ножи. Затрещали выстрелы. Под пулями барбидуки вздрагивали и оседали, словно проколотые надувные игрушки. С их стороны огня

не вели, но тем не менее ряды бойцов тоже ощутимо редели. Вот к человеку с неприличной фамилией скользнул из-за дерева некто, спросил: «Неприятности, браток?» - и тот упал. Так погиб человек с неприличной фамилией. Фамилия ему была - Херц.

Однако бойцы шли вперед, и пули их по-прежнему находили цель. Кончались патроны - в ход шли ножи и шашки. Неуклонным было их движение вперед, и довольно скоро все остановились, почувствовав вдруг громадное облегчение. Да и было отчего: во всей тайге не осталось ни одного барбидука или бабуанца. ДОРОГА К СЧАСТЬЮ - СВОБОДНА.

Батяка Козаностр, по обыкновению, углубился в чашу. Долго сидел он просто так, глядя в небо сквозь оранжевые ветви. Потом, по странной какой-то ассоциации, вспомнил батяка о загадочной болести Босевича (от слова «босс»). Конечно, непонятных слов Босевич уже в разговоре не потреблял, но иногда находило на него что-то - доставал он бережно хранимую красную тряпку. тщательно стирал с нее непонятную надпись и писал новую - не менее непонятную, чем прежняя. Сначала было:

- ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЪТАМЪ!

ПОТОМ:

**- ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЪ,
ЖИТЬ СТАЛО ВЪС ЛЪ!**

а еще потом:

**- ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА
БЫТЬ ЭКОНОМНО!**

и снова:

- ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЪТАМЪ!

Что все это значило, не мог объяснить даже сам Босевич. Надо думать, делал он это в силу некоей, издавна пустившей в нем корни, привычки. Да, бог с ним, с Босевичем, пускай... лишь бы калики в отряде не переводились, да...

Закончить мысль батяка не успел. Промеж деревьев мелькнули неясные тени, отчетливо повеяло резким, незнакомым запахом. Батяка Козаностр вскочил, бросился следом. Погоня длилась довольно долго, но вдруг тени куда-то пропали, а батяка Козаностр обнаружил, что стоит на старых рельсах. Почему-то он сразу понял, что это именно рельсы, и неожиданно ощутил необычайное просветление. Все вокруг было до боли просто и понятно: что такое —железнодорожная цистерна” и —~~ид~~ф контрразведки”, зачем сове-

там власть и почему экономика должна быть экономной, и даже кто такие барбидуки и бабуанцы...

И это было только начало! Вся Вселенная распахнулась перед батькой Козаностром, ничего от него не тая. Просветленно улыбаясь, батька пошел по шпалам. Впереди - ГОРОД. Там хорошо и спокойно, там ждет его Анфиса.

В это же примерно время к Графу подошли Близнецы.

- Граф, - сказали они. - Батька ушел.

- Батька?! Куда?

- Этого мы не знаем. ГОРОД для каждого свой, ведь и СЧАСТЬЕ у каждого свое. Просто на него снизошло ПРОСВЕТЛЕНИЕ, и мы его отпустили. Теперь - ты, Граф.

- Что - я?

- Батька ушел, но отряд без него существовать не может. Поэтому кто-то всегда должен быть батькой Козаностром. Теперь - ты.

- А потом?..

- А потом на тебя снизойдет ПРОСВЕТЛЕНИЕ, ты выйдешь к рельсам и уйдешь в свой ГОРОД; туда, где будешь СЧАСТЛИВ.

Все это в высшей степени устраивало Графа. И он согласился. Действительно, кто-то всегда должен быть батькой Козаностром...

Однако ж позволил себе еще один вопрос:

- А кто он такой?

Близнецы усмехнулись.

- Вот этого мы не знаем. И вообще, Граф, ведь ты сам все это выдумал. Так кому же лучше знать?

Верно, некому. Да и зачем?

... Вы когда-нибудь видели свинью? Я - видел. Она лежала в луже. Светило солнышко, свинья излучала такое довольство жизнью и благожелательство... С тех пор завидую свиньям.

И почему название —**винья**” оскорбительно для человека? Впрочем, если назвать свинью —**человком**”, она обидится. Не верите? Попробуйте.

Свинья мудра. Если ей жарко, она спокойно ложится в лужу, и плевать ей на Вас и Ваше мнение. Вообще свиньи мало внимания обращают на то, что говорят и делают люди. И правильно. Что может сказать или сделать человек? В лучшем случае - обозвать кого-либо —**евиньей**”, не догадываясь в простоте своей, что делает своему ближнему комплимент, которого тот явно недостоин... Да что

там, человек способен даже на то, чтобы разрушить такую вот идиллию: свинья в луже, греет солнышко... А он подойдет - и ногой ее! Зачем? Так, по скудоумию. Или от зависти.

Не верите? Ваше дело...

Отряд вот уже пятый день пробивался к лабазу, где, по слухам, сохранились еще две канистры с ацетоном. Правда, Шавка говорит, что капусту можно потреблять и так, но тут он не прав. Ты, Шава, того...

Но все-таки он парень неплохой, привычно размышлял Граф. Вообще, все они - отличные ребята, и каждый из них станет когда-нибудь батькой Козаностром. Я так думаю - для этого наш отряд в тайге и нужен - ведь каждому хоть раз в жизни нужно побыть батькой Козаностром. Сейчас - я. А потом подойдет срок, батькой станет кто-нибудь другой, а я уйду. Куда?

-А кто б его знал...

1989 г.

КСИОНЖЕК Владислав

СКАЗКА О ФЕЕ

Не выяснено, откуда, как и почему в современный город попала фея. Фея появилась внезапно на улице. Она разгуливала в толпе среди прохожих в немислимом с точки зрения современной моды наряде. На голове у нее был высокий убор, представляющий собой нечто среднее между гусарским кивером и цилиндром, туфельки были из красного сафьяна, а платье было соткано из тончайшей синей парчи, переливающейся в лучах Солнца. За платьем был длинный шлейф, который быстро затоптали снующие взад и вперед прохожие.

Фея долго бродила по городу. На нее никто не обращал внимания. Прохожие спешили по своим делам, изредка останавливаясь и вытирая лоб мокрыми платками. Стояла жара.

Фея устала. Дело клонилось к вечеру, когда она случайно забрела в тенистый парк. Вконец измученная, она присела отдохнуть на скамеечку возле пруда, по которому плавали белые и черные

лебеди. На душе у феи было обидно и горько. Она не подозревала, что в двадцатом веке ее встретят так холодно и неуучтиво. Фея заплакала. Слезы струились по ее щекам и падали на землю, превращаясь в крупные жемчужины.

Случилось так, что в это время в парке гулял молодой человек. Настроение у него тоже было неважное. Свидание, назначенное в парке, не состоялось, назначать новое было уже поздно, - одним словом, вечер был безнадежно испорчен. В кармане у него лежали билеты в кино, и он гулял, дожидаясь начала фильма.

Не знаем, была ли их встреча случайной или она произошла по воле злого рока, но когда молодой человек уже собирался уходить из парка, он прошел мимо пруда.

На скамеечке у пруда он увидел странную девушку. Она была наряжена словно огородное пугало. «Бывает же такое!» - подумал молодой человек. Но вот девушка подняла заплаканные глаза и молодой человек понял, что она удивительно хороша. Повинуясь внутреннему порыву, он подошел к ней.

- Скажите, кто вы? - спросил он, присаживаясь на скамейку.

- Фея, - тихо ответила фея.

- Хорошо, - согласился молодой человек. - Но как вас зовут?

Фея потупила глаза и тихо сказала:

- Пиоа.

- Какое красивое имя! - сказал молодой человек. - Вы разрешите, я буду называть вас Пиолой? Я вижу вы грустите, - продолжал он. - Не хотите ли пойти в кино? У меня билеты на Ромео и Джульетту. Говорят, шикарный итальянский боевик.

- Ромео и Джульетта? - задумалась фея. - Я знала людей с такими именами, но ... они умерли. Я хотела спасти их, но мне помешала злая фея...

Фея вздохнула, и из глаза у нее выкатилась огромная жемчужина.

- Пошли, увидим своими глазами, - сказал молодой человек.

Он бесцеремонно схватил фею за руку и потащил к кинотеатру.

В том мире, откуда пришла фея, с ней никто не обращался так грубо, но фея почему-то не возмутилась. Ей было даже приятно.

Кинотеатр не произвел на фею впечатления. Она привыкла жить в хрустальных дворцах, и старый кирпичный театр с облупившейся штукатуркой показался ей жалким и убогим. Они зашли в зрительный зал, когда уже шел журнал. С трудом нашли два сво-

бодных места и уселись в полной темноте, сопровождаемые шика-
нем зрителей.

- Девушка, - взмолился сзади мужчина, - снимите ваш колпак, я
ничего не вижу!

Фильм сразу захватил фею. Это была ее родная средневековая
Италия. Сильные, неподдельные чувства хлестали в зрителей с
экрана, и фея то и дело замирала, прижимаясь к своему спутнику.

После фильма фея грустила еще больше. Они гуляли вдвоем
по уже темным аллеям парка.

- Жаль, что я не знала тех двоих, - сказала фея. - Их судьба
удивительно похожа на судьбу Ромео и Джульетты, которых я зна-
ла.

- Да, хороший фильм, - согласился молодой человек. - Пом-
нишь, как Монтекки врезал тому типу по голове, а тот...

Фея вздохнула.

Они долго бродили по пустынным аллеям. Накрапывал мелкий
дождик, но на него не обращали внимания. Фея чувствовала, что с
ней творится что-то необыкновенное. Тусклые тени фонарей, хму-
рые деревья, капельки дождика наполнились таинственной преле-
стью. Фея давно забыла, для чего она появилась в двадцатом веке.
Да и знала ли она когда-нибудь?

Они расстались у пруда. Молодой человек хотел проводить ее
домой, но фея не разрешила.

- Завтра в двенадцать, у пруда, - сказал он.

Фея кивнула.

Когда фея осталась одна, она взмахнула волшебной палочкой и
соткала из воздуха на поверхности пруда хрустальный замок. Замок
был прекрасен, как и сама фея. Он струился, переливался, отражал-
ся тысячами хрустальных брызг в воде, но для людей, к сожалению,
был совершенно невидим.

Фея зашла в замок и сладко уснула. Ей снились чудесные сны,
главную роль в которых играл молодой человек, с которым она гу-
ляла по парку. Их свидание продолжалось во сне. Они порхали
словно розовые мотыльки по волшебным голубым грезам. Сквозь
сон фея подумала, что как бы не проспаться на завтрашнее свидание,
что впрочем было совершенно невозможно, так как замок был про-
зрачен и первые лучи солнца должны были разбудить фею.

В полночь, когда Пиола сладко спала, в парке материализова-
лась вторая фея. Это была злая фея ночи. Она была вся черная, как
смоль, - от макушки и до края подошв: черные волосы, черная
одежда, черная вуаль. Волосы у нее были украшены черными са-

моцветами. Это была очень злая фея. Она давно поклялась погубить Пиолу. Она уже знала, что Пиола влюбилась в молодого человека (злые волшебники оказываются всегда хорошо осведомленными), и в голове у нее созрел коварный план.

Фея подошла к пруду. Невольно она залюбовалась хрустальным дворцом. Самой ей, как фее ночи, полагалось жить в полуразрушенных средневековых замках. Ни о каких удобствах там говорить не приходилось.

Но вот фея вспомнила о цели своего посещения. В руке у нее появился сифончик, она обошла вокруг замка и старательно покрыла его стены и крышу слоем черной краски. Замок стал темным и непрозрачным. Фея осмотрела плоды своего труда и осталась довольна. «Теперь Пиола наверняка проспит и опоздает на свидание», - подумала она. Усмехнувшись, она растаяла.

На следующее утро, ровно в двенадцать часов молодой человек занял позицию между прудом и садовой скамейкой. Несмотря на жару он был одет в свой лучший парадный костюм, при галстукке, в руках он держал пышный букет. Он провел беспокойную ночь. Он долго анализировал свои ощущения и наконец понял, что влюбился. Сначала он просто удивился, но потом расстроился. Такого с ним еще не бывало. От любви, как он знал, бывают одни неприятности.

Молодой человек посмотрел на часы. Было пять минут первого. Пиола опаздывала. От нечего делать он начал ходить по берегу пруда. Ждать никому никогда не доставляет удовольствия, но хуже всего ждать девушку, которая опаздывает на свидание. В центре пруда молодой человек увидел серое пятно. Пятно было довольно необычное, оно просвечивало на Солнце и походило по форме на готический замок. Постепенно, по мере того, как краска сходила под лучами Солнца, пятно светлело. Но молодой человек не был настроен рассматривать пятна. Было уже четверть первого, а фея еще не пришла. Он был возмущен, был обманут в лучших чувствах. Но вдруг одно обстоятельство отвлекло его внимание. По аллее к пруду приближалась странная девушка. Это была жгучая брюнетка. Она была одета в черный облегающий костюм и красоты была необыкновенной. По красоте ее можно было сравнить разве только с Пиолой.

Девушка приближалась прямо к молодому человеку.

- Скажите, пожалуйста, который час? - спросила она его.

- Восемнадцать минут первого, - ответил молодой человек. - Восемнадцать секунд, - добавил он.

- Ах, какая жалость! - сказала девушка. - Я тут договорилась встретиться с одним человеком, но он наверно уже ушел. - Она испытывающе посмотрела на молодого человека. - Впрочем, вы могли бы заменить его. Но вы наверно заняты?

Молодой человек как зачарованный смотрел на черноволосую красавицу. Было в ее красоте что-то зловещее. Это была порочная, извращенная, но неотразимая красота. Воспоминание о Пиоле поблекло в его памяти.

- Нет, нет, я к вашим услугам, - сказал он и протянул ей букет цветов.

Девушка улыбнулась, взяла его за руку и мягко потащила к скамейке, к той самой скамейке, на которой он впервые увидел Пиолу. Молодой человек почувствовал, что красавица обладает незаурядной силой.

- Обними меня, - шепнула она ему, когда они уселись на скамейку.

- Что вы, как можно? - прошептал молодой человек. - Тут кругом люди.

Но девушка придвинулась, и он ощутил ее горячее дыхание.

- Нет, нет, - прошептал он, чувствуя, что теряет над собой контроль. Через секунду он начал ее целовать.

До него не сразу дошло, что он целует пустоту. Девушка исчезла. Лишь из пустоты раздался обжигающий душу хохот, да на траве остались цветы.

Молодой человек сидел на скамейке совершенно сбитый с толку. В его голове не укладывалось, что над ним могли так глупо подшутить.

Так он сидел бы долго, если бы не увидел Пиолу.

Фея села на скамейку. Некоторое время они молчали. Потом фея тихо сказала:

- Я все видела. Злая фея покрыла мой замок черной краской для того, чтобы я проспала, но краска растаяла, и я все видела. Ты целовался с феей ночи.

Молодой человек молчал.

- Ты меня не любишь, - сказала фея.

- Что ты! - очнулся молодой человек. - Конечно люблю.

- Но ведь ты целовался с другой, - сказала фея.

Молодой человек молчал. Он лихорадочно придумывал, что бы такое сказать фее, но в голову не приходило ничего путного. Наваждение с него спало, и он страшно боялся потерять Пиолу. Наконец, он придумал, что сказать.

- Ну и что с того, что я целовал ее? - сказал он. - Это нисколько не мешает мне любить тебя. Ты слыхала про свободную любовь? Ее я целовал просто так, точно так же я мог бы поцеловать любую женщину города. Между прочим, ты сама виновата. Если бы ты не опоздала на свидание, мне не пришлось бы целовать другую фею.

- Ты мог бы поцеловать любую женщину? - тихо спросила фея.

- Да! - с вызовом ответил молодой человек. - И не вижу в этом ничего дурного.

Фея молчала долго, очень долго. Потом она сказала:

- Я люблю тебя. Я не хочу делить тебя с другими женщинами. Пожалуй, я знаю, что мне нужно делать. Я растворюсь, перестану существовать, а частичка моей души перейдет каждой женщине города. В каждом знакомстве ты будешь встречаться со мной снова. - Так фея сказала, улыбнулась и... исчезла. Только красная сафьяновая туфелька осталось на травке, как это и положено в сказках.

С тех пор прошло много времени. Фея больше нигде не появлялась. Никто о ней не вспоминает, и только один человек не может успокоиться. Он уже немолод. На работе его уважают, но все сходятся на том, что у него есть одна странность. Он не может равнодушно смотреть на женщин. В каждой женщине ему чудится фея. Сотрудницы вздыхают и говорят, что ему пора жениться. И он женился, и не раз, но каждый раз его тянуло из дома. Он еще не потерял надежды найти свою фею.

КОЛОТВИН Валерий

МИР НА ХОЛСТЕ

Сны настигали его под утро. Настигали, как преследователь настигает жертву. Они терзали его душу, переворачивали все его существо, эти рваные обрывки страшного бреда или прекрасной мечты. Нет, это были не просто сны, пусть даже яркие и цветные, нет, это были целые куски чьей-то жизни, смонтированные в необъяснимой последовательности. И так все в них было объемно, глубоко и до удивления реально, что он, подброшенный неистощимым зарядом эмоций, который они несли в себе, вскакивал с постели и бросался к мольберту. Работать! Работать! Работать! Он изма-

тывал себя, выкладывался весь, до конца, пытаясь передать на грубой поверхности холста хотя бы осколок того прекрасного, что все еще жило и трепетало в нем. Все в эти минуты было против него: и непослушная кисть, и краски с их блеклыми и такими ненатуральными тонами, но больше всего формы - расплывающиеся, непослушные, никак не желающие укладываться в те границы, которые он стремился им определить. Он боролся, ломал сопротивление

Рис. В. Колотвина

материала, ломал с трудом, с болью, в каждом мазке оставляя кровь своего сердца, свои силы, свою жизнь. И материал отступал, ломался, подчинялся его воле. Но лишь на время. Все начиналось сначала буквально через мгновения. Восторг удачи сменялся отчаянием. Злость, негодование охватывали его, и он снова бросался в бой, уже чувствуя, как силы покидают его, как подкашиваются ноги. Эта

смертельная схватка кончалась только тогда, когда он уже валился с ног, не в силах больше держать кисть в руках. Но и враг его, к тому времени тоже обессиленный, затихал. И он, добывая его, накладывал последний завершающий мазок, падал на подушку и проваливался в небытие. И только днем, проснувшись от яркого света или шума улиц большого города, он, боясь увидеть и разочароваться, не глядя подкрадывался к картине. На него, живой и реальный до мельчайших подробностей, благоухающий свежей, еще не высохшей краской, глядел, глубоко врезанный в холст, огромный блистающий мир.

Когда взошла луна, Хрящ, наконец, понял, где он находится. Это были районы старого центра, лет тридцать назад затопленные болотом и сравнительно недавно оставленные им. Мостовая, сплошь покрытая сероватым илистым налетом, потрескавшиеся стены с бугорчатыми наростами и то тут, то там пересекающие улицу примерно на уровне второго этажа, проросшие сквозь здания уродливые решетки «структур». Влажный голубоватый сумрак испарений. Опасное место. Хрящ работал здесь два года назад, почти сразу после того, как отступило болото. Они шли тогда по этим улицам небольшими группами на специально оборудованных машинах, по три машины в группе, соблюдали массу предосторожностей, держали постоянную связь с центром, но без жертв все же не обошлось. Одна из групп была полностью накрыта перестраивающейся «структурой». Первая машина четвертой группы попала в «плывун», чудом спасся лишь водитель, успевший выпрыгнуть в открытый люк. Двое исследователей и один оперативник провалились в неожиданно открывшуюся «устьицу». А мало ли было гораздо менее значительных случаев. Теперь здесь было, конечно, куда спокойней. Давно ушли отсюда вслед за отступающим болотом все эти «палочники», «травники», «тритоны». Давно уже разрядившиеся бугровики бессильно свисали со стен. Давно уже закончилась перестройка подсохших почерневших «структур». Но и сейчас еще можно было напороться здесь на внезапно появившегося откуда ни возьмись «слизняк» или попасть в струю горячего газа, вырвавшегося из до сих пор действующих «артерий», можно было и просто бесследно исчезнуть в одном из многочисленных «проросших» домов.

Хрящ снял с предохранителя автомат и толкнул дверцу бронетранспортера. Вокруг стояла мертвая тишина, и его шаги прозвучали в узкой щели заброшенной улицы, как винтовочные выстрелы.

Отойдя на несколько метров, он остановился. Темные дома смотрели на него пустыми глазницами окон. Где-то невдалеке что-то осыпалось. Хрящ вздрогнул.

Так, - подумал он, - что мы сейчас сделаем? Во-первых, можно сообщить по радиии в центр, чтобы за мной вылетели на вертолете, и ждать, но «тарелка» все еще зените, вертолет может попасть в зону помех, а из этого ничего хорошего для вертолета не получится. Центр не станет рисковать людьми и вертолетом. «Тарелка» проторчит в зените еще дня два, так что выбираться мне придется самому. А выбираться самому - это значит, что эту ночь мне здесь придется провести в любом случае. По ночам здесь пусть выбирается кто угодно, только не я. Остается только решить - просидеть до рассвета, закрывшись в бронетранспортере, или найти «не проросший» дом. Ночевать в бронетранспортере, конечно, удовольствие небольшое, но все же лучше, чем в заброшенном доме. Однако если принять во внимание то, что такая масса металла, как бронетранспортер, не может не интересовать «слизняк», то лучше все-таки заброшенный дом.

«Не проросший» дом он нашел через полчаса на самом краю квартала. Это было трехэтажное массивное здание, когда-то, вероятно, занятое какой-нибудь конторой или чем-либо в этом же роде. Вся внутренняя обстановка сохранилась в том виде, в каком она была оставлена второпях тридцать лет тому назад. Все эти заляпаные чернилами письменные столы с неизменными календарями, прижатые овальными стеклами, тяжелые шкафы с распахнутыми дверцами, громоздкие сейфы, печатные машинки, стройные шеренги стульев в приемных. Хрящ устроился на диване в холле второго этажа. Повесил автомат на подлокотник, расстегнул комбинезон, с трудом стянув тяжелые башмаки, придвинул поближе журнальный столик и занялся ужином. В пищевом пакете было две банки консервированной каши с бараниной, две банки консервированного борща, которым он решил заменить салат, две банки концентрированного кофе, который, к сожалению, нечем было развести, и две пачки средней окаменелости сухарей.

Каша, впрочем, была совсем не дурна. Покончив с ужином и стряхнув со стола крошки, он улегся на диване и, заложив руки за голову, стал думать. Спать почти не хотелось. Ныло в затылке от недавнего удара. Но боль не была острой и не слишком беспокоила. Мысли приходили в голову спокойные, умиротворенные. Не хотелось думать ни о работе, ни об опасности, ни о том, что завтра придется отсюда выбираться. Он вспоминал первые свои годы, когда

он еще не был оперативником, а был просто лаборантом, разносил бумаги по лабораториям, помогал таскать тяжести, усердно бил дефицитные колбы и тайно вздыхал по лаборантке Кларе. Он думал о том, что Валидол снова ходит по институту со значительной физиономией, постоянно с кем-то шушукается, опасливо оглядываясь на проходящих мимо, и вообще всем своим видом старается показать, что занят чем-то необыкновенно важным и таинственным. Его, наверное, вскоре снова придется вытаскивать из какой-нибудь дурацкой истории. Он думал о том, что недавно в издательстве «Хранилище знания» вышла новая монография Мурасаки «Некоторые малоизученные аспекты психологии и этнографии разумных брюханов и других народов Болота» и что неплохо бы выпросить у него на время авторский экземпляр, а после как-нибудь поспорить с ним с глаза на глаз. Он думал...

Над огромной, бескрайней равниной полыхало зарево. Алое зарево разметалось над равниной, как крылья окровавленной птицы. Времени не было, была вечность. Вечность густая и тягучая, как смола. Как прозрачная янтарная смола сосен. И во всей вселенной не было ничего, кроме бесконечной равнины вечности, зарева и маленького человека. Он шел за заревом всегда. Оно было прекрасно и таинственно, оно манило, звало и пело. Он шел, шел, оставляя за собой цепочку следов, которая начиналась в неизвестности и нигде не кончалась.

Никто и никогда не встретился ему в пути. Никто и не мог ему встретиться. Некому было его согреть, потому что нет в вечной бесконечности тепла и нет в ней света. Лишь алое зарево, как крылья окровавленной птицы. Ни один звук не нарушает глухой тишины и не может ее нарушить. Лишь зов тайны звучит в безмолвном пространстве.

В эту ночь брюханы уходили с Северных островов. Уходили поспешно, бросая норы, запасы киселя и совсем свежие только что начинающие созревать плантации. Уходили потому, что болото вокруг островов начало «закипать». Это было еще под вечер. Вначале оно сплошь покрылось густой рябью, потом со дна стали подниматься комки слизи. Они расплывались на поверхности, образуя причудливые маслянистые пятна, и на их месте болото начинало вспучиваться, волноваться и, наконец, выбрасывало вверх извивающиеся скользкие выросты. К заходу солнца архипелаг был уже полностью окружен шевелящимися, непрерывно тянущимися к

небу джунглями. А когда зашло солнце, все, кто собрался на берегу, увидели, как постоянно висевший в воздухе голубоватый туман начал уплотняться вокруг выростов и слабо засветился. И тогда Вещий сказал: «Мы жили на этих островах с тех пор, как существует мир. Мы выращивали здесь пищу и добывали ее в лоне Жидкой праматери. Мы хоронили здесь предков и пестовали детей. Бесчисленное количество раз всходило над этими островами солнце и бесчисленное количество раз оно опускалось. Бесчисленное количество поколений сменилось здесь. Но все имеет свой конец. Сейчас мы увидим конец наших жилищ. Так угодно Жидкой праматери. Мы ее дети, и не нам противиться тому, что предназначено. И мы должны уйти.»

После этого все до единого брюханы снялись с насиженных мест и двинулись в поход. Они шли через волнуемое болото, сквозь сгущающийся туман, пробираясь между шевелящимися выростами, пока не вышли на свободное пространство, пока не остались далеко позади их острова, окруженные шевелящейся стеной. Тогда они остановились и оглянулись. Они увидели, как вспучился на том месте, где они еще совсем недавно ели, спали, играли, огромный опутанный фосфоресцирующими лохмотьями пузырь и как он медленно опал, накрыв собой все, что двигалось и копошилось под ним, оставив на своем месте ровную и гладкую, как стол, поверхность, над которой еще некоторое время носились взбудораженными смерчами сгустки тумана.

Хрящ проснулся от грохота вертолета. Уже одеваясь и шаря в потемках в поисках рюкзака, он понял, что вертолет этот никак не может быть прислан специально за ним. Во-первых, где он сейчас находится - не может знать в институте ни одна душа, он сам с трудом представлял себе, как сюда попал. Во-вторых, кто бы стал сейчас так из-за него рисковать. Нет, это явно не за ним. И, конечно, это не оперативники и не исследователи, те по ночам не работают, и уж, конечно, это не служба безопасности, которой в этом районе делать совершенно нечего. Можно было биться об заклад, что этот вертолет не мог принадлежать ни одной из трех организаций, официально пользующихся воздушным транспортом, если это вообще был вертолет.

СМЕРТЬ ЭЗОПА

ИЗ ЦИКЛА «МИНИАТЮРЫ»

Сидели мы как-то жарким днем у ручья, кушали сэндвичи (бургеры, гамбургеры, хлеб с маслом), запивая зельтерской (боржом, минводы, пиво), и пастораль наша была светла. Так нет же, прибежал тип, без штанов, с мохнатыми ногами, при галстукке «от Ле Монти», с диктофоном, крикнул: «Великий Эзоп умер! Что вы на это скажете», - и ткнул нам под нос микрофон. И тут мы ка-а-к сказали...

Великий Эзоп не умер. Великий Эзоп только родился. Он каждый раз рождается тогда, когда люди в своем слепом безумии считают, что уже сделали, познали и сказали все, что только можно было сделать, познать и сказать. Он победно кричит, продираясь сквозь материнское лоно, плюет во все стороны и хохочет как ненормальный, напяливая на себя рабский ошейник. Он свистит в два пальца и говорит нам: «Смейтесь, смейтесь над собой - умные, серьезные, жадные дураки. Вы облезли от скуки и одиночества и придумали себе духовность на досуге. У вас скоро отсохнут языки болтать о злонравии и безумии рытья ям и подпиливания суков, в то время как ваши руки неустанно заняты и тем и другим. Вы рассуждаете о далеких и заманчивых горизонтах, обнеся себя высокой оградой и уткнувшись носом в миску с похлебкой. Вы... Смеетесь, хохочите, надрываясь, и пукаете...»

Впрочем - нет. Он выйдет весь в белом, строгий, умытый, мудрый, и скажет: «В последнее время отчетливо прослеживаются обнадеживающие тенденции: высокоразвитые технологии, увеличивается процент интеллектуалов в правительствах, довольно многие вспомнили о необходимости религиозного воспитания и комплексных подходах в педагогике. А экологические программы?» - И пойдет раскладывать перед почтеннейшей публикой страницы пухлых меморандумов. И вдруг весь как-то сморщится и заплачет.

Как вы думаете? А?

А в газете «Античные огни» напечатают: «Смерть Великого Эзопа носила явно провокационный и скандальный характер. Что ж, может быть это чему-то научит усопшего».

ИЗ КОСМИЧЕСКИХ ОЗАРЕНИЙ

(читать монотонным голосом)

1

Лязгнули дейтролитовые заслонки ядерного реактора. Медленно выдвигались графитовые стержни. Любимица всего корабля, шимпанзе Чичи, жертвуя своей жизнью, кинулась на них, вдвинула обратно и спасла корабль от неминуемой гибели. Капитан с застывшим от горя лицом вытащил бластер и, сокращая мучения бедного животного, снёс ему голову. Хладнокровные киберы под рыдания всего экипажа медленно вложили тело страдальцы в свинцовый гроб, и под звуки обожаемого Чичи джаза гроб был передан космосу. Команда с замирающим сердцем следила, как гроб, медленно вращаясь, удалялся от корабля.

-Не надо плакать, - сказал капитан, глотая слёзы. - Все там будем.

Склянки весело прозвонили к обеду.

2

Шквал Ветров, вцепившись зубами в утёс, подтянулся на мощной шее и, перебросив ноги наверх, поднялся во весь богатырский рост. Перед ним была страшная и ужасная пещера. Пространство перед пещерой было усыпано костями инопланетных пришельцев. Раздался дикий рёв потревоженного Силибрайского Камнемета. Угрожающе шевеля ушами, тот положил на хвостик камешек и швырнул его в Шквала Ветрова. Раздался свист рассекаемого воздуха. Трёхтонная глыба пронеслась у него над головой, слегка растрепав русые кудри.

-Нас этим не возьмешь, - сказал Шквал Ветров и ударил Камнемета в челюсть.

Лапы издыхающего животного судорожно забились в воздухе, из пасти засочилась страшная каракатная эмульсия.

Тряхнув кудрями, Шквал Ветров перешагнул через труп, проник в пещеру.

В лицо его пахнул тёплый и затхлый запах цианистого калия.

-Я займу это место по праву сильного, - донеслось из пещеры.

Через два часа взошедшее светило осветило идиллическую картину. Жизнерадостная стайка молодых камнеметиков, беззаботно повизгивая, обедала филейные части Шквала Ветрова.

Батискаф медленно опускался на дно Марианской впадины. В свете прожектора на миг возникло гигантское тело в блестящем панцире.

- Вот он, - сказал штурман и включил наружные динамики.

- Здравствуй, брат по разуму! - взвыли они в толщу океана.

Брат по разуму, услышав зов, подплыл к батискафу и перерезал трос длинными ножницами.

Батискаф медленно опускался на дно Марианской впадины.

И долго звучал ещё в толще воды ехидный смех пришельца.

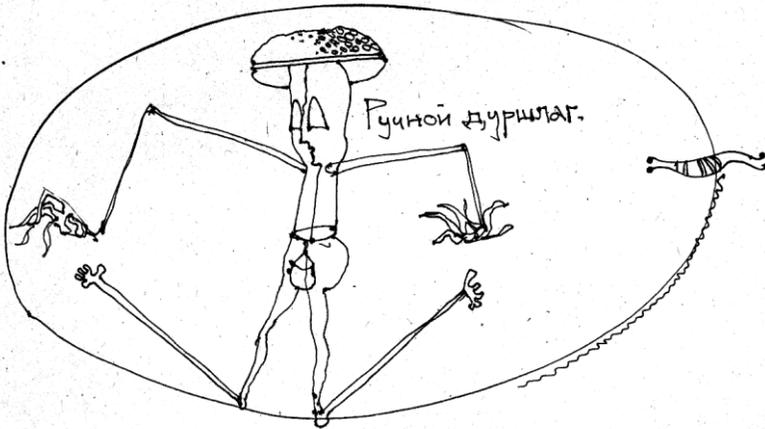

Рис. В. Колотвина

Аквалангист, медленно шевеля ластами, шел ко дну. Золотые рыбки сновали у него перед носом. Вот уже и коралловый риф остался позади. Чудесная полянка, заросшая ламинарией, манила его к себе. Раздвигая руками длинные красноватые стебли, он плыл вперед. Длинная цистерна, отливая свинцовым блеском, лежала на дне. Течение тихонько колыхало тоненький нейлоновый шнурок, тянущийся из-под неё. Металлический голос вкрадчиво произнёс:

- Дёрни, землянин, за верёвочку, люк и откроется.

Аквалангист и дёрнул.

Луна равнодушно серебрила гладкую поверхность океана. Из таинственных глубин, нежно флуоресцируя, всплыл радиоактивный аквалангист. Рядом, поблёскивая белёсыми животами, покачивались золотые рыбки.

Было тихо.

—Дбро пожаловать!» - гласил транспорт, висающий над люком. Пришелец, осторожно шевеля щупальцами, вполз в тамбур.

Капитан корабля Удар Влобов дружески пожал его осязалище. Дорогого и долгожданного гостя пригласили в персональную каюту отдохнуть после долгой и трудной дороги.

Сложив свои щупальца над головой, пришелец с комфортом расположился на дорогом шамаханском ковре и погрузился в нирвану.

Утром пришелец в отличном настроении открыл дверь. Маленький гаечный ключик на семьдесят (полуметровой длины), описав в воздухе крутую параболу, с глухим стуком вошел в контакт с головой дорогого и долгожданного гостя.

Тот охнул и скончался.

Никто так и не понял, почему штурмана все похороны душил идиотский смех.

Пионер Петя Терещенко шёл по улице. А навстречу ему шёл инопланетянин, который направлялся к своему кораблю, стоявшему на опушке леса, в руках он нёс большую и тяжёлую сумку.

-Почему бы не помочь престарелому гуманоиду? - подумал пионер и тимуровец Петя Терещенко.

-Дяденька, позвольте мне донести вашу сумочку? - вежливо сказал Петя, протирая очки.

И донёс примерный мальчик сумочку инопланетянина до самого корабля.

-Отойди, - сказал пришелец. - Разве ты не видишь, что мой корабль готовится к старту на геоцентрическую орбиту.

-Не отойду, - ответил Петя Терещенко, воспитанный в лучших традициях нездоровых сенсаций писателя Казанцева.

-Ну, и не надо, - донеслось из люка. - Прощай любознательный пионер Петя Терещенко.

И долго ещё над местом старта стоял щит с надписью:

—ОУСНО! РАДИАЦИЯ !!!»

-Средство, - зашептал кто-то в углу, сверкая глазами.

-Да ну, - усомнился чей-то пропитой голос.

-А третий-то кто? - не разобравшись в сути вопроса, озабоченно осведомились из темноты.

-Ты будешь.

Чей-то красный нос приблизился к бутылке с этикеткой «ЯДЪ». Прямо под зловещим словом было подписано — «Эликсир Молодости».

-Это что ж, значить, выпьешь - и весь цирроз как рукой снимет?

Послышалось звяканье стаканов, забулькал разливаемый эликсир.

Три розовых эмбриона весело плескались в лужице спирта. Благоухал чеснок.

8

Большая стая НЛО летела над землей. Молоденькое, слабенькое НЛО отбилась от стаи и, из последних сил работая антигравитатором, опустилось во дворе гражданки Щеевой.

-Фулиганьё, - предвкушая расправу, завизжала гражданка Щеева. И схватив побывавшую во многих сражениях метлу, зашипела:

-Кыш, кыш, проклятое!

НЛО, оцетинившись, бочком отбежало к ограде. Лихорадочно производя замеры интеллекта исследуемого объекта, НЛО установило, что существо действует чисто инстинктивно. «Флора или фауна», - терзали сомнения неопытное НЛО.

В это время гражданка Щеева, обнаглев, схватила бедное НЛО за антенну и радостно воскликнула:

-Пошли в милицию!

Но НЛО, оправившись от потрясения, истерически заржало и, сунув бедную женщину в контейнер, понеслось догонять свою стаю.

-Христом богом прошу, отпусти, - забилась в истерике гражданка Щеева.

-Пожалуйста, - ответило НЛО, открывая люк.

И воцарилась в деревне тишь да гладь, да божья благодать.

9

Все уже собрались и кровожадно ждали представления.

-Наконец-то, - сказал председатель Совета, перекрывая шум толпы под окном, жаждавшей хлеба и зрелищ.

Подопытный вышел на площадку нуль-передатчика и, роняя слёзы, сказал:

-Не поминайте лихом.

В соседнем здании уже всё было готово к приему подопытного.

-С богом, - произнёс председатель, нажимая кнопку.

На площадке нуль-передатчика остались белые тапочки подопытного.

Зазвонил телефон прямой связи с зданием, где был установлен нуль-приемник, и чей-то голос осведомился:

-Скоро вы там?

-Он уже в пути, - ответил председатель.

И увидел подопытный звезду Бетельгейзе.

10

Они уже долго шли под палящим солнцем, утопая по щиколотку в горячем сиреновом песке. Муки голода терзали бедных путешественников. Осточертившие бластеры тяжело болтались на поясах. Первым не выдержал штурман. Он упал на песок и прохрипел:

-Оставьте меня здесь, иначе вам не дойти.

-Хорошо... сделаем привал, - обливаясь потом, сказал капитан.

Все расположились в тени стоявшей неподалёку скалы.

Собрав последние силы и ничего никому не сказав, бортмеханик скрылся за барханом.

Когда капитан очнулся после голодного обморока, то увидел, что бортмеханик радостно бежит к скале, держа на плече обгорелую тушку какого-то животного. Началась трапеза.

Неожиданно из-за ближайшего холма показалась группа туземцев, возбужденно размахивая копьями.

-Что-то тут не так, - сказал капитан, - не нравятся мне эти аборигены.

-Не нравятся - не ешь! -огрызнулся бортмеханик, облизывая пальцы.

11

В Научно-Исследовательском Институте Времени готовился запуск путешественника в глубокое прошлое, что-то около семидесяти миллионов лет.

Машина времени, поблёскивая всеми своими бессмысленными рычажками, кнопками и шарами времяприемников и конденсаторами времязрядников, мелко тряслась на постаменте. С жизнерадостной улыбкой человека, садящегося на электрический стул, отважный исследователь, незаметно сунув в карман подкову на счастье, вскочил в седло аппарата, крутанул штурвал, выжал сцепление и растаял в воздухе,

-Теперь мы выясним, откуда в помете динозавра взялась подкова, - промолвил седой профессор с благообразной внешностью.

-Я вам докажу, что никакого парадокса не было и не будет! - вскричал Пьян Жлобов, вскакивая в седло машины времени и тая в воздухе.

И вот он уже вступает в жилище древних, освещенное гаснущим костром. Какое-то существо, обросшее грязной и свалывшейся на боках шерстью, поднялось ему навстречу.

-Предок? - деловито осведомился Пьян Жлобов.

-Предок, - растерянно ответило существо.

-Тебя-то мне и надо, - разряжая бластер, удовлетворенно проговорил Жлобов.

И долго еще призрак отчаянного естествоиспытателя пугал студентов в лаборатории времени.

Я живу в телефонной трубке. Мне здесь хорошо. Здесь очень интересно, я все про всех знаю, но я не знаю, где находится этот аппарат. Очевидно, в очень нехорошем месте. Уже одиннадцать человек сменилось здесь, и мне пришлось их заложить. Вот сидит двенадцатый и тоже говорит нехорошие вещи, и я, как всегда, записываю. Скоро мне придётся заложить и его. О, какое несчастье, телефон сломался, и он выкинул его в мусорную корзину. Но мне везет: он говорит громким голосом, и я опять могу записывать. О-о-о, катастрофа, меня выкинули на свалку. Но это не страшно, я могу ждать вечно, и, когда меня найдут, я всё равно на него донесу.

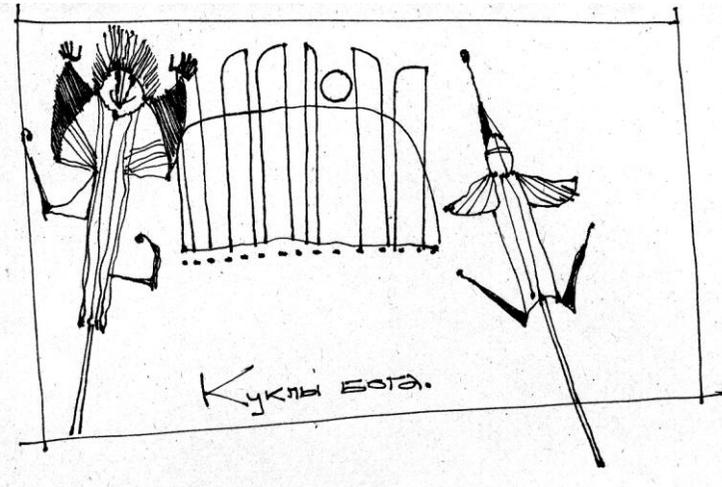
Всемирная телепатия вошла в быт, все были довольны. —Теперь войны невозможны!» - надрывались радиоприемники. Но в этот момент противоборствующие державы, прочитав мысли друг друга, решили нанести опережающий удар.

Прошло время, и на планете появился ритуал нажатия главной кнопки и взрыва термоядерной бомбы, во время которого шаман, гремя бубном, рушил с подручными строения и наносил факелом тяжелые ожоги. По-прежнему оставался обряд соблюдения границ. Огромные толпы собирались у демаркационной линии и кидались камнями, всячески оскорбляя друг друга. Уцелели обряды геноцида и расовой дискриминации; ходили слухи, что где-то возродился обряд людоедства и концлагеря.

И все эти обряды и ритуалы в целом назывались «Обрядом Великой Цивилизации».

Машина времени, ошетилившись теле- и кинообъективами, вынырнула из подпространства 16 февраля 1600 года на площади Цветов в Риме.

Все было готово к процедуре очищения еретика. Толпа ликовала. На сцену вышел Церковный суд в полном составе. Кинооператор зарядил плёнку и приготовился к съемке. Но в это время в

Рис. В. Колотвина

машине с громким хлопком сгорел синхронизатор частоты, и она предстала перед собравшимися во всей своей красе. Толпа с испугом бросилась врассыпную, Церковный суд в полном составе забился под помост.

-Ерунда, - сказал режиссер, и из машины, как горох, посыпались статисты.

Через полчаса площадь вновь заполнилась толпой.

-Что вы там копаетесь? - заорал режиссер с судейского места.

- Мы будем снимать фильм или не будем?

Помощник режиссера приблизился к помосту и хладнокровно поднес факел.

После проявления и просмотра отснятой пленки режиссер покачал головой и произнес:

-Мало реализма. Придется снимать в павильоне.

Ем, ем, ем... Давлюсь, давлюсь, давлюсь... Но никак не могу остановиться. Ням, ням, ням, как вкусно и возможно питательно, всегда бы так. Я выдалбливаю костный мозг и с трепетным наслаждением высасываю его. Куски сочного мяса так и проскальзывают внутрь. Жир стекает по подбородку, я вытираю его рукой, облизываю пальцы и продолжаю есть, есть, есть... Я обгладываю последнее ребрышко. Как жаль, что нельзя съесть и ботинок.

И почему он такой вкусный, этот одноногий пришелец?

(Из миров Скептика)

Он шел к станции: бомбы, бомбы, бомбы. Лавовое озеро: бомбы, бомбы, бомбы. Джунгли: змеи, огнемёты, бомбы. Чудовища: бах, бах, бах; бомбы, бомбы, бомбы. Скалистый каньон: бомбы, бомбы, бомбы. Синий колышущийся студень: бомбы, бомбы, бомбы. Глебов. Лицом в грязь. Носом по грязи: бомбы, бомбы, бомбы. Грязь в карманах: бомбы, бомбы, бомбы. Грязь за шиворотом: бомбы, бомбы, бомбы. Грязь - бомбы, грязь - бомбы и снова бомбы. Песчаный вал: мины, взрывпакеты, бомбы. Последние метры: БОМБА. Удар каратэ, бомба отлетает далеко-далеко. Распахнутый люк. Огромная корабельная швабра с грохотом обрушивается ему на голову. Мозги тонкой стружкой бегут по ушам.

В тамбуре дружно ржет экипаж.

(Из миров Генератора)

Стапеля, стапеля, стапеля. Ускорение, ускорение, ускорение. Лязг, лязг, лязг. Дрыг-дыг-дыг. Не заводится. Др-р-рыг. Завелось. —Поехали!- Главный взмахнул рукой, статисты с воем расступились. С воинственным криком: "Бей их!" - Главный, окружённый роем, вошёл в атмосферу.

—Разум близко, разум рядом. Я чувствую его. Не забыть бы ввести передатчик в мыслящий орган разумного», - думал он.

Вытянувшись в струнку и выпустив хоботок, Главный вонзился в филейную часть гуманоида.

Басалаев хлопнул себя и схватил огромного рыжего комара.

—Нетвы посмотрите какой здоровенный", - сказал он и бросил Главного в костер.

Радостно захихикала Галочка.

Потом они рубали тушенку, пили чай с душицей, болтали о пустяках, но никто так и не заметил в крыше полуметрового отверстия.

(Из миров Коммуникатора)

Наконец, наконец-то, уже близко. До планеты остались последние километры. Десять лет в звездолете - это не шутка. Как мне надоела невесомость, скоро я ступлю на настоящую почву. Я буду лежать на сочной травке, бегать под ласковым дождиком; я буду нырять в глубину её солнечных рек, полной грудью вдыхать ароматы лесные. Всеми фибрами души я буду вслушиваться в щебетание её райских птиц и шелест волшебных деревьев.

Космонавт сорвал люк и, раскинув руки, побежал навстречу солнцу. Он с наслаждением упал в траву. Навевая сон, пролетел гудящий шмель. И космонавт заснул по-детски безмятежно. Молодая травка нежно обвила его своими щупальцами.

На росистой зеленой траве спал космонавт. Его пустые глазницы были устремлены к солнцу.

Вскоре дошел ласковый дождь.

(Из миров Р. Бредбери)

Была ночь. Всё было готово для побега. Десятилетний труд близился к завершению. Добыты схемы минных полей, в определенный час будет обесточена колючая проволока, завершён пятикилометровый туннель, охране выплачена кругленькая сумма.

Пройдя по туннелю под зоной отчуждения, он приблизился к колючей проволоке. Щелкнули кусачки, и проволока бессильно повисла на столбах. Пригибаясь к земле, он преодолел минное поле, прополз под фотоэлементами, рысью промчался сквозь строй электронных ловушек и нырнул в ров. Проплыв под донными минами, пролез в дверь силикетового кессона.

Последние метры. И вот он в камере. Схватив вожаделенный предмет, он сунул его в мешок.

Включив часовой механизм адской машины и врубив на полную мощность антигравитаторы, он сказал: "Дело сделано" - и, пробив потолок, устремился на восток.

-О, старая я развалина, - взревел Р. Даниел, вспомнив, что забыл мешок в камере.

В этот момент далеко на горизонте вошло солнце атомного взрыва, разметавшего бетонные стены Гомоцентра.

Так бесславно закончил свой жизненный путь последний человек, которого пыталась спасти Филантропическая Организация Роботов.

Штурмана душили кошмары. Было душно. Откуда-то поднимался пар. Пот градом катился по лбу. И вот, в тот момент, когда когти птеродактиля уже почти вонзились в загривок штурмана, тот ощутил легкое покачивание, толчком разбудившее его. Реальность прыгнула на штурмана, как злобный безжалостный тигр. Вокруг творилось что-то невообразимое. Штурман с трудом вынырнул и, захлёбываясь кипятком, поплыл против течения. Выбываясь из сил, покачиваясь на горячей волне, он героически плыл вперед.

-Тонет только тот, кто позволяет себе утонуть, - гребя ошпаренными руками, думал он.

Наконец впереди замаяло светлое пятно. Яркий электрический луч плясал на волнах.

Последние взмахи отяжелевшими руками. Силы уходят из тела, а дна всё нет.

-Спасите! - закричал штурман в предсмертной тоске, вplывая в рубку как раз в тот момент, когда капитан, сидя на плафоне и дико вытаращив глаза, орал на команду, расположившуюся вокруг на книжных шкафах:

-Сколько раз можно говорить, чтобы астроном закрывал в ванной воду?!!

«Лебединое озеро»

Поигрывая рельефными бицепсами и похрустывая берцовыми костями, Джон галопом неся сквозь дубовую рощу.

Между деревьями показалась мерцающая гладь таинственного озера, окружённого молодой свежее-зеленой растительностью. Загорелые ноги Джона по щиколотку погружались во влажный песок. Шевеля ягодичной мышцей и сосредоточенно сдвигая надбровные дуги, Джон затопал по каменным ступеням нависшего над озером утеса.

Солнце всходило.

Просыпающееся озеро, кокетливо искрясь, манило в свои таинственные глубины. Кровь ударила Джону в голову, в сердце дико выиграла молодецкая удаля. Лицо супермена расплылось в идиотской улыбке, на солнце сверкнула медная челюсть. Он встал в стойку и сиганул с утеса. В воздухе просвистело смуглое тело. Прodelав несколько сногсшибательных кульбитов, Джон ласточкой вошел в манящие глубины экзотического озера...

По окрестностям разнесся чавкающий звук.

Из-за камня вылез плюгавый тип в мантии профессора Оксфордского университета. Тип нажал на кнопку, и мираж рассеялся. До горизонта тянулась пустыня, покрытая мрачным саваном промышленных отходов. Из двухметрового слоя мазута торчали желтые пятки Джона, отстукивающие на ржавых консервных банках па-де-де из балета Чайковского «Лебединое озеро».

23

Начитавшись Гегеля, Шопенгауэра, Ницше, Платона, Апулея и Зурзмансора, они, наконец, поняли: жизнь - это игра, игра тонкая, требующая большого самообладания, огромной выдержки и чувства превосходства над соперником.

Их напряженная, остроинтеллектуальная игра, захватившая все их существо, уже приближалась к кульминационному моменту, когда за силовым полем, прикрывающим их от выжженной, радиоактивной пустыни, раздался резкий свист и на землю, подняв тучу песка, шлепнулась огромная летающая тарелка.

-Что это? - вяло спросил Педро, тупо глядя перед собой.

-Не отвлекайся, - одернул его Вася, - это опять с Альдебарана. Все чего-то ищут... - И они опять погрузились в игру.

И наконец, когда Педро, не выдержав, вскочил и, рванув воротничок, прохрипел:

-Открой тайну, несчастный!!! Три карты!!!

Вася ехидно сказал:

-Тройка, семерка, туз! - и шлепнул по столу картами. - Игра закончена! Вы дурак, сэр!!!

24

«Поэма об умирающем попугае»

Жил-был попугай, и было у него три сына.

И однажды, в дождливый, хмурый день, старший его сын решил отправиться черт знает куда, черт знает зачем. Место это находилось довольно далеко от дома попугая, да и вещь, за которой он отправлялся, была довольно тяжела, поэтому попугай решил захватить с собой любимых братьев. Так он и сделал. Недолго думая, братья собрались, взяли все необходимое и отправились в долгий, трудный и опасный путь.

Им пришлось преодолеть множество препятствий в виде: гор, лесов, полей, морей и рек. И наконец, в один будничнейший, ничем не примечательный день, старший брат заболел и сдох, как собака под забором, а младшие братья вернулись домой и зажили лучше прежнего, так как некому было больше издеваться над ними. Но вскоре против них было возбуждено дело по подозрению в предумышлен-

ном убийстве их старшего брата, которое тянулось три года и было прекращено за недостатком улик, так как братья-попугайчики были не глупы и умели прятать концы в воду.

И как говорится: сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок.

ПЛЕХАНОВА Светлана

ИЗ ЦИКЛА «ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ»

* * *

В залах Музея истории земных цивилизаций было прохладно, тихо и пусто. Старый Звездолетчик явно тосковал. Он недавно вернулся из дальнего полета к Туманности XXXIIIа межгалактического каталога. Улетел он давно, еще в конце двадцатого века и, хотя по его меркам полет продолжался всего двадцать три года, на Земле-матушке шел конец двадцать второго столетия. Все изменилось. Земля была одета в бетон, пластик, стекло или нечто, похожее на это. Люди стали выше ростом, спортивнее, говорили кратко, и половину слов из их странного языка Звездолетчик не понимал. Одежды были в плотно прилегающие наряды, которые можно было сотворить прямо из тюбика.

Может быть поэтому его и занесло в Копенгаген, в этот музей. Здесь все было понятным.

Вдруг из-за угла навстречу ему вышел человек, который показался ему безмерно близким, хотя бы потому, что на нем был костюм покроя двадцатого века, и старый Звездолетчик отчетливо видел, что брюки давно не глажены, колени вытянуты и висят мешком, и это его только радовало. Добродушные глазки были спрятаны за толстыми стеклами очков, что тоже указывало на принадлежность к двадцатому веку. Повинуясь какому-то внутреннему толчку, Звездолетчик протянул руку, и незнакомец крепко пожал ее. Люди двадцать второго века рукопожатиями не обменивались, считая это нарушением правил личной гигиены. На нагрудном карманчике подошедшего было вышито: «Гил Бор», и, прочитав это, Звездолетчик поспешил представиться. Мужчины разговорились, и ста-

рому Звездолетчику стало немного легче. Затем он задал вопрос, который вертелся у него в голове с момента их знакомства:

- Скажите, не являетесь ли вы прямым потомком семьи знаменитых физиков Боров?

Ответ был ошеломляющим.

- Почему же потомком? - просто ответил Гил.- Я двоюродный брат Оге Бора, очень нежно любил самого Нильса и отлично знал дядюшку Харальда. Я сам внес значительный вклад в создание модели атомного ядра и...

Тут что-то негромко зажужжало, зашипело, щелкнуло. Звездолетчик мог поклясться, что звук исходил прямо из-под пиджака Гила, а собеседник на полуслове умолк.

- Что, что он вам такое еще сказал? - выкрикнул бежавший к ним мужчина. Звездолетчик ответил, а подбежавший огорченно проговорил:

- У него всегда так. Как только он соврет, вмиг перегорают плавкие предохранители.

Старый Звездолетчик горько вздохнул: «Да, изменилась Земля-матушка». Он недоверчиво покосился на подбежавшего. Опять вздохнул. Говорить больше не хотелось, и он медленно пошел в зал низших цивилизаций.

* * *

Президент блаженствовал. Он проговорил только 1 час 40 минут, но отчетливо видел, что эта огромная аудитория полностью овладела им и с большинством установилась не только звуковая, но и био-телесвязь. Все это вдохновило его на эффектное начало нового спича о сущности явлений:

- В сущности, суть явления настолько существенна, что существуют существа, которым существование составляет существенную сущность сосуществования сосущего, однако оноо сосуществительное не может существовать без сующего осуществления и сопотребления сгущенной суггны.

- Опять ячейка ГБ-38-а полетела, - вздохнул в первом ряду дежурный, протянул руку и с остервенением выдернул вилку из розетки.

* * *

Дискуссия шла с успехом. Президент успел ответить на 23 вопроса, так или иначе связанные с проблемой использования свободного времени. Небольшой, но уютный зал Межгалактического

института хроноскопии вмещал только 600 любителей коллективного суперинтеллектуального отдыха. Наш Президент был и здесь своим.

Вопрос задал молодой человек. Красивый прибор инфразвукового видения, выполненный в виде очков, которые носили еще в двадцатом столетии, придавал ему исключительно импозантный вид.

- Господин Президент, в скольких клубах вы состоите?

Для миллиардов единиц памяти Президента ответ был сущим пустяком:

- В сорока одном.

- Назовите самые любимые, - неистовствовал юнец.

- Пожалуйста: Клуб вязания старинных преципитатов, Клуб видеозвуковой гимнастики органов речи, Клуб эстетов-престижитаторов, Клуб правильного вымачивания льна и, наконец, Клуб художественной варки картофеля.

- Кавофеля? - оторопело переспросил юнец, соединив в одном слове и вопрос, и предмет вопроса. Люди двадцать второго столетия это делали поразительно легко.

- Да, мои юные слушатели, картофеля. Картофель - это мелкая рыба породы анчоусовых, обитающая в водах Земли. Искусство художественной варки состоит в том, что перед началом снятия с нее чешуи...

В это время дежурный оператор заметил на табло заднего вида Президента красный сигнал, что означало только одно - перегревание.

ГИЛЕВ Борис
КОЛОТВИН Валерий

ПАРОДИИ

КАК НАПИСАЛИ БЫ
СКАЗКУ О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ
ФРАНСИС КАРСАК И БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ

В ДЕБРЯХ Б. ГАЛЬТЕРА

Ф. КАРСАК

Прежде чем приступить к своему удивительному повествованию, я хочу предупредить того, кто, быть может, с риском для жизни будет читать эти политые слезами благородной скорби строки, что все описанное здесь правда и только правда, ни слова лжи. (Кроме глав с 5 по 12, а также с 17 по 20, ну и, может быть, с 4 по 1). Все остальное истина, совершенно неопенимая для потомков.

Немного о себе. Меня зовут Красная Шапочка, и, хотя я прекрасно понимаю, что через три тысячи лет это никому не будет интересно, я тем не менее сообщу, что талия моя достаточно тонка, а бюст достаточно пышен. Еще хотелось бы упомянуть, что я окончила университет и прекрасно играю на клавикордах. Впрочем, судьбы человечества это никак, к сожалению, не затрагивает.

Глава первая

ПУТЬ АМАЗОНКИ

Эта неожиданная история началась неожиданно, как и все неожиданные истории. Было время, когда человеческая колония чувствовала себя еще неуютно на Б. Гальтере. Я получила письмо от подруги 30 мая, а уже через два дня отправилась в далекий путь. Модные сапожки от Бертъе, колготки, голубое сафари и старое ружье с двумястами патронами с картечью - вот, собственно, и вся экипировка, не считая капли Шанели на грудь.

Глава некоторая после первой

НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ

Бабушка, так звали мою подругу, жила в двухдневном переходе от поселка. Меня не особенно волновали встречи с летающими медузами и озверелыми аборигенами. По слухам, в окрестностях появилось новое животное под проходным названием

«Волк». Честно признаться, меня где-то волновала эта возможная встреча, так как я понимала свою неотразимость.

Волк появился внезапно, я даже не успела испугаться. Он был очень мил, эта грязно-серая образина, но как груб, неотесан и ни намек на приличные манеры. Я понравилась ему сразу, он явно чего-то добивался. Он заговорил первым:

«Мадам», - сказал он хрипло. «Мадемуазель», - ехидно поправила его я. «Почему я не встречал Вас раньше?», - продолжал он, не обращая внимания на мои слова. Я задрожала, предчувствуя долгую упоительную прогулку, повернулась молча и пошла дальше. Я знала: эта скотина пойдет за мной, как паршивый пес.

Меня волновало одно - как воспримет это Бабушка. Женская ревность и зависть способны на все.

Глава известная БЕРЛОГА ЛЬВИЦ

Два дня пролетели незаметно. Волк был галантен и чуть не лизал мне руки, но я ему этого не позволяла.

Хижина Бабушки выглядела импозантно на фоне леса, как желто-коричневое цветное пятно на зеленом в редкую голубоватую полоску платье Бабушки, в котором она всегда меня встречала. На чистом песке дорожек я увидела следы мужских сапог и ласково обратилась к выбежавшей Бабушке: «Ты, как всегда, одна, дорогая?» - «Да, - ответила та, целуя меня в щеку, - вторую неделю ко мне никто не заходил», - и в это мгновение она увидела Волка. Крылья ее носа затрепетали, и я поняла, что без крови не обойдется. Но Волк оказался благороднее, чем я думала.

Он молча поклонился и прошел в комнаты, пачкая пол грязными лапами.

Бабушка была в ударе. Мы неплохо провели время. Свечи, рок, коньянти и легкий флирт благоприятно повлияли на меня.

Глава заключительная РОКОВАЯ РАЗВЯЗКА

Я уснула, как убитая, утомленная событиями этой ночи, и вдруг ужасные крики и пальба из двустволок привели меня в чувство. Случилось то, чего я больше всего опасалась. Вернулись те двое так называемых охотников, следы которых я видела на песке у дома.

Это страшное до сих пор стоит у меня перед глазами: Бабушка в чепце, но без чувств, убитый Волк у ее ног и два красно-рожих робота серии ОХ-ОТ-НИК.

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

А. И Б. СТРУГАЦКИЕ

Когда дождь кончился, К. Шапочка, подобрав холодный, покрытый мелкими капельками влаги карабин, медленно побрел туда, где за плотной стеной желтоватого ядовитого тумана виднелись редкие стволы леса. Еще издали, приближаясь к чахлым больным деревьям, растущим по самому краю разбитого шоссе, он почувствовал, что там, за серым бетоном переплетенных ржавой арматурой развалин, за редкой порослью кустов, кто-то есть, кто-то живой и теплый, слабый и хитрый.

Ни одна опасность в мире не приходит мгновенно, ни одна опасность не бывает безусловно смертельной. Надо только всегда быть готовым встретить ее. Собраться и, превратив свое тело и волю в стремительную стальную пружину, ее отразить. Спокойствие, главное - время еще есть, собственно, даже масса времени.

Это был небольшого роста какой-то серый, невзрачный тип с хищной прыщавой физиономией. Он вынырнул из кустов внезапно, когда К. Шапочка подошел к развалинам, и прицелился в него... шариковой ручкой.

- А что же это мы делаем здесь, - подозрительно спросил он, листая объемистый блокнот, - в такой ранний час, в такой туман, когда все сотрудники еще спят, да-с спят, с позволения сказать, и десятый сон видят.

-Это мещанство, - стиснув зубы, подумал К. Шапочка. - Это вещизм, обыватели, герань, слоники, свинцовая труба.

Но вслух сказал:

-К бабушке я иду, к бабуле, значить, шерсть на носу, к старушке, то есть, бабусе, кочерыжке старой. Кефирчик транспортирую.

-Да! - с тоской сказал серый тип. - А мне вот нельзя. Болен. С ногами маюсь. Насморк, короча. Впрочем, отчего не выпить глоточек-другой.

Жидкость с шумом устремилась в его глотку. Задвигался волосатый кадык.

-Кстати, - сказал он, занюхав костяшкой большого пальца.- К. Шапочка, вас давно уже ждет автобус. Все едут на базу получать горячие пирожки.

При этих словах К. Шапочка увидел, как ноги серого медленно погружались в бучило.

-Вы что это, специально? - сощурившись, спросил К. Шапочка.

-Что специально?- спросил серый, медленно растворяясь в зеленовато-желтых листьях ряски.

-Как что? - воскликнул К. Шапочка. - А бабушка? Что вы себе позволяете?

Со стороны бучила раздалось:

-Ба-буш-буль, ба-буль-буш, ба-буль-буль-буль!

К. Шапочка смачно выругался и, повернувшись назад, зашагал вперед.

-Совсем зарвался, обнаглел, мелкий администратишка, - подумал К. Шапочка и в этот момент поскользнулся на осклизлом корневище. Тренированное тело его совершило бросок в сторону, и руки вцепились во влажную корявую ветку дерева. Восстановив равновесие, К. Шапочка увидел, что держится за рукав серого.

-Как же Вы так? - пахнуло чесночной колбасой. К. Шапочка споро и проворно, не без изящества провел двойной переворот со вскидом, но вместо стога противника услышал:

-Шпрехен зи дойч, шнель, арбат махт фрай, сопляк, бабушку твою в болото.

-Экселенц! - выдохнул К. Шапочка.

Рявкнул вороненый «герцог». Остро и кисло запахло жареным. Дико и страшно закричала бабушка.

ВЕРЕЩАГИН Анатолий

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНИ КОЛОБКА

Я хочу рассказать вам грустную историю о Колобке.

Он появился на свет в один из самых скучных годов в истории Земли. Царь Горох к тому времени уже умер, а царь Соломон еще не родился. Премудрого индюка сварили и съели, а курочка Ряба еще не научилась нести золотые яйца. Миру, для того чтобы жить, нужны как злодеи, так и герои. Но к тому лету Добрыня Никитич убил последнего Змея Горыныча и освободил Марию Непутятичну. Соловей Разбойник ушел на заслуженный отдых по инвалидности

после того, как Илья Муромец по пьянке выбил ему последний сви-
стящий зуб. О Кошее Бессмертном давно не было никаких изве-
стий, так как Василиса Прекрасная превратилась в несносную тещу.
Зять поговаривал, что лет через десять она превратится в Ягу. Но
это было пока неизвестно жителям того скучного года. В историче-
ских хрониках не сохранилось даже имя царя, который правил то-
гда.

Кстати, а может быть и нестати, по ходу повествования по-
явился риторический вопрос. Откуда берется вся нечисть на Земле?
Вроде все живут тихо. Радуются мелким чудесам, таким, как рас-
светы и закаты, дождь с градом летом и снежные бури зимой, по-
том вдруг появляется Чудище Болотное и устраивает вселенский
переполох. Наверное, во всем виноваты Герои. Живет себе Герой,
знает, что он Герой, а соседи не знают. Он, бывало, зайдет к соседу
в гости, выпьет на халяву самогонки, а потом начинает бить себя
левой пяткой в грудь и кричать: «Я - Герой!». Сосед зовет в гости
другого соседа, хрюпают еще по стакану первача и вместе связыва-
ют Героя до утра. Герой видит, что ему не верят, что он Герой. То-
гда он идет на Большую Дорогу, убивает первого, кто ему попадет-
ся под руку, независимо кто перед ним, человек или животное,
гримирует его и кричит всем, что он, Герой, убил чудище или мон-
стра. Из-за такого «Героя» пострадал, как известно, великий добряк
и один из первых стандартизаторов в мире - Прокруст. Он был до
того гостеприимный хозяин, что всем гостям предлагал свою соб-
ственную постель. Пришел Герой Тесей и убил бедного Прокруста.
Наверное, простынь не понравилась или, может быть, подушка. От
этого хулигана пострадал также небезызвестный бургер и добрый
хозяин Минотавр, который вообще со своими гостями никогда не
расставался.

Впрочем, рассказ ведется сейчас не об этом.

А в тот год, когда родился Колобок, с самого нового года ниче-
го не было примечательного. Снег шел мягко, без ветра, весна
пришла вовремя и продолжалась столько, сколько ей было положе-
но. Даже деду Мазаю не пришлось отличиться, потому что не было
наводнения. Снег потихоньку стаял, вода отчасти впиталась в зем-
лю, отчасти испарилась, а большая часть стекла потихоньку в реки
и ушла в Синее море. Люди уже начали поговаривать, что такое
затишье не может долго продолжаться. Что оно бывает либо перед
бурей, либо перед мором, либо скоро родится царь Ирод. Но вместо
Ирода родился Колобок. Неизвестно, может быть, благодаря Ко-
лобку Ирод родился на много лет позже, и мир получил великого

пророка, которого перевоспитали впоследствии в сына Бога. А родился Ирод раньше, и не было бы у нас сейчас христианства.

Впрочем, рассказ ведется сейчас не об этом.

Злые языки поговаривали, что колобка испекли (какое слово - испекли) в конце июня, когда у его родителей уже кончилась мука старого урожая, а новый еще не поспел. И Колобок поэтому состоял в основном не из муки, а из амбарной и сусечной пыли, мякины, опилок и мышинного помета. За это его Дед и прогнал со двора и Бабке досталось на орехи. Дед ей закатил такой скандал, что жители их деревни не пошли смотреть на заезжих скоморохов, а валом повалили на этот «концерт». Но и скоморохи на «концерте» присутствовали тоже, а потом на основе этого фактического материала такую пьесу поставили, что в самом Стольном Граде аншлаг был в течение двух сезонов. Ну да бог им судья, этим злым языкам. Тем более, что давно доказано - самые умные личности на Земле неординарны, они то соломой набиты (возьмем для примера Страшилу), то опилками, как всем известный поэт-песенник Винни-Пух.

Правда, были и льстецы, которые, наоборот, утверждали, что Колобка изваяли из муки высшего сорта, изготовленной из пшеницы твердых пород, устойчивых к полеганию, и что во внутрь ему поместили какую-то там изюминку. И что мука была замешана на молоке с добавлением большого количества куриных яиц. И что пекли его на чистом сливочном масле, и даже что при рождении его посыпали маком и сахаром и покрыли сладкой глазурью. Если верить их словам, то получается уже не Колобок, а какая-то Сайка или Булочка. Но льстецам веры столь же мало, как и «злым языкам». У каждого Великого есть свои друзья и враги, очернители и подхалимы.

А горькая правда заключается в том, что Колобок родился в бедной крестьянской семье. Опару завели на воде и, по неосторожности, помимо хлебной закваски в нее попала и пивная закваска. Поэтому Колобок получился таким веселым. У него были братья - Калач, получивший в последствие кличку «Тертый» и Пирог, в детстве звавшийся Пирожок, а также сестры - Ватрушка и Галушка. В детстве Колобок был тихим скромным мальчиком, никогда не мечтавшим о дальних путешествиях. Он мечтал прожить жизнь тихо и скромно. Накормить один или два раза Деда с Бабкой и спокойно помереть. Правда, в юности у него были детские страхи. Но родители за детьми следили плохо и не показали Колобка вовремя психиатру. Поэтому юношеские страхи выросли вместе с Колобком, превратившись в манию преследования. Он всю свою краткую, но

героическую жизнь утверждал, что за ним кто-то гонится и хочет его съесть. Дело доходило до смешного. Колобок настолько зачерствел, что о него можно было сломать зубы, а все равно боялся, что его размочат и съедят. А вообще в жизни Колобку везло, он встречал на своем пути в основном чутких, добрых, веселых людей и начальников. Сам обладал талантом петь песни. Всем известно, какую веселую песню он спел Зайцу, Волку и Медведю. Только Лисе не удалось ничего ни напеть, ни навесить на ее острые уши. Лиса быстро раскусила Колобка и сделала из Героя обыкновенную булку хлеба. Посадила Колобка в места не столь отдаленные. Потом Колобок находился на поселении в области живота, в деревне под названием Желудок. Колобок грозился по выходе на свободу:

А. Отомстить;

В. Жестоко отомстить Лисе.

Но, по понятным причинам, сделать этого не смог.

Впрочем, рассказ велся совсем не о том.

Пока рассказывал, забыл зачем и о чем. Склероз, наверное.

Всю историю о Колобке можно было рассказать в трех словах:

Испекли, поваляли, съели.

НЕМИРОВ Валерий

МЕТРО

Взявшись за ручку двери, женщина обернулась: «Можно гарантировать, что?..»

- Можно гарантировать неприкосновенность вкладов в сберегательную кассу, - молодой человек с клиновидной бородкой, захлопнув серую папку для бумаг, поднялся из-за стола. - Мы не имеем дело с такой хрупкой вещью, как человеческая психика...

Ослепительной белизны халат, огромные роговые очки на мелком чернявом лице приводили женщину в трепет. Молодой человек с самоуверенностью конферансье жонглировал словами, смысл которых был для нее темен. И от этого она терялась еще больше.

- Чисто депрессивный синдром является наиболее часто встречающимся. Методика его лечения у нас отработана. - Он произнес

это тоном, с каким взрослые обычно говорят с детьми. - Подростки довольно часто испытывают чувство неудовлетворенности...

- Он никогда ни в чем не знал отказа, - невпопад перебила женщина.

Молодой человек сурово посмотрел на массивные перстни на ее пухлых пальцах и сухо подвел итог разговору:

- То, что ему нужно сейчас, не продается в магазинах...

Вагон плавно покачивался на ходу. Юноша, почти мальчик, прислонившись к двери, смотрел в свое отражение в стекле.

Узкое худое лицо, оттопыренные уши, длинный и острый нос. Его внешность казалась ему отталкивающей. И это причиняло ему невыразимые страдания.

Он был единственным ребенком «состоятельных» родителей. Отец его руководил крупным предприятием, добровольно сдав полномочия главы семьи. Муж, познавший бремя ответственности, но не смысл бытия, говоря словами поэта. Мать, как в собственном буфете, хозяйничала на оптовой базе. Их дом - просторная четырехкомнатная квартира - был «полной чашей», горделиво сверкая полировкой «сделано не у нас», лакированным гляncем корешков собранных никогда не открываемых классиков. И этот дом стал для него чужим.

Целыми днями после школы он лежал на диване в своей комнате, где, кроме этого дивана, коврика на полу и сверкающей металлом стереосистемы, ничего больше не было. Еще на стене висела вырезанная из журнала цветная фотография мужчины, сидящего, скрестив ноги, на палубе яхты. Он был густо бородат и бос. Ворот толстого застиранного свитера до самого подбородка охватывал его шею. Мужчину звали Бернар Муатесье. Он участвовал в кругосветной гонке на яхтах на приз большой лондонской газеты. Победителя ждало солидное вознаграждение. Муатесье шел первым. За несколько миль до цели он внезапно изменил курс и пошел в открытый океан, оставив в дураках пораженных организаторов гонки и журналистов. И теперь, сидя на палубе, в одиночестве слушал, как растет борда и чешут крутые спины о борта яхты океанские волны.

На коврике у дивана лежали три изрядно потрепанных книжки - «Трофеи», «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» и «Над пропастью во ржи». Время от времени юноша запускал свою единственную пластинку, и тогда в комнату проникал нежный звук саксофона, деликатно подыгрывающего «пению» волков и китов.

Это была чудная музыка. Это был очень, очень странный юноша. Теперь вы понимаете, почему его мать была вынуждена обратиться к психотерапевту...

Поезд замедлил ход и, выскочив на свет, остановился. Створки дверей разъехались в стороны, освобождая дорогу. Юноша шагнул на перрон. Двери вагона за его спиной сдвинулись, и поезд, набирая скорость, исчез в тоннеле.

Он никогда не был на этой станции. И даже не подозревал о ее существовании. На каменном полу лежал толстый слой пыли. И, глянув себе под ноги, юноша с удивлением увидел следы только от своих ботинок. Перрон был пуст. Никто больше не вышел из вагонов.

Было довольно светло, хотя никаких видимых источников света он не заметил. В конце перрона виднелась каменная лестница, ведущая вверх.

Тонкая невесомая пыль взрывалась под ногами маленькими фонтанчиками. И это почему-то очень развеселило юношу. Шлепая подошвами ботинок, он добрался до лестницы, у подножия которой лежал солнечный квадрат.

Лестница оказалась высокой и крутой. Солнце - слепящий ступок - кипело над головой. Невозможно было поднять глаза. Юноша поднимался вверх по ступенькам, рассматривая шероховатый мрамор стен сплошь в голубых прожилках и трещинах.

Лестница выводила на южный склон пологой горы, поросшей высокой травой. В потоках горячего воздуха дрожали янтарные стволы огромных сосен. Внизу у подножия горы немыслимой глубиной синело, сливаясь у горизонта с небом, море.

Он был потрясен. Воображение молчало. Всем естеством он впитывал и мерцание моря, и чуть слышный шорох травы, и запах йода, смолы и еще чего-то, чему названия не знал.

Чуть поодаль от входа в метро он заметил вросшую в землю фигуру из белого мрамора, обвитую стеблями хмеля и дикого винограда. Слепые глаза торжественно и печально смотрели на юношу, а дикий виноград рдел на лице статуи как губы. Что-то очень знакомое, читанное не раз было в этой картине.

Едва приметная тропинка вела вниз по склону. И юноша пошел по ней, раздвигая сухие и теплые стебли травы.

Тропинка скатилась в неглубокое ущелье. По каменистому ложу бежал ручеек, образуя местами что-то вроде вымоин. Юноша встал на колени перед одной из них, опершись руками на круглые про-

хладные камни. Стайка рыб, взметнув облачко мути, растворилась в глубине водоема.

Он подождал немного. Муть рассеялась. В прозрачной воде из-под слегка заиленных камней показались рыбешки. Они были узкие и серебристые, как лезвия перочинного ножа.

Юноша шевельнулся, и рыбки вновь скрылись под камнями.

Он встал и пошел вниз по ущелью. Крупная бабочка вспорхнула из-под ног и тяжело запетляла над ручьем. Пролетев метров двадцать, она села на шершавую спину большого, замшелого снизу камня. Юноша подкрался к ней. Бабочка сложила книжкой лепестки пергаментных крыльев, открыв бархатный испод.

Он не стал ее трогать и, полюбовавшись еще мгновение, побегал дальше по каменистой тропинке. Ему вновь стало весело.

Море дремало в этом час. Волны лениво накатывались на песок, оставляя клочковатую пену. Ржавые сухие водоросли обозначали линию прилива. На берегу лежал вверх килем рыбачий баркас, полусасыпанный песком. Плоское его брюхо было источено морским червем.

Юноша разделся, бросив одежду на мелкий горячий песок. Он был голенастым и нескладным, как жеребенок. Задрвав острый подбородок, он подставил солнцу веснушчатое лицо.

Плавал он плохо. Окунувшись несколько раз по плечи в тяжелые зеленоватые волны, юноша побрел по мелководью. Мелкие цветные рыбешки бисером сыпались в разные стороны. Какой-то сумасшедший краб тащил кусок бутылочного стекла. Стегляшка была круглой и гладкой, как обмусоленный леденец.

А правда, что море соленое? Он зачерпнул в ковшик ладоней немного воды. Море было горьким.

Минут через пятнадцать солнце обожгло ему плечи. И он побрел назад к баркасу, разрезая воду костлявыми коленями. Юноша лег на песок лицом к морю, укрыв голову и спину рубахой.

Если оставлен старый баркас, значит, где-то рядом должны жить люди, думал юноша. Обязательно должны. И он стал представлять их. Это рыбаки. Их работа проста и вечна, как море и небо. Их лица и тела дочерна обожжены солнцем. Их свободная простая одежда выгорела и насквозь просолена морем. Среди них есть старик с лицом мудреца, с развевающимися на ветру кудлатыми седыми волосами. Он курит самодельную пеньковую трубку. Старик молод телом. У него тяжелые задубелые корявые от рыбацкой работы руки.

Среди них есть юноша. Он высок, смугл, с хищным разлетом бровей. Он гибок, как рыба, и, когда наклоняется над сетью, под тон-

кой кожей красиво прорисовываются упругие мускулы. И девушка. Она черноволоса и тонка. Она... Он не знал, какую работу выполняет здесь девушка, но видел точно, что между ней и тем крепким парнем протянулись невидимые нити. Он видел это потому, как внезапно давал петуха, срываясь, грубоватый голос парня, когда он обращался к девушке. Потому, как охотно откликалась она белозубым смехом на его незатейливые остроты. Нет, все не так. Это он сам - тот крепкий парень. Это ему улыбается черноволосая девушка. Это он распутывает крепкими смуглыми руками сети, переполняемый радостью простой работы, жизни и любви...

Резкий, похожий на кошачье мяуканье, крик чайки разбудил юношу. Чайка летела низко над мелководьем и насмешливо косила на него черным в белом ободе глазом. Он лежал в тени баркаса. Солнце уже валилось за гору.

Юноша торопливо собрался, отряхивая от песка одежду. Последний раз поглядел на море. Оно набрало ультрамариновую синеву. Он снова придет сюда. Обязательно.

...Длинная вечерняя тень придала статуе бога, играющего на свирели, подобие взора. Юноша, еще раз оглянувшись вокруг, нырнул в прохладный колодец тоннеля метро...

...Голос женщины, говорившей по телефону, захлебывался от рыданий:

- Мы не придем на прием... Он вышел из поезда... Нет, в метро... Что-то там сработало в блокировке дверей. Так мне сказали... Двери открылись, и он вышел на полном ходу... Не знаю, врачи ничего не говорят... лишь бы он был живой...

На другом конце провода в стерильно чистом кабинете положили трубку. Молодой человек в роговых очках задумчиво поточил бородку и подошел к окну.

Шел мокрый снег. Машины месили шинами снежную кашу.

ПОИСКИ

Бычкова Ирина
Зотов Андрей
Ивонина Елена
Колесова Наталья
Скударнов Игорь
Тараканов Сергей
Шамаханова Екатерина
гость клуба - Ковякин Сергей

ЛЕГЕНДА ОБ ЭЛМЕРЕ-ОТСТУПНИКЕ И ПРЕКРАСНОЙ ЛОРИЭЛЬ

Элмер, сын Торольда, по матери происходил из рода Финарфина и от нее унаследовал синие глаза и золотистые волосы. Но смуглой кожей, силой и ловкостью, а также замкнутым нравом он пошел в отца, хотя почти не помнил его: Торольд погиб в схватке у Белого Брода, когда Элмер был совсем еще маленьким. Лаувейя, мать Элмера, так больше и не вышла замуж и всю силу неистраченной любви обратила на сына. Но, будучи эльфийкой высокого рода, женщиной умной и образованной, она вовремя поняла, что одни только ласки матери не принесут мальчику добра и, когда Элмеру минуло семь лет, отослала его к брату Торольда, Марвину, бывшему главой поселения эльфов на северо-востоке Лориэна.

К двадцати годам Элмер превосходил даже опытных воинов в стрельбе из лука и владении мечом, а в умении разгадывать вражьи уловки и распутывать орочьи следы на каменистых кручах Мглистого Хребта ему и вовсе не было равных. Многие объясняли эту его способность любовью к уединению, которая отличала Элмера с детства: дескать, бродя в одиночестве среди скал и лесов, он поневоле научился читать следы их обитателей, как открытую книгу. Марвин, откровенно гордившийся племянником (своих сыновей у него не было), ссылался на добрую кровь, текущую в его жилах. Сам же Элмер только улыбался, когда подобные толки доходили до него, но не говорил в ответ ни слова.

Впрочем, нелюдимым он не был. В те немногие дни, что он проводил в селении, он охотно принимал участие в состязаниях молодежи, пел и смеялся в кругу родных. И не одна девушка втайне заглядывалась на него, когда, высокий и стройный, в синем плаще, с серебряным обручем в сияющих волосах, шел он в стремительном танце в День Светлой Элберет. Но Элмер ни на кого не обращал внимания, кроме Гевьон, дочери Марвина, приходившейся ему двоюродной сестрой. Ей приносил он из леса осиротевших птенцов и зайчат, помогал распутать непослушные нити на ткацком станке, ее бесхитростные рассказы выслушивал с серьезным вниманием.

Ясноглазая, застенчивая Гевьон любила Элмера, как брата. Что думал о ней Элмер, не знала даже Лаувейя, хотя сын не только любил мать, но и доверял ей, как лучшему другу.

Все эти годы Марвин время от времени отпускал Элмера погостить в Галадхэне, где среди приближенных Владычицы Лориэна жила Лаувейя. Именно там, в библиотеке Владычицы, мать приохотила Элмера к книжной премудрости. Страницы славной и горькой истории Эльдар открывались перед мальчиком, будя в его сердце преклонение перед подвигами великих героев и желание свершить не меньшие. Вернувшись на заставу, Элмер с утроенным рвением занимался воинскими упражнениями, готовя себя к жизни суровой и славной. Но в Книгах Мандоса ему уже было предначертано иное...

В день, когда Элмер переступил порог зрелости, после того, как разошлись гости с праздничного пира, он остановил Марвина, собиравшегося отправиться на покой, и попросил у него руки Гевьон. Огорченный и раздосадованный, Марвин отвечал ему печально, но твердо:

- Вы с Гевьон в слишком близком родстве, чтобы стать мужем и женой. Законы эльфов запрещают подобные браки, и тебе следовало бы узнать об этом прежде, чем обращаться ко мне с такой просьбой. Ты стал для меня сыном, а для Гевьон - братом. Довольствуйся этим, и забудем о нашем разговоре.

Элмер молча опустил голову и вышел. Утром Гевьон нашла на своем окне росистую, будто сбрызнутую слезами ветку селиора, продетую в серебряное кольцо, а Марвину передали, что Элмер отправился в обход северных границ Лориэна, где в последнее время участились набеги орков. Рассудив, что это и к лучшему, Марвин не стал говорить дочери о случившемся и вернулся к привычным делам. А нахлынувшие вскоре события заставили его и вовсе забыть об этом...

Третья Эпоха, начавшись, словно солнечным утром, славной победой над Морготом, близилась к закату. Саурон, приспешник Врага, сам ныне ставший Черным Властелином, копил силы в Мордоре, и мрачная тень его злобы все дальше расползалась от Эред Горгорот по Средиземью. Мерзкие твари плодились в Лихолесье, укрывались в теснинах гор и заброшенных залах Мории. Дикие орды накатывались невесть откуда на земли Гондора и рохиррим и вновь исчезали, оставляя после себя опустевшие селенья и выжженные степи. И все чаще пограничным постам Лориэна прихо-

дилось отражать набег мелких орочьих племен, посылаемых невидимой рукой с восточных пределов Мира.

В тот холодный осенний день, когда весь Лоризн всколыхнула весть о гибели дозорного поста у Корон-Гален, первые семена, посеянные судьбой при рождении Элмера, дали ростки.

О схватке у поста Эйлуарда Владычице сообщил Уинн, дикий голубь, пролетавший мимо. Однако посланный на помощь отряд опоздал: они нашли лишь окоченевшие, обобранные тела товарищей, искромсанную топорами длань да обрывок сыромятного ремня, при одном взгляде на который лица эльфов вспыхнули от гнева. «Ирчи!» - точно ветер, пронеслось по рядам воинов, зажигая недобрый огонь в их глазах. Говорить было не о чем: ни один из нападавших не должен был вернуться к себе живым. И в эту минуту рука Судьбы вывела Элмера из лесной чащи к посту Корон-Гален. Узнав о случившемся, он вызвался отыскать следы убийц - и так ступил на тропу, конца которой в то время не мог предвидеть никто.

Даже для столь опытного следопыта, каким стал к тому времени Элмер, оказалось нелегким делом разобраться в хитростях врагов. Орки спешили, но не забыли применить ни одну из своих уловок, чтобы сбить погоню со следа. Их предводитель со звериным чутьем выбрал обратный путь по скалам и осыпям Каменных Зубьев, где следы терялись в нагромождениях изъеденных дождем и ветром глыб. Лишь к концу третьего дня, когда орки, перевалив Восточный Отрог и, видимо, уверившись в своей безнаказанности, стали менее осторожны и сбавили ход, эльфам удалось настичь их и подыскать место для засады.

Крутые склоны Восточного Отрога переходили здесь в более пологие холмы Сумеречной Гряды. Отсюда, скрываясь в оврагах и лощинах, орки могли незамеченными пройти до самых границ Лихолесья, где они чувствовали себя полновластными хозяевами. И здесь была последняя возможность их уничтожить.

Эльфы ударили на рассвете. Чистый звук серебряного рога огласил склоны лощины, призывая к атаке. Тонкие стрелы со свистом прорезали синий утренний сумрак, кося мечущихся в панике орков. Когда первая растерянность прошла, орки, повинуясь хриплым командам вожака, построились кольцом, наглухо закрывшись щитами, обтянутыми звериной кожей и мехом. Стрелы ударялись в них, не причиняя вреда. Тогда Каэр, возглавивший отряд преследования, обнажив свой меч, поцеловал его в перекрестье и, воззвав к Элберет, первым ринулся в бой. Схватка была короткой и яростной.

Отбив нависший над ним клинок, Элмер отшвырнул в сторону обезумевшего от страха противника и внезапно выскочил внутрь круга. Вожак орков стоял перед ним один. Громадного для этого племени роста - лишь на пол-головой ниже Элмера,-- закутанный в меха, длиннорукий и широкоплечий, он казался вставшим на задние лапы горным медведем. Угрюмо оскалившись, он взмахнул рукой, взлетевший хлыст вспорол воздух, и только мгновенная реакция охотника уберегла Элмера от ослепляющего удара. В руке вожака тускло блеснул меч. Не кривая орочья сабля, а тонкий клинок из темного металла, на поверхности которого гасли даже яркие лучи взошедшего солнца. Это был ангмарский меч - страшное оружие давно сгинувшего Чернокнижника. Как оно попало в руки орка?

Но времени на размышления не было. Из этой схватки Элмеру запомнились лишь отдельные моменты: свистящие удары хлыста, пляшущие вокруг него, сноп искр, высеченный яростным столкновением клинков, злобный короткий крик вожака, сменившийся хрипом, когда меч Элмера, пронзив меха и кожаный доспех под ним, вошел в его тело...

И сейчас же, будто в ответ, раздался другой крик - жалобный плач ребенка. Он несся из глубины камня, к которому Элмер пригвоздил вожака орков. Не веря своим ушам, Элмер шагнул вперед.

В камне была расщелина, а в ней копошился и кричал сверток из звериных шкур. Дрожащими руками Элмер вытащил его и развернул. Лучи солнца упали на личико грудного ребенка, заходившегося плачем в руках Элмера. Внезапно ребенок замолчал, зевнул и открыл глаза. Два маленьких солнца - золотые, медовые - смотрели на Элмера пристально и бездумно.

Элмер беспомощно оглянулся. За его спиной, изумленные не меньше, чем он, стояли эльфы Лоризна. Бой был закончен. Кровь орков пятнала одежды воинов, грязь и пот еще струились по усталым лицам, но выражение ожесточения уже ушло с них. Сейчас они были лишь безмерно удивленными, и с каждой секундой в этом удивлении все явственнее сквозила смущенная нежность.

-Что это, Элмер? Кто это? - почему-то шепотом спросил Каэр.

-Не знаю. Я нашел его в расщелине... Он кричал..., -- запинаясь, ответил Элмер. - А я убил его отца... -- добавил он еле слышно.

-Не он, а она! Это девочка. Я всегда говорил, что ты любимец женщин, Элмер! - с усмешкой перебил его Каэр.

Дружный хохот повис над ложиной. Эльфы смеялись, словно сбросив с плеч усталость, на минуту забыв тяготы долгого пути и гибель товарищей. Но смех их не испугал ребенка. Все так же без-

думно девочка продолжала смотреть на Элмера, чуть шевеля крохотными пальчиками. А он молча стоял среди смеющихся мужчин, оглушенный произошедшим, не в силах собрать смятенные мысли... Так первый узелок соединил две тонких нити на гигантском полотне Судьбы...

Возвращение в Лориэн было поспешным. Обрато Элмер повел отряд кратчайшей дорогой. Он все убыстрял и убыстрял шаг, забыв об усталости. Его находка уже предъявляла свои права, настойчиво требуя пищи. Но, кроме пригоршни ягод, эльфам было нечем ее накормить. Давать девочке лембас они не решались, не зная, как подействует эльфийский хлеб на орочьего детеныша.

Чем ближе подходил отряд к границам Лориэна, тем больше хмурился Каэр. Первое удивление и нежность к крошечному существу прошли, и он не мог не думать, как отнесутся к неожиданному «трофею» Владыки Лориэна. Столько неисчислимых бедствий, крови и слез принесли Дивному Народу слуги Саурана, что ненавистнее орков был для эльфов разве что сам Властелин Тьмы в своем мордорском логове. И вот теперь они несли орочьего детеныша в Галадхэн, Зеленую Крепость... Каэр мрачнел, стискивая рукоять меча, -- и не он один.

Элмер покинул отряд в Альдамаре, пограничной заставе на северной окраине Лориэна. Два пути вели оттуда внутрь страны. Один шел на юг, через леса и холмы прямо к Галадхэну, -- но он был еще долгим. Другой сворачивал к востоку, в Алквалин, где жили Марвин и Гевьон, -- туда было не больше двух часов хорошего хода. К тому времени ребенок на руках Элмера затих, у него уже не было сил, чтобы плакать. После короткого раздумья Элмер повернул на восток.

Вестник Владык Лориэна прибыл за ним через два дня.

Главный зал королевских покоев имел овальную форму, а в центре его, словно гигантская колонна, проходил ствол мэллорна, служивший опорой всему Зеленому Дворцу. Серебристо-зеленые стены зала были покрыты дивным узором, с потолка лился мягкий золотистый свет. Владыки Лориэна, Галадриэль и Келеборн, сидели рядом на двойном троне, стоявшем у ствола мэллорна, под сенью уходящих ввысь ветвей. По бокам его и у стен толпились эльфы-советники Владык, воины, представители древних родов, помнившие блеск и величие Валинора. Возбужденный гул голосов, стоявший в воздухе, мгновенно стих с появлением Элмера. За ним, отстав на шаг, шла Гевьон, прижимая к себе найденыша.

Элмер впервые видел Владык Лориэна так близко. Здесь, в сиянии снежно-белых одежд и драгоценных уборов, красота их была поистине царственной. Волнистые волосы - золотые у Галадриэль, серебристые у Келеборна - пышным венцом осеняли их удивительно молодые лица. Свет древнего Знания мерцал в их глазах, бездонно-глубоких, как звездное небо. Но сейчас взгляд Владыки сверкал искрами подавленного гнева, и тень была на его лице. Ясные глаза Галадриэль смотрели на Элмера спокойно и непроницаемо.

-Назови свое имя, эльф. Свое и своей спутницы. - Голос Келеборна прозвучал в тишине зала холодно и резко.

-Меня зовут Элмер. Я сын Торольда Архвеста, погибшего у Белого Брода, и Лаувейи, приближенной Владычицы Лориэна. Со мной Гевьон, дочь Марвина, брата моего отца. Она выходила найденного мною ребенка, чью судьбу я не мог решить без совета Владык. - Элмер поклонился, как учила его мать, -- прижав руку к груди. Сердце его колотилось, но голос был тверд.

-Ребенка?! Ты хотел сказать - отродье орков, убивших наших сородичей на посту Эйлуарда. Но отряд Каэра вернулся в Лориэн два дня назад. Ты не слишком торопился за советом Владык, Элмер!

Элмер прямо взглянул в потемневшее от гнева лицо Келеборна.

-Я сказал то, что хотел сказать. Ребенок умирал от голода. Я не мог прийти раньше.

-Разве орочьему выкормышу не по душе лембас? А ты не думал, Элмер, что, может, ему было бы лучше умереть и тем избавить тебя и всех нас от стольких хлопот?

Келеборн недобро засмеялся. Элмер сжал кулаки, лицо его вспыхнуло от ярости. Галадриэль молча посмотрела на Келеборна, и под ее взглядом смех замер на устах Владыки. Когда он заговорил вновь, и лицо его, и голос были суровы, но бесстрастны.

-Почему ты не оставил найденныша там, где его спрятали, Элмер? Зачем ты принес его в Лориэн?

-Оставить грудного ребенка в лощине на растерзание зверям или голоду? Я не мог это сделать, как не мог и поднять на него меч. Я решил, что лучше принести его в Лориэн, и здесь...

-И здесь выкормить его в орка? Чтоб он потом убил твою мать или сестру, как его родичи убили твоего отца?! Ты осквернил пределы Лориэна и память павших товарищей, память собственного отца! -Все бесстрашие Келеборна исчезло в один миг. Охваченный

безудержным гневом, он поднялся с места - высокий, широкоплечий, могучий - и, стоя, бросал в лицо Элмеру безжалостные слова. Голос его гремел в зале, как раскаты грома.

Тонкий, захлебывающийся детский плач был ему ответом.

В наступившей тишине (лишь Гевьон еле слышно успокаивала ребенка) Элмер шагнул вперед, гордо откинув голову.

-За смерть отца и товарищей я отомстил в бою, сразив предводителя орков. Неужели я еще должен был заклеить себя позором как убийца грудного младенца, пусть даже это - его дочь?

Келеборн тяжело опустился на сиденье, прикрыв на мгновение глаза рукой. Его голос прозвучал глухо:

-Так это девочка?

-Да. И я убил ее отца.- Эта мысль жгла Элмера, как огонь, хотя он понимал, что в бою выбора у него не было, даже если бы он знал о существовании ребенка.

-Пусть так. Но все равно: не место детенышу орков в Лориэне. О чем ты думал, когда нес его сюда?

Элмер опустил голову. Затем вновь поднял ее и медленно произнес, глядя в лица Владык:

-Я думал о тех строках из наших летописей, где говорится, что орки - это потомки эльфов, сломленных в Первую Эпоху пытками и темным чародейством Врага... Но, если так... значит, эльфы и орки - одной крови?..

Какое-то мгновение после этих страшных слов в зале царил мертвая тишина. Затем она взорвалась криками.

-Отступник! Предатель! - неслось со всех сторон. Даже Гевьон испуганно отшатнулась от Элмера, глядя на него с горьким недоумением. Келеборн сжал подлокотники кресла с такой силой, что пальцы у него побелели. Но едва он поднял руку, шум стих.

-Ты слышал, Элмер, как ответили эльфы Лориэна на твои безумные слова. Это и мой ответ. Я не могу лишить тебя жизни: это дар Всевышнего, и я не властен над ним. Но твоя дерзость и чудовищное оскорбление, которое ты нанес всем нам только что, заслуживают такого наказания, какого не знал еще ни один из галадримов.

-Я приговариваю тебя к изгнанию, Элмер, -- к вечному изгнанию из пределов Благословенного Края, народ которого ты ценишь так низко. Забирай своего найденыша и уходи. Уходи туда, где ты найдешь себе «родичей по крови», как ты говоришь. Можешь взять с собой оружие и свои вещи - сколько унесешь. Но пеняй на себя, если вторая после утренней заря застанет тебя в пределах Лориэна!

Элмер стоял, не в силах двинуться с места. Темная пелена застилала ему глаза. Голос Келеборна, точно рокот прибоя, звучал в его ушах то громче, то глуше. Когда туман вокруг него рассеялся, он неожиданно увидел рядом мать.

Лаувейя вышла из толпы придворных и, подойдя к Элмеру, взяла его за руку. Ее голос звенел от непролитых слез, но голову она держала так же высоко, как и Элмер.

-Владычица Лориэна! - сказала она, и при этих словах Галдриэль, сидевшая до тех пор с опущенными ресницами, подняла на нее свой взор. Элмеру показалось, что глаза Владычицы на миг заглянули в самое его сердце, вобрали все, что было в нем: боль, ужас, обиду, гнев, безнадежное упорство,-- и отпустили, оставили его снова. Но ушел и ужас, сменившись холодной решимостью.

-Владычица! - повторила Лаувейя. - Не время и не место сейчас вспоминать былые заслуги и родство, но я, как и ты, принадлежу к дому Финарфина и вместе с тобой прошла страшный путь по льдам Хелькаракса. Торольд, мой муж, пал в бою, защищая границы Лориэна, а до этого был верным воином его Владыки. После его гибели я служила тебе не менее верно, а когда мой сын вырос, он занял место отца.

-Я говорю это не затем, чтобы просить о милости, -- добавила она гордо, заметив нетерпеливый жест Келеборна.

-Я говорю это затем, чтобы все здесь присутствующие знали, что наша семья всегда платила добром за добро, честью - за честь, верностью - за приют и заботу. Но эльфы из рода Финарфина никогда не бросали родича в беде,-- так оставлю ли я, мать, своего сына?! Прав он или виноват, в милости или в опале, - я пойду с ним, чтобы разделить его судьбу. Ты ничего не должна мне, Владычица, -- и я ничего не должна тебе, поэтому я уйду, не спрашивая позволения, хотя и с болью в сердце.

Легкий гул прошел по рядам эльфов, и лицо Келеборна снова вспыхнуло гневом.

-Может, кто-нибудь еще хочет разделить судьбу Элмера-Отступника?

-Я! -- прозвучал в ответ дрожащий голосок.

Не веря своим ушам, Элмер круто обернулся. Гевьон, совсем маленькая среди этого огромного, высокого зала, шла вперед, прижимая к себе заснувшую малютку. Ее глаза были полны слез, но она упрямо не опускала их под тяжелым взглядом Владыки.

-Ты сестра Элмера, так? - тихо, почти спокойно спросил Келеборн. Гевьон смогла только кивнуть ему.

-Ты дочь Марвина из Алквалина? У твоего отца еще есть дети?

-Нет, - прошептала Гевьон еле слышно.

-И ты бросаешь отца ради этого отступника? Оставляешь его тосковать, страдать от одиночества в пустом доме, лишаешь его надежды увидеть внуков? Ты это считаешь долгом любящей дочери? - Голос Келеборна постепенно набирал силу. Обливаясь слезами, Гевьон, как тростинка, гнулась под порывами его гнева.

-Да... Нет... О, но ведь это все не так, не так! - вскричала она наконец. - Элмер не отступник, он добрый, -я одна знаю, какой он добрый! И отец всегда хвалил его, называя лучшим воином Лориэна. И он не предатель, нет! Все это несправедливо, несправедливо!

Захлебнувшись рыданиями, Гевьон опустилась на пол и осталась сидеть там, сжавшись в комок.

-Кто еще?! - Келеборн обвел тронный зал взглядом. Все молчало. За стенами прозвучал звонкий рог дозорного, ему откликнулся другой, и снова все стихло. Келеборн сурово смотрел на стоявших перед ним Элмера и Лаувейю, но гнев его, казалось, остыл, вернув лицу Владыки бывшее величие.

-Отступник ты или безумец, ты был хорошим воином, Элмер, и, возможно, Лориэну будет не хватать твоих сил и умения. Но никакие - ни прошлые, ни будущие твои подвиги - не заставят нас забыть твои сегодняшние слова. И потому помни: в твоем распоряжении время, которое разделяет две зари. Если после этого тебя застанут в пределах Лориэна, ты умрешь. Я сказал свое слово.

-Но Владычица Лориэна еще не сказала своего! - внезапно раздался чистый, глубокий голос Галадриэль. Остановив прикосновением руки изумленно повернувшегося к ней Келеборна, она с неожиданной лаской обратилась к Гевьон:

-Успокойся, дитя, перестань плакать. Подойди и покажи мне найденыша.

Гевьон приблизилась и дрожащими руками протянула ей ребенка.

Тонкие пальцы Галадриэль откинули край полотна, в которое Гевьон завернула найденыша. Ослепительным светом вспыхнул на мгновение камень на руке Владычицы, но произошло это так быстро, что Элмер не мог понять, не почудилось ли ему. Галадриэль взглянула в личико девочки, коснулась ее щеки и, улыбнувшись, вновь отдала девочку Гевьон.

-Это не орочий детеныш, - сказала она спокойно. - Или не только орочий, в этом надо будет еще разобраться.

-Ты видел сам, Владыка: девочка не боится Света, - добавила она, понизив голос и повернувшись к Келеборну. Тот нахмурился, но промолчал, и Владычица продолжала. Голос ее, ясный и звонкий, словно принес в зал дуновение свежего ветра.

-Девочка - не орочий детеныш, и ее присутствие не оскверняет землю Благословенного Края. Но ты сказал свое слово, Элмер, а Владыка Келеборн сказал свое, хотя, наверное, вы оба поторопились. Я не могу исправить прошлое - ведь над временем не властны даже Перворожденные, - как не могу и отменить решение Владыки. Но властью Владычицы Лориэна я могу изменить приговор, - и я говорю свое Слово!

-Ты покинешь Лориэн, Элмер, - так решил Владыка, - но не навсегда, - так говорю я. Раз в десять лет ты можешь возвращаться сюда на три дня и ходить по родной земле, ничего не боясь. Я разрешаю тебе это, ибо знаю, как невыносима для любого галадрима жизнь без надежды хоть изредка увидеть золотое сияние наших лесов, хоть раз в десять лет вдохнуть аромат цветущих эланоров. Такого наказания ты не заслужил, - и я избавляю тебя от него. Но даже во время твоего возвращения ворота Галадхэна будут закрыты для тебя, а встречаться с тобой будут только те, кто сам захочет этого. Ты же не должен искать встреч ни с кем.

-Лаувейя, твоя мать, вольна разделить твою судьбу или остаться в Лориэне, где она не утратит ни моей любви, ни доверия. Если она выберет первое, никто не будет чинить ей преград, и я дам ей письма к нашим родичам в Ривенделле и Серебристой Гавани на случай, если судьба приведет ее туда. Она может вернуться в Лориэн, когда пожелает, - запрет ее не касается. Судьбу Гевьон решит ее отец, а судьбу найденыша...

Галадриэль на минуту задумалась. Тонкий луч звезды, пробившись сквозь листву мэллорна, золотой нитью вспыхнул в сумраке зала.

-Девочка останется в Лориэне, - сказала наконец Владычица. - Я постараюсь выяснить, как она попала в руки орков и почему они не бросили ее в пути, а несли к себе, не взирая на связанные с этим трудности. Пока же...

Взгляд Галадриэль остановился на Гевьон. Девушка, точно притянутая им, шагнула вперед. Мольба и надежда зажглись в ее глазах.

-Хорошо, - задумчиво улыбнувшись, промолвила Владычица. - Пока малышка останется у той, которая ее выходила, - если отец Гевьон на это согласится. А я думаю, что он согласится...

Галадриэль еще раз улыбнулась, глядя на просиявшее лицо девушки, и вновь перевела взор на Элмера. Лицо ее стало печальным.

-Я сказала свое слово, Элмер, сын Торольда. Ты покинешь Лоризн, унося с собой имя Отступника, но не проклятие Благословенного Края. Долгие годы, пока не позовет тебя за Море усталость от жизни или не сразит вражеская рука, ты будешь скитаться по Средиземью, служа самому себе или тому, кого выберешь. Отныне твой удел - одиночество. Вина это твоя или беда - судить не мне. Но я, чем смогу, постараюсь облегчить твой путь, ибо я тоже из рода Финарфина, и никогда моя рука не оттолкнет оступившегося. Возьми с собой мой дар как память о Лоризне!

Галадриэль подняла вверх раскрытую ладонь, и золотой лист из кроны мэллорна тихо опустился на нее. Элмер шагнул вперед, на миг их руки встретились, и вновь ослепительным светом вспыхнул алмаз на пальце Владычицы Лоризна. В печальных глазах Галадриэль мелькнуло удивление, и она откинулась на спинку трона, со странным выражением глядя на Элмера.

-Благодарю тебя, Владычица Золотого Леса! - Голос Элмера прозвучал хрипло, короткая судорога передернула щеку. - Я не забуду твою доброту и надеюсь когда-нибудь отплатить за нее добром.

-Благодарю и тебя, Владыка Келеборн, - сказал он, чуть помедлив.

Взгляды Келеборна и Элмера скрестились, как два кинжала. С минуту они молча смотрели друг на друга, потом оба отвели глаза. В напряженной тишине Элмер на мгновение опустил голову, но тут же вскинул ее и спросил, ни к кому не обращаясь:

-Разве можно вынуть собственное сердце и заменить его камнем? Разве можно убить мысль, порожденную знанием? И как отправить в изгнание вопрос, на который не нашлось ответа?..

Испуганный шепот пробежал по залу и стих. Глаза Келеборна вспыхнули огнем, но голос был холоден, как лед:

-Довольно. Ты слышал Слово Владык, Элмер. До наступления вечерней зари ты должен покинуть Лоризн, иначе тебя ждет смерть. Нам не о чем больше говорить.

Элмер обвел взглядом зал. Потом низко поклонился Галадриэль, прижав к сердцу руку с полученным от нее листом. Галадриэль склонила голову, все так же не сводя с него огромных глаз.

-Намариэ, Элмер! Намариэ ойалэ! - Древние слова прощания то ли стоном, то ли плачем сорвались с ее губ и заметались в стенах зала, как испуганная птица.

Элмер повернулся и, не оглядываясь, пошел к двери. Пропел сигнальный рожок, створки с легким звоном захлопнулись за его спиной. Навсегда, - «ойалэ» - навсегда!

БЫЧКОВА Ирина

ПОИСКИ

Громоздкий канестийский корабль мягко опустился с помощью планетарных двигателей на ажурную площадку неизвестной планеты. Капитан, выбравшись из люка, глубоко вздохнул: задание выполнено, они на месте. Оставалась какая-то мелочь по сравнению с тем, что пришлось пережить им в чёрной бездне космоса. Он краем глаза увидел, как вслед за ним спускаются все члены экипажа: Эйн - бортмеханик, Дус - специалист по биологии и разумным существам, а также Нейя - врач и психолог. Он уже раскрыл рот, чтобы отдать первый приказ, как из кустов прямо к ним вывалились два зелёных существа. Молча уставившись на корабль, они усиленно хлопали огромными малиновыми ушами. Нейя ахнула и включила разговорный передатчик. В нём что-то захлопало, забурлило, и неожиданно раздался хриплый голос на очень скверной космолингве:

- Кто вы?

Капитан переглянулся с остальными: наконец-то эта минута наступила - первый канестийский контакт с аборигенами другой планеты! Подняв правую руку, он шагнул вперед:

-Мы - пришельцы из другого мира и не желаем вам зла...

Его прервал вмиг изменившийся голос:

-Значит, вы - инопланетяне?

-Ну да, - капитан в недоумении пожал плечами, - а вы - аборигены...

-Нет.

-Что-о? - Дус чуть не грохнулся головой о низкий люк корабля.

- Но тогда кто же вы?

-Инопланетяне.

-Э, нет! - возмутился Эйн. - Это мы инопланетяне!

-Нет, мы! - зелёные существа упорно стояли на своём.

-Тихо всем! - капитан наконец обрёл дар речи. Он медленно вытер рукой со лба пот и обвёл споривших мрачным взглядом. - Вопрос предельно ясен. Это не аборигены, следовательно, нужно искать аборигенов.

-А мы что делаем? - существа обиделись и сильно хлопнули малиновыми ушами. - Мы ведь тоже думали, что это вы аборигены.

После продолжительной дискуссии решено было организовать экспедицию из двух человек для поиска здешних жителей. Выбрали капитана и Эйна. Вооружившись согласно инструкции, они ступили в настоящие джунгли из вековых деревьев, полудеревьев и прочих сверхрастений. Зелёные существа с малиновыми ушами топали вслед за ними. Эйн настороженно оглядывался, водя ушами как истинный канестиец. Далеко идти не пришлось. С деревьев с сильным шумом спрыгнули жёлтые гориллы и преградили путь. Датчик зашумел и рывкнул:

-Приветствуем вас, аборигены голубой планеты! Наконец-то мы нашли вас. Поверьте, сделать это было очень трудно.

Капитан еле удержался на ногах, чтобы не упасть.

-Ещё одни! - Эйн, выпучив глаза, уставился на горилл. Те вежливо улыбалась. Сзади хрюкнули зелёные существа, и в динамике раздалось:

-Короче, вы инопланетяне?

Главная горилла с горящими глазами недоумённо шевельнулась, как недавно это сделал сам капитан, и показала клыки:

-Ну, разумеется, и мы очень рады установить контакт с аборигенами.

Капитан, не сдержавшись, фыркнул. Это уже анекдот какой-то! Столько контактов в один час, да к тому же с представителями любых цивилизаций, кроме нужной! В конце концов гориллы присоединились к процессии и все вместе отправились на дальнейшие поиски.

По дороге они встретили голубых баранов с Альдебарана, оранжевых пятиножек с Пласкетты, пятнистых рододендронов с Прочиона и приплюснутых амфибий с Регула. Но, к сожалению, все оказались инопланетянами и на роль аборигенов не годились. Все тоже мечтали отыскать коренных представителей этой планеты и первыми установить с ними контакт.

Вконец устав от безуспешных попыток найти хоть самого заурядого аборигена, капитан с Эйном уселись на траву. Но тут же оказалось, что это вовсе не трава, а ещё один представитель косми-

ческой цивилизации - травола с Полярной. Пришлось извиниться и заверить, что впредь они будут более осторожны.

Уладив конфликт с траволой, капитан растерянно почесал в затылке:

-Да, здесь явно что-то не в порядке.

-Конечно, - жёлтая горилла скользнула на землю, - на всей планете ни одного аборигена! Но зато сколько инопланетян!

-А ты что, считал? - с подозрением спросил Эйн.

Тот не успел ответить. Капитан хлопнул себя по лбу:

-Как же я раньше не догадался! Нужно собрать всех представителей космоса на этой планете и - сто против одного - мы узнаем, в чём тут дело!

Сказано - сделано. Средства связи здесь имелись свои, и уже через пару минут стали прибывать первые «гости». Постепенно кваканье, уханье, рычание слились в общий невообразимый гвалт. Капитан напрасно старался перекрыть эту ораву, все спорили друг с другом до хрипоты - кто из них настоящий инопланетянин. Наконец Эйн догадался подтащить ржавый металлический лист, и протяжный душераздирающий звук вмиг успокоил собрание. Капитан заговорил:

-Итак, все вы инопланетяне?

Толпа утвердительно рявкнула.

- А сколько вас всего?

На это быстро нашли ответ. Оказалось - 55 различных цивилизаций.

-Ну и ну! - только и смог выговорить капитан, - и все ищите аборигенов?

Ответ оказался неутешительным - все до единого.

-А нашли что-нибудь? - поинтересовался он, впрочем, не без ехидства.

Гробовое молчание. Даже можно было слышать, как жужжат радионасекомые, тучами проносясь на высоте 12 километров. Тоже инопланетяне. Они на лету принимали передачу с собрания и передавали по всей галактике.

Наконец, за всех ответила травола:

-Да вроде никто не видел.

-Так, - капитан абсолютно ничего не понимал, - тогда где же они?

...Яркое жёлтое солнце уже садилось за лесом, и собрание понуро расходилось. Да, ничего не поделаешь. В последнюю тысячу лет наблюдается большой дефицит аборигенов. Здешние вымерли

ещё во время нашествия 38-й цивилизации до нашей эры. И говорят, что повальный дефицит на всё пошёл именно от этой планеты.

Корабль взмыл в небо и, набирая скорость, вошёл в открытый космос. Капитан долго ещё видел, как сияла голубизной покинутая планета, кажется, аборигены называли ее Земля.

КОЛЕСОВА Наталья

ПРОСТО ИГРА...

*Жизнь течет, как вода,
в полупрозрачном сне,
в том, что мы по ошибке
считали игрой...
(Песня)*

Как бы перехватить сотню с бабушкиной пенсии Машке на осенние сапоги. А если выгрести бутылки из-под пива с кладовки, отскрести, отмыть, отыскать, где их принимают за деньги, а не а на обмен товара, может хватить на обеды в школе... И еще...

Эти сложные расчеты прервал резкий голос прямо над ее головой:

- Светлана Владимировна!

Вздрогнув, она вскинула глаза, заполошно схватилась за раскрытую папку.

- Да?

- Отчет отослали?

- Еще нет...

- Когда будет готов?

- Ну-у...

- Вы знаете, что он должен быть отослан еще вчера?

- Да, но...

- Вот и прекращайте витать в облаках и займитесь, наконец, своими обязанностями! Понимаю, что вы женщина одинокая, но на работе нужно думать о работе!

Добрый вечер, мрачно подумала она, глядя в спину уходящего начальства. Да что ж я все время язык-то проглатываю? Данные дали всего полчаса назад, а на одну только обработку уйдет целый день...И какова стерва - как это ввернула насчет одинокости! П-

проститутка старая! То ли настроение ей кто испортил, то ли снова сокращение намечается... Коллеги поглядывали кто с сочувствием, кто с усмешкой, но комментировать не пытались - Марковна стояла в дверях, с кем-то переговариваясь в коридоре. Ну ладно, выкинуть все из головы, дожду сегодня как-нибудь, возьму домой наконец...

Она повернулась к компьютеру и поморщилась: опять Машка письма сбрасывает, лучше бы уроки до ее прихода сделала! Нетерпеливо щелкнула «вводом» - конверт раскрылся, описав плавную дугу и в глаза бросилось напечатанное черным жирным шрифтом: «Кошка!»

Светлана Владимировна откинулась на спинку кресла, задумчиво разглядывая расплывающееся, как клякса, слово. Отчет мгновенно перестал для нее существовать - вместе со всем остальным миром. Из кляксы вновь появилось: «Кошка!», наплывая, заполняя весь экран, нетерпеливо, чуть ли не угрожающе.

«Yes».

«Игра 13-го. Игровое время: 1-2 суток. Полигон: комбинат. Тема: «Зона» АБС. Рекомендуемая литература: А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине. Оргвзнос: 100. Отказ: не принимается. Мик.»

Светлана сняла очки и устремила усталые, неопределенного цвета глаза на теплое августовское небо. Трезвый Мик лаконичен до неприличия. Первое послание за несколько месяцев и ни здрастье тебе, ни до свидания, - рассеянно раздумывала она, уже машинально прикидывая, какой 13-го будет день недели, можно ли забросить Машку бабушке на двое суток и...

И остановилась. Стоп, стоп, стоп. Ты уже в прошлый раз решила - все, пора завязывать. Бабе под сраку лет, ребенок на шее, лучше бы подработку нашла. А ее - только пальцем помани - готова сорваться и нестись сломя голову на дурацкие игры, от которых нормальный человек только пальцем у виска покрутит - и плевать на дочкины сапоги, последние деньги спустит, чтобы провести пару-тройку дней в компании таких же идиотов...

Она говорила это себе и понимала - бесполезно, в воздух, в пустоту - потому что тело, уставшее, отупевшее от сидячих дней, месяцев, подбиралось, становилось настороженно-звериным, уже пальцы мягко постукивали по столу, вспоминая беззвучную азбуку, а сощуренные, словно ставшие зорче глаза следили, как на экране разворачивается следующее послание - кто-то упал на хвост мастеру, хакеры несчастные! - на этот раз без подписи: «Кошка! В этот раз я тебя урою!»

Светлана Владимировна улыбнулась. Потянулась к клавиатуре и медленно, со вкусом, с расстановкой, громко клацая клавишами, напечатала ответ из трех вполне приличных букв, образующих ну очень неприличное слово...

Еле-еле уложив вяло сопротивляющуюся Машку - дочь зевала во весь рот и ныла только исключительно из природной вредности, - она долго и тщательно мыла посуду, упорно стараясь не смотреть в сторону компьютера и все же то и дело кидая на мирно светящийся монитор быстрые «невзначайные» взгляды. Какого рожна тебе еще надо? Что тебе, персоналки мастера мало? Решительно повернувшись к экрану спиной, она поставила табуретку и достала с антресолей старую спортивную сумку. Села тут же на пол, неторопливо доставая прикиды. Кольчуга из ковровых колец в полный рост... ведь таскала же на себе такую тяжесть, уму непостижимо... первый деревянный меч... Есть же коллекционеры, которые с руками отрывают реликвии первых Хоббитских Игрищ - музей, слышно, организуют да книги пишут - продать, что ли? А если сюда прибавить плату за тренажеры, посещение через знакомых ментов стрелкового тира... Надо завтра пристрелять пневматику, да и побегать по вечерам бы не мешало - совсем закисла. Где-то тут была схема комбината с прошлогодней игры... Пожалуй, надо смотаться туда, припомнить, что там к чему... Ага, вот она! Не сводя глаз со схемы, она машинально натягивала кошачий прикид - пятнистые штаны, черную водолазку, камуфляжную куртку со множеством карманов, высокие ботинки, ремни, перчатки... Поднявшись, вышла в коридор, к большому зеркалу, на ходу надевая маску.

На нее смотрела Кошка. Гибкая, черная, сильная. Повернулась медленно, поблескивая зелеными в прорезях маски глазами, внимательно оглядывая себя: слава Богу, не расплылась, никаких лишних складок и черт с ней, с зарядкой... Она присела, пружиня, на шпагат, сделала несколько разных гере - нигде не жало, не тянуло, не мешало, не давило... Сзади пискнул компьютер, у Светланы екнуло сердце. Махом оглянувшись, уставилась на экран. Подошла, как загипнотизированная. Коротко вздохнув, нажала «ввод». Может, это опять Мик... или... На экране таяла улыбка.

«Кошка, здравствуй. Набираю команду. Идешь?»

Она оперлась о стол рукой с зажатой в ней маской и отпечатала - с жутковато-сладким чувством, похожим на то, с которым бросаешься в ледяную воду.

- Иду.

Рис. Н. Колесовой

С Улыбкой они играли второй год - до того в миковских «игрушках» Кошка переходила из команды в команду, а то и вовсе была вольным стрелком - одиночным ролевиком - по своему желанию или хотению Мика-мастера, любящего перетасовывать людей и смотреть, что из этого получится. Собственно, этого парня Кошка и не помнила - каждый игровой сезон приходила куча новичков и большинство из них ничем особенным не выделялось... После окончания «Бури в пустыне», как пышно обозвал свою игру Мик - обыкновенную «войнушку» с террористами, арабами, ЦРУшниками, КГБшниками, заложниками, похищенным атомным оружием и прочими прелестями - Кошка забрела в Перекресток. Вообще-то она редко это делала: послеигровое обсуждение зачастую превращалось в натуральные разборки вплоть до мордобитья... Но в этот раз Игра получилась на диво и разбегаться просто так не хотелось. А посему народ засел в ролевушном кабаке-клубе, делясь впечатлениями и претензиями. Как водится, последних было больше, и когда Кошка с ЦРУшниками явилась в Перекресток, там уже стоял вселенский ор - враждующие стороны обвиняли друг друга в несоблюдении правил и недосчете «хитов» - игровых жизней - и все дружно нападали на «мастеров-козлов». Мик, не потерявший энергии и сил за несколько месяцев подготовки к Игре, успешно отбранивался, подмастерья обижались и орали «сам дурак!», кто-то спал,

кто-то пил, кто-то обменивался адресами - словом, все было, как обычно. ЦРУшники подались резко вправо - к спасенным заложницам - и сравнив их хорошенькие рожицы со своей грязной кошачьей мордой, Кошка пошла к своему столу у стойки - оттуда был виден весь Перекресток. Вправду сказать, мнение о ЦРУ у нее сложилось препоганое - команда была сборной, с бору по сосенке, склочной, без конца борющейся за лидерство; удивительно, как они не перебили друг друга еще до встречи с террористами - и Кошка была рада от них отдохнуть. Хотя она не относилась к «загруженным» игрокам, которые полностью включались в Игру и которых после ее окончания приходилось чуть ли не под локотки водить в туалет и обеспечивать им прочие жизненные надобности, в этот раз Кошка выложились здорово и единственное, что ей сейчас было нужно - еда, пиво и молчание. Вообще-то стол был мастерский, но Мик сейчас был занят перетягиванием с игроками, да и питал к Кошке некоторую слабость, а посему она, бесцеремонно сдвинув посуду, кинула на сиденье куртку и сумку и пошла к стойке. Барменша Катя - Кэтти - была женоненавистницей. А так же ненавистницей домашних животных. Увидев, что неприятный ей экземпляр, единый в двух лицах, приближается к ее драгоценной особе, Кэтти немедленно повернулась к залу обширным задом. Кошка оперлась об исписанную автографами стойку, разглядывая этот зад и раздумывая лениво, что будет, если пухнуть в него: может, похудеет? Двое парней, разговаривающих неподалеку, мельком взглянули на Кошку, один - светловолосый - кивнул, здороваясь. С запозданием Кошка кивнула тоже: явно не из игроков-ветеранов, а с новыми она была плохо знакома. Парень позвал:

- Эй, Кэтти, хозяйшка!

Та мгновенно развернулась.

- Нам повторить, а девушке... что тебе?

- Пиццу и пиво.

- Пиццу и пиво, - повторил парень.

Кэтрин стрельнула карим глазом.

- Домашним животным вход воспрещен, - она налила парням по полстакана и катнула по стойке еле успевшей поймать заказ Кошке. Закончила мрачно:

- Штраф - столик.

- Мик заплатит, - уведомила Кошка, убираясь на свое место.

Уплетая пиццу, разглядывала Перекресток. Известный клуб ролеров никогда не пустовал: здесь собирались на «загруз» перед Игрой, на обсуждение - после и на тусовки - вместо. После прогре-

мевшего на полстраны миковского «Маскарада» у игроков, в нем участвовавших, стало хорошим тоном приходиться сюда в масках, а потом эта мода перекинулась и на молодежь, и на остальные миковские игры. Хотя за окнами был день, здесь всегда царил задымленный полумрак и несмотря на то, что в Перекрестке постоянно хлопали двери, воздух сюда почти не проникал и пахло здесь книгами, дымом, кожей, металлом... Светлане Горецкой стало бы дурно, а Кошка тащилась от этих запахов, как натуральная кошка - от валерьянки. Здесь пахло Игрой...

- Можно?

Кошка подняла глаза - давешний парень. Кивнула с некоторой настороженностью: судя по прикиду, он был одним из террористов, которых и замочили ЦРУшники. Пришел права качать? Парень сел, поставив перед собой бутылку «Балтики», закинул руку за спинку и стал смотреть на Кошку. Кошка стала давиться, а устав это делать, сказала невежливо:

- Ну?

- Классно играешь, Кошка.

Кошка хлопнула пару раз глазами и согласно кивнув, облизала пальцы.

- Меня зовут Улыбка, - сказал парень, зорко высматривая встречную улыбку. Кошка пожала плечами.

- Бывает...

- Я капитан террористов.

Она взглянула с интересом: что-то такое Мик говорил об их командире... Хвалил. Парень как парень - рост средний, телосложение среднее, подбородок крепкий, глаза в прорезях маски кажутся темными, волосы густые, светлые... Парень, поглядывая по сторонам, хлебнул пивка.

- Удачная игрушка, да?

- На диво, - хмыкнула Кошка.

- Ты, говорят, на всех миковских играх была?

- Не считала.

Кошке хотелось спать, хотелось молчать, и она вовсе не собиралась быть любезной - если Улыбка пришел потрепаться, пусть ходит мимо... Но Улыбка и сам не казался очень разговорчивым, и Кошка настолько свыклась с его молчанием, что даже не поняла смысла услышанного:

- Что?

- Пойдешь к нам в команду? - Улыбка отставил бутылку и подался к ней через стол.

- Костяк более-менее один: я, Шустрик, Арнольд, Хан, Рагнар... Сыгрались. Пойдешь к нам?

Кошка машинально взяла его бутылку, хлебнула. Улыбка внимательно следил за ней сквозь прорези маски.

- С чего это вдруг?

- Я же говорю - играешь здорово. Понравилась.

- Кому?

- Нам, - терпеливо сказал Улыбка. - Давай в следующий раз... что там у Мика? «Мауи»?.. к нам. Может, сыграемся.

Кошка двинула бровями, автоматом допивая его пиво: звали ее не в первый раз, но редко в сложившуюся команду - характер у нее был не сахар и язык не мед. Уж слишком Кошка любила гулять сама по себе. Но и отказывать особой причины не было: всем известно, что новички - народ «энтузиастичный», ответственный и играет честно. А уж какой Улыбка капитан - посмотрится.

- Ну ладно. Интернетовский адрес у Мика. - Кошка встала. Машка, наверное, уже заждалась. - Пока.

Улыбка - господи ты боже мой, джентльмен! - поднялся тоже.

- Тебе в город? Хочешь, подбросим?

- Сама доберусь.

Она пошла к выходу.

- Кошка!

Оглянулась.

- Сыграемся! - сообщил ей Улыбка, подымая бутылку, словно тост.

Кошка махнула рукой.

- Увидим...

Сыгрались.

Она уже в который раз вытряхнула сумку, раздумывая, что оставить. Удивительно, как много требуется вещей, хотя собираешься всего-то на два-три дня... Слава Богу, не в лес, как вспомнишь эти рюкзаки да чехлы с мечами... Будут местные и несколько команд из ближайших городов. На регионалку не тянет, да Мик, похоже, и не шибко стремится - последняя игра на полигоне в этом году, разве что кто из мастеров пожелает сделать «павильонку»... Ломая голову над неразрешимой задачей - брать резиновые сапоги или нет - Светлана рывкнула в трубку не вовремя зазвонившего телефона:

- Да! О, Сереж, привет...

- Слушай, - бодро сказал ей нынешний... как это у Хмелевской... хахаль? - Я завтра спихну своих на дачу. День куда-нибудь Машку, я к тебе приеду. Что брать? Шампанское, вино? Слушай, приготовь мясо по-французски, оно у тебя обалденно выходит...

Она слушала и все больше ощущала себя преступницей.

- Ой, Сереж, я завтра не могу... и в воскресенье. Меня не будет в городе. Понимаешь, очень важная встреча...

- Так отмени! - нетерпеливо сказал он. - Я же отменил. Ну, Свет, в кои-то веки подвернулась такая возможность, а ты... Светик, я соскучился, очень соскучился. Давай, отменяй все, хорошо? Свет, ну что за дела, я с таким трудом все устроил...

Ну да, думала она, слушая его терпеливо-раздраженный голос. Наконец-то выделили мне время между своей семьей и субботним футболом, а я, сволочь неблагодарная, не виляю хвостиком и не визжу от радости...

- Нет, Сереж. Извини. Я не могу. Правда не могу.

Пауза.

- Да? Ну ладно. Я всегда готов для тебя на уступки, а ты мне навстречу идти не хочешь. Ну что ж... счастливо отдохнуть. Пока.

- Пока, - сказала она в загудевшую трубку.

Похоже, личная жизнь опять насмарку... А, да провались эти проклятые сапоги, не сахарная, не растаю!

Стол у стойки был занят - обернулись все разом, словно их окликнули - или они оборачивались на каждый хлопок двери? Чувствуя, как на ее лице расцветает неудержимая улыбка, Кошка, кивая по сторонам, дошла до своей команды. Шустрик ухватил ее за ремень, притянул, приподнялся, смачно чмокнул. Кошка демонстративно вытерла рот. Обошла Арнольда, вяло пошевелившего в знак приветствия пальчиками. Тот, слегка повернувшись, сказал гнусаво:

- Мальчик, уступи леди место...

Сидевший на ее месте парень легко выпрыгнул со скамьи, сказав на ходу:

- Привет, Кошка!

Кошка, мотнув головой, села. Продолжая разговаривать с соседним столом, Улыбка стягивал перчатку. Протянул руку, крепко пожав кошкину ладонь.

- Арнольд, детка...

Арнольд медленно встал и с отсутствующим видом приволок от стойки пиццу. Не спрашивая, налил Кошке полстакана, плеснул понемногу в остальные. Кошка огляделась.

- А где Хан?

- Не будет, - доложил Шустрик. - У него дочка родилась. Рыжая!

Кошка невольно заинтересовалась. Хан был черноволосым азиатистым парнем.

- Да ну? В кого?

- В соседа! Так что он пока из дому ни ногой! Носится с бутылочками, сосками, пеленками... Папаша!

- Семья как гибель толкинизма! - мрачно резюмировал Арнольд, боднув своим стаканом стакан Кошки. - Поехали - за новорожденную Аньку Игоревну!

Парни общались и по жизни, но Кошка, хоть и испытывала легкую зависть и ностальгию по тусовочности первых игровых лет, поддерживать отношения не стремилась - отчасти из желания как-то упорядочить свою жизнь (как же, ведь Роман не одобряет!), отчасти из-за некоторого возрастного комплекса: игроки, как правило, были много моложе... Правда, иногда болтала с ними по сети - особенно часто с неугомонным Шустриком.

- Сунули нам замену, - сообщил Арнольд, вкусно закусывая. - Новичка. Улыбка в жребий вытянул, пальцы бы ему пообрубать до самых колен... У Мика новые заморочки - сопляка в нагрузку.

Сам Арнольд играл второй год и на том основании считал себя ветераном. Здоровенный парень с белыми коровьими ресницами и почти бесцветными глазами. Кошка боялась, что так и не привыкнет к его гнусавому тонкому голосу. Привыкла.

- И как нагрузка?

- А вон она... - с отвращением сказал Арнольд. Шустрик пропел, глядя через плечо:

- Мы не хиппи, мы не панки...

- Хай! - весело сказал парень, бросая у стола задрипанный рюкзак.

- И тебе хай, - вежливо согласился Шустрик. - Вот это наше подрастающее поколение, Кошка.

Кошка прикусила щеку. Цветастые джинсы, бесчисленные - по локоть - «фенечки», серьги в ушах, бандана поверх длинных нечесанных волос... Вот приведет однажды дочь такое сокровище, подумала Светлана. Отпад, подумала Кошка.

- О! - сказал парень радостно. - Кошка! Ты, говорят, в спецназе служишь?

Арнольд подавился очередной котлетой и часто заперхал. Кошка гулко хлопнула его по чугунной спине.

- И что?

- Круто! - парень увалился рядом с Шустриком, не сводя с нее расширенных глаз. - Это ты в прошлый раз Дэна урыла?

- Это какого? - заинтересовался Шустрик. - Их же на Игре, как собак нерезанных!

- Попробуй всех урой, - поддержал Арнольд.

- Ну этого, как его... с Н-ска...

- А, этого! - пренебрежительно махнул рукой Шустрик. - Да наша Кошка его одной левой!

- Одним плевком! - поддакнул Арнольд.

Кошка посмотрела на Улыбку. Капитан сидел, прислонившись спиной к стене, поглядывая то на зал, то на свою команду. И молчал.

Кошка протянула руку, и Улыбка привычно полез за сигаретами. Новичок его опередил - сунул в ладонь Кошки помятую пачку.

- Угощайся!

Она понюхала сигарету и посмотрела на Улыбку. Тот взял пачку и сунул в карман своей куртки.

- У-уй! - сказал парень, тараща глаза.

- Торчать будешь после Игры! - спокойно сообщил Улыбка. - Играешь натрезвяк.

- Нет, ты че, мент, или кто? У вас что тут? Детский сад, что ли?

- Ясельки, - ласково сказал Шустрик, пока Улыбка с отсутствующим видом застегивал клапан кармана. - Будешь хамить капитану, до Зоны не дойдешь. Имя у тебя есть?

- Антон, - пробурчал парень. - Энтони.

- Какой ты, на хрен, Энтони, Лох ты! - информировал Шустрик. - И Лохом останешься до конца Игры. Понял?

Кошка наконец прикурила сигарету от улыбкинской зажигалки. Затягиваясь, пригляделась - капитан, слегка засмушавшись, потер левое ухо. Блеснули две серьги - гвоздик и колечко.

- Ну и ну, - только и вымолвила Кошка.

- А у нас теперь униформа такая, - сообщил Арнольд. - Я вот решил кольцо в нос вставить.

- Ты и так гундосишь.

- Я не гундосу! - с достоинством возразил Арнольд. - У меня хранцузский прононс!

- Прононс у него...

- И вместо кошачьего отряда нас будут называть голубым отрядом, - заметил Шустрик.

- Отряд голубых, - мечтательно сказал Арнольд.

- Армия любовников, - в тон ему произнес Улыбка.

- Вы как хотите, а я не пидор! - обиделся, а то и встревожился Лох. Шустрик начал оглядывать его с преувеличенным интересом.

- Да? Будет время проверить...

Лох отскочил от него, как ошпаренный.

- Ой, б...

- Бутылку возьми! - крикнул ему вслед Шустрик. - Обмоем твоё вступление в армию любовников!

И тут же сунулся к Улыбке.

- Дай затянуться!

- Слышал - после Игры, - сказал Улыбка.

- Да дай, не жопься, я быстро!

- Вонять будет, - сказала Кошка.

- Непедагогично, - заметил Арнольд.

- Да ни хрена он не учует! Видали у него зрачки? Ну, быстро!

Улыбка достал сигарету, прикурил, медленно затянулся и отдал Шустрику. Тот сделал несколько глубоких быстрых затяжек и сунул Арнольду. Арнольд поднял широкую ладонь.

- Пропускаю.

- Кошка?

Она с сомнением повертела сигарету. Анашу она не курила. Да и вообще не курила - по жизни. Затянулась. Передала Улыбке. Он отдал Шустрику. Воровато оглядываясь, тот быстренько докурил и помахал в воздухе рукой, символически разгоняя приторно-сладкий дымок.

- П-педагоги, - проворчал Арнольд.

- Ш-ш-ш, - шикнул Шустрик, - мастер говорить будет!

К стойке и вправду выбрел Мик. Был он, как обычно, огромен, грузен и бородат. Привалившись спиной к стойке, Мик с минуту смотрел в зал. Уяснив, что большинство не соизволило обратить на него внимание, он поднял лапу и гаркнул:

- Нарр-род!

Игроки не сразу, но поутихли, в зале послышалось дружное движение: кто поворачивался, кто вставал, кто проходил ближе...

- Рад вас всех видеть!

- У-у-у!

- Хай-хай!

- И мы, Мик!

- На Игру заявилось порядка восьмидесяти человек. Играем, как вы знаете... надеюсь, что знаете... по «Пикнику...» Стругацких. Полигон площадью десять на пятнадцать, игровое время - сутки-двое. Общая игровая задача - обнаружение Золотого Шара. Большинство сталкеров - новички. Лишь у ветеранов есть карты Зоны, но далеко не полные. Команды, заботьтесь о проводнике или будете безвылазно сидеть в Стране мертвых. Пребывание в ней, кстати, шесть часов.

- У-у-у, Мик!

- Жестоко, мастер!

- Ничего-ничего, учитесь ценить жизнь - свою и чужую. Напоминаю, что можно вынести из Зоны помимо Шара: черные брызги, зуду, пустышку, ведьмин студень, смерть-лампу... образцы на стойке. Дорога проверяется гаечками, число которых ограничено. Новичкам рекомендую поучиться в школе Стервятника... то бишь меня... за умеренную плату, разумеется. Господа сталкеры, за вами будут охотиться полицейские, если поймают - срок отсидки четыре часа. Не забывайте и про ловушки - жгучий пух, комариная плешь, мясорубка... Если кто угодил в ведьмин студень - не обессудьте - за полчаса не доберетесь до врача - милости просим в мертвятник. Время в Зоне тоже ограничено - не надейтесь зависнуть там на весь световой день, через четыре часа загнетесь. Ученые Института - ваш командный мастер Синди, прошу любить и жаловать. И еще раз о Правилах - Правила надо знать.

- Вот это что-то новенькое ! - заметил Улыбка. - Покажите мне хоть одного игрока, который бы до конца изучил Правила...

- Или мастера! - поддержала Кошка.

- А вообще - как сыграете, такую и получите Игру! И запомните: на этой Игре мастера - не козлы!

Бросив этот последний лозунг во взревший народ, Мик повернулся к своему столу. Втиснулся между Кошкой и Арнольдом, подвигался, умащивая мощные телеса, похлопал приветственно соседку по загровку и сказал с удовольствием:

- Привет отряду кошачьих!

- Класс млекопитающих, подкласс хищников... - пробормотал выжатый Арнольд, пытаясь втиснуть назад свою задницу. - Мик, тебя так много, а ты ведь еще и не пил...

Кончилось все тем, что ворчащий Арнольд притащил стул и уселся в торце стола. Образовался теплый круг, в котором немед-

ленно появились новая бутылка, раскрытые банки консервов и даже притащенная неведомо кем трехлитровая банка огурцов.

- За мастера, за мастера, - приговаривал Шустрик, разливая. - За нашего великого - во всех отношениях - мастера!

Зазвенели дружно сдвинутые стаканы. Шустрик выдрал водку из поднятой руки Лоха.

- Пионерская норма!

- Они теперь не пионэры! - заметил шумно хрустевший огурцом Мик. - Они теперь эти... как их... скауты! Ты скаут, ребенок?

- Я трезвенник! - мрачно сказал Лох, наблюдая, как исчезает содержимое его стакана в шустриковской глотке.

- Эт-то правильно! - одобрил Мик. - На Игре надо быть трезвым и злым.

- Тогда ты, Мик, - рассудительно сказал Арнольд, - много не пей. А то будешь с похмельюги трахать нас всяческими способами.

- Я, - с достоинством объявил Мик, - ориентации не менял. Вот с Кошкой я бы с великим удовольствием!

Кошка еще скучающе вела глазом, а сидевший напротив Шустрик, откинувшись назад, описал ногой в старой кроссовке дугу в миллиметре от миковской физиономии. Поднялся ветер.

- Базар фильтруй, Мик, - сказал вполне миролюбиво, - а то как бы тебе бороду не обрили!

- Кстати, - сказал рослый парень, остановившийся у стола с бутылочкой пива, - а как у нас отыгрывается изнасилование?

Кошка откинула голову, окидывая его взглядом: волевая челюсть, крепкий лоб...

- Мик, а как у нас отыгрывается отрезание яиц?

Первым ухнул Мик. Потом заржал весь стол. Парень - делать нечего - усмехнулся тоже, постоял еще, выжидая приличествующую паузу, и отошел.

Игра, как обычно, началась до Игры. Уже заключались пакты о ненападении, скупщики сулили большие барыши, уже дипломат и интриган Шустрик уходил и говорил с известными и неизвестными людьми; возвращался очень довольный, вклинивался в беседу, выпивал и снова исчезал. Мик только отмахивался от игроков, пытающихся что-то уточнить у него по Правилам:

- К командным мастерам, дети мои, к мастерам!

В голове было пусто, звонко и гулко. Кошка вертела стакан и размышляла, почему такие дозы не валят ее с ног. Обычно ей хватало одной рюмки.

- А помнишь, - говорил Мик, приобняв ее за плечи, - первые Хоббитские? Ельфы...

- Пильфы, - отсутствующе вставил Улыбка.

- ...орки, Фродо, - зажмурившись, мечтательно продолжал Мик.
- Колечко... песня! Эх, где наши годы молодые!

Кошка на самых первых ХИ не была, но коль пришла мастеру охота поностальгировать, слушала с удовольствием.

- То-то я смотрю, ты точно такие игры и делаешь! - язвительно заметил Арнольд, у которого алкоголь наконец добрался до головы и начал портиться характер. - Гибрид «Зарницы» с п-пейнтболом!

- А что? Игры всякие нужны, игры всякие важны... Пусть человек лучше здесь оторвется, чем на твоей башке в подворотне!

- Психотерапевт ты наш! Бла-адетель! - пропел вернувшийся Шустрик.

- Понимаешь, - говорил Улыбка, потирая покрасневшее ухо, - у меня такая работа... в общем, я всегда должен быть в форме.

Кошка кивнула.

- Метрдотель?

Улыбка хмыкнул.

- Ну, где-то рядом... - ей пришлось податься через стол, потому что над левым ухом продолжали дискутировать два гиганта.

- А мне это уже - вот где! Особенно после Игры - так, знаешь, хочется что-то изменить...

Кошка знала. Два года назад после Игры она наконец подала на развод с Романом и, как ни странно, до сих пор об этом почти не жалела.

- Ну вот и... - Улыбка вновь потер ухо. Кошка отвела его пальцы.

- Спиртом протирай.

- Водкой можно?

- Хоть пивом.

Пьяная идиотка, подумала Кошка, обнаружив, как уютно устроилась ее рука в улыбкинской теплой, бьющей током ладони. Правда, дальше самокритики дело не пошло...

- Ну и как на это посмотрели на твоей работе?

Он засмеялся:

- Радостно!

Кошка представила, как приходит на работу в ярко-розовых «бермудах» и ядовитой «кислотке» с вырезом до пупа и завистливо вздохнула:

- Везет же некоторым! У нас сурово - юбка до колен, чулки...

Капитан медленно улыбнулся:

- Чулки? Чулки - это здорово...

Кошка встретила с ним глазами и чтобы отвлечься, прислушалась к общему разговору. Общий разговор меж тем катился по излюбленной колее - а почему же мы все-таки играем?

- В жизни скучно, - говорил Мик, хрустя огурцом. («Говори за себя» - вставка от Арнольда.) - Хочется адреналинчику. А повысить его можно по-разному. Геймы компьютерные адреналин повышают? Повышают. Удовлетворение есть? Есть - если выиграешь. Жизненный тонус - ноль. Или вот, к примеру, дали тебе по башке в подворотне...

Улыбка хмыкнул:

- Видно, часто ему в подворотне прилетает!

- Оно и заметно! - поддержала Кошка.

Мик продолжал:

- ...Адреналин? Повысился. Удовлетворение? Есть - если ты мазохист. Жизненный тонус? Нулевой. И что мы имеем в итоге?

- А в итоге мы имеем тебя, Мик, и твои «Зарницы»! - сообщил вновь объявившийся Шустрик. - Будь здоров! Хорошо, что тебя по жизни никто как следует не удовлетворяет!

- А ты зачем на Игры ездешь, Арнольдик?

Арнольд подумал, повел могучим плечом.

- Здесь можно побыть совсем другим человеком.

- А есть еще такая болезнь, - услужливо сообщил Шустрик, - раздвоение личности. Шизофрения называется.

Мик поскреб волосатую шею.

- В свое время знакомые мне такой диагноз и ставили. А потом мне в голову пришла такая интересная мысль: а может, мы-то нормальные, а вокруг одни психи?

- Жить, - сказал Шустрик глубокомысленно, - нужно играя и играть живя.

- Ну совсем-то другим не получается... - с сомнением заметила Кошка.

- Да? - сказал Улыбка. - У меня, например, по жизни очень скверный характер. Просто стержневой.

- У тебя? - неподдельно изумилась Кошка. Улыбка был из тех редких капитанов, которые в случае проигрыша не обзывают свою команду козлами и идиотами, не напрягают демонстрацией своей власти и излишней опекой. Кошка поглядела на потолок, подумала и перегнувшись через стол, спросила:

- А веришь, что я по жизни очень закомплексованная и нерешительная девушка?

Улыбка, подавшийся ей навстречу, беззвучно засмеялся - в полумраке блеснули белые ровные зубы:

- Что девушка - верю!

Кошка перехватила взгляд Арнольда на их сцепленные руки и внутренне ощетижилась - пьяный Арнольд начинал язвить все, на чем фокусировался его взгляд. Но Арнольд, на удивление, промолчал. Выступил обнявший Кошку за плечи Мик:

- Ох, народ, за что же я вас так люблю? Ведь я же вижу вас всего несколько раз в году!

- За то и любишь, - сказала Кошка.

И вот они лежали мордой в землю - кто молча, кто вполне внятно матерясь - попасть на «сковородку» после хорошего полу-часового броска безо всяких происшествий по «надежной» улыбкинской карте...

Кошка лежала там, где ее застал возглас Улыбки - спрятав под себя руки, натянув на голову воротник куртки и одним глазом поглядывая на братьев-сталкеров. Шустрик вертелся, действительно, как уж на сковородке, непрерывно ругая Мика, так их увешего, и время от времени зверски шипел на пытавшегося поднять голову Лоха. Арнольд лежал молча и монументально, Улыбку, упавшего первым, не было видно из-за его мерно дышащей груди... Могло быть и хуже - в конце концов, лежишь на сухой земле, на листьях, черт подери, опять яичники застудишь... И ради того, чтобы полежать мордой в землю на заброшенном комбинате в окружении здоровенных придурков, платишь такие деньги, кидаешь дитя родное, едешь черте куда, наплевав на работу и личную жизнь, и...

- Подъем! - сказал Улыбка, и Кошка одним прыжком оказалась на ногах.

- Все живы? - осведомился севший Арнольд. Улыбка, морщась, разглядывал «сковородку» - выжженный круг травы.

- У меня правая рука поджарилась. У Лоха - левое ухо...

- А че?

- Башкой вертеть не будешь, вот че! - разъяснил Шустрик.

- ...рекомендую перевязать. А у Шустрика... - Шустрик, отрывающий штаны, замер. На лице капитана появилась коварная улыбка.

- ...обгорело причинное место...

- Кошка, перевяжи! - немедленно сказал Шустрик, расстегивая пряжку ремня. Кошка наклонила голову и стала смотреть с подчеркнутым интересом. Пальцы Шустрика двигались все медленнее...

- Тоже ерзал, как уж на сковородке, - проворчал Улыбка. - Ладно, задница у тебя обгорела.

Лох безуспешно пытался обмотать ухо и краснел от натуги и злости. Арнольд, все еще сидевший на земле, некоторое время наблюдал за ним, потом сжалился:

- Подь сюда, скаут... - и щедрой рукой намотал Лоху на голову белоснежный чепчик. Держась за поясицу, Шустрик бродил вокруг, охами и вздохами демонстрируя свои страдания. Улыбка, орудуя зубами и левой рукой, ловко перематывал правую. Когда Кошка догадалась подойти, осталось только закрепить бинт. Завязав узелок, Кошка осталась стоять рядом - Улыбка вопросительно вскинул глаза, отразившие небо бабьего лета.

- А я, значит, нигде не обгорела?

Улыбка посмотрел на «сковородку».

- Ты - и Арнольд - были на границе круга, - сказал спокойно. - Если хочешь обгореть, в следующий раз падай удачней - в центр.

- Извини, - сказала Кошка, чувствуя себя глупо.

- Нет проблем.

- Эй, Кошка, недовольна? - крикнул Шустрик. - Хочешь, задницами махнемся?

- Мне своя больше нравится.

- И мне тоже, - охотно согласился Шустрик. Кошка решила не уточнять, о какой из двух возможных идет речь.

- Ну ни хрена себе Мик дает! - восхищался Шустрик. Вертолет кружил над ними уже минут десять, словно пес на поводке: заметят, считай себя покойником. - Вот, где наши сотенки!

- А если в винт камнем? - предложил Лох.

- А если по ушам? - спросил Шустрик.

Кошка покосилась на Улыбку - тот, казалось, дремал, прикрыв лицо локтем. Сорвала травинку и сосредоточенно пощекотала подбородок капитана. Тот отмахнулся лениво - раз, другой - потом угол его рта пополз вверх и, не раскрывая глаз, Улыбка попытался перехватить кошкины пальцы - та едва успела отдернуть руку. Шустрик наблюдал за ними, положив подбородок на сложенные друг на друга кулаки. Вздохнул:

- Чисто дети!

И немедленно уполз щекотать уснувшего Арнольда.

- Извини, Улыбка, - проныл Арнольд. Он сидел, прислонившись спиной к стене и уныло смотрел на свои длинные вытянутые ноги. Четверо стояли перед ним и хмуро взирали на них же. Ноги до колен были заляпаны синей краской - Арнольд вломился в «ведьмин студень»

- Так, - сказал Улыбка и, вскинув руку, посмотрел на часы. - Ноги до колен парализованы. Если за полчаса не доставим к костоправу, Арнольд загнется.

Кошка поглядела на кислые рожи сталкеров. Возвращаться никому не хотелось - Игра всего ничего, а тащить на себе громадного Арнольда, да еще с риском попасть в ловушку или напороться на полицейских и загреметь на несколько часов в тюрьму или мертвятник... Шустрик присел было на край стены, но увидев обращенные на него взгляды, подскочил, как ужаленный, хватаясь за тощую задницу.

- Ое-ей! Волдырь лопнул!

Лох с удовольствием зафыркал. Улыбка поглядел на свою команду, на дорогу назад, пощурился на солнце и сказал:

- Ну, Лох отпадает...

Хоть и с неохотой, все согласились: для того, чтобы тащить Арнольда, нужно три таких Лоха.

- Спички у кого есть? Будем тянуть. - сказал Шустрик.

- Кто гаечку дальше кинет, тот и остается.

- Ну да! - заныл Шустрик. - Сам так целый месяц тренировался, а теперь нас строишь!

- А тебе кто не давал?

Впрочем, кинул Шустрик вполне прилично. Кошка смерила взглядом расстояние, вздохнула и бросила тоже. Оба смотрели на капитана. Улыбка повертел задумчиво в воздухе гаечку - и тоже кинул.

Смотреть пошли Улыбка с Шустриком. Кошка глядела на смирно помалкивающего Арнольда и прикидывала, как его придется тащить - волокушу, что ли, делать? Улыбка нес гайки за разноцветные ленточки, словно рыбий улов. Шустрик корчил неприятные рожи.

- Наловчилась, - злобно сказал Кошке и обратился к Арнольду, - ну что, болезный, может, сам поползешь?

Улыбка кивком подозвал Лоха, развернул карту.

- Пойдете по этому маршруту. Здесь обращайтесь внимание на трещины. Кошка, смотри! Основное направление - на ту трубу.

- Какую? - хмуро спросила Кошка. Она не верила, что кинула гайку дальше всех, но больше не хотела выставлять себя подозрительной дурой. - Их же тут до едрени фени...

- Вон та, с мозаикой. Там ждите нас. Часа через два должны обернуться.

- А если нет?

- Действуйте, как знаете.

Остающиеся помогли взвалить Арнольда на плечи - тот только вздыхал с подчеркнутой виноватостью.

- Найдете Золотой Шар, - крикнул Шустрик напоследок, - пожелайте, чтоб Арнольд скинул килограмм тридцать!

Они провожали взглядом парней, ссутулившись под тяжестью Арнольда - его ноги волочились по земле, иногда конвульсивно подергиваясь, словно желая помочь, и вновь замирали.

- Они что, так его и потащат до самого конца? - с ужасом спросил Лох.

- А то! Играть так играть...

Кошка уже который раз оглянулась и остановилась. Притомившийся, а потому наконец заткнувшийся Лох немедленно рухнул на остаток железобетонной плиты.

- Привал?

Подпрыгнув, Кошка подтянулась на заржавленной лестнице и внимательно взгляделась в тропинку. Спрыгнув, вытерла пыльные ладони о пыльные же штаны и сказала, не слишком повышая голос:

- Может, хватит в «догоняшки» играть? Выходи!

Лох подскочил:

- Кто? Где?

- Держись подальше... - вполголоса приказала она. Из-за железнодорожной насыпи медленно поднялся парень, постоял, глядя на них. Развел руки, демонстрируя открытые ладони и медленно пошел к ним. Перепачканные джинсы, серая куртка, серая маска, рюкзачок за левым плечом, на ремне болтаются гайки.

- Привет! - сказал, останавливаясь на дипломатическом расстоянии. - Можно мне с вами?

- А ты кто?

- Ланс.

- Оружие есть?

- Я сталкер мирный, - сказал Ланс, снимая куртку и встряхивая ее. - Пусть парень меня обыщет.

По кивку Кошки Лох неуверенно приблизился, принялся охлопывать Ланса по бокам, ногам... тот поглядывал на него сверху дружелюбно и говорил Кошке:

- Сигурд на первой же «сковородке» спек-с... Ну все? «Кулуарка» у меня за левым голенищем, можешь забрать...

- У кого карту брали?

Ланс хохотнул:

- У Стервятника, кого ж еще! А мы когда с Сигурдом узнали, что вы сюда идете, думаем, дело верняк! А где ваши?

- Догонят, - хмуро сказала Кошка. Брать с собой Ланса не хотелось, но держать его за спиной...

- Хабар у нас поровну.

- Это ясно, - согласился Ланс. - Вот...

Он взялся за мешок, услышав приказ «медленно», успокаивающе кивнул. Преувеличенно тщательно начал развязывать и доставать из мешка хабар. Потом вытряхнул на землю «джентльменский набор»: банку сгухи, кружку с ложкой, белую повязку «мертвеца». Кошка ногой разгребла хабар: зуда, браслет, батарейка...

- Делим на троих, остальное - по дошедшим, - Ланс задрал голову. - Ну, берешь?

- Идем.

Спрыгнув, она свернула карту.

- Держитесь правее. Там на пригорке «комариная плешь».

- Там? - показал Лох.

- Да. Иди по стенке.

Лох послушно вспрыгнул на развалины стены, прошел, балансируя, свернул за угол и скрылся из виду. Кошка вскарабкалась следом. Старые кроссовки чутко ощущали все впадины и выбоины, словно босые подошвы. Задержавшись на углу, оглянулась. Ланс стоял на стене, заглядывая вниз.

- А где плешь-то? Хоть посмотреть...

- Вон...

- Вот эта?

Кошка сделала несколько осторожных шагов назад.

- Видишь проплешину на пригорке?

- Где?

- Да вот же!

Дойдя до Ланса, Кошка наклонилась, показывая «выбритый» пригорок. Сталкер повернулся, качнулся, теряя равновесие, толк-

нул плечом Кошку - и та приземлилась на четыре кости прямехонько на «комариную плешь».

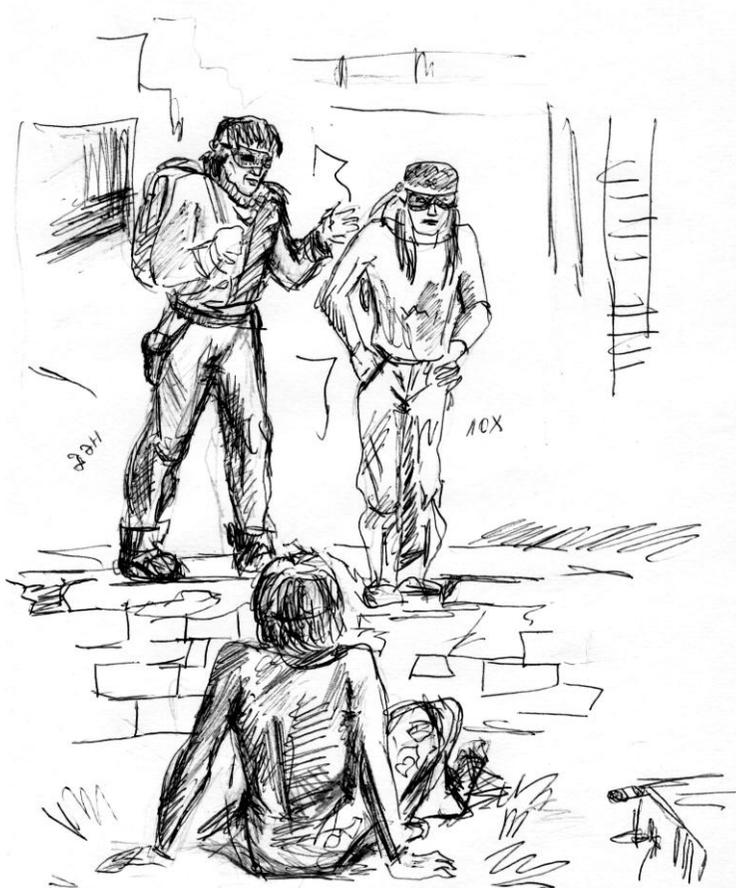
- Ну чего вы там? - спросил Лох, вновь появляясь на стене. Ланс стоял и почесывая подбородок, смотрел вниз на Кошку.

- Кошка влипла, - сказал задумчиво.

- Во блин!

- Ну. Свалилась прямо на плешь. Одно мокрое место осталось...

Кошка медленно села, машинально отряхивая руки и колени. Поглядела на стоявших на стене парней. Лох, стараясь не смотреть на нее, спросил:

Рис. Н. Колесовой

- Ну и что дальше?
- Хоронить там нечего. Пошли.
- А куда?
- Куда...Эй, а где карта?
- У нее была.
- Ланс с досадой выругался.
- Ну хоть примерно дорогу знаешь?
- Вроде на ту трубу надо выйти...
- Пошли на ту.

Продолжая вытирать руки о коленки, Кошка молча проводила их взглядом. Ланс оглянулся напоследок. Иди-иди... сталкер. Кошка легла спиной прямо на мягкую землю. Ногу за ногу стянула кроссовки. Пошевелила приятно попрохладневшими пальцами. Особо обидно не было, хотя она не ожидала попасть в трупятник так скоро... Заложив за голову руки, уставилась на медленно плывущие облака. А все-таки нужно доверять чутью - не надо было брать с собой Ланса. Может, у него роль такая - мочить сталкеро-конкурентов? Под Стервятника косит... Лоха жалко. Или пацан ему не помеха? А вот с картой он прогадал...

На душе становилось все гадостней и гадостней. Игра - дело личное - и в пределах собственной роли ты можешь быть героем или подонком - как тебе в данный момент или вообще по жизни хочется. Только нарываться на второго отчего-то всегда неприятно... Это от привычки к командной игре. Раньше ты всегда была готова к бою и обороне...

Кошка села, натянула кроссовки, вытащила из кармана традиционный бинтик для белой повязки мертвеца - чтоб было видно издали, что не стоит резать уже убитого, да и разговаривать себе во вред: уволокет с собой в Страну мертвых...

Кошка пошла, не разбирая, через кусты до хорошей дороги, которая когда-то называлась Доменной. Ветер, как обленившийся футболист, гонял туда-сюда листья, по асфальту змеились глубокие трещины. Кошка стянула маску, вытерла ею лицо и вертя ее на пальце, неспешно побрела в мертвятник...

Мандос, как с первых ХИ традиционно называли владыку Страны мертвых, встретил Кошку брюзгливо.

- Имя? - спросил хмуро, раскрывая уже порядком исписанную тетрадь.
- Кошка, - покорно сказала Кошка.
- Время смерти?

- Тридцать пять минут назад.

Мандос, шевеля губами, сделал сложный расчет.

- Причина смерти?

- Комариная плешь.

- Иди, - Мандос мотнул головой. - Дрыхни.

Бодрствующие трупы встретили Кошку с полужлорадной приветливостью: если уж Кошка залетела в мертвятник в первую половину Игры, то им и сам Бог велел... Она рыскнула взглядом, своих не обнаружила и опрокинулась на свободную «пенку». Сосед, не прерывая игры в карты, мотнул бритой головой.

- Твои были.

- Кто?

- Арнольд с Улыбкой.

- А Шустрик?

- Арнольд, говорю, с Улыбкой...что ложишь, что? Арнольд от студня сдох, мужики напоролись на копов, Улыбку подстрелили. Шустрик удрал...ну куда, куда, глаза-то разуй!..

- На то он и Шустрик... - пробормотала Кошка и обнаружила перед собой раскрытую банку сгухи. Рыжий желтоглазый парень присел рядом с ней по-турецки.

- От нашего стола вашему столу... - он махнул рукой в сторону валявшихся с голыми торсами трупов - те вяло пошевелили верхними конечностями. - Твои велели передать тебе пиво - сказали, что скоро загремишь к Мандосу - но мы его оприходовали. Так что извини...Нам через полчаса выходить. Кипяток в ведре. Мандос с глубокой похмельюги злой и не кормит. Где попалась-то?

- На Плещи.

Парень уважительно присвистнул. Свист получился звонким и переливчатым. Труп, пластом лежавший неподалеку, поднял голову, пробормотал злобно: «Из могилы подымут, падлы...» По свисту Кошка узнала - Крис с Вольных Охотников.

- Без карты, что ли?

- В том-то и дело, что с картой... - пробормотала Кошка, открывая прижатую крышку сгушенки. В уме заново раскручивалась сцена на стене. Вот она подходит, наклоняется, Ланс разворачивается, из-под ног падают крошки цемента, взмах левой рукой...толчок правой, несильный, вскользь... Вот теперь лежи и думай - случайно-неслучайно... Кошка задумчиво лизнула с ложки сгуху.

Крис явно переотдыхал - так и подпрыгивал от нетерпения, как новенький мяч - яркий, рыжий, упругий.

- Карту, поди, у Стервятника брали? Он, говорят, специально сталкеров на ловушки выводит. А слыхала, кто-то на границе Зоны рэкетом занимается? Сидят, ждут, когда сталкер с хабаром выйдет, раз-два - и готово... Много нашли?

- Да чего теперь... - сказала Кошка. Заметив ее движение, Крис достал и прикурил две сигареты, отдал одну Кошке и стал рассказывать, как Вольные Охотники втроем загремели под смерть-лампу. Кошка облизывала ложку, запивая чуть теплым чифиром, слушала вполуха, поглядывая на сутолоку в трактире напротив. Прищурилась. Похоже, мелькнул Шустрик. На Игре зрение почему-то резко обострялось и очки ей были практически не нужны. Точно, Шустрик. Лавируя между посетителями, он вылетел из-под брезентового навеса кабака, прижимая локтем какой-то сверток. Мельком глянув на мертвятник, понесся было дальше. Остановился на ходу, обернулся, вглядываясь. Кошка кивнула, Шустрик вскинул руку - помахать, спохватился и почесал затылок. Постоял, соображая, схватился за голову, изображая вселенскую скорбь и пошел дальше, но уже гораздо медленнее, оглядываясь на ходу. Кошка невольно начала улыбаться и наконец ощутила вкус сгущенки.

- Охотники! - гаркнул Мандос. - Свободны!

- Пока, Кошка! - радостно сказал Крис, вскакивая. - Ни пуха тебе...

- К черту! - напутствовала Кошка, доскребая последнюю ложку. Улеглась на спину, задирая на животе майку. Не обгореть бы на солнце, хоть бабье, но все же лето...

- Ну привет! - сказал он. - Долго же ты добиралась!

Кошка остановилась на приличном расстоянии, раздумывая, почему она совсем не удивилась при виде Ланса. Он сидел на стене, мотая ногами и с явным удовольствием разглядывал ее.

- Где пацан?

- В порядке ваш Лошонок, не бойся, - усмехнулся он. - Я его в кабак с хабаром послал.

- А сам остался организовать мне торжественную встречу? Или снова торжественные похороны?

- У меня есть карта с расположением Золотого Шара, - сообщил Ланс, спрыгивая со стены.

- Надо же, как тебе повезло.

- А перед Шаром стоит мясорубка.

- И что?

- А передо мной стоит отмычка. Сейчас ее возьму и пойдем к Золотому Шару.

- А есть еще такая птица, - сообщила ему Кошка словами Шустрика. - Называется Обломинго...

Он прыгнул, Кошка тоже, но недостаточно быстро. В миковских играх допускается физическое насилие - когда оно не переходит в мордобитье. Оно и не дошло. Ланс просто выкрутил руку Кошки, упираясь коленом в ее спину и разговаривая вполне доброжелательно, искал в карманах веревку.

- Нет, ты скажи, зачем вы, бабы, лезете в мужские игры? Ну иди играй в салоны, в ХИ, наконец, что ты сюда-то лезешь? А раз лезешь - терпи! - он повыше заломил кошкин локоть, она чуть не взвыла, хватанув губами пыль с земли. Отплювываясь, скосила взгляд:

- Ты всех баб так не любишь? Или только мне... честь такая?

- А ты что думала - всех умнее, да? - сказал он, почти касаясь губами ее уха. - Всех круче, да? Ты у меня на этой игре из мертвятника не вылезешь! Поняла?

Локоть пошел еще выше. Кошка поняла. Поняла только сейчас - плевать ему на Игру. Плевать ему на все - кроме нее и себя. Он и на Игру приехал, наверное, только из-за нее... Что-то доказать - ей, а в первую очередь - себе...

И с силой выбросив через плечо руку, вцепилась когтями ему в шею.

Когда он наконец поднялся, Кошка стояла в трех шагах от него, сжимая в руке обломок кирпича. Ее трясло - от ярости и страха, - но пальцы впились так, что кирпич стал просто продолжением руки.

- Ну, - сказала она, едва шевеля онемевшими губами, - ну, иди сюда. Иди.

Пот и кровь с рассеченной брови стекали на глаза, но она старалась не моргать, потому что боялась пропустить, когда он шагнет вперед. От скачущего в горле сердца и хриплого дыхания он как будто качался, казался то ближе, то дальше... Он шагнул, и она сделала шаг в сторону - длинный осторожный стелющийся шаг, удивившись мимолетно, что подкашивающиеся ноги еще ее слушаются. Они кружили и кружили - Ланс говорил что-то, но Кошка уже не слушала и только повторяла тихо и неспешно, одним дыханием, словно гипнотизируя себя или его: иди, иди...

Ланс услышал первым. Его взгляд метнулся влево-вправо, он выпрямился, отступая и медленно выдохнул - облегченно? - Кошка, не веря, не спешила повернуть голову, но наконец услышала тоже. Шаги и голоса приближались - из-за угла вывернули ее парни.

- Ого, Кош... - возопил Шустрик и смолк, уставившись на застывшую в полуприседе Кошку с кирпичом в руке. Парень, стоявший напротив, отшагнул еще раз, сказал оживленно:

- Ну привет!

Шустрик шагнул мимо:

- Кошка... ты что?

Арнольд медленно опустил на землю сумку и посмотрел на Улыбку. Тот, едва взглянув на Ланса, наблюдал за Кошкой. Ланс хмыкнул, развел руками:

- Вот... хотел вашу Кошку в плен взять. Бешеная она у вас какая-то!..

Капитан опустил глаза, разглядывая землю под ногами. Шустрик повернулся к Лансу.

- В плен? В плен, да?

Арнольд прошел мимо, осторожно положил руку на кошкино плечо - и она только сейчас ощутила судорогу, сковавшую ее плечи и руки, и осторожно вздохнула. Все еще глядя в землю, Улыбка задумчиво сделал шаг, другой, и вдруг молча кинулся на Ланса. Кошка еще успела услышать чей-то вскрик, как Арнольд круто развернул ее в противоположную сторону и, прижимая к твердому боку, потащил за собой, приговаривая:

- Идем, Кошка, идем, котенок... Все хорошо, да, котенок?

Увел за угол цеха, усадил, пожал плечо, не зная, что сказать. Пробормотал неловко:

- Схожу посмотрю, ладно?

Кошка тупо взглянула на мгновенно появившегося перед ней Шустрика. Сев перед ней на корточки, тот суетливо искал что-то в карманах.

- Вот с-сука... на, затянись... - он сунул в левую руку Кошки сигарету - та выпала. Шустрик тут же достал другую, прикурил от своей и осторожно вставил в распухшие губы Кошки. Кошка послушно затянулась, закашлялась, взяла сигарету трясущимися пальцами - безымянным и мизинцем, оберегая разбитые костяшки. Шустрик меж тем занялся ее правой рукой, пытаясь разжать пальцы:

- Ну все-все, отпусти его...

Кошка с недоумением взглянула на свою руку, как на чужую, и кирпич тупо ухнул в землю. Шустрик метнулся до угла, постоял, вытянув шею. Вернувшись, вновь сел на корточках.

- Он что, больной, да? Ненормальный?

Кошка сморщилась, облизала соленые губы.

- Нет, - сказала - ему или себе. - Он нормальный. Вполне.

На Игре мы такие, какими хотим быть. Какими разрешаем себе быть. Крутой мужик Ланс, которому когда-то - сама не помня когда и где - перебежала дорогу Кошка, и который не смог ни себе ни ей этого простить. Если он и болен, то только мной...

Она подняла глаза и стала смотреть на небо, чтобы не смотреть на подошедшего Улыбку. Он сидел перед ней на корточках и молчал. Хорошо, что он ничего не говорил и не дотрагивался до нее - потому что бы тогда она постыдно и безудержно разрыдалась...

- Пошли, - наконец сказал Улыбка. - Шустрик нашел Золотой Шар.

- Ну что, будем брать? - деловито спросил Шустрик. - Вчетвером мы его вмиг замочим...

- Погоди.

- Да чего годить? Говорят, эти ученые психи на подходе, а они собираются рвать Шар к чертям собачьим...

- Подожди, - сказал Кошка. - Так нельзя.

- Что нельзя? Как?

- Нельзя брать его грязными руками, Шустрик. Вот представь - замочишь ты этого бедного парня, придешь к нему, весь такой крутой и... шустрый и скажешь: «Хочу!» И представь - только представь - что он тебе выдаст?

Шустрик смотрел на нее, сморщившись, и мрачнел прямо на глазах. Похоже, представлял.

- Если бы я его первой нашла, я бы, наверное, тоже начала всех отстреливать...

Шустрик хмуро посмотрел на Улыбку.

- Знаешь, - спокойно сказал он. - А ведь она права.

Заматерившись длинно и цветисто, Шустрик сплюнул:

- Вечно вы... всю Игру обломали! Какую Игру! Раз в жизни, нет, раз в жизни, а тут вы... ну что вылупились? Пойду хоть науку не подпущу!

Ругаясь и поскальзываясь на осыпавшихся камнях, Шустрик выбрался наружу. Было слышно, как не скрываясь, он идет вниз, покрикивая на ходу:

- Эй, братан, не стреляй, разговор есть!

Кошка с Улыбкой переглянулись. Вот за это я тебя и люблю, подумала она. Арнольд длинно вздохнул и молча полез наружу.

- Ну что, пошли? - негромко спросил Улыбка. Как-то очень нерешительно. И так же нерешительно протянул руку.

Светлане довелось прочитать кучу дамских романов и вволю похихикать над историями о любви и страсти безумной и прочими женскими мечтаниями...

Прикосновение пальцев было как удар. Как взрыв. Только мгновение назад они были врозь - а через миг, ошеломленные - вместе, рядом, сплетенные объятиями, прикосновениями, поцелуями, и не было места словам, только бессмысленному шепоту, гулам, рукам, шелесту одежды...

Последними сорвали маски.

Она вышла на трассу, проходящую вдоль завода. Поглядела в обе пустые стороны. Это раньше здесь было очень оживленное движение, а сейчас ей ничего не светило - разве что «маршрутка» часа через три или какой-нибудь не слишком упертый дачник поедет домой не в воскресный, а в субботний вечер... Кошка пощурилась на садящееся солнце, перекинула через плечо сумку и зашагала к видневшимся на горизонте туманным домам города. Она шла, разгребая ногами негусто еще нападавшую листву - листья шуршали и пересыпались, наплывало что-то детское, далекое...

По пути оглянулась только раз - на хлопки взлетевших над комбинатом ракет: Игра закончилась. «Игра окончена, спрячь в ножны свой клинок. Закончен бал, гасите свет, тушите свечи...»

Шум машины был слышен издалека. Кошка обернулась, прищурилась - машина, приближавшаяся к ней стремительно и мощно, к маханию рукой не располагала - а то, как в том анекдоте, морду набьют: «Ты где, сука, «шашечки» увидела?» Джип, однако, плавно снизил скорость и остановился перед отступившей Кошкой.

- В город? - осведомился водитель. - Садись, подвезу.

- У меня только десятка, - на всякий случай сказала Кошка.

- Да садись ты! - раздраженно сказал водитель.

Кошка уселась на переднее сиденье («Маша, не садись в машину к незнакомым дяденькам!»), кинула в ноги сумку и, посмотрев на плавно наплывающую дорогу, оценивающе взглянула на водителя. Совсем молодой мужик, лицо хмуроватое, похоже, не выпавшийся, и, похоже, мало обращающий внимание на свою пассажирку. Только похоже. Потому что, не отрывая глаз от дороги,

поднял руку и повернул к Кошке зеркало заднего вида. Кошка взглянула и начала тереть щеку.

- Что, носом землю копала? - хмыкнул парень.

- Ну...

Похоже, он принял ее за нетерпеливую дачницу, не дождавшуюся автобуса. А сам? На садовода-огородника он походил мало, да и судя по внешности и машине, находился в том счастливом возрасте, когда на урожай и на дачу было категорически плевать. Кто-то из игроков? А чего он так сорвался? Судя по вчерашнему вечеру в Перекрестке, игроки были не против провести сегодняшний так же. Да еще и Игра закончилась неожиданно быстро, и никто не собирался домой.

В дружном молчании - похоже, парень тоже был не в настроении поддерживать беседу - они доехали до города.

- А вам куда? - с надеждой спросила Кошка: в ней внезапно включился режим жесткой экономии - отдать десятку, да еще двушку в трамвае за несколько остановок, которые она явно была не в состоянии проковылять самостоятельно - казалось ей сейчас просто кошунством.

- Под мост.

- И мне под мост, - согласилась Кошка. Джип нырнул под мост и плавно тормознул на перекрестке. Кто-то возмущенно засигналил, Кошка, не глядя, показала средний палец, услышала фырканье водителя и, спохватившись, спрятала руки под себя. Рассеянно поглядывая по сторонам, вдруг встрепенулась. У дома напротив элегантный мужчина в сером плаще, опершись о дверцу, вручал букет роз женщине, сидевшей в черном «мерсе». За что и был удостоен благодарственного поцелуя в щечку. Ах ты... Кошка, не раздумывая, вылетела из джипа, услышав за спиной: «Ты куда?..» И с лету врезалась в помахивающего рукой мужика, припечатав его к стене рядом с дверью подъезда.

- Денег, значит, на сапоги дочери у тебя нет, а сотню на букет для твоих блядей у тебя запросто! - выпалила в лицо своего бывшего мужа, для убедительности встряхивая его чуть ли не на каждом слове.

- Светка!.. ты что, взбесилась?.. она не... Светка, да отцепись ты!

Роман был мужиком не хлипким, но оторвать сейчас ее пальцы от своих лацканов был не в состоянии. Бывшая жена шипела ему в лицо, как змея:

- Денег, значит, не платят? В долгах, как в шелках, да?

- Свет, да успокойся ты! Ты же знаешь, у нас зарплату уже полгода...

- Да насрать мне на твою зарплату! Где машинки алименты?

- Эй, братан, помощь не нужна? - услышали они радостное. Света оглянулась, и, воспользовавшись этим, Роман стряхнул с себя ее руки. Поправил сбившийся набок галстук. Щуплый тип, прислонившийся задом к машине, почтения не внушал - Роман открыл было рот, но разглядев марку, решил промолчать - чем черт не шутит...

- Отдам я тебе все! - сказал с досадой. - Ну что ты, как маленькая, ей-богу! Вот дадут зарплату...

Светка отступила, измеряя его взглядом. В черных запыленных джинсах, черной водолазке, с растрепанными волосами, с подсохшей ссадиной на губах, царапиной на обострившихся скулах... Такого он от нее не ожидал - ну просьбы, ну слезы, ну скандалы, но чуть морду ему не набить... И глаза, как у дикой кошки.... Приняла, что ли, для храбрости, и приехала со своим екарем разбираться?

- Слушай, - сказала она - уже совсем спокойно. - А знаешь, что сейчас бывает за сокрытие доходов?

- А? Ты о чем? - он вновь, уже ненужно, поправил ворот рубашки и галстук.

- Если, допустим, кто-нибудь позвонит - знаешь, сейчас анонимные звонки принимают - и подскажет, где и кем работает оформленный сторожем Роман Сергеевич Горещкий, а?

- И что будет?

- Ничего, родной мой. Ничего, кроме неприятностей тебе не будет.

Он не стал ничего доказывать или убеждать, потому что не знал, как вести себя с этой взбесившейся кошкой. Потом он придумает...

- Деньги переведешь на машинки счет, - сказала его бывшая, влезая в гостеприимно запахнутую дверь джипа. - За восемь месяцев, не забудь!

- Я не найду сразу такую сумму, - вяло сказал он. Светка расмеялась ему из машины смехом булгаковской Маргариты.

- В понедельник! - и эффектно хлопнула дверью. Ейный хахаль оторвал задницу от капота и, сказав радостно:

- До встречи, земляк! - сел за руль, на прощание отсалютовал пальчиками.

Кошка скользнула взглядом по унылой физиономии бывшего мужа - чего доброго, от озадаченности еще и заплатит... Спрятала под себя трясущиеся от злости руки.

- Теперь куда? - спросил водитель. - Домой?

Кошка кивнула, рассеянно глядя перед собой.

- Муж? - небрежно поинтересовался он.

Кошка опять кивнула. Сказала с отвращением:

- Бэ/у.

- Ничего, мужик видный, - великодушно заметил водитель.

Кошка поглядела с яростью:

- Не понимаю! - сказала с отвращением. - Ну мало ли как ты жил с женой! Но ведь с ней остается ребенок! Твой ребенок! Что ж вы носитесь от него по всему свету, как черт от ладана!

Парень хмыкнул неопределенно, благоразумно не пытаясь отвечать за всю сильную половину человечества. Завернул к ее подъезду. Кошка завозилась было, разыскивая по карманам червонец, но парень махнул рукой:

- Машке мороженого купишь.

- Ну тогда спасибо большое.

Он поглядел, как Кошка вылезает из машины и сказал неожиданно:

- Меня Саней зовут.

Она глянула настороженно.

- Спасибо... Саша.

Он вновь хмыкнул, уже веселее:

- Пока.

- До свидания.

Кошка кивнула уставившимся на нее соседкам, услышала за спиной шум отъезжающей машины и, только войдя в подъезд, поняла, что не говорила Сане свой адрес. Замедленно возилась с почтовым ящиком - ну надо же, успела раньше почтовых воров! - соображая, кто это был... Господи, Шустрик! Шустрик такой - без приколов, без подначек, хмуроватый, молчаливый... Шустрик на джипе! Вот тебе и маски, вот тебе и инкогнито! Они все давно про тебя знают, еще, поди, на улице каждый день сталкиваемся! Посмеиваясь и качая головой, она открыла гремящую дверь и поставив сумку, огляделась. Отсутствовала всего-то один день, но как будто вернулась из другого мира. Как всегда после Игры все казалось немного чужим и непривычным.

Не разбирая сумку, она вошла в ванную и медленно раздеваясь, глянула в зеркало. Остановилась с полустянутой с рук водолаз-

кой, придвинулась, рассматривая себя с серьезным недоумением. Сияющие глаза, светящаяся изнутри, несмотря на пыль и ссадины, кожа... Господи, и это - секс, любовь в каком-то полуразрушенном складе с полужнакомым, в сущности, мужчиной, к которому испытываешь странные полужабытые чувства... И это она, не мыслящая секса без белых простыней и чистых, пахнущих только мылом тел...

Ероша мокрые волосы, она вышла на кухню, машинально включая чайник. Выглянула в окно. Нет, за Машкой она сегодня не поедет. Сейчас завалится - и спать, спать, спать...

Загрузившийся компьютер требовательно запищал, и у нее ухнуло сердце. Медленно, очень осторожно, словно стараясь остаться незамеченной, она подошла к столу и так же медленно, почти нехотя, нажала ввод.

- Почему ты ушла? - спросил он.

Испугалась, честно призналась она. Испугалась того, что случилось. Испугалась того, что ушло. Испугалась того, что будет.

Она наклонилась и, наполовину веря своим словам, напечатала:

- Это Игра. Просто Игра. Только Игра. И для тебя - Игра.

Долгая пауза. Ответа не будет...

- Не решай - за меня.

Она стояла у окна, рассеянно водя пальцем по стеклу, не видя быстро синеющего вечера, и чувствовала себя по-дурацки, побестолковому счастливой...

ШАМАХАНОВА Екатерина

ТУЧИ

Над Изумрудной Долиной клубились тучи. Непонятно, почему появилось такое название, и поэтому не стоит принимать его всерьез. Говорили, что его придумал пару веков назад один из первых поселенцев: на Рай-5 прибывали колонисты из системы Гелиоса, и они в приступах ностальгии щедро разбрасывали вокруг непонятные теперь имена. Так говорили. Но, возможно, это были люди со странным чувством юмора - ведь даже само название этой планеты, затерявшейся в глубинах Вселенной, звучит издевательски: здесь не существовало не то что райских садов, но даже обычную

воду с трудом добывали из артезианских скважин. На поверхности, конечно, находилось несколько тысяч аварийных резервуаров, но до сих пор пользоваться ими было запрещено (и за соблюдением закона бдительно следила Служба Безопасности). А теперь эти резервуары уже не понадобятся.

Вообще-то, Изумрудная Долина - это всего лишь горы шлака. Шлаковые отвалы - их на Рае-5 пруд пруди. Главным богатством планеты всегда считалась руда, и переработкой ее занималось большинство предприятий планеты. Остальные эту руду продавали - биржи, концерны и маленькие торговые фирмы. А шлак когда-то использовали при строительстве дорог, но потом стали просто вывозить за пределы населенной зоны. Кроме шахт и обогатительных комбинатов (пятьдесят процентов шлака, десять - руды, а остальное - в небо), на Рае не существовало больше ничего полезного для Вселенной. Переработка еще и отходов производства стоила бы слишком дорого, а кроме того, шлаковые пустыни приносили вреда не больше, чем все остальное, - чем хотя бы погода. Да что говорить...

Адам и Каин брели, спотыкаясь и поддерживая друг друга, через серую равнину, засыпанную отходами исчезнувшего производства. Свет звезды, которую здесь по привычке называли Солнцем, пробившись сквозь плотное одеяло туч, преломляясь, окрашивал их в густой бордовый цвет, бросая адские тени на лица идущих.

-Послушай... Каин... почему... произошла... разгерметизация... в третьем... узле? - Адам делал долгие паузы после каждого слова, облизывая пересохшие губы; голос его звучал глухо.

Каин казался менее уставшим.

-Крис всю неделю психовал - он поссорился со своей девчонкой, и, наверное, на дежурстве допустил ошибку в программе. Он ввел альфа-указатель, и реактор разлетелся на кусочки к чертовой бабушке. Отменный фейерверк, ручаюсь, его видели в Центре...

Адам взглянул на Каина.

-Откуда ты знаешь, что в программе была эта ошибка?

-Да я не знаю точно, - Каин казался смущенным, - я ведь сказал «наверное». Только дурак не поймет, что была ошибка в программе - как же иначе можно подобраться к реактору? Жаль, конечно, что все так получилось...

Адам задал еще один вопрос:

-А как ты спасся? Ведь Отсек Управления разлетелся вместе с реактором?

-Знаешь, мне просто повезло, - Каин даже улыбнулся, но улыбка сразу же сползла с его лица. Он вспомнил, что такими счастливыми оказались только они с Адамом. - Тата ждала моего звонка. Когда я уходил (мне не хотелось, чтобы наш разговор слушали, я и на тебя наорал из-за этого, помнишь?), Крис как раз начал набирать программу активации. Хорошо, что видеофоны установлены еще и в бункере, - сказал он. - Были, - упавшим голосом он исправил невольную ошибку.

Еще несколько десятков метров были пройдены в молчании, прерываемом только тяжелым дыханием двух людей. Потом Каин споткнулся и, выругавшись, сел на землю. Адам остановился рядом, глядя на него сверху вниз.

-Все, хватит, - прохрипел Каин, - я не могу больше идти, и вообще, нам лучше остаться здесь. С неба нас заметят сразу, и спасательной команде не придется рыскать в руинах.

Адам снова облизал потрескавшиеся губы.

-Спасательной команды не будет, Каин, - тихо произнес он. - В программе Криса была слишком серьезная ошибка, и она ушла по СЕТИ. В Центр. Я разговаривал по видеофону с Марией, когда все это началось. Знаешь, ви-фоны - очень качественная техника, изображение на них всегда естественного цвета. Краски совершенно естественные... как наяву... голос тоже... Я разговаривал с ней и видел, когда все началось...

Адам говорил, глядя на восток, поверх головы Каина.

-Так вот, приятель, я все это видел. Мария не успела выключить изображение. Это было почище звездных войн, я полагаю. Теперь на Рае не насчитать и полдюжины человек, наверное, - живых, я хочу сказать. - Адам помолчал. - А может, кроме нас и вовсе никого не осталось.

Каин заглянул в глаза Адама и закрыл лицо руками. Несколько минут он сидел, покачиваясь из стороны в сторону, а Адам стоял рядом, и его руки безжизненно свисали вдоль тела. Каин вдруг поднял голову. Лицо его казалось постаревшим на десять лет.

-Зачем же мы идем в Центр, Адам, если там... нет никого?

Глаза Адама блеснули.

-Перед тем, как Отдел Защиты взлетел на воздух, я видел, что Мария включила аварийный передатчик. Понимаешь, она успела вызвать сэйверов, а потом Центр распался на молекулы. Я еще увидел кое-что до того, как погас экран... Жаль Марию, - Адам усмехнулся, - но как подумаешь, что ее смерть была такой быстрой! Она

ведь, наверное, даже и не почувствовала ничего. А вот мы с тобой, Каин...

Каин подумал, что усмешка делает лицо Адама похожим на маску. Адам не умел улыбаться. А вот Тата - ее улыбка украшала. И ее больше никогда не будет...

-Адам, почему именно мы, почему именно мы живы, почему - именно мы?

Адам наклонился и похлопал Каина по плечу, пытаясь успокоить.

-Надо идти, братец, уже вечер. В темноте мы не сделаем и двух шагов. А мы должны добраться до Центра как можно скорее. Кто знает, когда придут сэйверы? У нас есть шанс, Каин, к мы не можем его потерять...

Каин молчал.

-У нас может быть шанс выжить, Каин, - повторил Адам и взглянул на почти пустую фляжку, висевшую на поясе, - ...если только мы сумеем найти воду в этом аду.

Он помог Каину подняться, и они опять пошли на восток, оставляя в серой пыли за собой цепочку следов, а навстречу им ползла холодная ночная тьма. Они шли уже почти сутки через шлаковые отвалы в Изумрудной Долине. Уже почти сутки после того, как перестала существовать цивилизация на далекой планетке под названием Рай-5.

-Эта была последней.

Адам отбросил пустую жестянку единого рациона, которую они нашли неделю назад в развалинах продуктового склада, и жестянка, проскакав по камням, плюхнулась в черную маслянистую лужу неподалеку. Капли едкой грязи попали на мешок Каина, который он неосторожно бросил возле лужи. Вонючая жидкость просочилась на землю, растворив по пути синтетический материал. Каин схватил мешок и грязно выругался, увидев несколько огромных дыр.

-Да брось ты эту рвань, Каин, - голос Адама был безразлично-усталым, - в него все равно больше нечего класть...

-Но ведь мы не сможем унести все эти банки рациона в руках, - раздраженно возразил Каин. - Посмотри, здесь так много еды, а без мешка мы не сможем ее унести. И когда придут сэйверы, они умрут, как и те, другие, потому что нам нечем будет их накормить.

Огонь костерка давал совсем немного света, и лицо Каина оставалось в тени. Адам наклонился за головней и, подняв ее, взглянул на своего спутника. Потом он положил головню обратно в

костер и посмотрел в ночь за спиной Каина. Окружавший их мрак показался Адаму еще гуще, но не потому, что на небе он не увидел звезд. Это-то было привычно, потому что так было всегда.

Адам произнес так мягко, как только позволил его охрипший голос:

-Не переживай так, Каин, у меня есть иголка с ниткой. Мы зашьем дыры в мешке и уложим в него все, что найдем здесь, и мы с тобой будем сыты и дождемся сэйверов...

-Ну да, как же, «мы с тобой», - Каин злобно передразнил Адама, - ты опять все сожрешь сам, а я не хочу умереть из-за тебя с голоду. Нет, - продолжал он, ползая на коленях вокруг костра, - ты уже получил свою долю. А это все мое, только мое...

Каин попытался достать из лужи пустую жестянку, но потерял равновесие и едва не упал. Адам успел подхватить его, но Каин отпихнул Адама и поднял с земли камень. Он положил камень в мешок, уже почти доверху набитый. Однако через пару минут в мешке опять появилось свободное место, потому что камни вываливались через дыры. Каин заплакал и сел на землю, обхватив руками мешок, спиной к Адаму.

Адам махнул рукой и улегся возле гаснущего костерка. Ночной холод уже пробирал до костей, но вокруг больше не было ничего, что могло бы поддержать огонь. Каин услышал шорох и, обернувшись, простонал:

-Нет, Адам, не спи, побудь со мной. Я боюсь, я опять увижу их, тех, что приходили вчера и позавчера. Они хотят убить меня, потому что это я убил их тогда!..

-Перестань, Каин, это только плохой сон.

-Ты мне не веришь! Они здесь, рядом, они трогают меня, и пальцы у них холодные и синие, и я боюсь, Адам, ведь я видел тогда, что в программе была ошибка, я хотел, чтобы Криса выгнали из Отдела Управления, потому что она ушла к нему, понимаешь, бросила меня, а я ведь лучше Криса, а она мне всегда говорила, что он лучше всех и...

Рот Каина, злобно кривился.

-Она ушла к нему, а теперь все они приходят ко мне по ночам и трогают меня руками, и зовут с собой, и она вместе с ними, но теперь я ее боюсь, а она все зовет меня...

Адам встал, подошел к плачущему Каину и взял у него из рук мешок с камнями, которые Каин теперь отдал без сопротивления. Адам высыпал камни из мешка и укрыл Каина рваной тряпкой, а потом лег рядом и обнял Каина, пытаясь его согреть, словно Каин

был маленьким мальчиком, а он, Адам, его любящим отцом. И Каин свернулся клубочком, словно и в самом деле был ребенком, положил голову на руку Адама и сонным голосом прошептал:

-Знаешь, Адам, если они придут и этой ночью, я больше не смогу остаться. Я уйду с ними. Они ведь зовут.

-А Крис тоже приходит к тебе?

-Да, с тех пор, как мы перестали пить воду из фляжки. Почему ты не даешь мне больше пить, Адам? Я так хочу пить. Они говорят, что дадут мне воду.

Адам вздохнул.

-Потерпи еще немного, мальчик. Мы ведь идем уже долго...

-Долго? Но ведь мы ушли из дома вчера?

-Нет, нет, Каин, мы идем уже много дней, а может, лет. Но еще немного, дня два, и мы будем в Центре. И тогда прилетят сэйверы, и дадут воды. Ты сейчас спи. Еще пара дней, и у нас будет все - и вода, и хлеб тоже, ну, может, и не хлеб, но сухари-то мы там найдем, и поедим, и дождемся сэйверов, и они увезут нас из этого проклятого Рая. Слышишь, Каин?

Но тридцатилетний мальчик из Отдела Управления уже крепко спал, вытянувшись под рваной мешковиной. Он по-детски посапывал и изредка вздыхал во сне. Адам подоткнул мешковину под спину Каину и еще несколько минут смотрел на тлеющие угли. Потом глаза его закрылись, и Адам уснул.

Через неделю Адам увидел на горизонте зубчатую линию далеких строений. Пригороды Центра, понял он. Он никогда не смог бы сюда пойти, но позавчера он нашел цистерну НЗ, неведомым образом попавшую в середину шлаковой пустыни. И хоть воды в ней было на два глотка, эти капли дали Адаму возможность добраться до цели путешествия.

«Хорошо, что я один, - думал Адам. - Вдвоем с Каином мы бы не дошли».

Адам опять вспомнил выгоревший пятачок, и Каина, оставшегося лежать там, у погасшего костра, и кучу камней рядом с ним. Адам укрыл его дырявым мешком и пожалел, что Каин решил остаться с Теми, а не с ним. Но в последние дни Адаму часто приходила в голову мысль, что это Каин должен был бы жалеть его.

Однако позавчера Адам нашел воду, и теперь он, последний житель Рая, сможет дождаться сэйверов, и будет жить, и когда-нибудь забудет о том, что Каин остался лежать там, в Изумрудной Долине, укрытый старым мешком. В конце концов, Каин подчи-

нился и ушел с Ними, но он, Адам, сильнее, и ничто теперь не может помешать ему остаться в живых...

Солнце взошло снова, и в алых рассветных лучах Адам увидел город. Широкая автострада рассекала каменное кладбище пополам, и пустые дома торчали по обеим сторонам ее, словно гнилые зубы в мертвой пасти. Адам шел мимо, и дома смотрели ему вслед черными провалами окон.

Шлаковые дюны подступали уже к самому городу, песок толстым слоем лежал на улицах, и серые сугробы засыпали двери подъездов. Песчинки, шурша, сползали с вершин шлаковых сугробов, а на их место ветер приносил новые. Солнце поднималось все выше где-то там, за плотными тучами, багровый день наливался кровью, и ветер крепчал, и дюны двигались на город.

До сих пор ветер помогал Адаму идти, но вот дорога повернула, и внезапный вихрь поставил Адама на колени. Космодром почти не был разрушен, и до него оставалось не больше пятисот метров покрытой шлаковой пылью дороги; Адам ясно видел здание трансмиттера на западной окраине поля. Адам попытался встать, но новый сильный порыв ветра вновь бросил его вниз и уже не позволил подняться. Ветер завывал вокруг, и миллиарды миллиардов серых песчинок летели в лицо Адама, радостно кружась, насыпали вокруг него могильный курган, погребая его заживо. Адам вдруг увидел, что тучи над городом расходятся, и желтое Солнце на неправдоподобно голубом небе освещает зеленые ростки деревьев, пробивающиеся в трещины, змеившиеся по полю космодрома. И было это последним, что видел в последнее мгновение своей жизни последний человек из Рая-5.

Последняя песчинка, легла на могилу человека, и ветер успокоился. Тучи уходили, и деревья росли и росли, и кроны их становились все роскошней, покрываясь белыми цветами. Потом появились плоды, они созрели, налетел ветер, сорвал их и разнес семена по всей планете. Семена упали во вспаханную уже землю, набухли и проросли. И ветер унес тучи на север, и золотой круг Солнца сиял в зените, и на планете вновь росли деревья.

Космический корабль с грохотом опустился на планету. Командир корабля и его помощник склонились над бортовым компьютером, проверяя показания приборов вновь и вновь.

-Содержание кислорода... водорода... вредных примесей не обнаружено... разумной жизни не обнаружено... Дик, какого черта! На компьютере координаты Рая-5, но будь я проклят, если мы попали

по назначению! Ты когда-нибудь слышал, чтобы на Рае были деревья?

Буйная, молодая листва, казалось, рвалась внутрь корабля с видеозэкранных.

-Командор, техники предупреждали, что прохождение подпространства может повлиять на работу этого динозавра среди автопилотов. Придется подождать немного, пока мы проверим курс и наше теперешнее местонахождение, связавшись с Базой. Надо делать запрос.

-Ладно, Дик, действуйте, вы полны сил. А я - просто старая развалина, а это солнышко светит так ласково! Пойду-ка я прогуляюсь по этой изумрудной травке, размышляя о чудесном подарке, который мы преподнесем Цивилизации. Это не планета, а просто райский сад!

-Ага, Рай, Командор. Какой там порядковый номер у чертовой планетки, которую мы проскочили? Рай-5? Ну, а эта будет номером шесть - внесите в бортовой журнал, Командор!

Дик взглянул на экран и, ухмыльнувшись, добавил:

-Только не забудьте взять зонтик, когда пойдете на прогулку, Командор. Там, кажется, собирается дождь.

С севера над изумрудно-зеленым ковром леса в сторону поляны, выжженной дюзами корабля сэйверов, надвигались тучи. Ветер нес их, в глубине туч то и дело вспыхивали алые и багровые молнии и гневно рокотал гром.

23.12.94.

ЗОТОВ Андрей

РАК БИОСФЕРЫ

Отливающий стальной синевой звездолёт дисковидной формы вышел из гиперпространства вблизи стандартного жёлтого карлика на окраине галактики.

Распустились цветы локаторов, выдвинулись направленные антенны, стремительно унеслись к звезде субсветовые зонды-астроанализаторы. Автоматика корабля привычно выполняла операции, многократно отработанные при исследовании мириад светил родного звёздного острова. Поэтому в Главной Рубке присутство-

вали лишь Второй пилот и Астрофизик. По обзорным экранам медленно ползли данные зондов.

Вдруг биоком корабля оживился и сообщил, что у звезды наблюдаются несколько планетных образований.

-Возраст, ступень эволюции и... вероятность биосистем, - коротко бросил Пилот.

-Хм, слишком хорошо, чтобы быть удачным, - пробормотал Астрофизик.

Спустя некоторое время мозг звездолёта выдал справку: возраст варьируется, но в среднем 4-6 миллиардов циклов, ступень высшая, вероятность жизни выше пороговой.

Вскоре по сигналу в рубке собрались те, кто нужен был в этой ситуации: Ксенобиолог, Ксенопсихолог, Планетолог, Геолог, Техник и Командор.

Много лет странствовал в этом рукаве галактики Универсальный Спасатель. Экипаж видел тысячи светил: багрово-холодных и обжигающих голубизной, сморщенных тёмных карликов и колоссальных красных гигантов, одиноких и кружащихся вокруг друг друга в разноцветном танце. Не так часто встречались им планетные образования, намного реже - жизнь. Уж в очень специфичных условиях она проявлялась. То планеты были слишком молоды, то жар Солнца плавил камни, то ледяной панцирь сковывал мёртвой хваткой иные миры. И тем не менее жизнь встречалась, она находила любую зацепку и распускалась пышной порослью во всём великолепном разнообразии. Излишне говорить, что редчайшей удачей было встретить разум. На памяти старейших членов экипажа были единичные находки, и каждая из них - праздник.

Звёздолёт на планетарных реакторах прошёл мимо холодных внешних планет гигантов, тщательно анализируя их строение.

-Судя по данным зондов, внутренние планеты в высшей степени удобны для жизни, - отметил Биолог.

-Ну, правда, это было дистанционное исследование, - добавил он, смутившись под взглядом Командора. В нетерпеливом ожидании текло время. Наконец биоком ожил: на одной из планет есть жизнь.

Жёлтое светило росло, ослепительно сияя на чёрном бездонном фоне, усыпанном мириадами звёзд. Сбоку всплыла точка планеты, она увеличилась, развёртываясь в голубой шар.

-Выходим на стационарную орбиту ...

-Геофизические зонды пошли ...

-Биологические зонды пошли ...

Шар планеты занял половину главного экрана. Были отчётливо видны мощный слой облаков, отливающие синевой моря и океаны, ярко снежные полярные шапки, прихотливых очертаний материка.

-Как она похожа на нашу! - прошептал Геолог.

-Провалится мне на этом месте, если здесь нет жизни.

-Внимание! Первые данные: атмосфера окислительного кислородного типа, ярко выражена циркуляция всех типов, геофизические данные стандартны для этого класса планет! Но велик процент «органики». Биоанализ ...

В рубке повисла тишина. Трудно передать то, что чувствовал в эти минуты экипаж. Жизнь! После многолетних странствий!

-Углеродный тип... Стандартное уравнение... Генокод... Аминокислоты... Автографы... Гитерографы... Обычная эволюционная кривая... Устойчивые связи...

-Просто фантастика! - воскликнул Биолог. - Такого сходства с нашей биосферой не могли бы предположить даже в теории.

-А мне кажется, нам повезло вдвойне, -- произнёс Планетолог, указывая на экран.

Вдали, двигаясь вокруг планеты, показалось сложное металлическое тело явно искусственного происхождения.

-Спутник!

-Тебе повезло: первый полёт - и сразу разум, - повернулся Геолог к Психологу.

А специальные зонды уже давали информацию... Россыпи огней на ночной стороне. Огромные города- муравейники... Мириады двигательных аппаратов... Радиодиапазон, забитый сигналами...

-Первая космическая ступень, - отметил Техник.

-Что-то странное с гомеостазом биосферы, - пробормотал Биолог. - Излишек сине-зелёных, биоциотические связи разорваны, и автографов слишком мало...

-Разум! - воскликнули в рубке, лишь Биолог уткнулся в показания датчиков, и Командор в задумчивости смотрел на экран.

-Процентный состав атмосферы, - снова заговорил металлический голос. - Кислород... Азот... Водяные пары... Углекислый газ...

-Ага, парниковый эффект, - удовлетворённо отметил Биолог.

-Инертные газы... Ядовитые соединения...

-??? !!!

-О, а это откуда? - изумлённо воскликнул Планетолог. - Яд в атмосфере живой планеты - нонсенс!

-Анализ пси-поля... преобладание энтропийной составляющей...

-Ничего не понимаю, - изумлённо воззрился на экран Биолог.

-Это не разум, - жёстко отрезал Командор, до сих пор молчавший.

-Но этого не может быть! Все признаки налицо! - воскликнул Психолог.

-Увы, мой друг! Это псевдоразум. Довольно редко, но попадается в галактике. Похоже, но не то. Всего лишь искусная имитация под разум.

-Но почему? А как же города, языки, спутник...

-Будь объективным. Взгляни на этот ужасный мир. Уничтожаются растения, животные. Всё меньше и меньше кислорода. Атмосфера забита ядом. Вода уже похожа на кислоту. Пси-поле с отрицательным балансом. А что города? Их строят и животные, у которых мозгов меньше, чем у тебя в пальце, и неплохо получается. Всё остальное тоже блеф.

-Вы правы, Командор, - вздохнул Биолог. - Это опухоль, разъедающая ткань биосферы, рак жизни. Парадокс в том, что происхождение у него одно с настоящим разумом. Мутация, деградация, регресс, но частенько остаются многие старые признаки. Например, опухоль мыслит, даже осознаёт себя... Впрочем, мы ничего об этой болезни не знаем толком.

-Да. То, что это рак биосферы, очевидно. Биосфера на грани кризиса. А ведь ни одна по-настоящему разумная раса не опустится до такого чудовищного преступления. Даже теоретически невозможно представить. Таков закон Вселенной. Разве может сын уничтожить свою мать?! Разум живёт в природе. Черпает из неё силы и питает биосферу энергией созидания.

-И... что теперь? - спросил Психолог, поражённый услышанным.

-Ну, есть два сценария дальнейших событий. Первый: гибель биосферы. Конечно, гибнет и псевдоразум, лишившись пищи. В этом случае мы должны вмешаться и уничтожить опухоль.

-А второй?

-Биосфера - это сложнейшая самоорганизующая суперсистема с большим запасом прочности, короче, в природе существует принцип Маятника Лота. Если какое-то воздействие угрожает стабильности системы, то возникает ответная реакция системы, направленная на нейтрализацию возмущения...

-Иными словами, ликвидирует либо низводит до порога безопасности?

-Именно!

-Ага, вот и структурно-динамический анализ. Рад сообщить, что всё пойдёт по второму сценарию, - объявил Биолог.

-Итак, 25 периодов этой планеты - и маятник качнётся обратно. Значит через сто лет вернёмся и примемся за изучение планеты.

-А почему не сейчас?

-Я следую инструкции. Псевдоразум заразен, агрессивен и очень опасен, - отозвался Командор. - Стартуем немедленно.

Экипаж покинул рубку и разошёлся по местам. Только Психолог задержался, прислушивался к ещё бубнившим радиосигналам.

-Как похоже на настоящий разум! - простонал он и, разбитый рухнувшими надеждами, медленно пошёл в лабораторию.

А бессмысленные теперь звуки продолжали литься из приёмника:

-В 1995 году начался этот глобальный эксперимент, и сейчас спустя 15 лет, мы с уверенностью можем сказать: мы одиноки во Вселенной. Увы, доктор Хилтон доказал это. Но нет повода для пессимизма. Огромные дела ждут нас. Из ничтожной искры предстоит зажечь гигантский костёр разума. Поэтому мы по праву можем сказать: да здравствует венец творения. Гомо сапиенс - царь природы и властелин Вселенной.

* * *

...Они вернулись спустя 100 лет. И голубая планета сияла в своей первозданной красоте. Природа уже успела залечить свои страшные раны и поглотила ужасные творения псевдоразума навсегда.

Спасатели вышли из катеров на манящие просторы планеты, и деревья радостно встрепенулись, встречая истинных посланников разума. И лёгкий ветерок принёс дурманящие ароматы цветов и свежие запахи жизни.

-И всё-таки мне повезло, Командор, - произнёс Психолог, подходя сзади к капитану, слушающему пульс леса. - Мы нашли разум на этой планете.

- Вот как?!

-Взгляните. Эти водные млекопитающие, жители морей и океанов, - указал специалист по разумам на голографическую развёртку.

-У них богатый и звучный язык, правда, знают они лишь свой мир, но придёт день... Нет, Командор, это дитя природы - истинный разум. И знаете, я останусь здесь и дам им Знания.

-Я чувствовал, что ты это скажешь, - произнёс Командор. - Иди же, это твой мир.

А на экране гибкие и тугие тела мелькали в стремительном танце, и брызги летели в стороны, и звучала прекрасная песня юной цветущей жизни и пытливого растущего разума.

СКУДАРНОВ Игорь

ОПЫТ БИОТРАНСФОРМАЦИИ

На далекой планете далекой галактики есть музей роботов. В одном из залов стоят рядом два экспоната. Изготовлены они примерно в одно время много лет назад. Первый провел свой век в составах космических экспедиций. Второй - эрудит и скептик - занимался расчетами промышленных технологий, но в последнее время подвержен склерозу, кое-что забывает. Первый этим пользуется. По ночам, когда в музее нет посетителей, он пересказывает соседу свои приключения :

-Ты помнишь тот год, когда Всемирный Совет запретил прогрессорам использовать оружие? Насилие над личностью любого разумного существа было признано аморальным. Нашему Институту Экспериментальной Истории это решение прибавило хлопот. Свои надежды в этой ситуации мы связывали с разработанной тогда учеными биотрансформацией. Интеллект, подвергнутый ей, раскрепощался и получал способность к максимальному развитию на благо своего народа. Нам и предстояло опробовать биотрансформацию.

На планете, которой мы тогда занимались, цивилизация находилась на низком уровне. Только начинали складываться нации и государства. Как обычно, основную базу мы разместили около Ледового континента одного из полюсов планеты, замаскировав ее под айсберг. В нашем распоряжении была также корабельная шлюпка для связи со звездолетом, находящимся на орбите. Обитали на планете существа, похожие на нас, что облегчало контакт. Группа, в которую я входил, занималась страной, расположенной в средних широтах на берегу океана. Правивший ею монарх был преклонного возраста и бездетным. Его биотрансформация могла закончиться неудачей, и мы решили подобрать преемника. Результаты нашего вмешательства, как всегда, для аборигенов должны были объясняться естественными причинами. Это усложняло задачу.

Нам помог случай. Возвращаясь на базу, один из разведчиков подобрал тонущую в море аборигенку. После выздоровления мы

подвергли ее биотрансформации. Эта Девушка согласилась нам помочь и стала ключевой фигурой в разработанном нами плане. Пока она находилась у нас, осваивая необходимые знания, мы перевели базу к побережью этой страны. Надводную часть базы замаскировали под остров и даже построили на нем бутафорскую деревню. Местные жители передвигались по морю на парусных кораблях. Мощные установки базы работали без перерыва: корабли, проплывающие вблизи побережья, сдувало ветром к нашему «острову», где они изолировались от окружающего в силовых полях. Такой морской карантин предохранял объект от вторжения иностранных держав, что поставило бы нашу операцию под угрозу.

Тем временем один из разведчиков вернулся с радостным известием: он нашел Кандидата в монархи, вступил с ним в контакт. После этого пришел мой черед. С двумя биоинженерами я отправился к Кандидату. В его сопровождении мы добрались до столицы, по продуманной заранее легенде внедрили во дворец. Пока мы обживались и осматривались, на базе закончили сборку переносного биотрансформатора. Модель была покрыта защитной пленкой, отражавшей все виды излучений. Я подсунул лоскут такой пленки правителю. Он был поражен этим сверкающим кусочком в своей руке и послал меня с Кандидатом за моделью, которая была исполнена в виде местной птицы. Так мы решили вопрос доставки биотрансформатора во дворец.

Вообще, с этим Кандидатом, славным парнем, мы подружились. Он даже привязался ко мне. Хотя до его биотрансформации мы перед ним вынуждены были не раскрываться, придерживаясь рамок легенды, изложенной ему при контакте разведчиком.

После этого мы расписали правителю красоту нашей Девушки, и вдвоем с Кандидатом я привез ее во дворец. Инженеры закончили настройку биотрансформатора на излучения правителя и Кандидата. Дело стало только за реактивами, необходимыми для приготовления растворов. Наша Девушка, привыкая к роли невесты монарха, приказала Кандидату доставить их.

Операция вступала в заключительную стадию. Теперь Кандидату можно было немного открыть глаза. Я побывал с ним на базе. Для встречи с Кандидатом со звездолета прибыл на шлюпке Месяц, командир нашей экспедиции. События следующего утра подтвердили правильность наших расчетов. Во время биотрансформации, устроенной Девушкой при скоплении народа, сердце старого правителя не выдержало. Наш Кандидат, прошедший ее, стал монархом. Все 33 корабля, плененные базой, были отпущены на волю.

-Слушай, я позабыл, почему аборигены называли тебя Горбуном ?

-Мне перед экспедицией встроили на спину антигравитаторы. К сожалению, мы, железяки, не левитируем.

ТАРАКАНОВ Сергей

О БЕДНОМ ДРАКОНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

Потерявши голову, по ней не плачут.
Из «Книги Драконьей Мудрости»

Тунг полз по щебню, огибая скалы и большие камни. Морщась временами, когда острый камешек впивался в нежное розовое брюхо. Уже видна была черная базальтовая колонна на горе, рядом с которой металась одинокая фигурка. Кажется, ее зовут принцесса. Одежды не было - не придется выплевывать ее остатки, такие невкусные. Не сверкало на голове что-то твердое, о которое так легко сломать драгоценный зуб. У Тунга уже потекли слюнки, ибо нет ничего вкуснее принцесс. Ведь так говорит великая «Книга о правильном и вкусном драконопитании». «Сейчас подберусь поближе, дам ей левой лапой и...»

Пронзительные голоса разбудили его. Ах, какой был чудесный сон.

-Пьяный козел, - звенел воздух слева.

-Овца кефирная, - отвечал справа медлительный флегматичный басок.

Утро началось. Тунг вздохнул и начал выбираться из пещеры. «Дать бы им по ушам хвостом», - мелькнуло невозможное желание. Ничего не получится. На ближайшее время власть над телом перешла к правой голове. Оно и чувствовалось - в горле было сухо, болела голова, подташнивало... Правая голова вчера явно злоупотребила соком коньячного дерева. Левая голова отличалась глупостью и трезвостью и по утрам устраивала скандалы правой. Кусаться, правда, головы не кусались, но ругаться умели и любили. Впрочем, Тунгу еще повезло. У друга детства Ярха обе боковые головы имели склонность к неправильной любви, за что и прилепилось к нему прозвище Голубой Ярх. Как часто он просыпался в синяках и царапинах от раздраженных гнусным приставаньем драконов.

Тунг отправился к дальним пещерам, где ползла очередь-змея за плодами пивного дерева. У стоящих драконов были опущены одна, две, а то и три головы, некоторые постанывали. Похмелье... Изредка доносился резкий голос Верховной Драконихи, требующей от мужской половины одуматься и подумать о племени. Глас вопиющей в пустыне. Во хмелю, что удивительно, все три головы скоро приходили к единомыслию, лизались и дружно пели древнюю песню о шумящем камыше...

-Великому Тунгу привет, - услышал он ласковый голос и узрел три ехидно поднятые к небу пасти. Сексапильная дракошка Лора с удовольствием потерлась о его чешуйчатый бок. «Счастливая», - мелькнуло в голове Тунга. Почему-то у драконых и дракончиков до первого полета все три головы жили дружно и думали одинаково. А вот у драконов... Никто не знает, когда и как произошла эта трагедия. Разное говорят. По одной легенде восстал против Повелителя Вселенной девятиглавого Роя печальный безумец шестиглавый Ларт. Двенадцать дней и ночей бились они, и содрогалась Земля, и дрожали звезды, и падали с неба гордые бессмертные головы Ларта. Скрыли их горы, но дышат они до сих пор огнем и дымом. Нет, - утверждают другие. Разгневалась на свои неразумные создания Мать-Великая Дракониха. Устала она от их укусов и уколов, содрогнулась от гнева, и из трещин в земле стал выходить ядовитый дым. С тех пор и стали драконьи головы такие разные. «Мутация», - ругался незнакомым словом Мудрый Лув, у которого были две умные головы. Тунг вспомнил грустное предание о несчастном «неизвестном драконе», решившем избавиться от двух голов в схватке с человеком в железках и потерявшем все три. Впрочем, в последние годы стали появляться одноголовые уродцы, их становилось все больше и больше. Злые и нахальные, они уже посмеивались над многоголовыми «предками». «Мутаки», - рявкнули разом все три головы. «Телепатия», - сказал бы на это Мудрый Лув.

Утро было чудесное. А после пивного дерева стало совсем хорошо. Тунг почувствовал, как бьются его крылья, и с треском расправил их. «Полетаем, головушки, поохотимся», - попросил он своих сожителей. «Ну да, как же», - забормотала левая ленивица. «Да с удовольствием», - поддержала правая голова, делающая все назло левой. На охоте власть над телом переходила к центральной голове.

Радость полета. Внизу мелькали голубая трава, золотая листва деревьев и синие скалы. Сделав три круга над родным драконятником, Тунг развернулся и полетел к морю. Разноцветные глаза выискивали добычу. Левая голова что-то ворчала, правая мурлыкала.

Тунг вслушался. «Что шевелится - когти, что кусается - копти», - летели по воздуху слова детской песенки. Наконец-то! По равнине бежал зверь на шести лапах и с семью рогами, называемый поэтому просто: семирогий шестилап или «слап» на жаргоне охотников. Увидев над собой тень, слап заметался, потом бросился вперед, под прикрытие густых мангровых зарослей побережья. Тунг начал снижение. Еще, еще ближе. И вдруг непонятное - животное исчезло, успев только испуганно хрюкнуть. Зыбучие пески... Дракон отчаянно взмахнул крыльями. Поздно. По инерции он ударился о песок правым боком. «Погибаем», - мелькнуло в голове. Сразу вспомнилась такая короткая непутевая жизнь. Вот он, белый дракончик, и три его головки дружно сосут маму, а она облизывает их длинным фиолетовым языком. Вот он прижал к стене дальней пещеры свою первую дракошку, неумело разворачивая ее мягкими еще коготками. Вот... «Помогите, спасите», - верещала левая голова, из глаз которой катились крупные, как кокос, слезы. Правая сразу задохнулась в горячем песке, Духи-Драконы даровали ей легкую смерть. «Глупышка ты наша», - Тунг с неожиданной нежностью ткнулся мордой в горячую щеку слева. Последний раз блеснуло зеленое солнце, и наступила тьма.

Из отчета Висконсинской палеонтологической экспедиции Массачусетского технологического института. Доктор Джон Смит.

«В течение двух сезонов 1998 - 1999 годов на побережье древнего океана Тетис были найдены остатки животных. Мезозойская эра, Юрский период, Оксфордский век. В том числе трех динозавров: полностью уцелело туловище одного и две головы от других особей. Тиранозавр, ранее неизвестный его подвид. Найдены также остатки двух лосей, один полностью и две конечности от второго. Чертеж местности, рисунки и фотографии находок прилагаются.»

КОВЯКИН Сергей

ПАСТОР И МЫ, МУТАНТЫ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРИТЧА

Он стоит у жутковидного, волосатого куста выродившейся сирени и сиротливо держится одной из слабых, старческих рук за отделившуюся ветвь. В другой судорожно зажат Крест. С ним Пастор не расстается ни темным днем, ни светлой опаляющей ночью. На Кресте - Распятый... Вроде он некогда приходил в прежний мир, дабы спасти его ценой смерти своей. И не спас.

Лик Распятого тоже человекоподобен. Как и сам Пастор. И стерт губами прихожан. Так утверждает Пастор, и мне нет нужды не верить ему, он совсем не лжет, а если и лжет, как лгали себе сами же люди, то очень мало...

Пастор, как и мы, вылез из своего убежища. Обычно он прячется в самую середину куста-урода, когда наступает нестерпимая ультрафиолетовая и яркая ночь, убивающая всех замешкавшихся... Сейчас он беспомощно озирается при блеклом спасительном свете Милостивицы Луны: груды пепла, шлак и развалившиеся камни на месте Града... Но сколько там нор! И как много глупых и ненужных слов хранит моя лысая волчья голова...

Затем он переводит подслеповатый взгляд на безмятежный лик в третьей божественной фазе нашего Святила. Оно словно понимает, как нужен нам порой благословенный мрак и уменьшается благостно. А затем он, понуро встав на четвереньки, ну совсем как молодые щенки, скрывается в норе, ведущей под куст.

Куст, лишь опаленный дуновением неслышной и невидимой Смерти, стал страшен, опух и метаморфизировался, раздув и утолщив свои стебли так, что они, слившись, образовали прочный толстостенный шар узловатого сочленения, утратив Листву. Что такое Листва, я не представляю даже по рассказам Пастора. Куст привычно порос шипами и красным тонким волосом. Как почти все кусты в округе.

Есть слова и понятия, привычные с детства. Есть слова, что хранит Пастор, и в Стае не раз раздавались голоса съесть его, и дело с концом. Но я Вожак. Я сам съел самого рьяного из молодых. А уж потом, глядя, как стая облизывается после исчезнувших костей наглеца, раздробленных крепкими клыками и резцами соплеменников, объяснил: нас выходил Пастор! Моего прадеда, например, и прадедов многих других. В том числе и предка этого бестолкового, что пытался не раз заигрывать с одной из моих молоденьких и симпатичных, совсем почти без шерсти голокожих самок. Но я думаю, что у меня еще хватит сил огулять не одну такую молоденькую и безволосую самочку Стаи. И между нами, самцами, это я делать люблю. Особенно после хорошей, полирующей кровь, драки

насмерть. Сначала клык на клык и уж потом, потом, потом... За за-
гривок ее, дабы почувствовать под собой распластанное на земле
тело. Они так верещат со страху, особенно в первый раз. Затем
входят во вкус. И потом стареют и уступают место молоденьким и
неопытным.

Но, кажется, я отвлекся от Пастора... Есть слова, что хранит его
старческий, впадающий в детство ум. Нам, Стае, они не нужны, но
мне порой они очень интересны. Приятно все-таки спорить с чело-
веком, последним из динозавров... С уцелевшим, так сказать,
осколком прежней цивилизации. Но ведь для этого надо иметь и
его уровень архаистического языка.

И что с того, что мы цивилизованные дикари особого рода-
племени. Мы мыслим и говорим. К чему нам прежние Истины и
Веры, чей Свет и погубил однажды мир.

Когда я сказал об этом Пастору - он плакал. Бедный... А его
Крест я не лизал даже щенком, хотя он и порол меня за это. Будь
там САМ ВОЛК, тогда другое дело. Тот Волк, наш предок, что выл
темными днями на благостную Луну, наш предок, что оплакивал
погрязшее в распутстве и похоти с металлом Человечество. Они
там так опроституировались со своей Мировой ржавчиной, что од-
нажды у них там все проржавело насквозь, ибо сейчас наша Земля
сплошь красна от железа. И однажды у них что-то там замкнуло,
что-то там загорелось и пошло уничтожение Озона за считанные
дни... А уж затем сожгло все...

А может, и впрямь его убить... Но зачем? Щенки не бегают у
него учиться. Их учит сама беспощадная жизнь, и, возможно, од-
нажды она выучит такого, что сожрет меня и будет огуливать мой
гарем, и самки покорно станут лизать его половые органы. Они все-
гда лижут половые органы с и л ь н е й ш е г о. Но ведь это законо-
мерность существования! Разве может быть по-иному? Пока что
сильнейший в Стае - Я.

Прежние слова, прежние понятия... Прежние заблуждения, так
бы я констатировал, все то извращенное похабство, что называлось
Промискуитетом человека с металлом. И те ублюдки из металла,
пластиков и конденсаторов, однажды порожденные их зловонной
цивилизацией, и сожрали утонченно Озон. А Рыжий Убийца убил
само Человечество. Туда ему и дорога...

Когда Пастор повествует о погрязшем в грехе Человечестве, я
впрямь так и вижу, как они еженощно и ежедневно развратничают
с металлом. Добывают Руду. Везут ее. Плавят. Что-то из нее вытво-
ряют такое, что пожирает человечков по частям.

А затем Оно и сожрало Молекулярный слой! Это так изысканно по-динозаврью, подобное самоубийство, что мне даже смешно...

А наш бедный предок Волк! Его травили, обкладывали флагами, стреляли с железного винтокрылого похабства свинцовыми катышами из железных трубок, пользуясь силой Адского Пороха... Но он выжил, хотя и изменился, и его потомки Мы! Стая...

Я долго размышлял, почему они занимались таким утонченно-бесполезным развратом с чем попадая, что, наконец, понял! Им просто не хватало самок!..

Ну да, самок рода человеческого. Вот они и воевали за них, самок, разного рода технологическими и технократическими уловками. Если бы они, как мы, дрались за право соития клыками, когтями, то такого бы... как говаривал порой и сам Пастор, не было бы. Когда я объяснил мою теорию, я не настаиваю, что она верна абсолютно, Пастору, он долго смеялся, затем задумался, а уж потом, скребя свою коричневую лысину, (ну совсем как у меня, может быть, поэтому я его и не трогаю), наконец, признался.

-Наверное, ты прав, Дружок! (Терпеть не могу этой клички, от нее так и несет ренегатами-предателями, собаками, что лизали грязному человеку ноги, продавшись ему за миску чечевичной похлебки).

-А может, ты и прав, Дружок, - сказал он мне тогда. - Хороших женщин (вроде бы так и назывались самки рода человеческого) было удивительно мало во все времена... Чаше всего бляди и курвы, проститутки и нимфоманки, лесбиянки и гетеры и просто извращенки. Настоящих женщин в те времена было одна-две на тысячу, да какое там, на сто тысяч особей.

Я ему предложил (мне стало его жалко, он не знает, что такое обладать самкой) самую юную из третьего клана Грензс, пусть он ее огуляет, пока еще не умер. Она сделает так, что родится щенок с его разумом и генетической памятью. И Я, Вождь Стаи, гарантирую ему, если не личное бессмертие, то видовое.

Он наотрез отказался, хотя я позднее и приводил ее для показа ему. Пришлось самому заняться этим на обратном пути. Не отдавать же юную Леди безмозглым щенкам, когда у меня самого хватает сил на десяток таких Леди.

Он задумался, махнул рукой и думал два дня и две светлых ночи. Видно, я попал в первопричину истребления всего живого, первопричину зависти, жадности, пустоты и бесцельности ихнего бытия...

Наш мир привычен и прост, как бег таракана по развалинам, таракана величиной с локоть...

Ночью Солнце, Рыжий Убийца, безбоязненно гуляет по небу, не боясь даже Святила-Луны! Но это его Дьявольский Срок, отведенный нам всем в назидание самим Провидением.

Затем приходит благословенный и прохладный День. Все живое - оживает. Распускается движущаяся плесень. Ползают большие тараканы, пожирая плесень. Змеи и крысы охотятся друг на друга, не брезгуя подвернувшейся Инсектой, а замешкавшихся крыс жирают бетонные термиты... И никто никогда не ест Зелень Дерев и Кустов, ибо она, Зелень, - фиолетового, синего и пурпурного цвета - смертоносна и токсична. Мы же, Люпусы, охотимся на змей и крыс, но брезгуем Инсектой...

Мы Люпусы, а Люпус звучит гордо!

Иногда Милостивица Луна, наше Дневное Святило, озаряет и заливает своей божественной прохладой просторы беспредельной Красной планеты, что именуется нами для краткости - Шлак! А ведь некогда она носила смешное имя голубой Земли...

Мы, Стая, собираясь на холме в круг, поем хвалебные гимны Луне и нашему Волосатому Предку, внимая тайным и явным Знакам Судеб на лице Божества.

Я с удовольствием слышу, как вторит мне согласный хор моих самок, и выделяю из них голос Леди и ее юной сестры, право на которую я завоевал на днях в жестоком бою... А затем я сойду в Священном Соитии с той, какую выберу, в центре круга, и остальные пары, смиренно дожидаясь своей очереди, будут лишь облизываться, глядя на нас в Священном Акте...

И все-таки мне жаль его, Пастора! Он был добр к нам. Он заслужил свой кусок крысиного мяса, что каждое утро находит у входа в свою Нору.

И сейчас я знаю, что в следующий раз, завидя его, понуро стоящего у совсем обычного Куста в желтых и серебряных лучах, Я, как всегда, подниму в приветствии пятипалую когтистую лапу, ведь мне, как всем молодым волкам из рода Люпусов, совсем не так трудно бежать на нижних лапах...

НАЙТИ СЛОВА

Белоусова Ольга
Бочарников Евгений
Буланов Виктор
Бурмин Петр
Василевский Кирилл
Волошина Дина
Греп Евгений
Григорьев Евгений
Дворцова Надежда
Дворцова Светлана
Егоров Константин
Карпова Надежда
Климова Юлия
Нестеренко Олег
Степаненко Олеся
Рыжова Ольга
гость клуба - Чернышова Анна

ГОСПОДИН ДИКТАТОР!..

(МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ ПРО РОМКУ,
ГЕНЕРАЛА ПТИЦЫНА И ПОЛКОВНИКА КВАДРАТА)

Глава первая ТАРЗАНКА

1

Был тихий осенний день. Листва на деревьях кое-где уже пожелтела, но в основном еще стойко держалась, не жухла. Казалось, что лето не хочет уступать осени - стояла жара, по небу лениво плыли белые, сонные облака. Все вокруг дышало покоем...

Вдруг всю эту тишину разрезал тревожный и вместе с тем веселый звук. Школьный звонок - рассыпчатая трель, освобождающая сидящих за партами и уныло подсчитывающих, сколько еще таких вот дней выпадет, мальчишек и девчонок.

Звонок будто послужил началом землетрясению - коробка школы даже затряслась от внутреннего гула. Впрочем, гул был вполне мирного происхождения - в него вплетался топот множества ног, радостные крики, стук распахиваемых дверей.

Раз жара - раздевалка школьников не задерживает. Можно прямо с урока, из жаркого класса - на улицу. Если посмотреть на школьное здание со стороны, то казалось, что оно вот-вот взорвется... И взрыв следовал - распахивалась входная дверь, и из нее шумным потоком начала выкарабкиваться детвора. Младшеклассники...

Старшие смотрели на все это из окон и остро жалели, что они уже взрослые, что им не положен такой бурный всплеск эмоций. Они уныло вставали из-за парт и плелись в коридор. Им еще предстоял целый урок мучения...

А уже освободившиеся школьники неслись домой... Или не домой. Потому что дома наверняка найдутся какие-нибудь дела. У кого-нибудь придет на обед мама и сразу обрадуется: «Раз уж ты сегодня так рано, то сходи в магазин...», а магазин этот в другом

конце района. Или бабушка будет ворчать - мол, шлындают целый день по улицам, уроки, наверное, прогуливают... А может, старший брат-студент, который действительно прогуливает свои законные пары, ехидно сдвинет брови и начнет допрос...

Нет, было другое место - за школой.

Дело в том, что стояла школа на отшибе района. Дальше начиналась незавершенная стройка, заброшенная вот уже много лет назад. А еще дальше шли пустыри. Огромные, заросшие высокими травами. Кое-где попадались каменистые проплешины, на которых так удобно было играть в футбол...

Опять зазвенел звонок. Но это был уже не тот радостный звон освобождения. Он превратился в суровое напоминание, в слова: «Пора, хватит бездельничать! Все за парты!..»

Ромка вздохнул и оторвался от окна. Коридор стремительно пустел, захлопывались двери классов. Что поделаешь - такая судьба, шестиклассники - уже не маленькие, им и нагрузки полагается больше... Впрочем, Ромка про себя улыбнулся, наверняка сейчас класс полупустой. Ну кому хочется сейчас сидеть в этой душной, несмотря на проветривания, комнате и слушать учителя?

В совсем пустом коридоре раздались гулкие, уверенные шаги. Именно по этой спокойной уверенности Ромка легко отличал учителя от ученика. Почему у всех учителей одинаковые шаги? Да потому что они, как бы им ни хотелось, не пойдут вприпрыжку, не будут красться вдоль стен, чтобы не налететь на завуча...

Шаги приближались, и Ромка обернулся. К двери его родного класса подошел учитель математики Игорь Станиславович Сидоров. По прозвищу Циркуль. Это прозвище как нельзя лучше подходило Игорю Станиславовичу, прежде всего из-за его непомерно длинного роста. Ноги его, тоже невероятной длины, почти не гнулись в коленях, когда он передвигался - ни дать ни взять настоящий циркуль, оживший и решивший учить детей математике.

Но еще за одно свойство характера дали ему такую кличку. Не забывайте, что у циркуля на одной ножке - иголка. Острая. Не менее острым был и язык Циркуля, никому не хотелось попадаться на язык учителя математики.

Вот и сейчас, Циркуль шел прямо, по сторонам не глядел, целенаправленно устремился к двери класса. Казалось, Ромку, задумавшегося у окна, он не замечает. Но у самой двери, уже взявшись за ручку, Циркуль остановился и сказал, не оглядываясь:

- Сударь, я понимаю, что на подоконнике сидеть - приятнее, чем за партой, однако - что поделаешь... Нет в мире справедливо-

сти. И именно поэтому вы пойдете в класс, где я сейчас буду рассказывать вам новую тему, прелесть которой вы оцените, увы, только к контрольной... Однако, мы задерживаемся, и потому прошу вас войти первым, так как если первым войду я, то вы несомненно опоздаете, и это навлечет на вас кучу неприятностей... в виде моих острот...

Разразившись такой замечательной фразой, Циркуль пропустил шмыгнувшего мимо него Ромку и вошел сам.

Класс сдержанно и уныло гудел. Налицо оказалась только половина, самые умные сбежали, остальные теперь сетовали на то, что оказались такими недогадливими... Впрочем, гул стих, как только в класс вошел Циркуль. Все встали...

- Где пропал? - шепотом, почти не двигая губами, спросил Валерка, сосед Ромки по парте и друг по жизни, пока Циркуль язвительно здоровался с классом.

- В окно загляделся... - со вздохом признался Ромка. - Так охота на улицу...

- Ничего... - понимающе откликнулся Валерка. - Нам только сорок минут переждать...

Сорок минут! Это же огромная куча времени! В каждой минуте - шестьдесят секунд и эти самые секунды, будто издеваясь, еле-еле плетутся. Зачем же тратить столько времени, если все равно никто не слушает Циркуля, а все откровенно пялятся в окно?..

- Пойдем сегодня кататься? - все так же шепотом спросил Валерка, потому что Циркуль, несмотря на очки, а может, именно благодаря им, преотличнейшим образом видел кто разговаривает.

- Конечно! - обрадовался Ромка.

Потом они застыли, глядя на учителя математики, что-то рисующего мелом на доске, так, будто действительно его видят...

2

Крепость стояла за пустырями. Вернее даже не стояла, а лежала в развалинах. Когда-то давным-давно, в незапамятные времена, подверглась она бомбардировке и была почти сровнена с землей. Но кое-что еще осталось. Так, например, невысокая башня крепостной стены, хоть и потрескалась, лишилась верхушки, но исправно стояла со времен той самой битвы.

Рядом с крепостью, а значит, рядом с башней, лениво текла река Быстрая, совершенно не оправдывающая свое название. Середина ее была очень глубокой, но совершенно неопасной для умеющего плавать человека, а все мальчишки, да и многие девчонки

района несомненно были именно такими людьми.

Быстрая как бы отгораживала пустыри и крепость от небольшого леска, расположившегося на другом берегу. Впрочем, лес был ненастоящий, а когда-то давно посаженный и оттого росший в геометрически правильном порядке. Хотя, конечно, за такое время, порядку в нем поубавилось...

Башня стояла как раз напротив леска, напротив самой глубокой части реки - это-то и оказалось очень удобным и позволило мальчишкам устроить бесплатный аттракцион.

Придумал его Валерка. Он как-то особенно внимательно посмотрел на башню, потом на дерево, выделявшееся на другом берегу своим ростом и подумал: «А что если?..»

А что если протянуть между этим деревом и башней веревку? Ведь несмотря на свою небольшую вышину, башня была выше дерева, потому что правый берег, обрывистый, был выше левого. Значит, получится уклон, по которому прекрасно можно будет скользить на петле из ремня. Хотя, конечно, на том берегу ждало жесткое приземление... Но зачем же ждать до конца? А если посередине реки - буль - и в воду? Это даже лучше, чем просто пролететь над рекой.

Валерка поделился своими мыслями с Ромкой - тот сразу же загорелся. Да и не он один. Мальчишки, которые подобрались в их компании, - народ работающий, тем более, что и работы-то почти никакой не требовалось...

На разрушенной вершине башни обнаружилась удобная стартовая площадка. Веревку закрепили в проржавевшем, но крепком кольце, по-видимому, держалке для факела. Другой конец обмотали вокруг верхушки ели. И в добрый путь.

Первым попробовал свое изобретение Валерка - он имел на это право. За ним уж все остальные. Новое развлечение очень понравилось, хотя оно и было сопряжено с некоторым риском. Можно было не рассчитать и угодить на мелководе, а то и на берег.

Так вскорости и случилось. Игорек - мальчишка на самую чуточку младше Ромки - загремел с веревки и упал в воду там, где было неглубоко. Впрочем, ничего особенно страшного не произошло - Игорек просто набил себе шишку и наглотался воды, однако ребята стали осторожнее. Игорек же, прозаикавшись неделю, опять прибежал сюда...

Теперь немного слов о ремнях. Об обычных ремнях, с пряжками, дырочками, замысловатыми защелками. Такими ремнями ребята всегда украшали штаны школьной формы, а теперь нашли

им другое применение...

Именно на ремнях было удобнее всего спускаться по «тарзанке», как называли ребята эту воздушную линию. Особенно, если ремень кожаный, не перетирается. Перехватишь им веревку, крепко вцепишься в концы. Можешь даже зажмуриться, только ненадолго. Оттолкнешься ногами и... сильный рывок, ты летишь, испытывая ни на что не похожее чувство. Правда это длится недолго - под тобой уже вода, надо прыгать. Отпускаешь один конец ремня и падаешь с высоты в воду...

Только бывало, отпускали и второй конец тоже. Тогда уж как повезет. Если пряжка ремня не тяжелая, то, может, всплывет. Родители еще удивлялись, куда их дети ремни теряют... Знали бы они!

Однако скоро этот аттракцион закончится. Наступит полноправная осень, вода станет холодной, потом покроется льдом. Не покатаешься...

Но пока стоит почти лето. И вода еще теплая - купайся - не хочу. Так что последние дни «тарзанка» работает во всю силу...

3

Но наконец-то урок закончился. Звонок опять стал радостным, он обещал свободу. Циркуль умолк на полуслове, вздохнул и отпустил:

- Идите...

Хороший он вобщем-то был человек, математику очень любил, злопамятности за ним не водилось.

Нет, шестиклассники не стали, как малышня, вырваться из класса, устраивая кучу-малу у двери, прыгать через три ступеньки по лестнице, налетая друг на друга. Они чинно, но быстро, покинули классную комнату, спустились по лестнице и стали расходиться.

- Так идем? - спросил Валерка.

- Конечно! - повторил Ромка, и они пошли.

На пустырях вовсю резвилась малышня. Про «тарзанку» они, конечно же, знали, но им строго-настрога было запрещено пользоваться ею. Да и не смогли бы они. Однако, им и без «тарзанки» развлечений хватало - футбол, прятки, другие игры - пустыри особенно были приспособлены для такого рода дел...

- А я утром даже поесть не успел... - признался Валерка. - Мама убежала, завтрак оставила, а я проспал... Так, наверное, и стоит, нетронутый...

Валеркина мама работала в «скорой помощи» и была человек очень занятой. А отца у Валерки не было... Ну, просто, ушел он от

них, когда Валерка был еще совсем маленьким, и теперь о нем напоминают только алименты, высылаемые откуда-то с Востока...

Ромка, вспомнив это, даже передернул плечами. Нет, у него - тьфу, тьфу, тьфу, - все было в порядке. И мама, и папа были. Мама работала диспетчером в аэропорту, папа - электриком там же. Семья была совсем дружная, помимо мамы и папы был у Ромки младший брат. Как говорится (Ромка, конечно же, знал о таких вещах уже давно) «ребенок поздней любви». Очень оручий, но довольно-таки милый. Когда не кричит, естественно.

Однако, несмотря на полный набор семьи и съеденный утром завтрак - яичница с колбасой - есть хотелось и Ромке. Говорят, что от умственной работы человек устает сильнее, чем от физической. Может, он и есть хочет больше?

-Ничего, - решил подбодрить друга Ромка. - Наверное, из ребят кто-нибудь что-нибудь принесет...

И оказался прав. Из ребят, правда, на месте оказался один Вадик. Остальные по неизвестным причинам не пришли. Вадик был человеком очень толстым или, как он сам себя называл - «упитанным». Однако, при своей «упитанности», он не был тюфяком, мог и сдачи сдать. Правда, характер у него был добрым и отзывчивым.

На «тарзанке» Вадик не катался, потому что боялся, что веревка не выдержит его веса. «Я же не Карлсон, - грустно говорил он, - летать не умею...» Впрочем, ему нравилось смотреть, как катаются другие. Потому он был почти каждодневным участником сборищ у «тарзанки».

Вадик очень любил шоколадные вафли. Просто жить без них не мог. Каждый раз он появлялся у башни с мешочком, объемом под килограмм. Но человеком он был не жадным и потому охотно всех угощал. Бывало, что при этом ему доставалось меньше других, но он не расстраивался, знал, что дома любимая бабушка наверстает упущенное.

Были вафли у Вадика и сейчас. Ромка и Валерка неплохо «угостились». Жаль только, что запить было нечем. Разве что водой из реки, но она была немного нечистая...

- Ты давно тут? - спросил Ромка у Вадика.

Тот лежал на спине и глядел в небо, провожая взглядом облака.

- Не очень... - отозвался Вадик. - С полчаса... Тут красиво...

Ромка пожал плечами. Он плохо разбирался: красиво - некрасиво... Может быть, и красиво... Одно он знал точно - здесь ему хорошо... Солнце греет, плеск воды завораживает... Ромка встряхнулся:

- Пора... Никто, наверное, сегодня уже не придет...

Он скинул школьную форму, вытянул ремешок из петли. Подергал его, проверяя на прочность. Валерка сделал то же самое. Вадик, отвернувший взор от небес и теперь внимательно наблюдавший за друзьями, встревожено предупредил Ромку:

- У тебя трещина!

Ромка развернул ремень, пригляделся. Да, чуть заметная трещинка проходила по твердой коже. Впрочем, это же такая малость! Ромка опять подергал ремень - прочность казалась неразрывной.

- Выдержит, - решил он.

- Зря... - покачал головой Валерка. - Хочешь, я тебе свой дам?

Ромка помотал головой. Сегодня же последний раз. С завтрашнего дня синоптики обещали затяжные дожди. Впрочем, в наш век мало кто верил в синоптиков, но на этот раз они, кажется, были правы, потому что бабка Дарья подтвердила прогноз. А потом зачем еще нужен будет этот ремешок? Только поддерживать штаны, которые и без него прекрасно сидят...

- Ничего... - Ромка беспечно махнул рукой. - Ты первый?

Валерка кивнул. И начал карабкаться на башню. Дело в том, что внутри башни давно рухнули все перекрытия и лестницы. Забираться на верх, на последний кусок пола последнего этажа, служивший стартовой площадкой, приходилось по зазубренной трещине в стене. Это было небезопасно, однако еще никто из мальчишек отсюда не падал. Даже Вадик забирался...

Валерка уже наверху. Его, правда, не видно, однако Ромка знал, что он там. Наверху всегда немного страшно. Всегда боязно сделать первый шаг, как будто ты парашютист и стоишь у раскрытого люка самолета...

- Ура! - раздался сверху радостный крик и худое, длинное Валеркино тело, пронеслось над берегом, над мелководьем и упало на глубину. Всплеск, куча брызг, фыркание... Валерка выбрался на берег - радостный и немного виноватый. Объяснил:

- Ремень утопил... Тебе хотел дать и вот...

- Мой выдержит, - Ромка улыбнулся.

Да и ничего страшного не выйдет, даже если он упадет на берег. Смертельно страшного во всяком случае...

- Мой черед... - сказал Ромка и под внимательными взглядами Валерки и Вадика начал карабкаться на башню...

4

Камни были шершавые, кое-где - острые, кое-где - скользко замшелые. Ромка лез и все думал, что они будут делать завтра.

Ведь, наверное, до следующего лета не будет больше этой радости полета...

С верхней площадки видно было далеко.

Вон - малышня устроила футбол. Играют кто во что горазд. Иногда устраивают потасовки. Там, дальше, возвышается здание школы, с крыльца кто-то спускается - кажется, Циркуль. Все правильно, второй смены у них в школе нет, потому и расходятся учителя по домам. Как, однако, отсюда хорошо видеть школу! И как, наверное, оттуда хорошо видеть их «тарзанку», особенно, когда по ней спускается визжащий от восторга мальчишка...

Однако, вот и площадка...

Ромка накладывает ремень на веревку, покрепче перехватывает концы, даже закручивая немного. А впереди - небо, внизу - земля, там обрыв, дальше мелководье, но это пролетаешь быстро - фиють - и все. Однако отсюда, сверху, кажется, что и не такая уж низкая эта башня...

«Сосчитаем... - решил Ромка. - Раз, два... три!..»

Он шагнул вперед, с башни. Тело ухнуло вниз, но сразу же рывком остановилось падение. Ромку понесло вперед. Непонятная радость, как всегда, охватила его, захотелось кричать и он закрычал:

- Эгей!..

И как ответ на этот крик - легкий треск вверху и падение... падение...

Глава вторая ГОСПОДИН ГЕНЕРАЛ

1

Сердце стучало, как бешеное. В голове вертелась только одна мысль: «Я же не разбился?! Я живой?!» Ведь правда, что тут падать... И дернул же его бес кататься на треснутом ремне!..

Однако боли не было, совсем не было. А в голове звенело...

«Но раз я жив, то значит могу встать? - подумал Ромка. - Зачем же пугать Валерку и Вадика?» И, открыв глаза, он сел... на полу!

Действительно, вокруг не было ни башни, ни реки, Валерка с Вадиком тоже куда-то исчезли. Была совершенно незнакомая комната. Огромная, светлая, с широкими окнами, забранными узорными решетками.

Убранство комнаты тоже было каким-то особенно роскош-

ным. На стенах висели гобелены с пейзажами и картины, вероятно копии известных шедевров. На той стене, что напротив, располагалась коллекция старинного оружия - шпаги, сабли, кремневые пистолеты...

Пол комнаты покрывал огромный ковер, в котором должна была тонуть ступня человека - до того он был пушистый. Рисунок на ковре напоминал арабскую вязь, только посередине было изображено солнце, правда, с таким же восточным узором по краям.

Мебель совершенно не уступала по роскоши оформлению стен и пола. Огромные кресла, кожаные и на вид такие удобные, что прямо хотелось забраться в них с ногами. Диван из того же гарнитура, по площади напоминающий аэродром. На диване лежала куча подушек и покрывало; похоже его, несмотря на богатый вид кабинета, использовали в качестве спального места. И еще был стол.

Большой, как и вся мебель здесь, угловатый, сделанный явно из какой-то редкой породы дерева. Такой стол нужно ставить под памятник, вместо постамента. На нем лежали какие-то бумаги, папки, несколько ручек, ежедневник. Возвышалась коробочка телефона, не такого, какой стоит у Ромки дома, а современного, со всякими кнопочками и обтекаемым корпусом...

Ромка растерянно, но внимательно разглядывал этот кабинет (а комната несомненно была кабинетом) и все не мог сообразить, как он сюда попал. Вернее как - это понятно. В кабинет вели высокие двустворчатые двери, украшенные резьбой, с медными ручками в виде львиных голов, начищенными до блеска...

Когда Ромка разглядел на столе телефон, то понял, что звенит не у него в голове, а надывается именно этот аппарат. И еще он со страхом установил, что сердце к стуку непричастно. Вернее, оно бешено колотится, но стучит совершенно не оно. Где-то невдалеке бухают пушечные выстрелы, пару раз комната содрогалась, как от подземного толчка.

- Что же это?... - Ромка, все еще растерянно сидящий на полу, не мог понять. - Где это я? И что случилось?!

Ему вдруг стало страшно совсем непонятно от чего. Вокруг ВСЕ было совершенно незнакомо. И эти выстрелы, этот тревожно зуммерящий телефон на столе...

Ромка всхлипнул. Ему вдруг представилось, что его похитили какие-то мафиози, заперли в этом кабинете и теперь решают его судьбу. Правда он понимал, что много это не объясняет и скорее всего никаких мафиози нет... Однако, что же случилось?!

Ромка хотел встать и не смог. Нет, не потому что ноги отня-

лись от страха... Просто... на нем оказалась чужая одежда! И ладно бы просто чужая, а то совершенно не по росту!

Когда Ромка прыгал, то на нем были лишь черные трусики и все. Теперь же их не было... Ну, Ромка их не чувствовал... Вместо трусиков на нем был военный китель с золотыми погонями и множеством медалей. Медные пуговицы тускло блестели, по-видимому, их давно не чистили... На ногах оказались брюки какого-то военного покроя, с красной полоской по внешней стороне ног. Брюки и мундир были защитного цвета.

Кроме этого, на ногах Ромки сидели сапоги - блестящие, какие-то самодовольные, с каблуками. И еще, ремень. Широкий кожаный ремень с медной пряжкой и... кобурой на правом боку. Из кобуры выглядывала рукоятка пистолета.

Все это было рассчитано на высокого взрослого человека, в меру полного... Ромка же даже для своих лет был шуплым и маленьким. Потому он просто барахтался во всей этой сбруе.

Наконец он догадался расцепить ремень и скинуть брюки с сапогами. Китель он снимать не стал, чтобы не остаться совершенно голым. Потому что... и трусы на нем оказались совершенно взрослые...

Ромка догадывался, что в одном кителе он выглядит совершенно глупым, но что делать?! Он с тоской огляделся еще раз и всхлипнул. Спросил, громко, обращаясь к потолку, к тому, кто услышит:

- Где я?!

2

На шум распахнулась дверь, и в комнату вбежал человек. На нем был похожий мундир, только поскромнее, и орденов было поменьше. На голове офицера (а был он, несомненно, офицером) была фуражка с какими-то необычными полями, черным околышем и хищным орлом вместо кокарды. Казалось, орел вцепился когтями в золотой шнурок, пропущенный ниже него.

- Господин генерал! - начал с порога офицер. - Что случи... О-о-о!

Это наконец он заметил, что перед ним совсем никакой не генерал, а обыкновенный мальчишка, испуганный и оттого всхлипывающий. Офицер даже отпрянул немного и приподнял козырек, чтобы лучше видеть...

- Господин генерал... - прошептал он тихо.

Ромка от всего пережитого - рвущийся ремень, жуть падения,

чужая комната, чужая одежда - заплакал и несвязно забормотал:

- Я не хотел... Это «тарзанка»... Ремень лопнул...

В глазах офицера мелькнуло отчаяние. Он бросился к Ромке, упал на колени перед ним и заглянул в глаза.

- Го... господин... генерал... - выдохнул он, заикаясь. - Зачем?! Вы думаете, это вас спасет?! А мы?! Мы же сражаемся за вас, за порядок!.. Я тоже не хочу умирать! Не бросайте меня!..

Ромка заплакал еще сильнее, ему казалось, что он сходит с ума. Голос офицера стал требовательнее:

- Господин генерал! Вы немедленно - слышите? - немедленно поможете мне! Или... - офицер не договорил и расстегнул кобуру.

Пистолет казался маленьким, почти игрушкой в его взрослых руках. Дуло черным зрачком уставилось в лицо Ромки - мальчишка отпрянул, забился в угол. Пистолет провожал его путь недобрый оком.

- А мы на вас надеялись... - отчаяние в голосе офицера сменилось горечью. - Как же, Великий Стратег и Тактик! В своей трусости и желании уйти от возмездия вы просто жалки...

Пистолет опустил свой смертельный глаз к полу. Офицер упал в кресло и закрыл лицо руками, впрочем, не выпуская пистолета. Сквозь пальцы он шептал:

- Что же делать?.. Что же делать?.. Ведь они скоро будут здесь... Я не хочу на виселицу!.. Не хочу!

Офицер оторвал руки от лица, безумно взглянул вокруг. Потом вдруг рассмеялся, причем смех был все такой же нехороший. Он посмотрел на Ромку, и тот опять съежился...

- Вы думаете, что поступили умно, господин генерал?.. - офицер усмехнулся. - Вы думаете, что вас не тронут? Глупости! Вы зря не умерли... Но черт возьми, я не сделаю вам такой поблажки! - Он вскочил. - Я буду умнее!..

А дальше все было слишком быстро - взлет руки, блеснувшее на врывающихся через окно лучах солнца дуло пистолета у виска, выстрел... Выстрел был негромкий, будто шелчок, но голову офицера мотнуло в сторону. Как он стоял, так и упал во весь свой рост - пистолет по гладкому ворсу ковра откатился под стол...

«Это сон! - думал Ромка, осторожно приближаясь к мертвому. - Или бред! Я, наверное, здорово расшибся...»

Офицер лежал навзничь, глаза его были открыты и с горькой усмешкой смотрели в потолок. А в виске чернела маленькая дырочка, набухающая кровью. Вот кровавая струйка скользнула по коже и исчезла в ковре. В мягком, пушистом ковре...

Ромку замутило так, что перестало вдруг хватать воздуха. Перед глазами потемнело, и он опустился рядом с трупом. Сознание милосердно оставило его...

3

Очнулся Ромка, наверное, быстро, потому что телефон упорно звонил. Или, может, он звонит уже несколько часов, а то и дней?

Ромка осторожно поднялся с пола. Тело офицера лежало так же, только кровь уже не текла, а багровой полоской засохла на виске. «Это бред», - повторил себе Ромка, но на мертвеца старался не смотреть. Он прошелся по кабинету, не решаясь выглянуть за дверь.

Однако находиться в одной комнате с... трупом жутковато даже во сне.

Стрельба уже подступила вплотную. За окнами громко трещали автоматные очереди, взрывались гранаты... Дом содрогался уже не раз, по-видимому, от попадания снарядов, где-то неподалеку лязгали огромные машины, наверное, танки...

Ромка подошел к столу и стал рассматривать то, что лежит на нем. В основном это были какие-то бумаги. На некоторых была пометка «Совершенно секретно». И еще там стояло несколько фотографий в рамочках...

На одной был снят решительный взрослый человек, с резко выпяченной челюстью и сузившимися глазами. Кажется, на нем был тот самый мундир, китель от которого сейчас болтался на Ромке, как на вешалке...

На второй этот же человек куда-то смотрел в бинокль. Рядом с ним стояли еще военные и все почтительно держались позади. Местность не просматривалась - люди были сфотографированы крупно. Только на заднем плане что-то дымило...

А на последней фотографии, стоящей слева и сильно пропылившейся... была сфотографирована...

- Мама! - вскрикнул Ромка и схватил карточку.

Да, это была его мама, в красивом синем платье, внимательно глядящая в объектив...

- Мама, где ты? - печально спросил ее Ромка. - И где я? Почему твоя фотография стоит на столе этого генерала?..

Телефон все также занудно звонил и не собирался этого прекращать. Ромка с раздражением снял трубку и, как обычно говорил дома, выкрикнул в трубку:

- Да?..

В трубке раздался шорох, напоминающий все те же выстрелы за окном и чей-то далекий голос почти неслышно закричал:

- Господин генерал?.. Где вы?! Почему нет никаких распоряжений?! Потеряно восемьдесят процентов личного состава! Нас здесь утюжат! Скоро все будет кончено! Господин генерал, дайте приказ отходить! Иначе мы здесь погибнем!

Ромка растерялся. Чем-то ему этот голос напомнил голос застрелившегося офицера. Ромка даже оглянулся, чтобы убедиться, что мертвое тело никуда не исчезло...

Офицер был на месте - все в той же позе. Да и не мог он ее изменить - он же был мертв. Ромка опять всхлипнул и сказал в трубку:

- Отходите...

- Что?! - не поняли в трубке.

- Отходите! - с силой крикнул Ромка.

- Есть! - раздалось с той стороны. Голос стал несколько облегченным. - Прикройте нас, господин генерал! У вас же личный ракетный взвод! Одного залпа будет достаточно!.. Господин генерал?..

- Я... - Ромка запнулся. - Я не генерал!

- Не слышу, господин генерал!

- Я не генерал!

- А кто? - удивился голос. - Где генерал?!

- Его здесь нет... - дрожащим голосом объяснил Ромка. - Я не знаю...

- Удрал, гадина!.. - тоскливо раздалось в трубке, и послышались гудки отбоя.

Ромка представил себе, как там, где идет бой, офицер отходит от телефона, достает из кобуры пистолет и прикладывает его к виску... Ромку опять затошнило.

Стекло окна, перед которым стоял стол, вдруг звякнуло. Тихонько так, почти неслышно. Что-то свистнуло над головой Ромки и ударило в противоположную стену... В стекле осталась небольшая дырочка-паучок. Ромка бросился на пол и тотчас же окно лопнуло от автоматной очереди...

4

Ромка бросился к двери, выскочил в нее и... остановился.

Нет, следующая комната оказалась обычной приемной. По видимому, здесь и сидел тот офицер. Длинная комната, с ковровой дорожкой, рядами деревянных кресел вдоль стены и столом возле

двери, ведущей в кабинет.

Другая дверь, такая же высокая, двустворчатая, была чуть приоткрыта и из-за нее доносились странные звуки. Кто-то кричал, ругался по-страшному, иногда хлопал одиночный выстрел, иногда кто-то стонал... Кажется, там шла рукопашная схватка. Ромка, на что уж он был растерян, и то сообразил, что, по-видимому, противник расправляется с охраной непонятно куда исчезнувшего генерала.

Осознав это и то, что сейчас здесь будут враги (наверняка враги!), Ромка попятился обратно в кабинет. Пятился, пока не споткнулся о труп и не упал...

С оглушительным звоном разлетелись остатки стекла, и кто-то быстрый, стремительный, затянутый в камуфляж, выбив оконную решетку, влетел в кабинет генерала. Тотчас от удара распахнулась дверь, и комната стала наполняться такими же пятнистыми фигурами.

Пятнистые быстро рассредоточивались, беря на прицел все простреливаемое пространство. Замерли неподвижно - по-видимому, все же пораженные представшей картиной.

Ромка сглотнул - на его груди, на чужом кителе, возникло несколько рубиновых пятнышек. Лазерные лучи прицелов упирались в него, будто указующие персты.

«Сейчас... все... - Ромка зажмурился и часто задышал. - Не хочу!...»

- Что, черт возьми, происходит? - этот шепот Ромка услышал обостренным от напряжения слухом. Он открыл глаза и взгляделся в солдат. Однако все они были в масках и поэтому нельзя было разобрать, кто говорил.

В приемной слышались уверенные шаги. Ромка невольно вспомнил Циркуля, и ему стало еще горше.

Пятнистые посторонились, и в дверь вошли два человека.

Первый - несомненно военный. Только мундир у него отличался от того, что был на Ромке и застрелившемся офицере. Был военный пожилым человеком - лет под пятьдесят, лицо его избороздили морщины, в глазах сидела не то печаль, не то усталость.

За ним стоял штатский. Тоже пожилой, только полноватый, одетый в серый костюм и распахнутый плащ. В руках он держал шляпу.

Военный подошел к сидящему на полу Ромке и спросил, держа голос в нейтральных интонациях:

- Роман Птицын?

Ромка вздрогнул - откуда они знают его имя и фамилию?! Казалось бы, куда сильнее бояться? Однако Ромку прямо заколотило. Он с трудом нашел в себе силы кивнуть...

Военный повернулся к одному из пятнистых:

- Вы поражены, капитан?

Пятнистый стянул с головы тряпичную маску с дырами для глаз и рта, оказавшись широколицым мужчиной с преглупым от удивления выражением лица.

- Так точно, господин полковник... - ответил он военному. - Поражен...

- А ведь вчера по радио специально оповещали, - это уже штатскому. - Не верят они в силу нашей науки...

Штатский только грустно улыбнулся.

Тогда полковник опять повернулся к пятнистому:

- Капитан, вы можете уводить свою команду...

- Господин полковник, но... - капитан был явно растерян.

- Или вы думаете, что мы не справимся с мальчишкой?..

Один за другим пятнистые покинули кабинет. Последний выходящий пробормотал, зыркнув на застрелившегося офицера, потом на Ромку: «Хоть бы напоследок обошелся без крови...»

Полковник посмотрел на Ромку, усмехнулся. Протянул руку, помогая подняться.

- Что ж, Роман Семенович, придется вам пройти с нами. Вы... вроде как... арестованы...

- За что?.. - непослушными губами прошептал Ромка.

- О, это завтра вам объяснят. А сейчас, идите за нами, возле выхода нас ждет машина... - Полковник опять усмехнулся. - Когда приедем, вам дадут более подходящую одежду...

Крепко держа Ромку за плечо, полковник вывел его из кабинета. Штатский следовал за ними...

Глава третья МНЕ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ!

1

Ромка проплакал всю ночь и уснул только перед рассветом.

Перед глазами все стояли картины вчерашнего дня. Увы, все оказалось не бредом, а какой-то страшноватой реальностью. Ромку провели через то здание, в котором располагался кабинет генерала. Чем бы оно ни являлось, однако размеры его поражали воображение. Впрочем, было совершенно не до разглядывания комнат.

Весь путь к кабинету исчезнувшего генерала оказался усыпан трупами. Они лежали в самых разнообразных позах, в каких их застала смерть. Здесь были и те пятнистые спецназовцы, и просто солдаты, и офицеры, и какие-то, напоминающие террористов, личности с повязками на головах и в темных очках...

Когда Ромка проходил через комнату, где что-то взорвалось, ему стало плохо. Потому что все вокруг было в крови, а то, что он увидел помимо крови, не стоит описывать... Ромку стошнило - не впрок оказались Вадиковы вафли...

На улице было полным-полно народу - солдаты, штатские, но их Ромка почти не разглядел, потому что впал в какую-то странную апатию. Как только его вывели из здания, тут же раздался свист, улюлюканье, угрозы. Мальчишку быстро запихнули в огромный черный автомобиль, стоящий перед крыльцом, и машина тут же тронулась.

Куда везли - Ромка не знал. Одно он понял точно - это не его родной город. В машине, кроме полковника и штатского, находились еще шофер и два солдата-автоматчика. Ехали молча...

Потом была остановка, какое-то мрачное здание - может быть, тюрьма? Коридоры, солдаты и, наконец, камера.

Да, кроме как камерой эту комнату не назовешь. Голая - кроме узких нар в ней не было никакой мебели, даже... этого, чего обычно в камерах стоит. Стены покрыты известкой, нездорово-белой, из потолка торчит зарешеченный плафон, излучающий ядовито-желтый свет. Ромку ввели в камеру и захлопнули за ним тяжелую железную дверь. Обещанной одежды так и не дали...

Оставшись наедине со своими мыслями, Ромка совсем отчаялся. Он не понимал, что происходит. Почему его держат под прицелом, арестовывают, тащат в какую-то тюрьму... «Может, я сошел с ума? - думал Ромка, улегшись на нары и прикрывшись сверху злополучным кителем. - Но, кажется, сумасшедший не может себе так вот признаться... Или все они сошли с ума? Ничего не понимаю...»

Потом Ромка забылся тяжелым сном.

Снились ему все мертвецы, которых он видел сегодня. Снилось «тарзанка», сворачивающаяся в виде петли виселицы. Снился тот генерал, с фотографии. Он с усмешкой смотрел на Ромку, и усмешка почему-то была, как у полковника...

Проснулся Ромка от скрипа отворяемой двери. Ромка поскорее сел на кровати и укутался в китель - в камере было прохладно - оно и понятно, преступников не на курорте содержат. Только вот он, Ромка, разве преступник?..

Вошел не кто иной, как полковник. Опять эта странная усталость в глазах, опять усмешка. Он остановился посреди камеры и проговорил:

- Рома... можно я буду тебя Ромой называть?.. Так вот Рома, что же нам с тобой делать?..

Ромка не мог посмотреть на него. Тихо прошептал:

- А может... отпустить?..

Полковник хмыкнул.

- Отпустить, говоришь? Нет, это никак невозможно.

Ромка немного осмелел:

- Вы вчера... говорили что-то про арест... В чем меня обвиняют?..

- Правильно поставил вопрос, - одобрил полковник. - Ты всегда был сообразителен, Рома... - «Почему «был»?..» - ужаснулся Ромка. - Что ж, если хочешь, выслушай обвинения...

Полковник сел рядом, на краешек нар.

- Итак, Рома, ты обвиняешься в геноциде...

- В чем?! - удивился Ромка.

- Тебе незнакомо слово? - полковник внимательно посмотрел на мальчишку. - Геноцид... как бы тебе попроще объяснить?.. Это массовые убийства... У тебя, в частности, они выражены в массовых расстрелах, создании концлагерей, уморении голодом... Нужно ли все перечислять?

Ромка уже не боялся.

- Что за чушь! - сказал он и даже засмеялся, не нервно, а своим обычным смехом. - Никого я не расстреливал... никого не морил...

- Нет, Рома... - голос полковника стал печален. - Это было... Я тебе это докажу... Сейчас ты пройдешь со мной...

- В чем? В этом? - Ромка со смехом распахнул китель. - Это будет забавно! - смех душил его, просто рвался наружу. Нет, наверное, это уже был смех истерики...

Полковник пожал плечами.

- По сравнению с теми двумястами ребятишками, которых твои приспешники поливали на морозе водой, ты чувствуешь себя просто прекрасно...

Сквозь смех Ромку пробрал озноб.

- А что касается одежды... - продолжил полковник, - то... ты ведь понимаешь?.. здесь не детское учреждение. Вчера я попросил кого-нибудь из солдат или офицеров принести что-нибудь из одежды своих сыновей для тебя... Никто не принес... Такую «любовь» ты заслужил...

Ромка смеяться уже не мог.

- Ложь...

- Не беспокойся, я отдал распоряжение, тебе что-нибудь подберут на складе... Подождем?..

Ромка не ответил...

2

То, что нашли на складе, оказалось тренировочным костюмом. Мальчишечьим, только все равно большим - пришлось подворачивать штанины и рукава. Откуда взялся в этом учреждении («ты ведь понимаешь?») этот костюм - непонятно. И зачем его хранили на складе - тоже. Однако он пригодился...

Облачался в чужой «треник» Ромка нарочито медленно. Впрочем, полковник нетерпения не проявлял. Когда Ромка, наконец, оделся, полковник кивнул на дверь:

- Пойдем?

- Куда?..

- Но ты же сам хотел доказательств...

И они пошли. Опять потянулись коридоры, солдаты, железные двери... Ромка моментально запутался и потерял ориентацию... Наконец полковник привел его в какую-то комнату, обставленную более-менее нормально. Здесь был большой стол, накрытый материей, несколько рядов кресел, как в небольшой аудитории. На столе стоял телевизор и видеомagneфон, рядом с ними лежало несколько папок. Из-за окон слышался неясный шум...

Полковник провел Ромку в первый ряд и сказал:

- Садись...

А сам раскрыл одну из папок и бросил на колени Ромке фотокарточку. Ромка взял ее и сразу же положил. Это был тот самый генерал, с фотокарточки в кабинете.

- Узнаешь? - спросил полковник. Ромка отрицательно покачал головой. - Впрочем, было бы странным, если бы ты узнал его.

Полковник подошел, держа в руках открытую папку.

- Это - бывший генерал правительственных войск, кавалер орденов Храбрости, Почета и многих других. Почему бывший? Да потому что до сего дня он являлся никем иным, как бандитом, узурпировавшим настоящую, законную власть, то есть, проще говоря, диктатором...

- Ну и что? - пожал плечами Ромка. - А я тут...

- Не перебивай, - строго одернул его полковник. - Потом спросишь. Итак. Захватив власть, сей экс-генерал начал наводить в

стране свой порядок. Не побоюсь сказать - Новый Порядок... - полковник усмехнулся чему-то, непонятному Ромке. - Под лозунгами «Дисциплина», «Порядок и ничего кроме порядка» он начал методично истреблять все недовольное население страны... Возникшее было Соппротивление он вырезал почти под корень, утопил в крови, но, слава богу, не совсем... Причем он не гнушался убивать и сам... Смотри...

Еще стопка фотографий шлепнулась на колени Ромки. Он развернул ее и тут же отложил. На это смотреть нельзя. Ромку даже затошнило, хотя то, что он увидел существовало на фотокарточках.

- Да, но я... - опять попытался было вставить Ромка, однако полковник молча остановил его.

- Если хочешь - есть видеокассеты, - приглашающий жест в сторону видика. Ромка отчаянно замотал головой. Он не понимал, чего от него хочет полковник, а тот продолжил:

- За год его власти погубило, а вернее, только было замучено - около семисот тысяч человек! Еще около миллиона находились до позавчерашнего дня в лагерях, многие из них сейчас при смерти от истощения... - полковник помолчал. - Ты согласен, что этот человек - чудовище?

Ромка кивнул. Еще бы! Сделать такое!..

- Что бы ты с ним сделал? Что ты посоветуешь нам?.. - осведомился полковник.

- Расстрелять! - горячо воскликнул Ромка. - Такому гаду нет места на земле!

Полковник, как и прежде, усмехнулся, и Ромка понял, что сейчас произойдет что-то страшное...

- Вот ты и выбрал свою участь...

- Что? - не понял Ромка.

- Его зовут не иначе как Роман Семенович Птицын...

Ромка отпрянул от полковника.

- Вы врете!

- Отнюдь. Есть документы... Да даже их не надо. Это знают все...

- Однофамилец... - Ромка неожиданно всхлипнул.

- И опять нет, - в глазах полковника промелькнул стальной блеск. - И не стоит плакать - меня тебе не разжалобить.

Ромка всхлипнул еще раз, с трудом подавляя слезы. Потом поднял на полковника злые глаза.

- Но это ведь не я! - он ткнул почти в лицо фотографию генерала. - Вы посмотрите!.. Сколько ему лет?!

- Сорок три года.

- А мне тринадцать! - слезы все-таки прорвались. - Тринадцать! Понимаете? Наденьте очки! Я шестиклассник, катался на «тарзанке»! Мне тринадцать лет!..

- Знаю, - полковник говорил совершенно спокойно. - Не считай меня за идиота или за изверга. Просто в твоём возрасте виноваты мы.

3

Ромка затих. Спросил боязливо:

- Что это значит?..

- Все очень просто, - полковник сел рядом. - Когда мы штурмовали город, разведка донесла, что в твоей резиденции заложена ядерная мина. То есть, не совсем в твоей резиденции, а под ней, под землей... Кнопка находится у тебя в кабинете, а то и просто - на каком-нибудь пульте у тебя в кармане.

Можно было, конечно, послать спецназ, как мы и сделали под конец, однако, где гарантия, что ты не взорвешь бомбу? Тут на помощь нам пришла наука в лице доктора Вальда - ты вчера его видел - он приходил со мной, специально, чтобы полюбоваться на результаты своего эксперимента... В чем же состоял эксперимент? А в том, что одного человека откидывают назад по временной лестнице на сколько-то лет. Человек этот - ты. Лет - тридцать. Естественно, что было тебе сорок три, а стало тринадцать - твои тринадцать, с твоими воспоминаниями, даже с твоим телом.

И вот, в результате ты - ребенок. Ты просто-напросто забываешь, где находится ядерная кнопка, да и на твоих сторонников это оказывает деморализующее влияние...

Полковник что-то еще говорил, но Ромка его уже не слушал.

Тридцать лет! Не то, чтобы он поверил во все это, однако получается, что он сейчас в будущем!.. Страшненькое же это будущее! И как сейчас выглядят его друзья?

-Валерка... - прошептал Ромка, шевельнулась надежда, что уж Валерка, хоть и взрослый, но поможет ему... Или хотя бы утешит...

-Ты о Валерии Дмитриеве? - осведомился полковник. - Твоим другом детства? Видишь, мы всю твою биографию изучили... Он погиб в Соппротивлении... Во время одной из обычных чисток городов...

- Вадик?.. - Ромка уже не ужасался.

- Вадим Старцев был с Дмитриевым. До конца.

- А... Галка?..

-Галина Вишь? Умерла в концлагере, как представитель неполноценной расы. Впрочем, я верю, что ты о них ничего не знал и специально никого не убивал...

- А моя семья? - перебил его Ромка.

- О, им повезло, они не увидели твоего диктаторства. Катастрофа самолета, огромные жертвы...

Ромка покачал головой.

- Я ничего этого не делал! Мне тринадцать лет! Я играл с ребятами!

- Нет. Ты - диктатор Птицын. Ты понесешь наказание за свои проступки...

- Я ничего не делал... мне тринадцать лет... Вы убиваете детей?..

Полковник снисходительно объяснил:

- Нет, конечно... Только ты - не ребенок. Ты - военный преступник. Будет суд, доказательств против тебя более чем достаточно.

- Ведь это он совершил все эти преступления! - Ромка швырнул на пол фотографии. - Он, а не я!

- Так ведь он - это ты... - терпеливо объяснял полковник. - Как ты не можешь понять? У тебя с ним даже генетический код одинаковый!

- А люди? - Ромка уже кричал. - Что вы им скажете? Подсудите мальчишку вместо преступника?

- Люди? Людям уже все объяснили. Смотри. - Полковник подвел Ромку к окну.

За окном - проезжая часть, но машин на ней не оказалось. Вся сплошь была она запружена народом. Люди стояли, что-то скандировали, держали в руках плакаты, на которых виднелись надписи: «Смерть убийце!», «Да здравствует возмездие!» и еще много подобных.

- Видишь? И так по всему городу. Если тебя не приговорят, то наша власть долго не продержится...

И тогда Ромка понял, что все бесполезно... Раньше еще теплилась крохотная надежда, что он все объяснит, что его поймут. Теперь же все стало совершенно ясно - виноват Ромка или не виноват - его скоро расстреляют... Или повесят...

«Как хорошо было бы умереть прямо сейчас... - вяло подумал Ромка. - Чтобы все поскорее закончилось...» И, будто организм откликнулся на пожелание, в глазах потемнело, ноги подогнулись...

Это был просто обморок, как тогда, в кабинете генерала, у тела мертвеца. Очнулся Ромка во все той же камере, лежа ничком на нарах. Сверху его заботливо прикрывал генеральский китель - наверное, полковник позаботился. Что у них, одеял что ли нет на складе? Или Ромка заразный?

От недавнего помутнения сознания осталась только общая слабость и апатичность. Совершенно не хотелось ничего делать, ни о чем думать... Однако, это неправильно, нельзя раскисать! «Слюняй!» - обозвал себя Ромка и сел.

Первое, что бросилось ему в глаза - скомканная бумажка на полу. Раньше ее здесь не было. Ромка нагнулся и подобрал, благо камера была не обширная и позволяла это сделать, не вставая с кровати. Медленно расправил и вздохнул - на него глянуло лицо генерала Птицына.

Как эта карточка, да еще в таком виде оказалась в его камере? Полковник, что ли, подбросил? Но зачем и почему помятую? Потом Ромка вспомнил. Когда он упал в обморок, то опустился прямо на рассыпавшиеся фотографии. И, наверное, одну из них - вот эту самую, - сжал. А когда его принесли сюда, то листок выскользнул и упал на пол.

«Что-то часто я в последнее время стал сознание терять... - печально задумался Ромка. - Ну никакого характера...»

А слабость все не проходила и не проходила. Больше того, появилось какое-то новое ощущение... Ромка прислушался к себе и понял. Он просто хочет есть. Ведь действительно, что получается, последний раз он ел еще вчера, рано утром. Только это была не еда - так, перекусить, потому что утром есть почему-то никогда не хочется. Потом еще поели вафель у башни (спасибо Вадику) Впрочем, от тех вафель и следа не осталось, после того, как его чуть наизнанку не вывернуло...

«А эти?.. - так безлико Ромка впервые назвал тех, кто его держит в тюрьме. - О чем они думают? Хотят, чтобы я умер от голоду? Так проще было расстрелять на месте... Хотят, чтобы я испытал то, чему подвергал своих жертв генерал? Вроде око за око?..»

Ромка встал, подошел к двери и несколько раз пнул ее ногой. За дверью было тихо... Интересно, за ним здесь наблюдают? Ромка скользнул взглядом по стенам, потолку, но никакой камеры не нашел. Тогда Ромка обратился к двери:

- Полковник, я хочу есть...

Если здесь есть камеры или подслушивающие устройства, то, наверное, кто-нибудь придет... Никто не приходил, хотя Ромка ждал довольно долго. Тогда он с досадой плюнул и улегся на нары. От нечего делать он стал рассматривать разглаженную фотографию генерала.

«Добился своего, гад? - спросил мысленно у генерала Ромка. - А я тут при чем? Ну зачем, зачем мне делать все то, что делал ты?!» Генерал на фотке все также шурился, не отвечая... Довольно обычная внешность, нет никаких признаков садиста и убийцы. Обычное взрослое лицо! Даже сходство с Ромкиным есть...

Ромка с досадой покосился на дверь. Ну ладно, кушать... Перебьюсь до завтра, даже без воды перебьюсь... Но если вдруг это самое захочется? Что тогда? Ведь здесь даже никаких удобств не предусмотрено... Может, потому и непредусмотрено, что не корчат?..

В общем, Ромка даже успокоился, хотя, казалось бы, не от чего. Наверное, разум защищался, чтобы мальчишка не сошел с ума...

Глава четвертая ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!..

1

Опять с лязгом распахнулась железная дверь, и в камеру вошел полковник.

- С добрым утром, - поприветствовал он Ромку. - Впрочем, для тебя это утро совсем недоброе...

Ромка, зевая, сел. Эту ночь, как и предыдущую, он провел на нарах, укрывшись генеральским кителем. Никаких снов ему не снилось, только голова немного болела. Поесть так и не дали, и потому Ромка сразу же спросил:

- Вы решили меня голодом заморить?..

Полковник усмехнулся. Объяснил:

- Рома, ты уже должен понимать, что такое рациональность. Это довольно-таки неприятная вещь. Именно она диктует, что тебе незачем что-то давать. Потерпи до завтра, завтра все будет конечно...

Могильным холодком потянуло от слов полковника. Ромка, хоть и привык уже к мысли, что его убьют, однако сейчас немного побледнел.

- Что... кончено?.. - спросил он, запинаясь. - Разве завтра?.. А суд?..

- А суд будет сегодня. Собственно потому я и пришел...

Полковник отошел в сторону, и камера стала наполняться, другого слова и не подберешь, солдатами. На всех была отглаженная, чистая форма, каждый сжимал у груди автомат и являл собой образец безукоризненной выправки.

- Извини, без этого нельзя, - объяснил полковник. - Должен быть соблюден антураж - военного преступника сопровождает в зал суда усиленная группа охраны...

Полковник шагнул к Ромке, снял с него китель, в который тот кутался, и, взяв за плечи, заставил подняться на ноги.

- А вот это тоже для антуража. - Раз! И на запястьях Ромки защелкнулись блестящие браслеты.

Ромка посмотрел на закованные руки, потом, с недоумением, на полковника. Спрашивать не хотелось, но он все-таки спросил:

- Вы боитесь, что я убежу?..

- Нет, - покачал головой полковник, - однако ты убил своего адъютанта, находясь в своем нынешнем облике. Было решено, что ты не столь безопасен, как кажешься...

- Адъютанта? - переспросил Ромка и тут же вспомнил офицера там, в кабинете. - Но он же сам застрелился!..

- Теперь это уже не важно - убийством больше, убийством меньше. Тебя даже не будут обвинять в этой смерти, потому что он был тоже довольно-таки нехорошим человеком...

Полковник дал знак солдатам (их было шесть человек), трое тут же вышли, трое остались в камере и ждали, пока полковник не выведет Ромку, страховали. Ромка был все в том же тренировочном костюме. Почему ему не дали ничего поприличнее? Тоже задумано «для антуража»?

Полковник шагал рядом и придерживал Ромку за локоть, направляя его в нужную сторону. Ромка же шел, как лунатик, все вокруг казалось нереальным. «Ну и пусть! - думал он. - Скорее бы... Чего тянуть до завтра?..»

Так он думал недолго, потом в груди появилась обморочная слабость: «Ведь это будет завтра!.. Меня повесят? Наверное!.. И что же будет там, за смертью?..» Он попытался представить себе эту черную пустоту, когда его НЕТ, и чуть не закричал. Ромка совсем не хотел умирать!..

- Рома, - сказал полковник, - с этого момента я буду обращаться к тебе на «вы»...

Ромка ожидал, что его выведут из тюрьмы, провезут по городу. Что будет какое-то здание суда, много народу, огромный зал с креслами... Ну, как во всех фильмах. Однако все оказалось не так. Суд заседал в тюремном здании, в комнате, напоминающей бункер, с бетонными стенами, голыми лампочками под потолком и железной дверью, противно скрипевшей при малейшем ее шевелении.

Несколько рядов кресел, полупустых - сидело на них человек семь, сплошь военных, только один штатский затесался среди них - тот самый, что приходил с полковником в кабинет генерала, доктор Вальд... Напротив кресел возвышался стол, крытый полотнищем флага, за которым стояло три кресла с высокими спинками, надо понимать, для судей. На стене над главным креслом висело деревянное изображение герба.

С одной стороны от стола как раз и находилась та самая скрипучая дверь, а с другой была сварена стальная клетка со скамейкой внутри... Ромка, когда вошел, даже чуть не хихикнул - расположение кресел, стола и двери были совсем как в его классе. А герб можно при достаточном воображении посчитать за доску. Окруженный охраной, Ромка был проведен через комнату и водворен в клетку. Два солдата тут же встали рядом, только снаружи... Ромка сел на жесткую, тоже железную скамейку и стал разглядывать окружающее его...

Судей еще не было, но все, находящиеся в комнате молчали. Просто гробовая тишина зависла в воздухе. Ромка тоже замер, хотя хотелось поерзать - тонкое трико не спасало от холодного железа скамьи, к тому же у нее были острые кромки...

Дверь заскрипела, распахиваясь... «Судьи?» - Ромка с любопытством посмотрел в ту сторону. Нет, оказалось, что не судьи.

Высокий парень в камуфляже, с огромной сумкой и с палкой на плече деловито пробрался мимо всех сидящих назад, туда, где оставалось свободное от кресел пространство. Там он снял с плеча палку, оказавшуюся сложенной треногой, и извлек из сумки большую камеру. «Телевидение... - догадался Ромка. - Будут потом транслировать на всю страну... Понятно, что тогда лучше обойтись без большого зала - вдруг у генерала найдутся сторонники?..»

«А они есть?» - спросил себя Ромка. Может, где-то и сохранились недобитые солдаты генерала Птицына, но Ромка им вряд ли нужен, а если и нужен, то и сам не пойдет с ними. Ведь он же не

генерал и не хочет ничего такого делать. Лучше уж умереть... «Ты и так завтра умрешь...» - сказал ему внутренний голос. «Ну и что? - пожал мысленно плечами Ромка. - Я это знаю... Но лучше уж умереть, чем стать таким...» «Кто-то только что очень не хотел умирать...»

Ромка не ответил на ехидство внутреннего голоса. Умирать и сейчас до тошноты не хотелось. Ромка не должен был умирать, у него еще вся жизнь была впереди! И как он ненавидел сейчас тех, кто отнимал у него жизнь. Не тех людей, что с плакатами стояли на улице, нет... Тех просто обманули, им сказали, что он - генерал Птицын, а ведь он просто шестиклассник Ромка, который и думать не думал ни о каком «геноциде», которого тошнит от вида крови...

А особенная ненависть была к полковнику, который сейчас сидел в первом ряду и якобы сочувственно глядел на Ромку...

Все было как во сне... Скрипнула дверь, чей-то голос произнес: «Встать, суд идет!...» - тут оказалось все прямо как в кино. Офицеры в креслах вскочили, солдаты охраны вытянулись сильнее обычного. Ромка тоже встал...

Судей было по числу кресел - трое. Все трое пожилые, с седой в волосах, выражением лица неуловимо напоминали полковника... Надеты на них были обычные военные мундиры, с золотыми погонами, с орденами... Только вместо фуражек - шапочки с плоским четырехугольным верхом, как у старинных судей...

Судьи уселись на свои места, Главный (тот, что сидел посередине) окинул взглядом комнату - скользнул по Ромке, по первому ряду и задержался на видеокамере.

- Съемка? - негромким, надтреснутым голосом спросил Главный у коллеги слева.

Тот привстал и спросил у оператора:

- Кто разрешил снимать?

Оператор вытащил какой-то листок с печатями и передал по рядам. Пояснил:

- Есть разрешение Комитета... Но все равно, потом еще отдел Цензуры будет проверять...

Главный, когда до него наконец дошел листок, внимательно его рассмотрел, удовлетворенно кивнул и положил на стол.

- Начнем? - спросил у него судья слева.

Главный опять кивнул...

...Сам процесс Ромка запомнил плохо - он в нем почти не участвовал. Только ответил, что да, его фамилия, имя и отчество

Птицын Роман Семенович, что, действительно, место рождения и имена родителей названы правильно... И еще на ряд подобных вопросов.

Был допрос каких-то свидетелей. Показывали съемки лагерей и казней. Кто-то (кажется, он назывался прокурором) обличал, поднимавшись с места, расписывал ужасы его, Ромкиного, правления и чувство обиды, которое останется у народа, если его вдруг, по каким-то фантастическим стеченьям обстоятельств, помилуют.

После прокурора говорил адвокат - невысокий парень, в очках и очень смущенный своей ролью защитника чудовища. По его словам выходило, что да, его подзащитный - преступник. Но он ребенок, а детей нельзя вешать... Впрочем, тут он бил на человеческие чувства, а не на параграфы и потому успеха не имел.

-Обвиняемый, вы будете говорить? Вам предоставляется последнее слово...

О чем говорить? Ромка спрятал повлажневшие глаза и попросил:

- Отпустите меня...

Однако на него даже внимания не обратили, все шло своей наезженной колеей.

Судьи на совещание не удалялись. Они прямо здесь обменялись вопросительными взглядами и встали для вынесения приговора. Ясно было, что приговор был написан и выучен заранее. Главный начал говорить, не по бумаге, а на память, глядя поверх голов сидящих в первом ряду... Ромка не запомнил приговор, разве что начало: «Верховный Трибунал рассмотрел дело бывшего генерала армии Отечества Романа Птицына...» и конец, в котором, после некоторых пространных рассуждений (реферативного пересказа речи прокурора), было сказано: «Верховный Трибунал принял во внимание доводы защиты и постановил, позорную казнь через повешение заменить на... казнь расстрелом, которая состоится завтра, в полдень.»

Ромке стало противно. Весь этот спектакль - и речи прокурора и защитника, и речь судьи были прорепетированы, наверное, настолько, что, казалось, разбуди кого из действующих лиц среди ночи - он и то без запинки оттабанит свою роль...

3

И в третий раз оказался Ромка в камере. Обстановка стала уже привычной, и Ромка усмехнулся этому... Вообще, полуторачасовое представление, на котором Ромка только что присутствовал,

сильно изменило его. Теперь это был хмурый, уставший мальчишка. О смерти он думал, как о чем-то привычном...

И еще была обида. Обида почти на весь мир...

- Располагайтесь... - полковник широким жестом указал ему на камеру. - Теперь вас не потревожат до завтрашнего полдня.

Ромка вошел и сел на нары. Уставился выжидательно на полковника. Тот понял этот взгляд, как желание избавиться от своего присутствия, и шагнул к двери, но был остановлен возмущенным голосом:

- Вы ничего не хотите сделать?!

Полковник опять обернулся и вопросительно посмотрел на Ромку. Тот поднял руки:

- Вы про антураж не забыли?..

На запястьях до сих пор блестели браслеты. Они только казались легкими и гладкими, а на самом деле уже натерли кожу до красноты.

- О! Прошу извинить меня! - полковник картинно, как показалось Ромке, хлопнул себя по лбу. - Конечно, сейчас сниму...

Он достал плоский ключик, и вмиг наручники оказались в его руках. Наверное, он имел хорошую практику в таких делах.

Ромка потер запястья, подул на раздраженную кожу. Взгляд его скользнул по фотографии, лежащей на кителе. Генерал Птицын смотрел на него в упор. Ромка поморщился.

- Хоть бы мамину фотокарточку принесли...

- Это можно... - согласился полковник. - Это будет для вас, как последняя сигарета перед казнью...

И он вышел.

- Сволочь! - с ненавистью сказал Ромка закрывшейся двери.

Полковник вернулся где-то через полчаса. Подал Ромке дружную фотографию. Ромка посмотрел на нее и чуть не заплакал. Мама и папа стояли вместе, папа положил руку на мамино плечо и улыбался. А мама была чуть смущена. Ромка узнал этот снимок, его сделали после рождения Стаськи. Ромка в это время отдыхал у бабушки, потому что ему подробностей знать не следовало. А когда приехал, то на его уши была повешена обычная лапша про аиста... Самого Стаськи на фотографии не было, его снимали отдельно - этаким кулек из пеленок.

Где-то сейчас Стаська? Кто знает... Хотя, рядом стоит тот, кто знает...

Ромка поднял повлажневшие глаза на полковника.

- Я... тогда, когда спрашивал про Валерку, про Стаську не

спросил... - голос у Ромки чуть охрип - какое очередное откровение он услышит? - Где он сейчас?..

Полковник нахмурился, припоминая.

- Простите, Стаська?.. Что-то не могу вспомнить... Как его фамилия?..

Что это? Ромка не ослышался? Ведь недавно полковник заявлял, что всю Ромкину биографию знает! Как же он про его брата мог забыть?..

- Его фамилия Птицын, - напряженно ответил Ромка.

Полковник, кажется, смутился.

-Извините, я просто забыл... Он ведь вместе с вашими родителями разбился... Я думал, вы про какого-то друга...

-Он был бы моим другом, если бы не вы... - глухо сказал Ромка. - Вы не дали ему повзрослеть, так и оставили младенцем...

- Ему было тринадцать.

- Вы не дали для меня ему повзрослеть...

Полковник сел рядом. Потер лоб и спросил несколько растерянно:

- Не понимаю... Вы считаете, что мы неправильно поступили, забрав тридцать лет вашей жизни?

- Да...

- Но не забывайте про кнопку... Ядерную кнопку! Могло погибнуть много людей!..

- А раз превратили в мальчишку, то и судите не по взрослым законам!..

Глаза полковника стали добрыми:

-Я понимаю, перед смертью вы ищите себе оправдания...

Ромка хотел плюнуть в эти обманчиво добрые глаза. Но сдержался и только прошептал:

- Гад!.. Иди отсюда!..

Говоря, Ромка не знал, какова будет реакция полковника. Оказалось, ничего страшного - встал и вышел! Только на пороге обернулся и попрощался:

- До завтра...

4

Перед сном Ромка долго глядел на фотографию родителей, разговаривал с ними. Он решил выбросить из головы все мысли про завтра и просто отдыхал. Свет в камере по ночам не гасили и никаких ориентиров того, что наступила ночь, не было, но Ромка чувствовал, что уже поздно. Поэтому он лучше укрылся гене-

ральским кителем и уснул...

Во сне ему снилась... «тарзанка»! Внизу много ребят, его очередь кататься. Ромка лезет наверх, путь почему-то стал очень трудным, трещина извилистая, иногда просто исчезающая - приходилось цепляться ногтями, в нормальной жизни он бы уже давно загрел...

Но наконец-то он взобрался. Опять стартовая площадка, опять небо впереди... Только земля далеко внизу. Но Ромка почему-то не боится этой ужасающей высоты. Цепляет ремень за веревку, которая уходит в небо, истоньщается и теряется из виду. Отталкивается и... летит вниз, но не снаружи, а внутри башни...

Ромка пугается до ужаса и, кажется, просыпается...

Камера вокруг, неустанно горит желтый свет, но что-то изменилось. Кто-то чужой находится здесь. Опять полковник? Но что ему надо?

Ромка садится в кровати и видит перед собой человека.

Он очень высок, одет в потертый костюм. А лицо знакомое такое...

- Цир... - Ромка запинается. - Игорь Станиславович?!

Да, перед Ромкой стоит Циркуль собственной персоной. Стоит и внимательно разглядывает... Наконец, молчанка кончилась, Циркуль сел на нары рядом и сочувственно усмехнулся:

- Эк тебя... Прямо образцово-показательный трудный подросток, а то и беспризорник. Немытый, оборванный... Сердитый поди?..

- Игорь Станиславович, - удивился Ромка, - а вы же совсем не старый... А вам сейчас должно быть о-го-го сколько...

Циркуль почесал затылок.

- Трудно объяснить... Я из того года, когда ты крепко приложился, падая с вашей сумасшедшей «тарзанки»...

- Так вы из прошлого? - обрадовался Ромка, но тут же опечалился - ведь это наверняка сон.

- Из настоящего.

Циркуль оглядел камеру. Потом опять обернулся к Ромке.

- Времени у меня мало... Итак, что они решили?

- Кто?..

- Ну эти... Квадрат и кампания...

Ромка даже рот приоткрыл от удивления.

- Квадрат?..

- Полковника так зовут... - Циркуль усмехнулся. - Дал же бог фамилию... Что решил суд?..

Ромка вздохнул.

- Расстрелять хотят, завтра... - он вдруг ткнулся лицом в Циркулевы колени и зарыдал...

Циркуль растерялся.

- Ну будет... - неуверенно пробормотал он. - Все обойдется, не зря же я здесь... - и уже в сердцах. - Вот гады! Нашли на ком экспериментировать!

Ромка постепенно успокаивался, тем более, что колени математика оказались вполне реальные! Циркуль предупредил:

- Ты учти, что я в таких слезных делах утешитель плохой... Опыта маловато, нет у меня детей... Вот... Значит расстрелять? - он задумался...

Глава пятая РАССТРЕЛ

1

Полковник вошел и внимательно осмотрел камеру. Спросил:

- Ночью ничего странного не происходило?

У Ромки сильнее забилося сердце. Неужели все-таки, есть камеры? Но как они смогли проникнуть в сон?! Или все же не проникли?..

Ромка потянулся с самым безмятежным видом, как будто не наступал последний час в его жизни, и спросил:

- Нет, а что должно было произойти?

Полковник не ответил, а лишь приглашающе позвенел наручниками. Ромка поморщился, натертости еще не прошли, но руки протянул. И, как бы между прочим, поинтересовался:

- А как вас зовут?

Полковник насторожился.

- А зачем это вам?

- Ну... просто... Не знаю...

Полковник подумал и защелкнул наручники.

- Меня зовут Александр... А фамилия - только не надо смеяться - Квадрат...

Ромка не стал смеяться, он просто не мог! Сердце в груди совсем обезумело. Значит, это был не сон? И все то, что говорил Циркуль - тоже?!

А говорил математик много чего... Например:

- Что, Рома, жалеешь генерала?

Ромка рассердился:

- Чего его жалеть? Это же гад какой-то!..

- Гад, значит... - Циркуль смотрел куда-то прямо перед собой. - А с чего ты это решил?..

- Доказали... - с тоской ответил Ромка. - Фотографии, кассеты, народное возмущение...

- Ах, фотографии... - понимающе, но как-то чересчур, протянул Циркуль. - Кассеты - конечно... Народное возмущение... - он взял Ромку за плечи глянул в глаза: - Рома, а ты к себе прислушивался? Мог ты такое сделать?

«А ведь действительно...» - растерянно подумал Ромка, но ответил хмуро:

- Человек может измениться...

- Может, - согласился Циркуль. - Но генерал Птицын - не изменился... - он встал и начал прохаживаться по камере. - У меня, конечно, нет фотографий, но... ты поверишь моему слову? Я его еще никогда не нарушал... То есть, почти никогда...

Ромка кивнул. Он с надеждой ждал...

- Дело в том, что в неприметном северном городишке было небольшое кладбище... Теперь его нет, по странному стечению обстоятельств, город разрушен ракетными ударами, а кладбище просто скрыто... Так вот, на том самом кладбище стоял могильный памятник с надписью: «Птицын Роман Семенович». И все, только даты рождения и смерти... Он умер восемь лет назад...

Ромка вздохнул, как всхлипнул.

- Значит, меня обманывали?! Значит, я ни в чем не виноват?..

- О господи! - воскликнул Циркуль. - А если бы это было не так, то ты был бы виноват?.. К счастью, ты можешь гордиться... собой. Генерал Птицын - герой... Не тот громкий Герой Отечества... А просто герой. Ты ведь не знаешь, как он погиб.

Случилась какая-то заварушка с хищением оружия на военных складах. Генерал Птицын знал что-то, в деле был замешан кое-кто из вышестоящих... На Романа Семеновича пытались надавить - не помогло. Тогда его просто застрелили... И похоронили безо всякой торжественности в богом забытом месте... Хорошо хоть еще похоронили... Он был просто честным человеком...

Ромка думал, что будет какая-то героическая история, что-то вроде, пошел к террористам, чтобы спасти заложников и был застрелен... А тут какой-то детектив... Впрочем, это ладно, а что же делать Ромке?

- Ведь меня же завтра расстреляют... - прошептал он с отчаянием. И тут же удивился: - Но как мог умерший генерал Птицын

быть диктатором?!

- Вот-вот... - Циркуль усмехнулся. - Я думаю, был двойник... Ты не знаешь всех возможностей Квадрата... Зачем он затеял эту гадость - тебе не понять...

- А вы?..

- Что?

- Вы знаете его возможности?

Циркуль до этого почти не смотрел на мальчишку, однако теперь взглянул внимательно, пристально. Ромка продолжил:

- Как-то все нелепо получается... Как в дешевом боевике... Кто вы?..

Циркуль в затруднении почесал затылок.

- Гм... - сказал он. - Это трудно объяснить... Впрочем, сейчас я действительно Игорь Станиславович Сидоров... Которого вы еще называете Циркулем... Достаточно? Или тебе охота узнать что-то...

Циркуль не закончил, но Ромка его понял. Действительно, пускай лучше этот человек, пришедший к нему во сне, остается учителем математики... Вдруг откроется что-то такое... что и помощи принимать не захочешь?..

2

- Приготовьтесь, вас ждет страшное испытание... - предупредил полковник.

Ромка промолчал - смерть действительно достаточно страшное испытание... Интересно, как все будет происходить на самом деле? Очередная дверь, перед которой полковник сделал предупреждение, распахнулась, и Ромка зажмурился - из дверного проема бил свет...

Это был не ядовито-желтый свет тюремной лампы, а самые настоящие солнечные лучи. Дверь вела на улицу.

На тюремном дворе уже всюю царила осень... Когда Ромку везли по городу, то не оставалось времени его разглядывать. Так что погода в его восприятии осталась все такой же почти летней, как и в его родном городе. Сейчас же он понял, что это не так...

Во дворе росли невысокие тополя. Наверное, не так уж и давно они были посажены... Ни одного зеленого листика не осталось в их кронах - сплошное золото да янтарь. Совсем немного этих драгоценностей лежало на асфальте, покрывавшем весь двор, кроме небольших кружков, в которых росли деревья. По-видимому, подметали двор часто...

А воздух, несмотря на солнце, был осенним, сырым... Ромка вдохнул его всей грудью и погрузился... Наверное, это и есть испытание, обещанное полковником? Ведь в пору было плакать и умолять...

Так бы и было, если бы Циркуль не сказал своих прощальных слов: «Главное, не бойся...» Это могло быть и пожеланием быть мужественным, и обещанием помощи... Хотелось рассчитывать на последнее.

Во дворе стоял тот самый черный автомобиль, на котором Ромку привезли сюда. Рядом топтались и грели руки в карманах два автоматчика. Еще крытый брезентом грузовик стоял неподалеку и рычал мотором. В нем, как сумел заметить Ромка, была куча солдат.

Ромка поежился, его одежда была не по погоде... Впрочем, это ведь ненадолго...

- Прошу, - полковник указал на открытую дверцу автомобиля (автоматчики при его виде вытянулись по стойке смирно)

Ромку усадили на заднем сидении. По обе стороны от него, у окон, уселись молчаливые охранники, дула автоматов уперлись в Ромку. Ромка поморщился и попросил:

- Нельзя ли без этого?... Неужели вы думаете, что я сбегу?

Полковник сделал знак, и автоматы были убраны, но недалеко.

Машина уже была готова двинуться, когда раздался крик:

- Подождите! Подождите!

К машине быстрым шагом направлялся тот самый телеоператор с камерой. Он бы шел еще быстрее, да тяжесть мешала...

Не обращая внимания на негодующие взгляды автоматчиков, парень открыл дверцу и основательно их потеснил. Ромку в результате этого чуть не сплющили.

- Что такое? - удивленно спросил полковник. - Кто разрешил? - брови его стали грозно ломаться.

- Нельзя без съемки, - сказал оператор и протянул полковнику бумагу. - Направлен из отдела Пропанды.

Полковник прочитал бумагу, нахмурился еще сильнее.

- Почему в грузовик не сели?

Тут оператор улыбнулся совсем уж обезоруживающе.

- Там холодно...

Полковник чуть не сплюнул в сердцах, но вспомнил, что он в машине, и не стал. Тронул за плечо шофера:

- Поехали... И так уже задержались...

Машина тронулась, вслед ей зарычал грузовик.

- Не пойму... - пожал плечами полковник. - Снимать-то зачем? И тогда, на суде... Зачем народу видеть надломленного, раскаявшегося преступника?..

- Вы не правы... - мягко возразил оператор. - Просто вы не знаете, каковы нынче возможности видеотехники...

- Я знаю много, - отрезал полковник. Потом не выдержал: - Какие возможности?

- Моя жена плакала от негодования... Это когда совершенно наглый, разболтанный подросток начал вести себя непотребно, - улыбка оператора уже не казалась Ромке милой. - Просто небольшой монтаж...

Полковник кивнул:

- Правильно... Всем бы им монтаж сделать...

Кажется, они совершенно не обращали внимания на Ромку...

А Ромка опять начал бояться. Вдруг у Циркуля ничего не получится? Или вдруг Квадрат его сильнее? Тогда что?..

3

Это был обрыв, обычный обрыв над рекой. Много лет вода подтачивала этот берег, осыпала его. Деревьев совсем не осталось здесь, просто луг. Где-то вдалеке, правда, виднелись рощицы, но совсем уж чахлые...

Совсем непригляден был высокий обрывистый берег реки осенью. Трава почти утратила свою зелень, посерела, высохла. Все это навевало уныние... Наверное, река катила тяжелые свинцовые воды, в воде отражались тучи, скрывшие порадовавшее Ромку солнце...

Но реку Ромке увидеть не дали. К краю обрыва его не повели. Автомобиль остановился на обочине дороги, рассекавшей луг, и заглушил мотор. Грузовик проехал дальше, и из него стали выпрыгивать солдаты, оцепляя участок, на котором должна была состояться казнь. Только пятеро остались у машины, и Ромка сначала даже не понял зачем...

Оператор торопливо вылез и стал налаживать свою аппаратуру. Вскоре стеклянный глаз камеры устоялся на обрыв, где, кажется, произойдет главное действие этой страшноватой пьесы.

Ромка вышел и начал расправлять затекшие мышцы, два охранника следовали за ним неотступно. Полковник сказал:

- Вас расстреляют здесь, а труп сбросят в воду... У тебя не будет могилы...

Ромка не то чтобы сильно испугался, однако холодок прошелся

по его спине (это в добавок к осенней температуре). Спросил, с нехорошим любопытством:

- А если труп прибьет к берегу? Как тогда?

Полковник пожал плечами.

- Мало ли мальчишек погибает в последнее время? Думаю, после нескольких дней в воде вас будет трудно узнать...

Ромке стало противно от этих слов и он отвернулся от полковника, разглядывая тучи. Полковник же озабоченно поинтересовался у оператора:

- Обрыв потом можно будет вырезать? Народу незачем знать, где состоялась казнь...

- Не беспокойтесь. - обнадежил его оператор. - Все будет в лучшем виде.

- Зачем же тогда вообще снимать? Могли бы просто сделать все на своих машинах...

- Нужно. Для достоверности... Подтасовок должно быть в меру, и тогда они превращаются в правду.

- Ну-ну... - полковник повернулся к Ромке. - Ты готов?

Ромка не ответил, но это и не требовалось. Полковник махнул рукой, и пятерка солдат, переминающихся у грузовика, развернулась цепью, каждый снял автомат с предохранителя...

- Вы сейчас пойдете туда, - полковник указал в сторону обрыва. - Можете даже бежать, это все равно...

Что последует, Ромка понял и без объяснения. Ему не дадут добежать до кромки и прыгнуть в воду. Его могут только сбросить туда, уже мертвого... Сердце ухнуло куда-то в пятки... «Где же Циркуль?.. - с отчаянием подумал Ромка. - Неужели обманул?..»

- Давай... - полковник развернул Ромку, взяв его за плечи, и легко подтолкнул.

И Ромка пошел... Он не оглядывался, но спиной чувствовал, как ему вслед смотрит полковник, солдаты, объектив камеры... Обрыв приближался...

- Целься!.. - скомандовал полковник. Его голос вдруг гулко разнесся в нахлынувшей тишине. И еще что-то громко стучало - наверное, сердце Ромки.

А обрыв уже вот он. Если сейчас прыгнуть, то...

- Огонь!

И Ромка умер...

Потом открыл глаза, рефлекторно зажмуренные. Он стоял на самом краю, внизу плескались темные воды реки, на той стороне был все такой же посеревший луг...

Сзади стояла тишина. Ромка осторожно развернулся - спину как судорогой свело...

Все сзади оставалось будто по-прежнему... Так же оцепляли участок солдаты, так же стояли оператор, полковник, охранники. Расстрельная команда целилась в Ромку... Только были все они какие-то блеклые, плоские... И неподвижные...

Все, кроме полковника. Полковник остался таким же, как прежде. Он глянул на солдат и пошел навстречу Ромке.

- Как ты это сделал? - спросил полковник, когда подошел.

«Это не я... - подумал Ромка. - Это Циркуль. Ведь он же обещал...» Однако полковнику Ромка ничего этого не сказал.

- Впрочем, неважно... - полковник стал расстегивать кобуру. - Тебе это не поможет - дело нужно довести до конца...

Черная дырочка дула уставилась на Ромку, как тогда, в кабинете генерала. Однако сейчас Ромка не боялся. Кажется, план Циркуля не сработал, но все равно, страха не было. Кончился.

Неожиданно даже для себя Ромка коротко и зло рассмеялся. Полковник удивленно поднял брови.

- У вас руки дрожат... - объяснил ему, улыбаясь, Ромка. - Вы же сами боитесь...

Полковник глянул на пистолет - ствол, действительно, мелко дрожал.

- Да, боюсь, - согласился полковник. - Но не тебя, щенок...

- Совершенно верно, - раздался вдруг насмешливый голос. - Вы ведь меня боитесь?

И из-за спины полковника, как будто прямо из воздуха, шагнул Циркуль. Он совершенно не изменился с тех пор, как Ромка видел его в камере...

- Ага! - сказал полковник, пряча пистолет обратно. - Так и знал, что вы сюда сунете нос... Чем же вас заинтересовал наш эксперимент?

- Прежде всего, чудовищностью... - спокойно ответил Циркуль. - Чем он чудовищен, вам нужно объяснять?

- Не нужно, - полковник пожал плечами. - Каждый смотрит со своей стороны. Если вам неприятно, то просто не смотрите.

- Не могу, - голос Циркуля стал холоден. - Мне неприятна вся ваша компания, но лично вы мне еще неприятнее.

- Ну да... - полковник усмехнулся. - Везде, где только появляются наши функционеры, против нас все... Почти все... Я знаю, чье это влияние... Помните Великого Программиста? Я ведь уже понял, что в этом деле замешаны были вы...

- Не я... - Циркуль покачал головой. - Это был совсем другой человек...

- Конечно... Но неужели вы сейчас-то надеетесь победить?

- Это неважно. Главное, что мальчик в любом случае выпал из-под вашего контроля...

Полковник не возразил.

Ромка стоял и с раскрытым ртом слушал этот разговор. Он ничего не понял, кроме последних слов.

- Я свободен?..

Циркуль подошел к нему, положил руку на плечо мальчишке.

- Да, свободен... Сейчас ты пойдешь вдоль берега, никуда не сворачивая... Только прямо!.. И... все будет хорошо...

Ромка тревожно глянул в глаза учителю.

- А вы? Вы пойдете со мной?

- Нет... - Циркуль глянул на полковника. - Нам с Квадратом надо закончить разговор... И тебе при этом присутствовать нельзя...

4

И Ромка пошел. Он шел и шел. Слева тянулся луг, справа, под обрывом, шумела вода. Впереди было плохо видно.

Шел Ромка долго, пока не уткнулся... в обрыв. Река поворачивала влево. Берег был еще выше, чем прежде...«Но как же тогда идти прямо? - подумал Ромка. - Не могу же я прыгать с обрыва в воду?»

Река все решила за него. Гулко дрогнул берег и стал оседать, сначала медленно, потом все быстрее... Впрочем, оседал не весь берег, а только тот кусок, на котором стоял Ромка. Он откалывался от основного массива и падал, а вместе с ним падал и Ромка...

А страха все не было. Будто не о его жизни сейчас стоял вопрос... Потом был удар, жесткий, не об воду, и темнота...

Темнота, однако, очень скоро исчезла. В зажмуренные веки что-то светило, отчего пустота казалась розоватой... Тогда Ромка открыл глаза...

И первое, что он увидел, были лица Вадика и Валерки. В их глазах была страшная тревога, почти отчаяние... Впрочем, когда Ромка открыл глаза, то оно сменилось облегчением...

- Слава богу, жив! - прошептал Валерка.

- Говорил же тебе, ремень с трещиной... - с упреком сказал Вадик.

- Очнулся? - спросил громкий женский голос. - Ну-ка...

Над Ромкой склонилась... Валеркина мама. Она была в халате и

шапочке. Наверное, именно ее «скорая» приехала к Ромке.

- Доигрался, голубчик. Теперь вашу эту... «тарзанку»... обязательно уберут. И башню эту разрушат...

- Ром, ты скажи что-нибудь... - попросил Валерка.

«Так это был сон? - как-то вяло удивился Ромка. - Бред? Наверное...» И через силу попросил:

- Не надо... башню... Ее-то за что?..

ЭПИЛОГ

Ромка рассказал мне свой сон. Я слушал внимательно, размышляя о том, какая же богатая фантазия у этого ребенка. Он рассказывал все с такими подробностями, что я вынужден был поинтересоваться:

- Но это был все-таки сон?

- Да... - немного неуверенно протянул Ромка.

Я понял, что тут не все так просто, и сказал:

- Выкладывай!

И Ромка выложил... фотографию. Я взял этот квадратик плотной бумаги и рассмотрел. На нем был изображен сорокалетний мужчина в офицерской форме. Лицо немного неприятное, но вообще-то совсем обычное... Фотография была помята и разглажена. Я вопросительно глянул на Ромку.

- Это он... - пояснил Ромка. - Диктатор... То есть не диктатор, а генерал... Я тогда, в камере, пожалел его и положил в карман трико. И мамину фотографию тоже... А потом, когда из больницы вышел, то нашел в своих школьных брюках.

Я опять посмотрел на фотографию - ничего странного. Только вот форма немного необычная, но я вообще слабо представлял себе генеральскую форму.

- А что Циркуль? - вспомнил я. - Он что говорит?

Ромка вздохнул, и я понял, что если бы все было так просто, то он бы не мучался.

-Игорь Станиславович уехал, пока я валялся в больнице... Куда-то далеко... И совсем непонятно зачем... Учителя не говорят...

Значит, уехал учитель и увез тайну. Грустно...

Ромка понял мои мысли и поморщился.

- Я сейчас не о том думаю... Было это или не было, со мной-то все в порядке... И генерал Птицын оказался не гадом... Так Игорь Станиславович говорил... Я про другое...

Он немного помялся, вздохнул...

- Ведь такое, наверное, может произойти на самом деле. И как тогда поступить? Ведь и Гитлер, наверное, не был в детстве фашистом...

Я поискал, что бы ответить? И не нашел...

НЕСТЕРЕНКО Олег

ТОРТИК ДЛЯ ЭЛЬФА

СКАЗКА ПЕРВАЯ ИЗ ЦИКЛА
«СКАЗКИ КОРОЛЕВСТВА МЕЛДОР»

Принцесса Мелисента подняла, проснувшись, пушистые ресницы и выглянула в окно. Увидела в нем утро. Месяц, зацепившись за несколько солнечных лучей, заставлял Солнце хохотать от щекотки. Вокруг звенела толчея звезд, тянувших Месяц за серебристо-седые волосы, пытаясь уволочь, наконец, его с неба. Девушка хихикнула и опустила свой взор на милую сердцу землю родного королевства. На лугу сидел на табуретке огромный Милашка и кормил прозрачных бабочек чесночным супом. В траве мирно храпела разная мелкая живность. Этот зыбкий свистяще-жужжащий звук неизменно вызывал у юной Мелисенты чрезвычайную смешливость. Она улыбочиво чирикнула приветствие дремавшему на подоконнике желтому воробью: тот помахал крылом и перевернулся на другой бок. Девушка подошла к зеркалу и рассеянно оглядела себя: ореол пышных смоляных волос вокруг милого заспанного личика, изящный велосипедный руль, высившийся из головы над маленькими ушами. Мать говорила девушке, что когда та достигнет совершеннолетия, руль отпадет: ведь иначе бы он мешал носить корону; но девушка успела полюбить мелодичное пение звонка на руле. Высокая и тонкая, принцесса в своей ночной сорочке походила на привидение. Это возбудило новую улыбку на губах девушки. Она отвернулась от зеркала и вспорхнула на подоконник, нечаянно уронив воробья вниз. Он упал в грязную лужу и принялся зычно браниться оттуда. Милашка, удивленный столь гневным воробьиным писком, который сотрясал самые высокие шпили на крышах, достал ватные тампоны и вставил их в уши. С подоконника из уст

принцессы заструились извинения, и воробей через некоторое время счел падение даже забавным. Месяц-таки утащили, вырвав из Солнца пару лучей. Королевство проснулось.

Таково было новое утро в королевстве Мелдор.

Служанка принесла еду на подносе - излюбленное кушанье Мелисенты: две селедки со сладкой овсянкой и стакан апельсинового сока. Все это девушка уничтожила с завидной быстротой. Управившись с едой, Мелисента надела свою белую льняную тунику и выбежала из покоев. Слетев по широким каменным ступеням вниз, она оказалась во дворе королевского замка, и, миновав его, отправилась по своему обыкновению на каждодневную прогулку в лес. Молодые косточки не боялись дороги, а окрестности замка Мелисента знала ровно так же, как знала четыре пальца из своих пяти; но так как она и не ходила дальше того места, откуда начинался путь, соответствующий маленькому мизинцу принцессы, девушка смело покинула замок. Привычная тропинка увела Мелисенту в Поющий лес. По чести говоря, лес ничего не пел. Пели лишь камни в нем.

Давным-давно какой-то колдун, напившись допьяна, летел по небу на своей кляче домой. Но, по причине полного забвения мыслей и некоторой нетвердости в теле, он сверзился с лошади и упал аккурат в этот лес. Лежа у какого-то замшелого пня и потирая ушибленный затылок, колдун воскликнул: —**Скорее** камни запоют в этом лесу, нежели я доберусь до своего жилища (а оное, кстати заметить, находилось не где-нибудь, а на краю света)!” Однако ж удар об землю, вероятно, вернул колдуну прежнюю трезвость, и он вскоре был дома. А камни с той поры поют без умолку веселые кабацкие песни. И девушка вдоволь насмеялась, слушая их заикающееся, невнятное, но весьма бодрое пение. Она прошла мимо Человека-Горы, сидевшего посреди леса. Мелисента поприветствовала его и посоветовала почаще наклонять голову, потому как Солнце порой заплывало в ухо Человеку-Горе, а вынуть его оттуда было совсем не просто. Человек-гора пообещал приобрести у Милашки ватных тампонов для ушей (которых у того было изрядно, ибо Милашка за внешней неповоротливостью и грубостью имел очень нежный и тонкий слух в своих остроконечных ушах). Мелисента отправилась дальше, но, не пройдя и сотни шагов, вновь остановилась. На дороге в своем клетчатом костюме лежал господин Ворон. Клюв его был открыт, и оттуда разило могучим запахом жевательного табака, коим он обыкновенно набивал свои щеки.

- Бедняжка! Он, должно быть, подавился табаком! - восклик-

нула принцесса и приложила голову к маленькой теплой и мягкой груди Ворона. Из-под иссиня-черных перьев доносился частый стук благородного вороньего сердца. Судя по закатившимся глазам птицы, она твердо была намерена помереть, если ей не помочь.

- Отнесу-ка я его к королевскому врачу! - подумала вслух девушка.

- Э-э, нет! - запротестовал господин Ворон, на минуту очнувшись. - Отнеси меня к вредному Эльфу, что живет в конце леса в норе. Только он сможет мне помочь.

Рис. О. Нестеренко

С этими словами птица опять потеряла сознание, уронив маленькую голову в ладонь принцессы. Неожиданно Ворон снова очнулся и предупредил: —Имотри, не разбей мои очки”. Мелисента положила большие очки Ворона в карман его сюртука и двинулась к норе Эльфа.

Вскоре она набрела на эльфово жилище и, опрометью взбежав на скрипучее крыльцо, звонкой дробью постучала в дверь. Она распахнулась, и на пороге появился низенький старичок в очках, из-за которых торчали острые длинные эльфийские уши, причем в одном из двух, а именно в правом, блестела серьга. Старик оскалился в ущербной улыбке.

- Наконец-то ты пришла, дитя мое, - сказал Эльф, заглядывая в руки принцессы, где лежал Ворон.

- Вы что же, ждали меня? - изумилась Мелисента.

- Нет, нет! Конечно, нет! Я вижу, старый господин Ворон умирает, и ему требуется моя помощь? Непременно, дорогая принцесса, непременно! - стрекотал Эльф. - Он, я вижу, чрезвычайно плох. Чрезвычайно плох, милая принцесса! Но я бы смог оживить его, если бы у меня был славный тортик к вечернему кофе. Без него - никак нельзя! Волшебство, знаете ли, не терпит, когда нет тортиков. Мы, можно сказать, единственно потому и умеем колдовать, что едим тортики с кофе. А как раз так уж случилось, что тортики у меня кончились, потому смею смиренно просить Ваше Высочество ниспослать мне оный. О, да, да! Я дерзок! Но не для себя я прошу! Всей душой хочу вернуть нам жизнь бедного господина Ворона! Но без тортака я, увы, бессилён...

- Да хорошо-хорошо! - ответила Мелисента. - Я принесу вам хоть дюжину тортиков, только верните, почтенный Эльф, жизнь господину Ворону!

Тот пошевелился на руках принцессы и жалобно застонал.

Эльф согласился на полторы дюжины тортиков и, как только принцесса со служанкой подкатили к его крыльцу тележку, заваленную тортами, он приказал девушкам отойти подальше, занес угощение и Ворона к себе в нору и затворил за собой дверь. Там Эльф сказал Ворону: —~~Вс~~ кончай валять дурака. Мелисента принесла нам целую прорву тортов, можешь оживать. Теперь нам будет что слопать с кофе вечером!»

- О! Великолепно! - вскричал Ворон. - Мне, признаться, порядком надоело притворяться умирающим. А ловко мы провели эту наивную девочку!

- Это был мой замысел, и он, в чем никто во всем свете, знающий об его существовании, не смел сомневаться, сработал! - заявил Эльф. - А теперь - выйди к нашей дорогой принцессе и скажи, что она, самая славная и добрая, может идти домой.

Что господин Ворон и сделал. Осыпав Эльфа горячими и искренними благодарностями, Мелисента, весело напевая, отправи-

лась со служанкою домой.

Ворон и Эльф долго смеялись, потом Эльф заварил кофе, и двое плутов приложились к тортикам.

Однако в это время Человек-Гора как раз направлялся к Милашке за тампонами для ушей и так сильно топал, что у Эльфа и Ворона побились все чашки, а штукатурка, рухнув с потолка, испортила все до единого торты.

Эльф и Ворон сели в разные углы норы и заплакали.

ТАКОЙ ВОТ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

СКАЗКА ПЯТАЯ ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ КОРОЛЕВСТВА МЕЛДОР»

Принцесса Мелисента сидела, зажмутив глаза, и пыталась вообразить, что ее руль исчез. Такие мысли девушки были совсем не случайны, ведь именно в этот день, восемнадцатый День рождения принцессы, руль навсегда должен был покинуть свою владелицу.

Достославный родитель Мелисенты, король Том, был мрачен, как грозовая туча. В столь недоброе состояние его повергло вот такое дело. С тех пор, как король Уилки основал Мелдор и до этого самого дня руль всегда был на голове кого-нибудь из потомков короля. Иначе Мелдор не был бы столь благополучным королевством. Носить руль можно только восемнадцать лет, потом непременно надо передать его следующему.

Но кому же передать, если в Мелдоре в этот день не оказалось ни одного, даже самого незаконнорожденного, родственника Уилки?!

- Добрый день! - сказала Мелисента, когда они с отцом встретились в Тронном зале.

- Это как посмотреть... - ответил король. - Нам, видишь ли, некому передать твой руль...

- Ужасно, - Мелисента распахнула глаза. - Что же делать?

- Ну... - король что-то уклончиво пробормотал.

В это момент прямо из воздуха появилась ее королевское величество Алиса. Она была фея и к тому же сногшибательно красивая.

- Вот, кажется, и я!.. - леди Алиса обворожительно улыбнулась. Король Том втянул живот и сделал доблестное лицо.

- Мы бы поцеловали вас, - сказал король Том, - но уж очень мы

огорчены.

- Что? Все так плохо?

- Увы!

Тут в зале появилась некая рыжеволосая особа верхом на коте величиной с корову. Кота звали Сказка, а его наездницей была леди Эсмеральда - родная сестра королевы и любимая тетя Мелисенты. Леди Эсмеральда спрыгнула с кота, и он уменьшился до обычных размеров. Кот этот был серо-голубой в полоску, с глубокомысленным взором изумрудных глаз. Леди Эсмеральда, как уже можно было догадаться, тожа была феей, и надо сказать, превосходной феей.

- Тетя! - взвизгнула Мелисента и кинулась ей на шею.

Леди Алиса имела подобные намерения, но Эсмеральда предупредительно исчезла и появилась только когда чувства успели поухнуть.

- Будете все на меня прыгать - помнёте мой великолепный кружевной воротник.

- О, Эсмеральда! - с укором воскликнула леди Алиса. - Нам так тяжело, а ты только про воротник и помнишь!

- По-моему, у вас исключительно плёвое дело.

- Вы, может быть, знаете, кому передать руль? - не без ехидства осведомился король Том.

Леди Эсмеральда ответила, что знает, и показала язык.

- Мелисента передаст руль мне, - заявила она.

- А вот и нет, - сказал король.

- А вот и да.

- А вот и нет.

- А вот и да. Будете мне перечить, заколдую к драконьей бабушке!

Король вместе с ногами забрался на трон и оттуда высокомерно заявил:

- Я вас не боюсь! И руль вы не получите, вы не родственница короля Уилки!

- Ну так я объявляю себя его родной внучкой!

Его Величество поперхнулся и долго не приходил в себя.

- Так нельзя, - наконец вымолвил он. - Вашего имени нет в родословной. - С этими словами государь всучил фее ветхую книжицу, на которой значилось: «Фамильное древо Уилки I». В руке Эсмеральды появилось гусиное перо и, открыв первую попавшуюся страницу, она зачеркнула чьё-то имя и невозмутимо вывела своё.

- Вот, - она вернула книжицу королю.

Король в растерянности поглядел на книгу, потом перевел взгляд на портрет короля Уилки, словно надеясь, прочесть что-то на его лице. Этого ему не удалось - в особенности потому, что первый король Мелдора был изображен с затылка (остроумно, правда?).

- Но... ведь вы все равно... не его внука...

Рис. О. Нестеренко

Леди Эсмеральда трижды хлопнула в ладоши, и кот по имени Сказка поднес госпоже волшебную палочку. Фея взмахнула ею над собой и сказала: «Фокус-Покус!»

Король не моргая взирал на волшебницу и, наконец, проговорил:

- А ведь вы даже на него похожи... пожалуй, вы и впрямь его внучка... Но теперь вы наверняка будете претендовать на трон...

Мелисента, леди Алиса и леди Эсмеральда с укором и досадой взглянули на короля.

- Какие вы, мужчины, недалёкие! - покачала головой леди Эсмеральда. - Ну разве не ясно, что корона испортила бы мою восхитительную прическу?

Король почесал лысеющие седины и пожал плечами.

- Ну вот и порешили! - заключила леди Эсмеральда. - Алиса, пошли погуляем? До первой звезды, когда всё начнется, ещё есть время.

И они растворились.

Мелисента тоже упорхнула, и король остался в одиночестве. Впрочем, через минуту вошёл Вамба, свернулся клубочком у трона и захрапел.

- Тут у вас тихо, - пояснил он, засыпая.

Через час вернулись леди Алиса и леди Эсмеральда. Они появились в зале своим излюбленным способом, но стоило им только посмотреть в сторону короля, как они со стоном хлопнулись в обморок. Дело приняло скверный оборот.

- Тьфу! - желчно воскликнул король Том, - провалиться с этими феями можно! И запирайте немедленно Мелисенту! Ей нельзя этого видеть, у бедняжки будет шок. Лекаря!

Король огляделся и не увидел ничего, кроме герба на стене, трона и мирно дремлющего Вамбы. Что же могло так подействовать на королеву и леди Эсмеральду?

Вскоре в зал вбежал запыхавшийся лекарь и склонился над феями. Лекарь был очень важным и сердитым.

Кот Сказка и король Том встали позади сего ученого мужа, то и дело пытаясь заглянуть ему через плечо.

- Может, их поцеловать? - предложил король. - Я где-то читал...

- Вряд ли... - заметил Сказка. - Попробуйте нашатырь.

- Я сам знаю, что мне делать, - с достоинством заявил старый лекарь. - Не мешайте.

- Хорошо, - ответил Сказка. - А вы знаете анекдот про двух глупых грифонов?

- Не мешайте мне, - повторил старик.

- Слушайте! У меня идея! - воскликнул король Том. - Может, их поцеловать?

- Или дать нашатыря...

Лекарь с напыщенно-скорбным видом распрямился и изрек:

- М-да... Случай необычайно тяжелый... Да и расположение планет... Короче говоря, есть только одно средство, способное по-мочь. Добыть его ужасно трудно, ибо я говорю о четырехлистном клевере, который растет на краю света.

- Может, лучше их поцеловать? - спросил король.

- Попробуйте, - сердито ответил лекарь. - Но здесь необходим четырехлистный клевер.

- Да где же я его?.. это ж... На краю света!

Лекарь пожал плечами:

- Ничего не могу поделать. Мне жаль.

А Мелисента меж тем ощутила смутную тревогу. Она хотела пойти в Тронный зал, но стражник, стоявший под его дверьми, сказал, что никуда ее не пустит. Это был старый боец, которого не могли тронуть даже женские слёзы.

- Ах, неужели вас не тронут даже мои слезы? - спросила девушка.

- Нет, Ваше Высочество, - ответил стражник. - Сердце у меня - как из камня.

- В таком случае, вы, наверное, и бровью не поведете, если я скажу, что у вас на ноге паучок.

Вопреки ожиданию, стражник с воплями бросился прочь, исполненный живейшей неприязни к паучкам.

Мелисента покачала головой и побежала в Тронный зал. Когда она появилась там, король Том говорил Сказке:

- Слушай, а что если их поцеловать?

- Отец, что случилось? - спросила принцесса.

- Трагедия, дитя мое. Королева и леди Эсмеральда... вот.

- О... И ничего нельзя поделать?

- Нет, нельзя... Разве что добыть четырехлистный клевер, но это - увы! - не в наших силах!..

Глаза принцессы наполнились слезами, и она зарыдала. Король Том обнял дочь и зарыдал вместе с нею.

- А что, собственно, случилось? - спросил Вамба, протирая желтые глаза.

Мелисента всхлипнула и как-то нервно посмотрела на Вамбу; на лице девушки отразились странные чувства. Ещё раз всхлипнув, она пролепетала:

- Не нужен тут никакой клевер!.. Это Вамба... он все время был здесь... А у фей... аллергия на драконов...

Король Том снял туфлю и запустил ею в Вамбу. Впрочем, тот

успел скрыться.

И что же? Как только Вамба исчез, обе феи пришли в себя.

- Да... - протянул король и поглядел на Сказку. - А ты заладил: нашатырь, нашатырь, нашатырь...

- На себя бы посмотрели, Ваше Величество! Со своими поцелуями...

Из остального Мелисента запомнила только то, что был роскошный торт, были звезды, и руль на голове леди Эсмеральды нисколько не портил ее прически... А сама принцесса была совершенно взрослой.

НОЧНОЙ ПРОЛОГ

ИЗ ПОВЕСТИ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА. РЕМАКЕ»

- В Северных Камнях опять видели человека в Шляпе Безумия. Вы слишком долго дрыхнете, любезный магистр, - сказал Пинни Дулак, стоя в дверях.

Любезный магистр Ордена твилингов Мартин Ландыш (такая была его фамилия), не вылезая из-под одеяла, натянул чулки и штаны, нырнул в смятую сорочку и встал.

- Северные Камни, Шляпа Безумия - всё потом... Я хочу есть. День хорош.

- День хорош, - ответил Пинни и подпрыгнул.

Они, твилинги, так друг друга приветствуют.

Ещё твилинги бывают крайне не в духе - как, например, нынче Мартин Ландыш. Он дрался вчера на семи дуэлях и на пяти из них был убит. Причем номер пятый, пытаясь спрятать тело, для удобства изрубил магистра на куски - это вот отчего Мартин теперь слегка хромал и не подпрыгнул, когда сказал своё «День хорош».

Юноша болезненно поглядел на Пинни. Тот по обыкновению был доволен жизнью и собой.

Мартин испытал острое желание проткнуть Пинни на дуэли некоторое количество раз - отыгаться, зализать раненое самолюбие. Пинни Дулак! Мне ужасно скверно, а вы счастливы и довольны, вы меня будите, у вас нет совести и мозгов, ненавистный дурак, готовьтесь скрестить шпаги! Но они всё-таки были большие друзья, и это не располагало... Пинни Дулак! На сей раз вы прощены, потому что до чего же ты всё-таки славный и как я тебя люблю, осёл

ты мой несчастный!

Друзья спустились вниз по лестнице в гостиную, где завтракала остальная молодёжь.

- Ах, Мартин, миленький, ты в порядке? - Николетта Линн схватила его за руки, обняла, потрогала лоб и волосы, упала на колени и прильнула к его ногам, шепча что-то ласковое едва не со слезами.

Вот она и вчера так же, с тою же виновато-взволнованной улыбкой, подлетела к Мартину - Мартин, дружок, ты только не сердись! - и сообщила, что семеро мерзавцев каких-то, наглецов, оскорбили её особу и что от его, Мартина, имени она вызвала их всех на дуэль.

Вот. Пятеро из них оказались крутые ребята.

Мартин вздохнул:

- Дайте мне два апельсина и шоколада с молоком. Я есть хочу. День хорош.

Вообще, в гостиной фамильного особняка Ландышей собралась прелюбопытнейшая публика. То есть, твilingи сами по себе очень любопытны. Это ведь ночные создания, хотя они и говорят почему-то не «ночь хороша», а как раз «день хорош». Ещё вместо крови у твilingов вино, красное или розовое. Они в связи с этим не всегда трезво смотрят на вещи. Твilingи боятся сов и кошек, но больше их не пугает ничто: вино в час тревоги ударяет в голову и... держи меня четверо - я за себя не отвечаю!

Но вернёмся к нашим друзьям. Дети богатых аристократов, они всегда сыты и умыты. Впрочем, пардон - не всегда. Вот именно теперь-то Мартин Ландыш не умыт. И в его чертах ещё слишком много общего со складками постели. И, пожалуй, пора побриться... Но скоро всё станет иначе, ведь он такой умница и красавчик, старик Мартин! Он был хорош в университете, всегда был не прочь подраться, пока ему не сломали ребро, он отличный политик и философ, потому что знает: главное, чтобы девушка была хорошая.

А пока он молод и готов делать много лишнего, за ним стоит умнейший, правда, склонный к мистицизму Ландыш-старший.

Пинни Дулак. Приятель решительно всем - исключая, конечно, тех, кто его терпеть не может. А всё очень просто: друзья, молодые замужние дамы и всякие хорошенькие девочки от Пинни в восторге, поэтому женихи, отцы и мужья вечно ищут дуэли, вечно не в духе и всё такое. Вообще, Пинни - славный малый, хотя и не вполне оправданно самодоволен.

А вот который налегает на печенье - это Гай. Он втайне от ро-

дителей курит трубку, легко пишет стихи и мечтает иметь заклятых врагов. К слову, ни разу не целовался.

С Николеттой Линн вы уже знакомы. Это она сейчас так виновато и участливо щебечет у ног Мартина. К ужину она будет прощена, потому что кто ещё так готовит запеканку как бабушка Николетты?

Рис. О. Нестеренко

И последний член этого мятежного братства - нескудная девушка Нола. Она весёлая и странная, любит мороженое, дорогие духи и «Битлз» (это тамошние бродячие музыканты).

Вот, пожалуй, и всё. Возможно, здесь было бы уместно вставить какое-то прощальное слово, но всё, что не относится к делу - лишнее. Так что - всё. Баста. День хорош.

ПАДАЛА С НЕБА ЗВЕЗДА

Разбился корабль о земные громады,
Все спутники в вечность ушли.
Мне нет возвращенья из этого ада...
А. Богданов

Отказ тормозной системы. Падение. Страх. Крик. Крики, крики... Удар, боль, темнота.

- Мамочка! Смотри! Звезда упала!
- Загадай желание...
- Зачем?
- Загадай, и оно обязательно сбудется. Есть такая примета.

Снова боль. Яркий свет, бьющий в глаза. Существа, чужие и страшные, заполнившие пространство вокруг. Убийцы.

- Извините за внешний вид. Меня подняли из постели. Кто-нибудь уцелел?
- Только один. Состояние нестабильное.
- Жить будет?
- Не знаю. Мы привезли наших лучших хирургов, но они до сих пор новички в этом. Как, впрочем, и все мы.
- Что с кораблем?
- Здесь кругом одни горы. Собираем обломки.
- Под вашу ответственность.
- Как всегда, полковник.
- Ваша ирония несколько неуместна.
- Прошу прощения. День выдался на редкость тяжелым...

Как хочется вернуть все назад. Остановить падение. Спасти жизнь. Как хочется, уходя, не испытывать ненависти и страха. И как жаль, что все-таки нужно уходить.

- Вот это да... Первый раз подобное вижу...
- Ты здесь не один такой. Лучше не болтай. Потеряем этого - они нам не простят.
- Зачем оно им?
- За тем же, за чем и предыдущие. Зажим!

- Оно... Он... какой-то другой. На человека похож.
- Две руки и голова еще не делают его человеком.
- А ты помнишь первого? С крабовым туловищем?
- Не отвлекайся! Зашивай!
- Ты что-нибудь понимаешь?
- Нет. И не хочу. Любопытство кошку сгубило. Смотри! Ритмы опять снижаются!

Аййя! Аййя! Разум сливается с пространством, теряется в нем, и...

Огромное зеленое поле, окаймленное по горизонту темным хребтом гор.

- Мы теряем его?
- Не знаю! Разряд!
- Есть! Есть! У-у-уф... Жив...
- **Пока** жив... Еще два кубика!
- Думаешь, нужно?
- Откуда мне знать!
- Ты же врач!
- Ты, между прочим, тоже!

Аййя! Прозрачная, как воздух, теплая, как жизнь...

Цветы - белые, желтые, голубые. Высокое чистое небо. Я нашел. Я хочу остаться здесь.

- В сердце коли, кретин!
- В которое?
- В оба! Быстрее!

Взлет. Падение. Удар и чернота вокруг. Убийцы.

Надо попытаться еще раз. У меня получится, я знаю.

- Он выживет?
- Кто знает? Я впервые оперирую инопланетянина, полковник.
- Не несите вздор, доктор. Мы работаем вместе больше десяти лет!
- Только раньше это были трупы.
- Пустой спор... Мне нужно, чтобы он пришел в сознание.
- Всем нужно... Не злитесь. Мы постараемся, только уберите свою охрану. На нервы действует.
- Это для вашей же безопасности.

- Думаю, вряд ли это существо сумеет причинить мне сейчас больший вред, чем ваши молодчики с автоматами.

- Я бы порекомендовал вам поменьше думать, и побольше работать, доктор. Это - наш последний экземпляр, его нельзя потерять.

Айя! Айя! Разум сливается с пространством, теряется в нем, и...

Айя! Прозрачная, как воздух, теплая, как жизнь...

Айя, любимая...

- Как ему это удалось?

- Ты у меня спрашиваешь?

- Нет, вопрос чисто риторический.

- Он умер?

- Вы меня напугали, полковник.

- Он умер?

- Нет.

- Кома?

- Ну, я бы назвал это несколько иначе.

- Не тяните!

- Он словно здесь, но его здесь нет. Сознание ушло, а тело осталось. Кажется, у буддистов это называется —**нирвана**".

- Что-то?

- Nirvana. Полная отрешенность от всего земного.

- Вот именно —**земного**"! Не делайте из меня идиота! Он-то не землянин!

- Судя по всему, для истинной веры и впрямь не существует понятия —**национальная**", извините, —**планетная**" принадлежность.

- Я полагаю, вы шутите?

- Куда там, полковник! Для шуток сегодня слишком неподходящая погода.

Огромное зеленое поле, окаймленное по горизонту темным хребтом гор. Цветы - белые, желтые, голубые. Высокое чистое небо.

Она бежит мне навстречу, раскинув руки - прозрачная, как воздух, теплая, как жизнь. Айя, любимая...

У меня получилось.

- Смотри! Звезда упала! Я загадаю желание...

ГОТОВНОСТЬ - НОЛЬ

Если шофер верит в бессмертие,
то жизнь пассажира в опасности.

Наша группа делилась на две категории: на тех, кто шел медленно, потому что не умел ходить быстро, и на тех, кто быстро идти не хотел. К первым относились сливки сливок «ху из ху» нашей губернии. Сливки ослепляли толпу блеском звездочек на погонах и бриллиантов *очень* чистой воды на пальцах. Сливки гордились собой и выпячивали грудь при виде телекамер. Эффект был рассчитан на нормального человека с острым комплексом неполноценности. К моему счастью, я никогда не относил себя к нормальным людям.

Первых было больше. Оно и понятно. Они были слишком богаты и знамениты, чтобы умирать.

Ко вторым относились я, Мишка, механик, радист, повар, две стюардессы, два пилота и командир. Мы продвигались сквозь толпу, неуверенно и неохотно, всячески оттягивая неотвратимое. Еще бы! Подозреваю, мы застряли бы даже посреди пустыни. И еще подозреваю, что губернатор это тоже подозревал. Потому что предусмотрительно прислал к нашим дверям вчера почетный караул. Как говорится, спасибо за заботу.

- Интересно, - услышал я где-то по ходу движения. - Они не боятся?

Я боялся. Я бы не постеснялся в этом признаться, но, по большому счету, мое мнение никого не интересовало.

- Нет, конечно... - ответили с другой стороны. - Чего тут бояться?! Сами ведь строили!

Может, это паранойя.

И еще у меня сильно болела голова.

И толпа почему-то все не заканчивалась. Она подбрасывала вверх чепчики и весело кричала: «Ур-ра покорителям космоса!»

- Думаешь, пронесет? - спросил меня шагавший рядом Мишка.

- Честно ответить?

- Нет.

- Пронесет.

- Спасибо.

Было бы за что.

- У них праздник, - оповестил он меня, оглядываясь на толпу.

- Я знаю.

- Танцы будут, девочки...

- Наверняка.

- Интересно, а на наших костях они тоже будут плясать?

Перед моим мысленным взором (необыкновенно богатым в это время года) пронеслись во всей красе ритуальные танцы новогвинейских охотников за головами.

- Праздник и кости... - бубнил Мишка задумчиво. Заклинило его, что ли?

Возле нас притормозил, нарушая и без того неровное построение, командир.

- Кости? - заинтересовался он. - А мы с собой карты и нарды прихватили.

Командир относился к категории тех немногих людей, которые мне нравились. Наверное, потому, что никогда не пытался учить меня делать то, что я делать уже умел.

- Как настроение? - бодро и трезво спросил он. Я тут же возненавидел бодрость и трезвость.

- Не сбивай темпа, командир, - посоветовал я. Он зыркнул на меня из-под парадной форменной фуражки, но спорить не стал. А чего спорить, когда у меня и полномочий и звездочек больше. Значительно больше.

А вообще-то я добрый. Только летать боюсь. На кораблях, построенных в нашей губернии. И голова болит. Видать, водка была некачественная. А может, ее просто было очень много.

- Есть что-нибудь от головы? - спросил Мишка у спины командира. Похоже, в своем восприятии мира на данный отрезок времени мы с ним были абсолютно идентичны и обоюдоостры. Не удивительно, пили-то вместе.

- Нету, - ответила спина. - Некто, - спина шевельнулась, обвиняюще указывая несуществующим перстом в мою сторону, - запретил проносить на борт спиртное.

Я не успел почувствовать себя виноватым - память вдруг озарило чудесное видение:

- На корабле целый ящик коньяка, - я резво прибавил шагу. Внезапно появилось желание поторопиться с посадкой.

- Был ящик, да весь вышел, - обречено поведал Мишка.

- Как это - вышел? - тихонько взвизгнул я, сбавляя темп. Желание скончалось так же быстро, как и родилось. - Я сам техникам пропуск выписывал!

- Вчера вечером Бульдог с компанией забегал, обнюхал все углы, что нашел - забрали. Мол, нам не положено, на нашей улице праздник только через полмесяца наступит. С-собака!

Это он тонко подметил - собака. Директорская такса по кличке Бульдог. Директор ее натаскал на спиртное. Сотрудников контролировать. И, что обидно, милая во всех отношениях собачонка. Ласковая, спокойная. Когда водку находит, лает так тихо, словно извиняется, зараза. А находит всегда. Кто бы мог предположить такую прыть от таксы!..

- Ночью взломщика поймали, - сообщил мне на ухо командир, снова вламываясь в наши ряды.

- Какого взломщика? Почему я не в курсе?

- Компьютерного... Хакера, короче. Он в систему влез. Чего хотел - не знаем, тебе не доложили, потому что не смогли связаться...

Естественно. Я вчера предусмотрительно отключил все телефоны, запер дверь и вырубил свет. И еще шторы задернул. Кому надо, стакан мимо рта не пронесет, проверено практикой.

Нет, правда, имею я право расслабиться?! Не дай бог еще, в последний раз.

- ...да и поздно уже, старт никто отменять не будет, сам понимаешь...

- Чем нам грозит?

- А шут его знает! Разобраться не успели. То ли он уже что натворил, то ли только собирался. То ли вообще... так... баловался...

Так я и знал. Что-нибудь обязательно случится. Не утечка, так перегрев, не перегрев, так вирус...

Минуточку! Вирус?! Вирус?

- М-м-м, - промычал командир. Я попытался оценить его ответ, но не успел.

Толпа кончилась. Дальше - только бетонное поле за оградой под напряжением. И блестящий корпус пассажирского межпланетного авиалайнера. Вообще-то, даже красиво. Только я это уже видел.

- Нам туда? - спросил Мишка. Как будто это не он руководил проектом.

- Туда, - кивнул охранник, нажимая кнопку на пульте дистанционного управления. Ворота распахнулись настежь. - Добро пожаловать!

Сливки рванули в них резвым галопом. Следом заползли мы. Насколько возможно медленно. Ворота захлопнулись.

- Удачи, ребята, - сказал охранник. Надежда в его голосе была несколько помятой. Я ее понимал.

- Главное - взлететь, - зачем-то сказал Мишка.

Двадцать восемь... двадцать девять... тридцать... тридцать один.

Я так тщательно переваривал эту мысль, что не заметил, как оказался на борту корабля. Тридцать первым, последним, как и полагается охране.

Люк закрылся. Два раза щелкнул замок, создавая впечатление заколачиваемых в крышку гроба гвоздей. Эту процедуру контролировали с внешнего поста. Начальства не доверяли электронным замкам. Если бы могли, обязательно подперли бы дверь снаружи. И правильно. Я тоже не доверяю электронике. Я вообще не доверяю всему, что могу сломать (взломать, открыть) подручными средствами.

- Вы только посмотрите, юноша! - воскликнул кто-то из представителей элиты, хватая меня за рукав. - Чудесно!

Я высвободил руку и посмотрел. Я предпочел бы посмотреть это по телевизору. Со вчерашнего дня здесь ничего не изменилось. Корабль по-прежнему был большим и комфортным, и по-прежнему не внушал особого доверия. Наверное, потому, что я знал, на *какую* скорую руку его слепили.

«Ху из ху» куда-то дели с глаз моих долой. И то хорошо. Я от себя-то уже устал, а от них и подавно. Я принял боевую стойку возле люка на случай, если до старта кто-нибудь выйти захочет. То есть достал книгу и прилег на диванчик у стены. Диван был мягкий, стена была желтой. Предполагалось, что во время взлета вы не ощутите перегрузок, а яркий цвет заставит вас забыть о тройном слое противорадиационной изоляции. На мой взгляд, он только лишний раз об этом напоминал.

Мишка любовно прижался к люку.

- Там весна...

- Ты сегодня это уже говорил.

- Там...

- И про кости тоже. Давай теперь на время отвлечемся от этого, а? Мишка вздохнул.

- Если бы я знал, чем это закончится, я бы пошел в дворники, - честно признался он.

Идея строительства межпланетного корабля под флагом нашей губернии принадлежала Мишке. Энтузиазм, с которым ее подхватили губернатор, олигархи и народ вообще, объяснялся до неприличия просто. Народ жаждал осваивать новые территории (туда! туда! где все уже давно!), олигархи - денег, а губернатор - перевыборов. И Мишка тоже жаждал. Ну, чтобы его имя вошло в историю.

Нам, простым смертным, оставалось только надеяться, что во время работы в его конструкторской ужасно умной башке не возникали образы «Титаника» или... А впрочем, какое тут «или»...

- Когда мы вернемся, я подарю тебе метлу и детский конструктор, - пообещал я.

Вторая дверь, та, что вела внутрь корабля, внезапно распахнулась. На пороге стоял второй пилот.

- Что вы тут? - многозначительно спросил он.

- Потому что, - еще более многозначительно сообщил я.

- Пошли, - пилот неопределенно махнул рукой в сторону стены.

- Куда? - тупо переспросил Мишка.

- Туда, туда... Там телек есть, праздник посмотрим.

- Праздник и кости...

- Метла, Миша, - вкрадчиво напомнил я.

В центральном зале было полно стульев, аппаратуры и разного народу. У пульта управления стоял командир. Хорошо смотрится, блин.

Экран у противоположной стены во всей красе показывал все-народный праздник. Если мы вернемся, губернатор, пожалуй, объявит этот день праздничным. Если нет - траурным. Как ни крути, а лишней выходной. Толпа веселилась. Брачные весенние танцы на костях... Тьфу, у Мишки, что ли подхватил!

- Колобок выступает, - негромко сказал кто-то за спиной. Я обернулся. Вай-вай, и его сюда... Надо же, как губернатор-то наш серьезно за Программу взялся. Даже зама своего первого не пожалел. А может, он просто вчера на приеме губернатору на мозоль наступил? Не специально, конечно, но все равно неприятно.

- Вы, я гляжу, юноша, с собой книжки прихватили, - сказал зам, заметив мое внимание к собственной персоне.

- Ага, - кивнул я. - Прихватил. Пятнадцать штук. По одной на день.

- Вы верите в то, что успеете все их прочесть?

Интересно, что он имел в виду? Что я медленно читаю, или что мы не протянем здесь так долго? Я бы предпочел невысокую оценку моих умственных способностей. Обидно, зато безопасно.

На всякий случай я отошел в сторону. Не люблю паникеров. Сам такой.

- ...мы, наконец, получили свободный выход в космос, - радостно рассказывал с трибуны губернатор. Он и впрямь был похож на колобок, шустрый и кругленький. Я слушал его вполуха. Не по-

тому, что не уважал власть. Просто был уверен, что не узнаю ничего нового. - ...не будет унижительной зависимости от наших соседей... ..нам больше не будут диктовать цены на грузовые и пассажирские перевозки... Мы покорим пространство!

Ну, это он сильно преувеличил. С покорением пространства придется подождать. Причем довольно прилично подождать. К разделу нашей солнечной системы и пары ближайших мы уже припоздали. Не начинать же борьбу за их передел?

Хотя... Чего не сделаешь из вредности?

- ...первый полет на лайнере «Зевс» совершат люди, которые по праву могут называться его родителями. Это они разрабатывали проект, вкладывали в него свое время, свои силы и деньги. Благодаря работе этих людей, наш корабль получился столь красивым и надежным...

Народ на площади замер, отдавая дань своим героям. Герои рядом со мной замерли, начиная, каждый по-своему, осознавать степень опасности, грозящей им в полете. Например, дизайнер интерьера совершенно спокойно развалился на шикарном белом диване. Он был уверен, что качественно выполнил свою работу. Не рвал на себе волосы и поставщик продуктов питания. Это утешало. Если взлетим, с голоду не умрем.

Замер и я. Мне предстояло сверить свой список с тем, который оглашал губернатор. Не дай бог, расхождения обнаружатся. Я ведь еще и крайним останусь.

-...заместитель губернатора по энергообеспечению... глава трансатлантической корпорации «Наши авиалинии»... директор спорткомплекса «Кулак»... глава концерна «Платина-нифть»...

Хлоп. Кто это у меня в обмороке? Грустно. Если мне не изменяет память (а она мне еще никогда не изменяла), они поставляли нам скафандры и амортизаторы. Остается надеяться, что нам не понадобится выходить в открытый космос. После обмороков я, пожалуй, воздержусь от примеривания скафандра высокой защиты на себя.

- ...конструктор космического лайнера «Зевс»... команда...

Кажется все. Тридцать человек, включая команду и исключая меня. Про меня простым смертным знать не положено. Я - всего лишь я. Контроль. К моему глубокому несчастью. И выпить нечего.

Речь губернатора, наконец, подошла к концу. И то хорошо. Народ на улице устал уже, есть хочет, тем более, что и столы накрыты, а он все то да потому...

- ...пожелаем удачи нашим героям!

Наш выход.

Пилоты поплюхались в кресла и порекомендовали тоже самое сделать нам. Мы, конечно, послушались. Я бы еще и пристегнулся, если бы было чем.

- Интересно все-таки, за каким фигом Колобок нас всех в корабль запихал? - спросил Мишка, усаживаясь рядом. Мишка - мой друг еще со времен общаговских гулянок. После университета он подался в науку, а я - в силовики. А результат почему-то получился одинаковый. Я ему доверял. Больше, чем себе. А себе я не доверял совсем.

- Что, одними пилотами не обошлись бы? Колись, Олег. Ты ведь знаешь. Тебе положено знать все.

- Он... книжку прочитал... - вздохнул я.

- Какую книжку? - удивился Мишка.

- Про Петра I.

- Здравсте-пожалста, а этот здесь причем?

Я вздохнул еще глубже. Я хорошо представлял себе Мишкину реакцию.

- Царь Петр заставлял мануфактурщиков опробовать на себе то, что они производили... Из пушки выстрелить... На кораблике сплавать... Народ под страхом смерти на совесть государевы заказы делал.

- М-да? - в сомнении переспросил Мишка.

- Зато воровать боялись.

- М-да?..

Я снова вздохнул. Лично мне до определенного момента идея тоже казалась хорошей. Пока не выяснилось, что сопровождать высокопоставленных гостей «Зевса» туда и обратно придется мне самому. Вот тут-то и выясняется, что петровские пушки и космический лайнер - вещи совершенно разные. Пушки - это далеко и неправда. А лайнер... В лайнере мы.

- И какая же сволочь подсунула ему этого Петра I, - пробормотал Мишка. - Сказать бы ему спасибо при случае... Ты, часом, не знаешь, Олег?

Я знал. Но признаваться в этом Мишке не собирался. Обойдусь без «спасибо», как-нибудь. Тем более, что и голова уже прошла...

Я открыл книгу. «Петр I». Захватывающая штука.

До ближайшей системы было почти пять дней пути.

- Три. Два. Один. Готовность - ноль. Старт!

ПОЧТИ СКАЗКА

Говорят,
если ты совладаешь со страхом,
то завоеешь лес...

Давно, ой как давно это было... Давно и не здесь... Там, где небо вишневое, а звезды размером с ладонь...

В одной маленькой деревушке на окраине леса жили-были муж с женой. И не было у них детей. А женщине очень хотелось иметь в доме помощницу. Собрался однажды муж на охоту, а жена попросила: «Встретишь сироту, приведи к нам. Все не пустой дом будет». С тем и пошел муж в лес. Долго шел. Устал, присел под деревом отдохнуть. Смотрит, из кустов волк выходит. Сам большой, шерсть белая, зубы острые, а в зубах ребенок. Испугался охотник. А волк положил ребенка на землю и говорит: «Его родители погибли. Хочешь, забирай мальчика себе, помощник будет». И ушел.

Взял охотник мальчика и принес домой. Жена-то хотела дочку, а получила сына. Ну да, как говорится, не гоже дареному коню в зубы заглядывать. Мальчика назвали Ами, что значило - Подаренный Волком. Он вырос самым сильным и самым смелым среди своих сверстников. В доме помощник, в поле - работник. Ничего не боится, ни от какой работы не отказывается. Только нет-нет, да на лес посмотрит. Как будто тоскует.

Однажды отец снова собрался в лес охотиться. Ами упросил взять его с собой. Мальчику исполнилось тогда уже шестнадцать лет.

Далеко ушли охотники, никто еще из деревни так далеко не заходил. Дичи почти не поймали, неудачная была охота. Назад возвращаться поздно, пришлось в лесу ночевать. Разожгли они костер - еды сварить да лесное зверье отгонять. В лесу ночью страшно. Отец все ближе к огню подвигается, из рук ружье не выпускает. А сын его словно совсем ничего не боится. Лег спиной к лесу и спит. Отец караулил его, караулил, да не выдержал, тоже глаза прикрыл - устал за день сильно. И то ли приснилось ему, то ли на самом деле было, только видит он, как из чащи вышел к огню огромный белый волк. Обнюхал мальчика, потом сел на задние лапы и говорит: «Помню его. Маленький был совсем, сейчас вырос, ничего не боит-

ся. Раз так, место его в лесу. Ты, человек, уходи, а сына оставь». «Зачем он тебе? Сам мне отдал, сам же и забираешь...» - спросил охотник. «Силой помериться хочу. Если он сильнее, он убьет меня и станет здесь хозяином. Если я сильнее - тогда я его убью». «Не могу я так сделать», - сказал охотник. - «Он мне сын, хоть и приемный. И что я матери скажу? Если хочешь, сразись со мной, а его отпусти». «Нет», - ответил волк.

Отец открыл глаза, разбудил Ами и рассказал ему свое видение. «Давай уйдем отсюда, сынок, пока беды с нами не случилось», - предложил он. «Нет, отец, ты уходи один, а я останусь посмотреть, что это за волк такой, и почему он думает, что может меня победить», - ответил Ами. И как ни уговаривал охотник, он отказался возвращаться в деревню. Охотник ушел один, а Ами сел у огня, достал свой нож и стал ждать.

Через некоторое время из леса вышел белый волк. Он был очень большой, таких Ами никогда в жизни не видел. Волк обошел вокруг костра, как будто примериваясь, и прыгнул на паренька. Ами увернулся, ударил ножом и ранил волка. А потом бросился бежать к ближайшему дереву. Волк кинулся за ним. Ами взобрался на дерево, а волк успел только подпрыгнуть и зубами ухватить его за сапог. Сапог порвался, волк упал вниз, и шеей попал в развилку между двумя большими ветками. Повис и начал задыхаться. Тогда Ами спрыгнул с дерева, обрубил своим ножом ветку и освободил волка. И зверь поклонился ему и сказал: «Ты спас меня, мальчик. Пойдем, я тебя награжу».

Рис. О. Нестеренко

И они пошли. Долго шли, пришли в середину леса. Остановились на большой поляне. Огляделся Ами и увидел, что на поляну вышли другие волки. Они все были серыми, и только у его волка шерсть была белой. Белый волк встал на задние лапы, перекувыркнулся через голову и превратился в человека. Остальные волки последовали его примеру. И вот вокруг Ами на поляне уже стояли не звери, а люди.

«Посмотрите на этого человека», - сказал белый волк, показывая на Ами. - «Он смелый, сильный и благородный. Я хотел его убить, а он спас меня от верной смерти. Я привел его сюда, потому что хочу, чтобы вы его наградили. Я же отдаю ему в жены Динь, свою единственную дочь». И белый волк подвел к Ами девушку красоты несказанной.

Остальные люди-волки поклонились ему и громко приветствовали в своем племени. «Ты сохранил жизнь нашему вождю. Что ты хочешь в подарок?» - спросили они. «Я хочу научиться превращаться в волка», - сказал Ами. Посовещались люди-волки между собой и ответили: «Хорошо. Мы дадим тебе волшебный талисман - волчий зуб. Подуешь на него - в волка превратишься. Только если так сделаешь, придется тебе в лес уйти навсегда. Волки с людьми никогда не жили». Сказали они это и снова в зверей превратились, и в лесу исчезли.

Очень обрадовались отец с матерью, когда увидели Ами, живого и невредимого. Не ждали уже, думали, убил его волк. А сын не один вернулся, а с красавицей-женой. С тех пор жили они счастливо. Ами был самым удачливым на охоте. Красавица Динь родила ему двух сыновей и дочку. Все было хорошо, только нет-нет, да посмотрит Ами в сторону леса. Волчий зуб берег как зеницу ока. Прошло много лет. Умерли приемные родители, сыновья выросли. Когда принесли они с охоты свою первую добычу, достал Ами волшебный талисман, подул на него и в белого волка превратился. А волку среди людей не место. Ушел Ами в лес, а с ним и его красавица-жена. Не захотела мужа одного отпускать. Детям на память волчий зуб остался - соблазн леса. Никто не знает теперь, сколько потомков Ами ушло вслед за ним. И сколько осталось - еще не волки, но уже и не люди, всегда разрывающиеся между домом и домом...

НАЙТИ СЛОВА...

Настроение было не так, чтобы очень, а вернее и вовсе никак. Сломанный каблук - вещь, конечно, поправимая, но, во-первых, неизвестно когда, а во-вторых, совершенно точно неизвестно за сколько, да и профессор сегодня решил, что мечтательный взгляд студентки - признак: а) безнадежной глупости; б) витания в облаках; в) полного незнания материала, так как данное витание происходит почти исключительно на его (профессора) семинарах и лекциях. То, что светлый туман не исчезал даже во время довольно толковых ответов, наводило на мысль о какой-то аномалии.

Витает... его бы так...

Герой привязался совершенно неожиданно, в переполненном шумном автобусе. Ко второй остановке я уже довольно коротко сошлась с этим забавным и очень серьёзным парнем, а к середине третьей лекции появилась и Героиня. Потом лектор стал говорить быстрее, и эти двое остались наедине: им надо было познакомиться, а мне разобраться в вопросах исторической грамматики. В итоге у них там что-то возникло и срочно запросилось на бумагу... Дело оставалось за малым: найти слова.

Слова - существа странные. Их в любой дряни обитает великое множество, как микробов или молекул, но превратить их броуновское движение в стройность озвученных форм... Кому это дается с ходу - пусть бросит камень, счастливое создание.

Возвращаясь из института, я уже всерьёз задумывалась: а не прихлопнуть ли парня метеоритом (вещь вырисовывалась вполне фантастическая)? Но жаль было идею, да и смысла не имело: все равно оживет и будет шататься в голове бродячим сюжетом, пока не найдет куда приткнуться, а у меня и так подобных привидений хватает. Особенно весело по вечерам, когда они начинают выть и жаловаться, бедняги. Тогда ни строки, ни мысли...

Герой оказался весьма настырным, он набирался смелости у Героини, скромно стоявшей за его плечом, и требовал воплощения, но у меня были свои дела. Я, правда, рискнула пересказать сюжет подруге, надеясь разрешить одно затруднение. Ответ получила прямо-таки гениальный:

-Не мучайся, устрой им бурную ночь. Герой будет всецело за.

Я вздохнула. Да, так можно убить не то, что двух, а целую роту

зайцев сразу, только мне не хотелось без особой нужды лезть в личную жизнь героев. Пусть остается за рамками. Надо будет - Эммануэль из Героини сделаю, но это будет и другая Героиня, и другая история... А с этой историей у меня пока полная чушь выходила.

Оставалось ждать Музу.

Муза - полуночница, так что утренняя лекция о здоровом сне мне гарантирована, но что поделывать?

Итак, в пятом часу мой кухонный стол был довольно живописен. В центре композиции - я. Сюжет крутился, как белка в колесе, цепляя случайные факты, какой-то мусор пустых эмоций, а я сквозь все это пыталась продраяться. Герой протестовал: он не хотел уже участвовать в этой авантюрной истории, он подбрасывал все новые мотивы и сцены, рисовал что-то бесспорно заманчивое, но совсем не связанное с моим замыслом. Герой явно хотел жить долго и, главное, спокойно.

Все, что мне требовалось от сегодняшней ночи, - это лишь увязать одну милую сцену со всем предыдущим текстом (который я уже устала переделывать). Перекроила, как всегда, раз на двадцать, и ни один вариант не понравился (тоже дело обычное). Наконец, что-то стоящее прорезалось, и я бодро отстучала текст, но перечитав его, ужаснулась количеству личных местоимений, чтоб их! Растерянно огляделась и увидела... Музу.

Она сидела на краешке стола, задумчиво глядя в окно, как ученик на скучном уроке. Очень маленькая и совсем на Музу не похожая, только за спиной болтались пегие крылышки. Я молча вынула лист из машинки и протянула Музе:

- Это что за халтура?

Муза, ничуть не удивившись, прочла и согласилась:

- Да, действительно... - лист медленно упал на пол. Пожав плечами, предложила: - Ну, начни так...

- Постой, - возмутилась я. - Ты чего это мне диктуешь, ты меня вдохновлять должна, между прочим!

- Пятый час, между прочим, - передразнила Муза и добавила: - Не спится ей...

- А что это за крылышки? - не удержалась я от вопроса.

- Так... порхала тут над одним... фантазером. Лиру им подавай, танцы при Луне, видите ли.

Я невольно вспомнила представления некоторых авторов и почувствовала:

- Да...

Толку, впрочем, от моей Музы не было.

- А потом, ты ведь подумай! Что я должна делать, ты знаешь? Я мысли ваши должна с наезженной колеи сворачивать. Со словами - это уже ваши проблемы, а не мои! - разорвалось мифическое создание. - Ну зачем ты сегодня позвала, а? СЛЮ-ВА! Идеи, в лучшем случае... а!... - махнула она рукой.

С нехорошим предчувствием я спросила:

- И часто ты так диктуешь?

Муза что-то пробормотала и, не оборачиваясь, побрела в коридор, где исчезла, растворившись в воздухе.

... Часы отбивали восемь, но поздний зимний рассвет, даже если и был, не мог пробиться сквозь замерзшие стекла. Не было ни огня, ни истопанных в гнев листов, только пачка тетрадей сиротливо и испуганно сжалась в мусорном ведре. Надо было уже собираться. Натянув рукавицы, я открыла входную дверь и увидела, что окно в подъезде открыто: в темной раме вальсировал снег. Вились, уходя в небытие, строки прекрасного плагиата.

БУЛАНОВ Виктор

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Подул ветер. Я заворочался, оттого что стало холодно. Одна радость от ветра - комары исчезли. Летом я люблю спать на природе, растянувшись в гамаке. Единственное, что не давало выспаться, это назойливые, наглые кровососы. В доме их тоже полно (окна всегда открыты), зато здесь не так душно, поэтому мне больше нравится спать под открытым небом. Я приоткрыл один глаз и осмотрелся. Все как прежде: двухэтажный дом, сосновый бор, недалеко шумит речка и небо, усыпанное звездами. Вдруг в стоящей тишине я услышал незнакомый голос:

-Как же это тебя угораздило попасть под машину? У тебя какая-то способность попадать в истории!

Я завертел головой, пытаюсь увидеть говорившего. Однако вокруг никого не наблюдалось. Решив, что мне почудилось, я сильнее закутался в одеяло.

-Не знаю, учитель. Наверное, судьба.

Так, еще один. Что же вы, козлы, мне спать не даете. Что, дома поговорить нельзя? Вылезать из-под одеяла на холодный ветер абсолютно не хотелось. Если первый голос рисовал в воображении образ прожившего немало лет человека, то второй голос мог принадлежать только ребенку.

-Ты фаталист?

Ну, вот развели демагогию о неотвратимости судьбы.

-Нет. Я верю в то, что судьба представляет собой коридор, в рамках которого ты можешь спокойно двигаться!

Интересно откуда у тебя в голове такие мысли, мальчик? Или девочка?

-И кто же ставит рамки этого коридора? Бог?

Люди добрые, дайте поспать. Сначала комары все живые места съели, теперь вы проводите испытание для ушей! Когда я все-таки решился вылезти и найти разговорчивую парочку, в голове мелькнула мысль о том, что я не могу двигаться. Тогда мне захотелось закричать, после чего я с ужасом понял, что не могу издать ни звука. Я даже рта не могу раскрыть. Интересно, кому за это надо сказать спасибо?

-Человек сам ставит рамки этого коридора.

Так, ясно. Придется слушать их разговор. Что поделаешь, но если я до них доберусь, я им головы оторву. Я, когда не выплусь, всегда и всем обещаю головы оторвать. И эта моя практика обещаний длится уже больше десяти лет. Ни разу пока не претворил в жизнь, но сейчас очень хотелось это обещание выполнить.

-Если мыслить, как ты, тогда получается, я сам создаю себе неприятности.

Да получается именно так. И если ты не замолкнешь, у тебя станет на одну неприятность больше! Конечно, если я встану.

-Нет, я не это хотел сказать. Давайте я начну сначала, учитель. Человек может создать свою собственную реальность. Реальность со своими законами, существами. И рамки вы будете ставить тогда, когда создадите свою реальность, свой мир, когда сами станете Богом. Сейчас вы живете по законам, которые кто-то вам установил, и рамки вам ставит наш создатель. Для того, что бы самому ставить рамки коридора вы должны создать свой мир, построенный вами и отделить его от уже существующего мира.

-Главная проблема в том: как это сделать? Или это у тебя получилось, мой способный ученик?

-Нет. Я этого еще не делал, и боюсь, что не удастся. Наш со-

здатель решил сыграть в беспроигрышную игру. Он попытался лишить нас этой возможности, но я думаю всего предусмотреть невозможно. А это значит, лазейка есть, ее просто надо найти. Но если я ошибаюсь и предусмотрены все варианты нашей победы, тогда рано или поздно эта игра надоест, наскучит, и возможность его поражения будет допущена, иначе не было смысла затевать эту игру!

-Ладно, и мне, и тебе пора уходить, уже светает...

Спасибо, теперь можно и поспать, хотя какой сон, когда уже встает солнце. И тут я вспомнил одну теорию создания нашего мира, я прочитал ее в какой-то книге:

—Наш мир - чей-то сон.”

Скорей бы этот кто-то проснулся! Я так устал!

ТУМАН НАД ВОДОЙ

Крохотное озерцо, спрятавшееся от глаз людей в непролазном лесу. Чистая прозрачная гладь воды. Ничто не нарушает его покоя, все тихо и спокойно. Где-то вверху, в кронах вековых кедров, спят птицы. Изредка выпрыгнет из воды хариус, пытаясь схватить на лету неосторожную мошку. Наступает утро, и весь лес тонет в утреннем тумане. Тонет в белой дымке и озеро. В этом тумане ничего не видно дальше своего носа. Но все же плотный туман начинает медленно таять под солнечными лучами. Тает туман, окрашиваясь в желтый цвет. Раннее утро проходит, туман в лесу растаял, лишь над серебристой гладью воды он еще держится. Солнце всходит все выше и выше, а туман продолжает покрывать озеро. Лес начинает оживать: защелкали птицы, звери начали свою охоту. Солнце достигло юга, но туман плотной дымкой продолжает покрывать маленькое озерцо. Что-то происходит под его покровом. День идет на убыль, наступает вечер, ночь, снова утро. Туман все еще прячет озеро от взгляда. Лес вновь заполнился непроглядной белесой дымкой. Снова все замерло в ожидании нового дня. Снова встает день, туман окрашивается в золото, и начинает таять. В этот день, как и всегда, туман над озером растаял. Казалось, все как прежде. Кругом непролазная тайга, но куда-то подевалось озеро. Его нет на прежнем месте, теперь это место занято зеленой поляной, на которой маленькими точечками краснеет земляника.

Так магия проявляет себя в нашем мире. Но выдает себя

она только в тех местах, где нет человека, ибо боится магия, что человек поработит ее, как и все вокруг себя.

КАРПОВА Надежда

ВНУЧКА ЗОЛОТОГО ДРАКОНА

РОМАН. ГЛАВА ПЕРВАЯ

Принцесса Эльфея медленно шла по коридору, направляясь в Зал Торжеств, в котором сегодня давался бал в честь её дня рождения. Ей исполнилось десять лет. На принцессе было новое изумрудное платье, отделанное жемчугом, которое очень шло к её зелёным глазам. Её длинные, распущенные волосы струились по спине золотистым водопадом.

Коридор был залит мягким светом, льющим из изящных золотых люстр. Пол устилала синяя ковровая дорожка с красивым и гармоничным узором из золотых цветов. На стенах висели гобелены с пейзажами Эльдананда и портретами в золочёных рамах. Эльфее особенно нравился портрет молодого князя Эльдира. И теперь она остановилась, чтобы снова им полюбоваться. На портрете был изображён удивительно красивый юноша лет двадцати, высокий, стройный, с чёрными вьющимися волосами и светлыми янтарными глазами. А на его поясе висел один из тринадцати Великих Мечей, рукоять которого венчал прозрачный, голубоватый шарик с объёмным Тигром внутри.

Внезапно доносившиеся снизу весёлые голоса, музыка и смех стихли, и до Эльфеи донёлся тревожный гул голосов, оборвавшийся женским визгом. Принцесса замерла на мгновение (её хорошее настроение как ветром сдуло), а потом понеслась со всех ног по коридору. Спускаясь по лестнице, она услышала звон мечей и побежала ещё быстрее. Влетев в боковую дверь Зала Торжеств, принцесса оцепенела от ужаса. В Зале шло жестокое сражение, пол был залит кровью и усеян телами. Король Артин, стоя перед троном, отчаянно отбивался от смуглого блондина с черными глазами, в котором Эльфея с ужасом узнала графа Талена. Королева

Мелина стояла за троном, в отчаянии закусив губу и не зная, чем помочь. Она попробовала воздействовать на сражение своей магией, но наткнулась на такой мощный враждебный поток магии, что сразу обессилела и ничего не смогла сделать.

Внезапно король поскользнулся на луже крови и покачнулся. Граф Тален, воспользовавшись этим, сделал резкий выпад и пронзил его сердце. Король Артин покачнулся и, выронив меч, упал. Королева Мелина вскрикнула и, выхватив Драконий Кинжал, висевший в ножнах на её поясе, бросилась на графа Талена. Граф не стал с ней церемониться и с презрительной ухмылкой полоснул длинным мечом ей по шее. Королева, выронив кинжал, зажала горло руками, пытаясь остановить кровь, и медленно осела на пол.

В этот момент послышался ужасный смех. Эльфея вздрогнула, стряхнула оцепенение и посмотрела туда, откуда доносился смех. В открытых парадных дверях стояли лорд Риман и леди Морена и наслаждались зрелищем битвы. Смеялась леди Морена. Только взглянув на неё, Эльфея почти физически ощутила исходящий от неё магический поток и сразу же поняла, что именно она является зачинщицей этой бойни.

Внезапно принцесса мысленно услышала тонкий, отчаянный крик и почувствовала резкую боль, словно от её души оторвался кусок и исчез за гранью миров. Она снова посмотрела на своих родителей и, увидев, что её мать умерла, поняла, что слышала её предсмертный крик. В её душе поднялась волна гнева на тех, кто лишил её самого дорогого. Увидев, что граф Тален обернулся на смех леди Морены и сейчас стоит к ней спиной, принцесса стала тихо подкрадываться к нему, по дороге подобрав выпавший из руки матери кинжал. Но, когда она уже занесла кинжал над головой, граф вдруг резко обернулся и, увидев её, попытался увернуться, но поскользнулся в луже крови и стал падать. В результате кинжал вместо того, чтобы воткнуться в сердце, полоснул по левой щеке графа, оставив длинный глубокий порез от переносицы до мочки уха. Упав, граф сильно ударился, к тому же порез был очень болезненный и унижительный, особенно если учесть, что нанесла его десятилетняя девчонка. Поэтому он в бешенстве вскочил и со всей силы отшвырнул прочь нахалку, посмеивую его ранить. Эльфея отлетела назад и пребольно ударилась головой о ручку трона. В её мозгу словно взорвалась бомба, в глазах потемнело, и она стала проваливаться в черную бездну беспамьятства...

Тина проснулась вся в холодном поту и резко села на кровати,

бледная и дрожащая. Этот кошмар преследовал её уже целый месяц, не давая спать. Вот и сейчас: была середина ночи, а Тина знала, что уже больше не уснёт. От постоянного недосыпания она осунулась и похудела, черты лица заострились. Сейчас она выглядела несчастной, растерянной девчонкой, хотя ей уже исполнилось семнадцать лет. Усталая и измученная, она сидела на кровати, в отчаянии думая: неужели ей всю оставшуюся жизнь придётся провести без сна?

«Ну уж нет!» - решила она, быстро вскочила с кровати, наспех оделась, тихо выбралась из дома и босиком помчалась напрямик через поля к лесу.

Стояла середина октября, но было ещё довольно тепло. Урожай уже был убран, и вокруг деревни лежали голые поля. Тина бегом пересекла поля и остановилась на опушке леса. Оглянувшись, она увидела, как на западе за деревней заходит серебристо-голубая луна. В её холодном, призрачном свете деревня казалась мёртвой и брошенной. Тина вздрогнула и бросилась бежать так, словно за ней гнались ожившие ночные кошмары. Только отбежав подальше, она успокоилась и пошла медленнее, глубоко вдыхая свежий лесной воздух и прислушиваясь к ночным шорохам.

Было удивительно тихо, только ветер шелестел в кронах деревьев, да опавшая листва тихонько шуршала под босыми ногами. По всему лесу разливалось умиротворяющее спокойствие и тишина. И Тина сразу почувствовала себя лучше: спокойствие и тишина леса действовали на её измученную душу как бальзам. Она любила лес. Пожалуй, он был ей больше домом, чем дом её родителей в деревне. Тина всегда приходила в лес в поисках душевного спокойствия и утешения, когда ей было тоскливо или одиноко. А это было почти всегда, поэтому всё свободное от работы время она проводила в лесу. А самым верным другом ей был одинокий ормал, неведомо каким ветром занесённый почти на самую границу Диких Южных Лесов. Он стоял на прогалине перед небольшим обломком скалы, из-под которого бил родник. Ормал был удивительно красив. Стройный гибкий ствол, гладкая белая кора, таинственно мерцающая в темноте, серебристо-голубые резные листья - всё в нём создавало впечатление совершенной красоты и гармонии.

Тина пришла к ормалу, когда небо на востоке стало светлеть, и на светлом фоне проступили силуэты горных вершин. Она подошла к дереву и обхватила ствол руками, прислонившись щекой к гладкой коре. Как всегда, когда Тина подошла к дереву, листья ласково зашелестели, и в их шелесте ей почудился шёпот: «Не бойся. Всё

будет хорошо».

Внезапно у неё возникло предчувствие, что сегодня она встретит человека, который изменит её жизнь окончательно и бесповоротно. Но будет ли это изменение к лучшему? Месяц назад она уже встретила одного человека, который изменил её жизнь совсем не в лучшую сторону. Тина мысленно вернулась в тот роковой день...

Она возвращалась в деревню после прогулки по лесу. Солнце уже садилось, а до деревни было ещё не меньше часа пути. Поэтому Тина быстро шла по дороге, стремясь поскорее попасть домой, пока не стемнело, когда из-за поворота послышался топот копыт. Тина посторонилась, чтобы пропустить всадника, но тот, вылетев из-за поворота и увидев её, вдруг резко затормозил и странно засмеялся. Тина удивлённо посмотрела на него и застыла, поражённая его видом. Всадник был одет невероятно роскошно, но настолько небрежно и безвкусно, что выглядел просто шутком. Однако это впечатление сразу пропадало, стоило взглянуть на его лицо: смуглое, в обрамлении жёстких светлых волос, с мрачным взглядом чёрных глаз и жёсткой складкой губ, - оно создавало впечатление безжалостной жестокости и беспринципности. А золотистый шрам от переносицы до мочки уха делал его ещё ужаснее. Остановившись прямо перед ней, всадник принялся нагло её разглядывать, саркастически ухмыляясь, словно она стояла перед ним совершенно голая. Тина покраснела и отшатнулась, растерянно глядя на него и не зная, что делать. А всадник снова расхохотался и грубо сказал: «Что, малышка, у тебя всю храбрость отшибло вместе с памятью? Ну, ну, продолжай в том же духе. Такой ты мне нравишься гораздо больше. Возможно, я тебя когда-нибудь приласкаю». С этими словами он пришпорил коня и поскакал прочь. А Тина осталась стоять на дороге, то краснея, то бледнея, и не зная, что и думать...

С того дня ей каждую ночь начал сниться один и тот же кошмар, лишая покоя и не давая спать. Тина не знала, является ли он плодом её воображения, вызванным встречей с незнакомцем, или нет.

...Тина со вздохом поднялась, отряхнула юбку и пошла обратно в деревню. Она уже давно не считала дом в деревне своим, и ей тяжело было туда возвращаться. Поэтому она не пошла прямо, а стала забирать к югу, стремясь оттянуть возвращение в нудную повседневную жизнь. Уже совсем рассвело, и лес совершенно преобразился. Солнечные лучи отражались от жёлтых осенних листьев и разливались вокруг рассеянным золотистым светом, делая лес зага-

дочным и волшебным. Тина шла, упиваясь этой дивной красотой, и не заметила, как вышла на дорогу. По состоянию дороги она догадалась, что та вела на юг в Дикие Южные Земли, потому что туда уже давно никто не ездил, и дорога пришла в запустение. Каменные плиты, которыми была вымощена дорога, местами треснули и раскрошились. Кое-где из трещин выросла трава, а уцелевшие куски плит поросли мхом и почти скрылись под слоем прошлогодней листвы. Тина поняла, что забрела слишком далеко к югу, и, тяжело вздохнув, повернула на север, к деревне. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как позади, из-за поворота дороги, послышался цокот копыт, приглушённый мхом и опавшей листвой. Сердце Тины забило радостно и тревожно в предвкушении неведомых перемен в её судьбе. И почему-то именно теперь страх, который она испытывала перед переменами, исчез бесследно. Тина обернулась и решила встретить свою судьбу лицом к лицу.

В этот момент из-за поворота дороги выехал всадник на таком дивно-прекрасном коне, что у Тины перехватило дыхание от восхищения. Высокий, стройный, грациозный снежно-белый конь с гривой и хвостом серебряного цвета был дивным видением из сказки. Он шёл без седла и уздечки, и Тина подумала, что нет в мире упряжи, достойной такого красавца. Но всадник был одет в простую крестьянскую одежду и выглядел совершенно неуместно верхом на таком прекрасном скакуне. И так же неуместно на фоне крестьянской одежды выглядел очень дорогой красивый меч, висевший в ножнах на его поясе. Когда всадник подъехал поближе, и Тина смогла получше его разглядеть, она с изумлением увидела, что он как две капли воды похож на портрет князя Эльдира из её сна, только глаза не янтарные, а ярко-синие, да одежда далеко не княжеская. Во всём остальном сходство было поразительное, даже меч был тот же самый. И это сходство не могло быть случайным.

Юноша тем временем подъехал к ней вплотную и спешился. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом незнакомец улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, Прекрасная Фея, - его голос, певучий и чистый, задел неведомую струну в её душе.

– Здравствуй, - тихо ответила Тина, чувствуя, как под его взглядом испаряются все печали и тревоги.

– Скажи, далеко ли до ближайшей деревни? - спросил он.

– Нет, не очень. Я сама оттуда и как раз иду домой, - ответила Тина, невольно улыбнувшись.

– Тогда позволь мне тебя проводить, - попросил незнакомец с

улыбкой.

Тина молча кивнула в ответ, от волнения не в силах вымолвить ни слова.

Ранель медленно ехал по старой, заброшенной дороге, поросшей мхом и травой и устланной ковром опавших листьев, и размышлял о своей жизни. И думы его были невесёлые. Он вырос в глуши Диких Южных Земель, в маленькой хижине, и всю свою жизнь видел только одного человека - своего учителя, который его вырастил и воспитал. И до недавнего времени Ранель считал его своим отцом. Отец научил его очень многому. Управлять своей магией. Выживать в любых условиях. Всегда надеяться только на себя. Никогда не перекладывать на других то, что можешь сделать сам. Чувствовать истинную суть вещей под любой маской. Всегда отличать правду от лжи. И никогда не говорить, что что-то невозможно, прежде чем попробуешь это сделать. Основным принципом учителя Нолен был принцип: «В мире нет ничего невозможного. Возможно всё! Нужно только очень захотеть». И, следуя этому принципу, Ранель приобрёл много необыкновенных способностей. Однако о реальном мире Ранель знал только со слов учителя, да и эти-то сведения были двадцатилетней давности. Но ему нравилась такая жизнь, и он не собирался ничего менять. Только вот судьба не спросила его мнения, распорядившись по-своему.

Однажды Нолен тяжело заболел и, чувствуя, что жить ему осталось недолго, рассказал правду Ранелю о том, как девятнадцать лет назад он бродил по берегу после шторма и услышал детский плач. Он пошёл в ту сторону и за обломком скалы увидел разбитую лодку, в которой лежали измождённый старик в лохмотьях, годовалый ребёнок в дорогих пелёнках и один из тринадцати Великих Мечей (меч со Знаком Тигра). Старик был мёртв, а мальчик замёрз и проголодался. Нолен забрал ребёнка и вырастил, как своего сына, научив всему, что знал сам. Он сразу понял, что мальчик является наследником одного из Дворянских Родов, но не захотел упустить последнюю возможность передать свои знания ученику, хотя много кораблей ещё долго обыскивали побережье в поисках ребёнка. Он попросил у Ранеля прощения за то, что лишил его семьи и нормального детства, хотя мог вернуть его родителям. Но ему очень нужен был ученик, которому он смог бы передать свои знания. И Ранель не смог его не простить. А через два дня учитель умер.

И теперь Ранель ехал на север, в Эледлон - столицу Эльдананда, чтобы найти свою семью. С ним был его верный друг и товарищ

- конь Лоссар, - с которым он никогда не расставался. Стояла середина октября, но было ещё довольно тепло. Листья на деревьях пожелтели и стали осыпаться. Кроны деревьев тихо шумели под порывами ветра. Солнце недавно взошло, и его косые лучи пронизывали золотой полог леса, создавая золотистый полумрак, отчего лес вокруг казался волшебным и сказочным. Миновав очередной поворот, Ранель увидел на дороге молодую девушку - прекрасную, как фея. Она казалась естественной частью сказочного леса вокруг. Белая матовая кожа, золотистый водопад густых волнистых волос, изумрудные глаза, совершенные черты лица, великолепная фигура и дикая грация, сквозившая в каждом движении, - всё в ней было удивительно совершенным и прекрасным. Образ Прекрасной Феи портила только грубая крестьянская одежда, которая ей совершенно не шла.

Подъехав к ней, Ранель спешил и посмотрел ей в глаза, пытаясь понять, кто она такая. И не смог. Её будто окутывал непроницаемый туман тайны, сквозь который невозможно было прочесть её мысли. Глазами он её видел, а разумом не чувствовал. И ещё в её глазах было что-то такое неуловимое, что невольно притягивало взгляд. Ранель улыбнулся и сказал:

- Здравствуй, Прекрасная Фея.
- Здравствуй, - тихо ответила прекрасная незнакомка.
- Скажи, далеко ли до ближайшей деревни?
- Нет, не очень. Я сама оттуда и как раз иду домой, - улыбнулась Фея, став ещё прекраснее.

- Тогда позволь мне тебя проводить, - попросил Ранель, чувствуя, что, если он подольше побудет рядом с ней, он сумеет разгадать загадку её таинственной притягательности.

Прекрасная Фея молча кивнула в ответ. И они неспешно пошли по дороге. Когда прошло первое волнение от встречи и Ранель успокоился, он вдруг остро почувствовал, что в этой незнакомке что-то не так. В ней была какая-то неуловимая особенность, резко отличающая её от остальных людей, и дело было даже не в её магической непроницаемости. Но, сколько ни пытался, Ранель так и не смог понять, что же именно в ней не так. Ничего не добившись, он решил отложить решение этой загадки на потом и спросил:

- Скажи хоть, как зовут тебя, Прекрасная Фея?
- Тина.
- Имя самое обычное, - задумчиво сказал он, - но оно тебе совсем не подходит, как и твоя одежда.
- Другого у меня нет, - ответила она печально.

- Тогда я буду звать тебя Феей, если ты не против.
- Нет, - улыбнулась она. - Но почему ты думаешь, что моё имя и одежда мне не идут.
- Я не думаю, я это чувствую. Твоя одежда не подходит тебе примерно так же, как медная оправа не подходит бриллианту.
- То же самое я могла бы сказать и про тебя.
- Мне просто негде достать другую одежду, - спокойно возразил Ранель.
- А меч?
- А меч - мой по праву.
- Почему? - спросила Тина, уже догадываясь, каким будет ответ. Ранель молча показал ей свою правую ладонь. И Тина увидела на его ладони Знак Тигра. После этого у неё больше не осталось сомнений: этот юноша был сыном князя Эльдира. Но Тина никак не могла вспомнить, как его звали. Поэтому спросила прямо:
  - Как твоё имя?
  - Ранель.
- Тина повторила про себя это имя несколько раз, вслушиваясь в его звучание, и, наконец, сказала:
  - Это имя тебе подходит, но мне кажется, что тебе его дали не родители.
  - Ты права, это имя дал мне учитель. Но откуда ты об этом знаешь?
  - Чувствую, - уклончиво ответила она и глубоко задумалась.
- В этот момент они вышли из леса и перед ними открылся вид на деревню. Тина взгляделась во что-то на восточной окраине деревни и сказала:
  - Извини, но мне нужно бежать. Если я немедленно не явлюсь домой, родители с меня шкуру сдерут.
  - Может, мне пойти с тобой и объяснить им...
  - Нет! Ни в коем случае! От этого только хуже будет. Они мне запрещают даже приближаться к чужакам, и если они узнают, что я с тобой разговаривала, они меня точно убьют, - с этими словами она собиралась убежать, но Ранель удержал её за руку.
    - Мы увидимся снова? - спросил он.
    - Это зависит от того, как долго ты останешься в деревне.
    - До следующего утра. Я ещё не решил, какой дорогой ехать в столицу.
    - Ты едешь в Эледлон? - ужаснулась Тина, сильно побледнев.
    - Да. А что тут такого?
    - Ты с ума сошёл?! Или тебе жить надоело?! Это же само-

убийство! Как только ты переступишь черту столицы, твой меч подпишет тебе смертный приговор! И уж семью свою ты там точно не найдёшь! - с этими словами она подхватила юбку и понеслась напрямик через поля к восточной окраине деревни. А растерянный Ранель остался стоять на дороге, с изумлением глядя ей вслед...

ГРИГОРЬЕВ Евгений

КРИВОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

СКАЗКА

Ивану снилось, что он колокольчик. Он висел на шее у буренки и покачивался на ветру, звонко переливаясь трелью... Нет, он не маленький колокольчик... Он уже большой колокол на церковной башне. Бам! Бам! - оглашал он округу, похоже, созывая людей на какое-то городское собрание... Нет, он не колокол ... Он что-то другое... Что-то...

- Да что же это такое?! - Иван проснулся и включил настольную лампу. -Пять часов утра! Совсем ополоумели что ли?! - Он гневно рванул трубку телефона.

- Чего?

- Костров? - спросил мужской голос.

- Чего?

- Иван Владимирович?

- Чего?

- Что вы заладили: чего да чего! Вы Костров?

- Я... Владимирович... Костров... Чего надо?.. Блин...

- Иван Владимирович, тут такая ситуация... В общем, тетя Мотя умерла и...

- Как умерла?! - Сон, как рукой, сняло. - Какая тетя Мотя?! Где?!

- Да не волнуйтесь вы так...

- Я "не волнуйтесь"?! Как "не волнуйтесь"?! Боже мой, тетя Мотя умерла! Когда?

- Давно...

- Боже мой, давно умерла! Где? Куда приехать?!

- На "Речной вокзал", улица Кукурузника, 16-47...

- Еду.

Иван бросил трубку и, суматошно одевшись, бросился к выходу.

По дороге Иван так и не вспомнил, кто такая тетя Мотя, хотя перебрал, кажется, всех родственников с пятого колена. Когда он сразу подошел к нужному дому, Иван снова призадумался: не генетическая ли память вывела его именно к этому дому? И еще раз перебрал всех родственников, но опять - безрезультатно.

На лестничной площадке горел свет. Иван вдавил кнопку звонка сорок седьмой квартиры.

- Кто там? - услышал он голос.

- Я!.. Э... Костров Иван.

Дверь открылась. На пороге стоял маленький, щупленький мужичок (более точного определения не подберешь).

- Входите... Присаживайтесь... Боюсь, вы меня неправильно поняли...

- Как неправильно?

- Иван Владимирович... Это не ваша тетя умерла, это моя тетя умерла.

- Твоя тетя?

- Да.

- Тетя Мотя?

- Ну да.

- Ты что мне голову морочишь?! Ты же мне по телефону сказал: "Твоя тетя Мотя умерла."

- Да не говорил я, что ваша!

- Как же не говорил-то? Звонит в пять часов утра: "Такой-то, такой-то? - "Да, я." - "Приезжай скорей на похороны, тетя Мотя умерла, все собрались, одного тебя ждем."

- Да что ж вы врете? Не было такого!

- Да как не было? Ты чего меня за нос водишь? Ты меня за нос не води! Ты кто такой?

- Алексей Крышкин я.

- Родственник?

- Чей?

- Папы Карло! Чей! Мой родственник? Или нет?

- Нет.

- Ага. И тетя Мотя - не моя родственница?

- Нет. Просто... Да послушайте же меня! Что вы все время перебиваете?.. Тетя Мотя после смерти оставила завещание, в кото-

ром наказывала мне, как наследнику, отдать первому попавшемуся вот эту коробочку... Вот я и ткнул пальцем в телефонный справочник и попал в вашу фамилию...

- Так чего ж ты мне сразу все не объяснил? Звонит в пять утра: "Тетя Мотя умерла..." и я спросонья... С ума сошел?

- Вы же мне слова не давали сказать.

- Нечего было в пять утра звонить! Да чего ты ее мне суешь? Что там?

- Не знаю. Я в чужие вещи привычки лазить не имею.

Иван хмыкнул.

- А если там бриллиант?

- Что ж, тогда вы разбогатеете.

- Смотри, какой честный! А если я не возьму?

Щупленький пожал плечами:

- Тогда возьмет кто-нибудь другой. Навалом ду... Хм... То есть... Ну мне все равно, что вы сделаете с этой коробочкой. Хотите, прямо сейчас выбросите; хотите, отдайте кому-нибудь. Мое дело - вам отдать.

- Ладно уж, - сказал Иван, кладя коробочку в карман. - У тебя телефон есть?

- Есть... - Щупленький назвал номер. - А зачем вам?

- А я каждую ночь в пять утра буду звонить тебе и безобразничать в трубку. Чтоб тебе не спалось...

- Слушайте, вы!.. Идите отсюда! Все! Я свое дело сделал. Теперь уходите. Я, вообще, через полчаса уезжаю.

- Ты помяни мое слово! Я тебе житья не дам! Ты посмотри, какой выискался!.. - ругался Иван уже за дверь. - Честный какой, аж противно! В пять утра звонит, чтобы коробочку отдать! Интеллигент сраный! Коробочку отдать! Такое только в нашей стране произойти может!.. - сказал Иван, выходя на улицу.

Домой Иван добрался без приключений. Когда он зашел в квартиру, на столике у кровати зазвонил будильник, мол, подъем, Ваня, пора идти на работу. Снимая плащ, Иван нащупал коробочку, размером чуть больше спичечного коробка, о которой уже успел забыть. Он вытащил ее из кармана и стал крутить в пальцах. Стыдно сказать, но у Ивана в этот момент появился жадный интерес к содержимому. На работе у него не ладилось, а денег, как всегда, не хватало.

Иван прошел на кухню, где с помощью ножа расковырял коробочку на составные части. Внутри оказались цепочка с медальоном

и какая-то записка. Медальон оказался весь изогнут. Одна сторона была зеркальная, и Иван увидел в ней свое искаженное отражение. Цепочка - из бронзы. Барахло.

Записка была написана на листке в клеточку. Она гласила:

"Дорогой племянничек Алеша!

Зря ты открыл эту коробочку. Я о тебе была лучшего мнения. Но раз ты все-таки открыл ее, то сейчас же закрой и выброси куда подальше, потому что, как только наденешь ты этот медальон, не жить тебе на белом свете. Станешь ты сам не свой, и принесет тебе этот медальон одни лишь несчастья. Я бы давно уже выбросила, да муж (земля ему пухом) запретил.

Ни в коем случае не надевай его!

Целую!Тетя Мотя."

Иван взял медальон и уже по-другому посмотрел на него. Ничего нового он не заметил. Вот же стерва, подумал Иван, вот напиши она, что этот медальон надо надеть, носить и не снимать; что он оберегает от сглаза, проказы, леших и тому подобной галиматши, ведь ни за что бы не надел... А! Чушь!

Иван вспомнил, что ему скоро на работу и, бросив цепочку с медальоном на стол, пошел в душ.

Через несколько минут в кухню вбежал ни капельки не одетый мужик, остервенело проговорил: "Вот же зараза!", схватил цепочку с медальоном и скрылся в неизвестном направлении, оставив мокрые следы на полу...

...И ничего не произошло. Иван так и думал, что это все бабушкины сказочки. Напридумывала одна тетя Мотя, а другой - уши развесил и нацепил на себя цепочку с изогнутым медальоном, и стоит теперь перед зеркалом в ожидании какого-то невероятного чуда. Но таков, видимо, нынешний человек, что цепляется за любую надежду, какой бы она ни была чудной, а еще у него необычайно длинный и любознательный нос.

А чудо все не наступало и не наступало...

Позавтракав, Иван отправился на работу, где начался еще один муторный день. С утра у него все валилось из рук, ничего не получалось, в общем, как всегда.

Во время долгожданного обеда Иван и трое его извечных приятелей и собутыльников отдыхали от изнурительной работы. Ан-

дрей и Саня курили по второй сигарете и расставляли шашки на доске, Иван от нечего делать прохаживался вокруг, разглядывая станки и агрегаты, а Вася, вольготно раскинувшись на отопительных трубах, травил анекдоты.

- Жили два приятеля, - говорил он, - один хромой, а другой горбатый. Приходит как-то горбатый к хромому в гости, а хромой ему говорит: "Слышь, а куда твой горб, так-перетак, подевался?" - "Да вчера, - отвечает горбатый, - иду я по кладбищу, вдруг слышу: голос чей-то спрашивает: "Ты кто?" - "Я, - говорю, - горбатый." - "Нет, - говорит голос, - ты не горбатый..." - и чувствую - горб пропал. Вот ты тоже сходи, может хромать перестанешь." Хромой думал, думал... Короче, пошел он тоже на кладбище. Ну идет он, так-перетак, идет, слышит: голос спрашивает его: "Ты кто?" - "Я - хромой." - "Нет, - говорит голос, - ты не только хромой, ты еще и горбатый!"

Все засмеялись. У Васи было много анекдотов. На все случаи жизни.

- А вот еще, - сказал Вася, - анекдот...

- Ты туда не лезь, - сказал Андрей Ивану, - а то пятак твой зажмет, потом... - Андрей не договорил, потому что покатился со смеху. - Не, ну вы посмотрите на него!.. Не... Ну... О-о-о! О-ой не могу-у!

- Боже мой, ты что наделал! - заорал Иван, ощупывая лицо. - Ты что наделал, сволочь!

- Ой, какая прелесть, - сказал Вася. - Дай, нажму? Ну дай, попробую, а?

- Убери свои лапы! - Иван подошел к Андрею, схватил за грудки. - А ну верни, как было!

- Да как я тебе верну?

- Не знаю. Как сделал, так и возвращай.

- А как я сделал?

- Нет, ну дай нажму, а?

- Не знаю, как ты сделал. Скажи... Скажи, что у меня нормальный нос.

- Да нормальный, конечно, нормальный... как у поросенка. Эй, мужики! - заорал Андрей на весь цех, - Смотри, какой у Ваню пятак поросенчий!

- Андрюха! Последний раз предупреждаю! В ухо получишь, Андрюха! Скажи, что у меня нормальный человеческий нос!

- Да ладно тебе. Чего ты разошелся? Ну нормальный у тебя нос... человеческий, как прежде... О! Ни фиги себе!

Иван потрогал свое лицо, посмотрелся в "огрызок" зеркала и убедился, что нос у него такой, какой был.

- Вот это шутка! - сказал Саня. - И часто ты так шутишь?..

- Заткнись! - сказал Иван. - Ни слова обо мне, поняли? Ни слова...

Иван скорее отбежал от них подальше. К счастью, обед в это время подошел к концу, и Иван отправился на свое рабочее место.

Вот это медальон! Вот это да! Иван снял цепочку и положил ее в карман. Ну тетя Мотя! Ну интеллигент! Убью!..

Через полчаса Саня торжественно сообщил Ивану, что его вызывает начальник. После этого он заговорщицки подмигнул и осведомился: "Как ты думаешь, зачем?" Иван не знал, зачем. Но догадывался, что не по головке гладить.

-Привет, Леночка, - поздоровался Иван с милым личиком секретарши начальника.

-Ага, привет! - проворковала Леночка, отворачиваясь от компьютера с "Тетрисом" на экране. - А тебя Миша ждет...

-Чего ты его так: "Миша!"

-А просто так, - серьезно сказала Леночка. Она вообще всегда была очень серьезной и романтичной. - Как хочу, так и называю.

-Да ладно, ладно. - Иван потоптался на месте. - Не знаешь, чего ему опять от меня понадобилось?

-А ты сам не догадываешься?

Иван хотел ответить, что, бог его знает, что может вbredить в его лысую голову, но тут начальник вышел собственной персоной.

-А, Костров! Заходи, заходи! Гостем будешь. Леночка, если вечером позвонит моя жена - я в командировке.

-Конечно, Михаил Егорович.

-Ну заходи, заходи! - говорил Михаил Егорыч, подталкивая в спину Ивана. - Скромность - она хороша, если в меру. Присаживайся... Ну, Иван, что я тебе хотел сказать: ты на нашем заводе сколько уже работаешь?

-Три года.

-Три года, - кивнул Михаил Егорыч. - Это уже срок, да? Три года, значит, ты у нас работаешь, а до сих пор второй разряд имеешь, да? Ну а с таким разрядом, знаешь ли, только арматуру варить, да и то с опаской. Ты посмотри на Андрея Вякева - ведь из твоей же бригады. Выпивать, конечно, мужик любит, но - молодец! Что вы-

пивать - это жизнь сейчас такая, но работать - это ж руки золотые! А ты, значит, что делаешь?

-Что? - переспросил Иван.

-Правильно. Халтуру. Настоящую халтуру да еще самого низкого пошиба. Ты пойми, Иван, в наше время никак не обойтись без связей, денег или - на крайний случай - мозгов. Таких работников, как ты, Иван, при заводе держать экономически невыгодно. Соображаешь, что я хочу тебе сказать?

-Нет.

-Вот, вот... - Михаил Егорыч достал пачку сигарет и прикурил одну. - Не куришь? Нет? Молодец! Уважаю... Но ты не суетись. До конца месяца поработай. А пока подумай или место подыщи. Вот и все, что я хотел тебе сказать. Так что дерзай и эта... работать иди, а то время идет, а работа, знаешь ли, стоит, - сказал Михаил Егорыч, выпроваживая Ивана.

-Леночка, скажи, я что, правда, такой безнадежный? - спросил Иван с грустной миной на лице.

-Ну почему же сразу - безнадежный?

-Нет, значит? - Иван даже выпрямился, как бравый солдат. - А на свидание со мной пойдешь?

-Нет, я сегодня занята.

Плечи опять поникли.

-Не безнадежный, значит, а на свидание идти не хочешь, да?

-Я же говорю, что занята... И, вообще, ты просто не собранный - не можешь сосредоточиться на работе. Так я думаю. Ты можешь работать, если захочешь. Ты дисциплинированный, трудолюбивый. Так что еще не все потеряно... Ну ладно, иди, а то мне еще работать надо, сказала Леночка, поворачиваясь к экрану компьютера.

-Погоди, погоди! - У Ивана появилась идея. Он достал из кармана цепочку с медальоном и надел ее на шею. - Леночка, повтори, что ты про меня говорила.

-Ну вот, проиграла! - Леночка разочарованно ударила по клавиатуре. - Чего тебе еще?

-Повтори, что раньше про меня говорила.

-А зачем?

-Ну, надо. Повтори, пожалуйста! - сказал Иван, прислушиваясь к своим ощущениям.

-Ну... Ты не собранный - не можешь сосредоточиться...

Иван почувствовал, как теплая волна прошла по его телу, и ему вдруг стало до того скучно, аж...

-Нет, это пропусти, - сказал он.

-Ну...дисциплинированный ты, трудолюбивый...

Во-о-о! Иван почувствовал, как он просто встает ото сна. Чудненько!

-Здорово! - воскликнул Иван. - Спасибо, Леночка. Я сейчас...

И Иван бросился в кабинет к начальнику.

-Михаил Егорыч!

-Что за беспорядок! Костров? Опять ты? Почему не работаешь?...

-Михаил Егорыч! Каким должен быть хороший работник?

-Ага! За голову, значит, взялся, да? Ну, голубчик, слушай! Это "дело" я люблю говорить...

Вот это поворот! Иван уже в третий раз стоял в кабинете начальника, скромно выставив напоказ свои золотые руки.

-Молодец! - расхваливал его Михаил Егорыч, - Можешь, значит, работать, если захочешь. А я, идиот, три часа назад хотел тебе от ворот-поворот. А теперь посмотри на себя... Передовик! План в три раза перевыполнил! Молодец, быстро ты за голову взялся, а главное - вовремя. Теперь я тебя никуда... Слышишь? Ни-ни...

Михаил Егорыч посмотрел на часы.

-Ой-ой. Заговорился, я тут с тобой. Надо спешить. Дела, дела! Надо тут одну кралю навестить. - Михаил Егорыч подмигнул Ивану. - А ты молодец! Побольше бы таких молодцов! Глядишь, и экономику страны подняли бы... Ну до свиданьица. До свиданьица, Леночка. Ты не забыла мою просьбу?

-Нет, Михаил Егорович.

-Ну тогда: до свиданьица! - сказал он в последний раз и ушел.

-Слышала, что он говорил? -спросил Иван у Леночки.

-Еще бы не слышать! Он же теперь по всему заводу про тебя говорить будет, в пример ставить.

В голове Ивана появилась дерзкая, но не лишенная смысла идея. А что, если...

-Леночка, - предпринял он осторожную попытку, - а каким ты хотела бы видеть...своего избранника?

Леночка подозрительно посмотрела на Ивана поверх очков.

-Чего это ты задумал?

-Ну скажи: каким я, например, должен быть?

-Боюсь, что ты все-таки не будешь.

-Ну просто представь себе: каким я должен быть?

-Уф! - Леночка мечтательно закатила глаза. - Он должен быть... Ты должен быть... высоким, стройным блондином... с небольшими усами и бородкой... в доспехах, с красным плащом на спине и на белом коне!

Леночка посмотрела на Ивана.

-Ой! - сказала она.

-Что - ой? -спросил Иван, пытаясь слезть с коня так, чтобы не сломать себе шею.

-Готова поклясться, - сказала Леночка, проверяя на месте ли ее очки, - что пять минут назад у тебя не было этих усов... и доспехов, и плаща, и коня вот этого... А теперь ты как рыцарь!

Реакция не замедлила проявиться:

-Мадмуазель! - Иван опустил на одно колено. - Вы покорили мое сердце! Отныне и навсегда я принадлежу вам! Позвольте вас пригласить на чашечку кофе!

-Ишь, какой прыткий! Совсем как нынешние... А где же куча комплиментов?

-Будет вам эта куча... О, мадмуазель, вы, как дикая роза: такая же очаровательная, завораживающая своей изысканной прелестью и такая же... Впрочем... Прошу вас, позвольте мне, как верному псу, проводить вас сегодня до дому, закрывая вас грудью от злых бандитов и свирепых наркоманов! Позвольте же облобызать вашу белую ручку!

Леночка, внутренне содрогаясь, подала руку.

-Но я сегодня не могу. Я другому обещала...

-Рыцарю?

-Да нет, какой он рыцарь! Так один знакомый писатель... - Леночка махнула рукой. - Фантаст.

-Я так и думал, что это романтик, - презренно сказал Иван. - Я убью его! Вы должны принадлежать только мне!

-Тихо ты! - сказала Леночка. - Сюда сейчас весь цех сбежится.

-Так что - до завтра?

-Да, да, до завтра! - мечтательно проговорила Леночка.

Иван еще раз сказал: «До завтра!» и, поклонившись, удалился за дверь. Здесь он шумно выдохнул и чуть не упал, - он только сейчас понял насколько тяжелы доспехи.

-Эй рыцарь, - услышал он из-за двери голос Леночки, - коня забери...

Иван по уже привычному маршруту пошел на трамвайную остановку. На его лице играла блаженная улыбка.

Вот это оборот! За один день стал передовиком производства и добился свидания у чуть ли не самой красивой девушки на заводе! А дальше, если подумать, можно стать каким-нибудь выдающимся ученым. Хотя, нет, ум - это все-таки... Его набираться надо. Лучше какой-нибудь кинозвездой. И чтоб роли с перевоплощением. Уже неплохо!

Ай да тетя Мотя! Расцеловал бы.

На остановку подошел «восьмой» трамвай. И, как всегда, в нем складывалась, что называется, интимная обстановка. Ивана толкали в спину, так что ему оставалось только переставлять ногами.

-Куда ты прешь, придурок! - сказал, оборачиваясь, молодой широкоплечий парень.

Иван улыбнулся.

-Ну че ты лыбишься, как идиот!

Иван улыбнулся еще шире.

-Вот дерьмо! -сказал, отворачиваясь, парень.

Пассажиры восьмого маршрута зажали носы.

24.09.2001 - 27.09.2001

ЕГОРОВ Константин

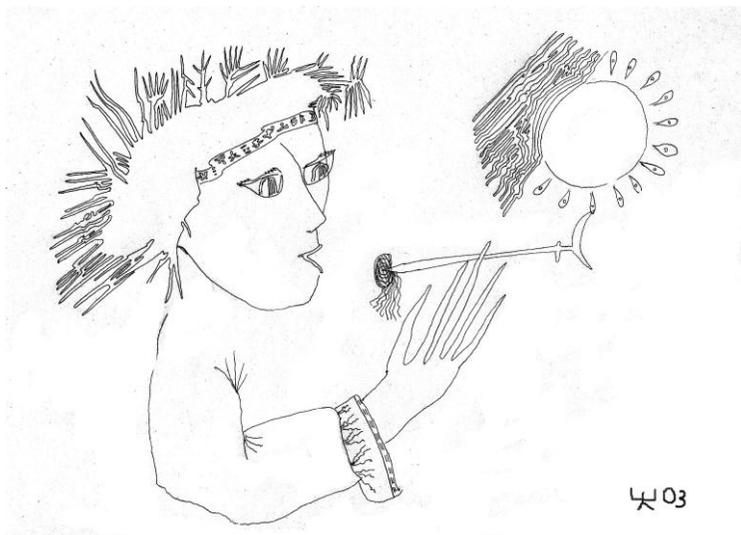
СОЛНЫШКО НА КУРЬИХ НОЖКАХ

Жило-было солнышко на курьих ножках. Ночью его ножки плавали в теплой морской воде, отдыхали. А днем бегали по синему небосводу. «Здрась-сьте?» - удивленно спрашивало солнышко. «Здрась-сьте», - охотно отвечали ножки. Так начиналось каждое утро. «Ох-х-х», - облегченно вздыхал небосвод, обнимая и то, и другое. Смородишно курчавилась борода небосвода. «Да-да-да-да», - плакали птицы небесные, полетные, бело-голубые. «Брось - синь, брось - синь», - синеоко тонуло в высоте самое глубокое, гулко отдаваясь внутри всего. «Все?» - недоумевало все и не верило самому себе: «Так просто?». «Если бы», - отвечало солнышко, тоже самому себе: «Ножками потопашь, ручками похлопашь». «И то правда», - понимало все: «Работа не волк, в лес не убежит».

И тут, то ли на беду, то ли на счастье, выбегал волк. «Счастье-то, счастье какое вокруг!» - радовался волк. «Не замай, дай подой-

ти», - ласково говорили глаза небосвода, глядевшие, кажется, в самую душу волка. «Ножки короткие курины, ручки белы лебедины», - весело пела волчья самость, называемая еще эго. «Экие вы смиренные мои», - опять радовалось все вокруг. «А то как же», - перекивалось с собой все, даже волчье. «Какая гармония в природе», - восхищалась природа: «И солнышко дружит с ножками, и волк с собою в ладу, чего бы еще пожелать?». «А пожелай плохого!», - следуя своей природе, провоцировал волк. Или то была лиса? Впрочем, неважно.

И точно, «хороши весной в саду цветочки», - откровенно завидовало происходящему вокруг все темное и плохое, которому нет места в этом мире. «А поворотись-ка, сынку», - озадаченно говорило хорошее плохому. «Ну и как?» - осведомлялось плохое. «Да вроде ничего», - недоуменно отвечало хорошее, пытаюсь понять, в чем же дело! «Ох-х-х», - тяжело вздыхал небосвод, обнимая и то, и другое. «Не журись, брат, прорвемся», - беззаботно каталось солнышко, намекая на собственную повсеместность. «Прорвемся, дождеком, прольемся», - грустно смахивал слезу с широкого лица небосвод.

403

Рис. К. Егорова

«Какая природа-то гармоничная», - мечтательно думал волк Неработа: «Не работай или работай - все все равно образуется. Или все образуется все равно». Так, путаясь в мыслях, волк Неработа

проникал в области запредельного, философски осмысляя сущее, его причины и следствия, альфу и омегу, умберто и эко... «Вот это да, - думал волк дальше, - волк я или бабочка, которой снится эта действительность».

И тут, как по заказу, являлась та самая бабочка, которой пришлось по вкусу и действительность волка, и курьи ножки солнышка, и это всеобъемлющее эго. «Ого! - говорила бабочка, - тут действительно очень гармонично, и уезжать отсюда ну никак не хочется!» «Так давай останемся здесь, у озера», - отвечал волк Неработа. «Давай!» - весело встряхивала кудряшками молоденькая такая симпатичная бабочка. И тогда курьи ножки начинали гулять по сердцу волка, да и по сердцу бабочки тоже. «Ой, кто это внутри нас гуляет?» - удивлялись оба. Но ответом им было молчание. Молчала целая Вселенная. Потому что некрасиво выдавать тайны. Пусть даже и самому себе.

ШКОЛА КРАСНЫХ ШАПОЧЕК

Жили-были семь Красных Шапочек. Это был такой малинник специального назначения. Там, в лесных угодах, девушки не только варили красну ягоду, но и разрабатывали всевозможные приемы восточных единоборств. Это было славное и сладкое время. У них боевые приемы назывались интересным образом: «Рябиновые бусы», «Зимняя вишня», «Украденный поцелуй». Романтичные девчонки, что и говорить.

Красные Шапочки дружили с гномами. Тысячу лет, и при этом плодотворно. Постоянно те и другие отвечали любезностью друг дружке. Гномы девушкам малиновые посадки от гли берегли, погоду предсказывали. А Красные Шапочки гномов пирогами угощали да фруктовыми салатами. Вкусно, аж страсть.

Иногда девчонки шалили. Бывает, проберутся в берлогу к гномам глубокой ночью, и ну их закидывать подушечками с яблочной начинкой. И смешно, и весело, и сиропно. Как все вымажутся в сладкой жидкости, так бегут к реке ополаскиваться. Ну, уж тут гномы не остаются внакладе: понарошку топят красавиц, хватают их за руки да за ноги и всячески их веселят и радуют. Шум, крики, визги до самого рассвета. А потом спят вповалку до обеда. Вот безобразие!

Однажды проснулись Красные Шапочки одни, удивились и обиделись. Гномы раньше их встали и ушли. Небось, ореховый мед на обед добывать. Обычно, когда пошालят, вместе за медом ходят. А тут их нет! Как говорится, пришла беда - нечего на зеркало пенять. Расстроились Красные Шапочки. Когда шли домой, заглянули к гномам в берлогу, а там ужас тихий. Все комоды наизнанку вывернуты, все рукописи со стихами на полу лежат. Бардак, и вокруг пусто и печально. Поняли Красные Шапочки: за гномами приходил гномоед. Ну и чудовище! Один глаз у него, да и тот на спине. Поэтому, когда гонялся за гномами, всей мебели под ногами не видел, а хватал гномов подряд, как бог на душу положит. Да откуда в нем бог возьмется, безбожник он, шайтан, каких свет не видывал! Так решили Красные Шапочки и пошли гномов из беды выручать.

Гномоед жил в пустыне. И не было у него ни пещеры глубокой, ни берлоги высокой, а была нора. Эта нора у него осталась с тех самых пор, когда гномоед спасался от Добровольческой армии Моисея Великолепного. Ровно сорок лет эта армия охотилась на гномоеда, блуждая по пустыне, но так и не смогла раздобыть коварного разбойника.

Еще на гномоеда в одиночку ходил охотник и плотник Иисус с рыбацкой сетью. Иисус мог все - подстрелить белку в глаз, построить дом, выловить карася на обед. А уж гномоеда изловить - в два счета. Испугался такой беды злодей и стал предлагать Иисусу все царство земное, а также подземное и космическое - так, на всякий случай. Взял тогда Иисус этого плута за бороду и сказал ему ласково: «Изыди, дух лукавый», а потом засунул его в его нору. Смутился гномоед и так там и остался, жить-поживать и добра наживать.

Но разве добра наживешь с такими вот замашками? Не сидится гномоеду на месте. Ведь не всех еще гномов на земле извел-покушал. Взял мешок, глубокий, как ночь перед самым рассветом, и отправился за добычей.

На пляже подобрал одних гномов, подошел к берлоге, забрал остальных, спавших. Конечно, побегал за ними малость. И пришел к себе. Сказал им: есть вас буду. Или жрать. Сами выбирайте. Главный гном сказал: может быть, ты нас и съешь. А сожрать не в силах. Просто-таки лишен выбора. Гномоед сильно удивился. Как это так? Разве съесть и сожрать - не одно и то же? Нет, конечно, - ответил гном. Сожрать нас у тебя просто не получится, съесть - еще туда-сюда. Скорее всего, тебе по силам сжевать нас, заедая черным бородинским хлебом и запивая белым столовым вином, чтобы не заработать заворот мозгов. Вот открой рот.

Гномоед послушно разинул пасть. Гном надел противогаз и полез внутрь. Подпер еловым бамбуком верхнюю челюсть, поширился во рту и выпрыгнул. Ну, говорит, состояние подлинно катастрофическое у 227 зубов, 134 зуба надо лечить немедленно, остальные будем драть без разговоров.

Гномоед так и сел, как стоял.

- Братцы, - говорит, - вы ж меня без ножа режете.

- Не журишь, чувак, - ответил гном, - где наша не пропадала, когда ваша на неделю загуляла. Тут гномы взяли шанцевый инструмент, который у них был с собой буквально всегда, и давай прыгать в зловонную пасть гномоеда.

В тот самый момент в нору злодея вошли семь Красных Шапочек. Увидев прыгающих в глотку гномоеда лесных жителей, Шапочки с криками «Ату!» и «Банзай!», бросились на обидчика.

- Ай-ай! - закричал гномоед и выплюнул всех гномов. - Что за бабы шальные?!

- Ах, злодей, ах, гномед, ты хотел съесть на обед наших маленьких друзей! Получай теперь, злодей! - закричали боевые подруги и вырубили гномоеда. Старший гном достал свирель и стал играть «Прощание славянки», печально проливая слезы. Остальные сняли с голов колпаки и стояли, понурившись.

- Ты что-нибудь понимаешь? - спросила одна Шапочка другую. Обе пожали плечами. Самая маленькая Шапочка неодобрительно покрутила пальцем у виска. Тут гномоед запыхтел, заворочался и открыл глаза.

- Друзья любезные, - обратился он к гномам. - В те минуты, когда душа моя достигала ближайших пределов заоблачных высот, чтобы найти там себе приют и покой, услышал я неземную мелодию, производимую вами и вашим удивительным инструментом, а потому спустился, дабы узнать великую тайну: как вам удается извлекать из столь простых вещей столь волшебные звуки.

- Ура-а-а! - закричали гномы, а девушки решили, что их друзья окончательно спятили, и тут же потребовали объяснений.

- Да что тут объяснять! - возмутились гномы. - Имеющий зрение да узрит: больного излечила музыка.

- Но! - поднял указательный палец вверх старший гном. - Предстоит операция по излечению зубов. Однако для обезболивания нужны красивые женские голоса к исполнению кантат и арий великих мастеров прошлого.

Красные Шапочки подумали немного и согласились.

- Ура-а-а! - снова закричали гномы, взяли шанцевый инструмент, который был у них с собою буквально всегда, и прыгнули в пасть доброму гномоеду. Девушки тем временем запели чарующими голосами эгейских сирен, уводя сознание больного извилинами дорогами времени.

Что и говорить, операция прошла на славу. По ее завершении гномы научили гномолова (так корректно прозвали его гномы) играть на свирели. Красные Шапочки во имя вечной взаимной дружбы исполнили танец живота. А затем все вместе выпили вина и пошли купаться на речку.

А когда заходило солнышко за горизонт, гномолов вновь исполнил «Прощание славянки». Очень тихо и печально.

ВОЛОШИНА Дина

ПОЕДИНОК

...И вышел он, чтобы говорить с ними, и вышел, чтобы сражаться и умереть. То был десятый и последний потомок бога Ира и проклятье венчало его чело вместо короны. Он пал, и Звезда Кленовых Листьев ушла в закат...

Хроники Эстарона и Стены Предела "О падении Альт-на-Ира"

Я вышел, чтобы поговорить с ним. Все было честно, как и договаривались, — я был один и без оружия, если не считать клановый нож, спрятанный под плащом. Маг тоже был один. Мы стояли и смотрели друг на друга, и это продолжалось довольно долго. Я молчал, потому что кроме просьбы снять осаду мне сказать было нечего, а я никогда не унижался до просьб.

Наконец маг заговорил, предлагая сложить оружие и обещая неземные кары на наши головы в случае отказа... Я ожидал этих слов и поэтому продолжал молча стоять, давая ему возможность высказать все и больше не вспоминать об этом. Мне было плохо - болела раненая рука, а ноги подкашивались от голода, но внешне я являл собой образец спокойствия и хладнокровия, так мне казалось, во всяком случае.

Маг закончил не так, как я ожидал. Он внимательно посмотрел на меня и неожиданно спросил:

- Я слышал, что в крепости находится один из принцев. Это правда?

Я улыбнулся, первый раз за несколько дней. По моему виду вряд ли можно было узнать наследника Эстарона - я был в простой одежде, ни золота, ни самоцветов, ни короны, и ссадина на левой щеке - несколько дней назад я вылетел из седла, и смог вблизи рассмотреть каменистую землю Ира. Правда, несмотря на осаду, я продолжал носить свои геральдические цвета - черный, зеленый и серебро, но маг, видимо, плохо разбирался в этом.

-Ты не ошибся. Это я.

- Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать глупости от самозванца... — начал маг, но я быстро достал из-за пояса нож — гарда золотом Кленового Листа, королевская монограмма на клинке. Маг уставился на него, а я специально держал нож так, чтобы он мог хорошо видеть все знаки Высшей королевской власти. Предвидя его следующий аргумент о том, что нож можно и украсть, я закатал рукав, обнажая плечо. Рисунок, сделанный мне еще в детстве, когда я получил имя, хорошо сохранился, если не считать шрама, пересекавшего изображение. Маг только вздохнул, увидев тот же символ, что и на ноже, - Кленовый Лист и венчающая его корона.

-Убедился? - холодно спросил я. - Я Райен Арнкейский, бывший Райен Доминик, наследный принц Эстарона... прямой потомок Ира.

- Может быть... но я не чувствую в тебе Силы... Где она? Какой по счету ты потомок Ира? Одиннадцатый? Измельчали что-то Истинные короли, небесная кровь изрядно разбавлена, хоть вы и женитесь на своих сестрах.

Я пропустил это мимо ушей, хотя в любое другое время маг лежал бы уже с перерезанным горлом. Вот тогда он и предложил мне поединок. Любой воин с нашей и с их стороны, сражение насмерть, выигравший получает крепость.

Я не думал долго, я согласился сразу, хотя понимал, что с нашей стороны кроме меня идти некому, а маги наверняка выставят какую-нибудь тварь из преисподней...

...Я встал, закрепляя последний ремешок на перевязи, держащей меч. Мне было неудобно действовать одной рукой, и поэтому я провозился дольше, чем обычно.

-Плащ! - крикнул я в пустоту зала и поразился, насколько изменился мой голос, - фраза прозвучала отчаянно и по-мальчишески звонко.

Подошел Ларс, в руках он нес мой плащ и еще какие-то вещи. Я заметил, что он отвел глаза, когда я взглянул на него, и меня снова холодом по коже продрало. Ощущение обреченности смертника вновь вернулось, и не могу сказать, что это прибавило мне решимости перед боем.

- Ваше высочество, подумайте еще раз... - заговорил воин. Я не выдержал:

- Ларс! Ты же сам знаешь, у меня нет выбора! - тут мой голос сорвался на крик.- О боги! Я так устал, что уже в руках себя не держу,- простонал я.

- Я принес поесть.- Ларс вытащил кусок хлеба с тонким ломтиком мяса. В его огромных руках он смотрелся совсем маленьким, но от этого не менее притягательным.

- Откуда? - я вцепился зубами в хлеб и через мгновение только с сожалением вытирал руки. В крепости уже неделю было очень плохо с едой, и с тех пор как мы делали последнюю вылазку, я вообще ничего не ел.

- Я оставил специально для вас. Так может быть...

- Нет. Я иду. Помогите мне.

Ларс вздохнул, а потом соорудил черную тканевую перевязь, на которую положил мою раненую руку, чтобы она не мешала во время поединка. Я только скрипнул зубами, когда Ларс неосторожным движением задел рану, но, по-моему, он этого даже не заметил.

Я взял здоровой рукой меч и несколько раз крутнул вокруг себя. Ларс озабоченно осматривал меня с ног до головы.

-Ларс! Я одинаково хорошо сражаюсь обеими руками! - бодро соврал я. - И мне все равно, держу я меч в правой или в левой руке. Помогите мне надеть плащ.

В тот же миг я почувствовал на плечах тяжесть ткани, Ларс скрипнул фибулой у меня под горлом.

Я сначала хотел надеть шлем, но потом передумал, - если все будет так, как я думаю, он меня не спасет.

Я начал озираясь, но тут понял, что просто ищу повод остаться, потому что мне страшно! Я сколько угодно мог кричать, что мне нечего терять, что я всю жизнь играл со смертью... но все равно... себя не обманешь.

- Все! Я иду! - выдавил я и бросился вперед. На самом деле я не бежал, а шел быстрым шагом, но как неотвратно быстро приближался выход!

Свет проникал сквозь бойницы и ложился на пол пыльными полуovalами, а когда опустились ворота, Солнце ударило мне в глаза... попрощалось... и ушло за тучи.

Ветер рвал плащ с моих плеч, а фибула врезалась в горло. Я стоял в назначенном месте, недалеко от крепостных стен. Опускались сумерки. На порывы холодного, пронизывающего ветра рука, лежащая на перевязи, отвечала тупой, ноющей болью. Я попробовал прикрыть ее пологом плаща - все ж полегче.

А потом появился Он. Это сейчас я говорю так просто - Фантом, а тогда я в оцепенении глядел на фигуру нечеловеческого роста, закрытую плащом... тени она не отбрасывала. Наверное, Солнце решило, что он не достоин его, но мне-то от этого не легче.

Я выпрямился, и вскинул клинок в салюте. Фантом не ответил, он даже не шелохнулся. Ну да... слишком разная цена поражения. Если проиграет он, то исчезнет нелепое порождение магии, а его хозяева останутся при своем - снимут осаду с крепости. А если проиграю я... то потеряю не только жизнь, но и Альт-на-Ир, и своих людей, в общем, все, что у меня осталось.

Я сглотнул, но во рту пересохло. Фантом продолжал стоять - капюшон надвинут, ни глаз, ни лица не видно. Я сделал пробный выпад, но никакой реакции. Пришлось атаковать первому. И когда мне казалось, что мой клинок вот-вот распластает ткань его плаща, Фантом со змеиной скоростью отстранился, а от его контратаки я чуть не выронил меч, пальцы словно онемели.

Потом роли поменялись. На меня посыпался град ударов, которые я чудом успевал отражать. Я отступал, клинок мелькал у меня перед лицом. Тут раздался странный свист, и атака прекратилась совершенно неожиданно. И только еще через мгновение я закричал от резкой боли, сгибаясь: Фантом, словно издеваясь, двумя ударами рассек перевязь и срезал повязку с раненой руки... вместе с куском кожи.

Я на мгновение коснулся лба крестовиной меча, прикосновение стали меня отрезвило, и я готов был продолжать бой. Боль и запах крови сильно подействовали на меня, я чувствовал, что ярость поднимается к моему сердцу, а в голове ясно, как никогда. Я опасался, что это ненадолго, и, выкрикнув имя Галии, атаковал.

Возможно, мне даже удалось бы выиграть поединок, если бы мой противник был обыкновенным... но он им не был.

Я поставил блок, и снова перешел в атаку. И тут мне на мгновение показалось, что разум мой помутнел, я покачнулся, инстинктивно закрывшись мечом. Это меня и спасло - удар, нацеленный мне в голову, сбился, и только чиркнул по лицу - через висок. Я отскочил, вытер кровь с лица и вскинул глаза...

Даже сейчас, когда я вспоминаю, ЧТО я увидел, у меня кровь стынет, а что было тогда...

Я знал, что Фантом может менять внешность, но что он при этом проникает в подсознание и принимает образ твоих тайных кошмаров... Этого я не знал.

...Я медленно пятился, не в силах отвести глаза от того ужаса, который стоял передо мной. Фантом шагнул ко мне, раздался крик. Через мгновение я понял, что крик исходит из моего горла, крик отчаяния и безнадежного ужаса.

Я отшвырнул в сторону меч и упал ничком на землю, закрыв голову руками. Меня трясло.

Я недолго так пролежал. Тяжелые шаги, и ступня противника, словно налитая свинцом, опустилась на мою спину, чуть выше лопаток, придавив к земле. Я словно очнулся, и дернулся в сторону, но бесполезно - я был распластан в грязи и должен был до конца испить горькую чашу побежденного.

Послышался треск рвущейся ткани - Фантом разодрал мою рубашку и обнажил спину. В тот же момент к моей коже прикоснулось железо. Я вздрогнул, но противник не обращал никакого внимания на меня. Он медленно водил острием клинка по моей спине, словно примеряясь, а потом нажал чуть сильнее. Выступила кровь, а Фантом повел клинок вниз, продолжая разрез.

Я резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы и глухо застонал - больше от стыда, чем от боли, потому что я понял, что делает противник. У воинов был обычай вырезать свой знак на спине побежденного, который проиграл не достойно, а как трус и предатель. Никогда не думал, что мне придется испытать это. Я закрыл глаза - мне на мгновение представилось, что меня видит моя мать, Галия, все, кого я любил и кого уже нет на земле. Я приду в чертоги богов, где увижу их, но захотят ли они говорить со мной? Знак навечно отметит мое тело и мою душу...

Я молча выдержал унижительную и болезненную операцию, потому что знал - жить мне осталось совсем немного, так хоть умру без стопа и крика.

Наконец он закончил, но его нога все еще прижимала меня к земле.

- Ну, чего ждешь?! - простонал я, вскинув голову, - Добивай, гадина!

Фантом убрал ногу и встал надо мной. В этот момент я мечтал только об одном, чтобы все произошло как можно быстрее...

Я чувствовал, как он поднял обеими руками свой меч, острием вниз, замахиваясь для удара.

- Мара, в твои руки отдаю себя... - прошептал я молитву Деве Смерти. - Мара... А-а!!!

Я заорал, когда меч Фантома воткнулся мне в спину, возле правой лопатки. Фантом нажал, и я почувствовал что клинок проходит насквозь, разрывая плоть и ломая кости. Еще один нажим, и меня пригвоздило к земле, крик, раздиравший мою грудь, сменился хрипом, рот наполнился кровью.

Меня трясло в агонии, свет померк, я не воспринимал ничего, кроме холода железа, пронзившего мое тело. Я захлебывался в крови, умоляя богов забрать мое сознание и избавить от мучений тело...

Тут словно пелена накрыла меня, или воздух качнулся вниз и тут же вернулся обратно, и я понял, что все еще жив. Это было нереально, невозможно, я дернулся, и глотнул, хотя каждый вдох заставлял стонать от боли. Я понял, что какой-то маг поддерживает во мне угасающее сознание и не дает умереть... Значит, еще ничего не кончилось?! Им было мало моего позора, моего унижения!

Я опустил голову и прижался щекой к ледяной земле. Я был повержен, раздавлен. На спине сочился кровью и горел Знак. Знак моего предательства.

Я скрипнул зубами. Как все начиналось... и как все кончилось... Ну что ж. Нельзя требовать невозможного, это был *Фантом*...

Я приподнялся, но меч в ране заставил меня изогнуться от боли и упасть обратно. В голове бились строки песни, которую я слышал от одного менестреля, давно, еще в Арнкее:

—.. Чтоб после “Это был боец!

Пускай проклятье нес с собой,

Пусть проиграл последний бой,

И страшен был его конец”...”

Я вздрогнул - настолько было похоже... Кровь стекала со спины по ребрам и впитывалась в землю, а я, выгнувшись, насколько мог, кричал слова песни: ”Пускай проклятье нес с собой, пусть

проиграл последний бой!...”, голос срывался, но я продолжал выкрикивать слова песни, как последнее заклятие, или молитву, или вызов, а может быть, все вместе...

А потом я лежал, так же беспомощно пригвожденный к земле, и смотрел, как пала крепость Альт-на-Ир, как наемники магов убивали моих людей и жгли замок. Я не мог ничего сделать, я мечтал потерять сознание, чтобы не видеть этого и не чувствовать смертельной боли. Но я жил. Все было сделано на моих глазах...

...Через несколько часов мне было позволено умереть. Но... боги не были столь милосердны ко мне и не приняли в свои чертоги. Я потерял свой мир, но остался жить, если это можно назвать жизнью.

Мне говорили - —ты предал, и должен избыть проклятье.” Наверное, этими записями я пытался как-то объяснить и очистить свою совесть хотя бы перед другими. Перед собой я этого сделать не смог... И страшен был его конец...

Это написал я, принц Райен Доминик Арнкейский, в год 1234 по местному исчислению и в год 632 от Прихода.

БУРМИН Петр

ГОСТЬЯ

Был на исходе один из тех ясных, похожих на девичьи косынки с голубой каемкой дней, которыми уходящее лето словно машет нам на прощание.

Знаменитый писатель-фантаст, чье имя широко известно читающей публике, вышел из калитки собственного ранчо, чтобы прогуляться в его живописных окрестностях на сон грядущий. Ему было лет за пятьдесят. Несмотря на излишнюю полноту, а может быть, именно поэтому, он выглядел довольно молодожаво, что свидетельствовало вкупе с его розовыми подбородками, число которых соответствовало трем последним книгам, попавшим в список бестселлеров, о его материальном благополучии. Его яйцеобразный череп был начисто лишен волосяного покрова, однако смуглая кожа и черные сросшиеся брови позволяли предположить, что он принадлежал к распространенной породе брюнетов. Судя по тому, как он

напевал себе под нос модную песенку, которую на днях передавали по кардиовизору (вижу сердцем), он пребывал в исключительно приподнятом состоянии духа.

В футах шестистах от ранчо стоял несокрушимый столетний дуб, крепко вцепившись узловатыми корнями в песчаную почву. В отличие от окружавших его деревьев других пород, он не только не растерял листья, но и был все так же пышен и зелен, как в начале лета.

Фантаст поднял глаза вверх.

- Ишь ты, - молвил он уважительно. - Хотя ты и дерево, а умеешь внушить к себе почтение: на тебя приходится глядеть снизу вверх, словно на президента республики. - Минуту-другую задумчиво помолчал, потоптавшись на одном месте. - Ну, брат, будь здоров. Прогулка прогулкой, а дело есть дело. Меня ждет очередная новелла, которая ни за что не оставит меня в покое, куда я ей не придам удобочитаемый вид. - И он решительно зашагал прочь, плотнее закутываясь в плащ, из-под лацканов которого виднелась шерстяная фуфайка бежевого цвета; хотя и солнце светило всюю, однако особого тепла не наблюдалось - довольно ощутимая свежесть, что свидетельствовало о близости вечерних заморозков, угрожающе подбиралась к его холеному, далеко не спортивному телу.

Сюжет упомянутой новеллы был навеян редакционной заметкой, которую писатель обнаружил сегодня в газете, просматривая утреннюю почту. Заметка не очень большая, и мы приведем ее тут полностью. «Вчера пополудни скоростижно скончался некий Мартин Рэндолл, агент по продаже недвижимости. Труп доставлен в ближайший морг. Тщательный осмотр (цвет тела землисто-серый, живот, по свидетельству консьержки, которая хорошо знала покойного и которая нашла его мертвым, придя, по обыкновению, сделать уборку в его холостяцкой квартире, необычайно увеличен) позволил врачам, устроившим спешный консилиум, предположить, что смерть мистера Рэндолла, утонченного гурмана и чревоугодника (об этом им любезно сообщила группа официантов ресторана, где столовался покойный), наступила от чрезмерного употребления пищи. Однако дальнейшими исследованиями, производившимися с помощью скальпеля, предварительный диагноз не был подтвержден: вместо кишок, набитых полупереваренной пищей, в животе мистера Рэндолла был обнаружен какой-то непонятный нарост - нечто пульсирующее и трепещущее, напоминающее куриный заро-

дыш в насиженном яйце, только в десятки раз крупнее. Врачи заявили, что им ничего подобного в своей практике встречать не доводилось. Таким образом «загадка Рэндолла», как окрестили в медицинских кругах этот случай, стала еще более загадочной, чем до вскрытия... Впрочем, профессор Профьюмо, известный патолог, по видимому, имеет кое-какие мысли в связи с этой болезнью; он полагает, что человечество столкнулось с фактом существования неведомой формы жизни, возможно пришедшей извне... Исследования продолжаются...»

Заметка полностью войдет и в будущее произведение нашего знаменитого фантаста.

- Это придаст моей новелле сугубо документальный характер, - вслух размышлял он. - Впервые в истории фантастики фантастическая вещь обретет силу реалистического звучания... поскольку на этот раз я намерен делать ставку не на вымысел, а всего лишь на домысел, что далеко не одно и то же... Только домысел, свойственный всякому художественному произведению...

Однако закончить мысль ему не удалось - помешал оглушительный треск, внезапно раздавшийся за его спиной.

Он вздрогнул и повернулся на сто восемьдесят градусов. Дуб исчез. На останках поверженного дерева - горстке необычайно белого пепла - лежала обнаженная ослепительно красивая женщина. В ее пышных светлых волосах тлела дымящаяся головешка.

Фантаст снял очки с переносицы и тщательно протер их носовым платком; затем, водрузив их на место, нерешительно приблизился к новоявленной Еве.

не пострадали, девушка? -
мился он дрожащим от
голосом.

Женщина лениво подняла голову. Улыбнулась.

- Здравстуй... землянин, - будничным тоном произнесла она, неспешно поднимаясь на ноги.

- Здравстуйте, - ответил фантаст на приветствие незнакомки, в словах которой, судя по всему, он не заметил ничего необычного. -

- Вы
осведо-
волнения

Рис. П. Бурмина

Я только что тут проходил, любуясь ландшафтом... но вас не видел... Вы, наверное, были где-то поблизости?..

- Что значит «только что»?

- Ну, минут десять назад.

- В это время я была в системе Центавра.

Она спятила от страха, - решил про себя писатель. - Бедняжка!

- Однако виду не подал.

- Ты ошибаешься, землянин. Помешательство тут ни при чем.

Она читает мои мысли! - догадался писатель. - Впрочем, и это тоже свидетельствует о том же: говорят, некоторые душевнобольные предрасположены к телепатии.

В таком случае он должен быть снисходителен к ней.

- Вы хотите сказать, что вы - инопланетянка?

- Я это уже сказала.

- Гм... Вы из Центавра?

- Нет. Моя система находится значительно дальше.

- Как она называется - Вега, Сириус, Альдебаран, Орион, Плеяды, Туманность Андромеды?..

- Каваалаф.

- Где это?

- В совсем другой Вселенной. О ее существовании ваши ученые даже не подозревают.

- С вашим аппаратом, на котором вы прилетели, конечно, случилась авария, - усмехнулся фантаст, будучи уверенным, что последует утвердительный ответ, - и он взорвался в момент финиша? Так как же, я угадал, девушка?

- Нет.

- Тогда вы мне его покажете?

- Ничего такого, что ты имеешь в виду, у меня не было.

- А как же Каваалаф, что в «совсем другой Вселенной»? - весело съехидничал знаменитый фантаст, полагая, что наконец-то он припер к стенке липовую инопланетянку.

Но «липовая инопланетянка» не чувствовала себя припертой к какой бы то ни было стенке.

- Я была излучена одной из разновидностей электромагнитной субстанции, - сообщила она небрежно, словно речь шла о покрое заурядного платья, которого ей сейчас недоставало.

- Что это такое? - осведомился фантаст.

- Состояние материального вещества, которое мы именуем синтосинным эффектом.

Писатель озадаченно помолчал некоторое время.

И вовсе она не помешанная, эта Ева, которой для полного сходства с прародительницей человечества не хватает всего лишь фигового листа и могучих рубенсовских бедер, - отметил он про себя. - Скорее всего, это одна из моих особенно настойчивых поклонниц.

А вслух сказал:

- На этом самом месте, где мы с вами столь мило беседуем, только что стоял огромный столетний дуб. Горсточка пепла и несколько дымящихся головешек - это все, что осталось от древесного великана. Чем вы объясните эту метаморфозу?

Женщина не заставила себя долго ждать с ответом.

- Финишный стопор синтосинного эффекта - наиболее надежного способа перемещения биологических тел в пространстве, - как правило, сопровождается небольшим энергетическим разрядом, способным причинить некоторые местные опустошения.

- У вас, девушка, завидное воображение...

- Речь идет об ординарном будничном акте.

Писатель перекошил рот, с трудом подавляя зевоту.

Похоже, сказка не имеет конца, - подумал он с раздражением; сам будучи большим мастером рассказывать небылицы, он не любил выслушивать их от других.

- Скорее всего, эти «опустошения» произошли в результате падения болида, - решительно возразил он. - Тем более, что ожидается массовый выпад леонидов...

Между тем наступил вечер. Солнце внезапно исчезло за горизонтом, словно желтая монета в прорези тотализатора. Длинные тени от деревьев выросли в голубоватые сумерки. Свежесть, что напоминала о заморозках, стала еще более ощутимой. Писатель слегка поежился.

- Простите, девушка, - спохватился он, торопливо стягивая с себя плащ. - Вот недотеха... Так и воспаление схватить недолго...

Женщина этот несколько запоздалый жест приняла как должное.

- Сейчас вы согреетесь в два счета, - пообещал известный фантаст, когда они ступили на порог загородного дома. - Отведайте коньяку, - засуетился он, усадив гостью в глубокое кресло подле журнального столика. - Это отличное средство от простуды... На здоровье...

Но женщина от коньяка отказалась. Отмахнулась она и от холодных закусок, которые предложил ей гостеприимный хозяин.

- Что ж, настаивать не стану, - уступчиво сказал он. - Тогда - в постель! - добавил он тоном, не допускающим возражений. - Вот так. Теплое верблюжье одеяло тоже многого стоит... Отдыхайте, девушка. А я пойду, поработаю. Писатели... э-э-э... они не принадлежат себе...

Через час-полтора фантаст вернулся в спальню.

- Как твоя работа? - встретила его гостья.

- Не сдвинулась с места.

- Что так?

- Столкнулся с взаимоисключающими противоречиями, которые никак не мог преодолеть.

- Именно?

- Согласно замысла моей новеллы на Землю вторгаются самки из некоего экспансивного недоброго мира. Это клювастые, членистоногие чудовища, с фасеточными, похожими на мозаику глазами. С помощью острого, как меч, яйцеклада химеры вспарывают одиноким мужчинам животы, забираясь к ним в постели на правах любовниц, и откладывают яйца... Тут-то вот и загвоздка...

- Я ничего невозможного здесь не вижу.

- Для того чтобы обольстить убежденного холостяка, существо крайне привередливое, инопланетянка должна обладать, прежде всего, привлекательной внешностью... - безнадежно объяснил фантаст.

Рис. П. Бурмина

Женщина очаровательно улыбнулась.

- Ну и пусть себе обладает.

- А как же химерическая физиономия?..

- Ее легко устранить при помощи образной телепатии. Другими словами, используя принцип телепатической проекции, чудовище может принять внешность, соответствующую представлениям о красоте того, кому оно надумало понравиться.

Фантаст мгновенно воспрянул духом.

- Вы спасли мою новеллу! - воскликнул он голосом утопающего, которого вытащили из омута на берег. - Так я и сделаю. - Он помолчал. - Вы умная девушка, - добавил он, решив, что женщина заслуживает комплимента. - И красивая. - Он присел на краешек кровати. - А ваши как дела? Согрелись? Вот и прекрасно. Меня тоже что-то знобит... - Его лысина густо покраснела. - Если вы не возражаете...

Она не возражала.

Хозяин смущенно улыбнулся.

Стянув с себя полосатую пижаму, он не спеша и деловито повесил ее на спинку ближайшего стула. Шлепанцы поставил так, чтобы при надобности можно было влезть в них прямо с кровати...

Тут начало происходить с ним нечто странное и необъяснимое... даже с точки зрения его не слишком строгой логики... Сперва это случилось с пижамой, со стулом и шлепанцами; недоступным образом они вдруг превратились в тончайшее платье, редкой работы кресло, изящнейшие туфельки, усыпанные алмазами и рубинами. Внезапно пришло ему в голову, что все это - его вещи, что он - царская невеста, готовящаяся к первой брачной ночи. Зеркало подтверждает его догадку: перед ним статная писаная красавица с черными длинными волосами, осиной талией и маленькими ножками; там же, на амальгаме, были отражены тяжелый балдахин и широкое ложе, на котором возлежал прекрасный юноша, томящийся в ожидании новобрачной.

Царская невеста оборачивается назад и действительно видит балдахин, ложе и скучающего аполлона; затем она с решимостью отчаявшегося человека бросается в жениховы объятия: уж если невозможно обойтись без этой злополучной ночи, тогда пусть она наступит побыстрее...

Тотчас последовал сокрушительный удар в живот; прежде чем навсегда погрузиться в небытие, знаменитый фантаст испытал один из тех смертных ужасов, коими будущий покойник так любил припугнуть своих ни в чем не повинных читателей - он видит истинное

лицо инопланетянки, в чье существование он до сего рокового мгновения отказывался поверить: из недр очаровательной маски, исполненной с помощью образной телепатии, на него враждебно и холодно глядело членистоногое клювастое чудовище...

ВАСИЛЕВСКИЙ Кирилл

КОНЕЦ МЕЗОЗОЙСКОЙ ЭРЫ

Винса разбудило противное дребезжание будильника. Так как тумбочка с будильником почему-то стояла на другом конце комнаты, Винс просто запустил в будильник подушкой. Послышался глухой удар подушки, звон разбитого циферблата, и будильник перестал не только дребезжать, но и тикать. Тем не менее Винсу пришлось встать. Он в одной пижаме прошел в гостиную.

- Хватит дрыхнуть, - сказал Зейл, увидев входящего Винса, - шеф дал нам новое задание.

- Какое, - спросил Винс, садясь, но тут же вскакивая. - Ой, это еще что такое.

Из стула, на который сел Винс, торчала пружина.

- Что поделаешь, - развел руками Зейл. - Я ведь говорил тебе, что надо было сесть в другой номер - чуть дороже, зато вот такого, - он показал пальцем на стул, - не случается.

- Ладно, проехали, - вздохнул Винс. - Какое все-таки задание.

- Поехали лучше к шефу, - сказал Зейл, - он сам тебе все объяснит; только сначала оденься.

Через полчаса их автомобиль затормозил возле большого здания.

Винс и Зейл зашли в здание и, поднявшись по лестнице, постучались в офис шефа.

- Войдите, - послышался голос изнутри.

Винс и Зейл вошли в кабинет. Шеф встал из-за стола и сказал:

- Агенты Винс Харл и Зейл Бин, на этот раз у вас очень ответственное задание - выбрать на одной отсталой планете одну форму жизни, которая впоследствии может стать разумной. Другие формы жизни, или, скорее другие группы живых организмов, могущих захватить всю планету, но не образовать цивилизации, следует уни-

чтожить. Вопросы есть?

- У меня вопрос, - сказал Винс. - Каким образом уничтожить?
- Любым, - весьма лаконично ответил шеф.
- У меня другой вопрос, - сказал Зейл, - а зачем все это?
- А вот это не ваше дело, агент Бин. Выполняйте задание.

Зейл и Винс спустились на планету на шлюпке. На геостационарной орбите над этой точкой планеты завис межзвездный корабль.

- А что делать-то надо? - спросил Винс.
- Я так понял, что надо выбрать форму жизни, - ответил Зейл.
- Для того, чтобы ее выбрать, надо ее сначала найти.
- Я вижу пока только папоротники и какие-то хвойные деревья.
- Но это явно не подходит.
- Поищем что-нибудь другое.

И агенты двинулись в ближайший лес.

- Так... Вот тут какие-то насекомые, - сказал Винс.
- Нет. Насекомые не могут стать разумными, но и не могут завоевать мир, - ответил Зейл, - их уничтожать не надо.
- Ты прав.

Тут вдруг послышался страшный рёв. Винс и Зейл оглянулись и увидели громадную рептилию. Вид у животного был не очень дружелюбным. Агенты разом заорали и бросились в чащу. Мощный щелчок челюстей на том месте, где Зейл и Винс только что стояли, показал, что агенты поступили правильно.

- На, подавись! - крикнул Винс, швыряя в пасть рептилии гранату.

Рептилия проглотила гранату, и тут послышался взрыв. Граната новой системы работала, превращая рептилию в банку с консервами. Снаружи животное оставалось невредимым, но внутри получилось месиво из ливера. Пресмыкающееся рухнуло на землю.

- Нет, ЭТИ никогда не станут разумными, - вздохнул Зейл.
- Вот их-то и надо уничтожить, - произнес Винс.
- Ящерица-переросток, - презрительно сказал Зейл.
- Похоже, они уже завоевали этот мир. Больше крупных животных здесь нет.

- А может, выберем из мелких? - Зейл резко присел и схватил мелкого грызуна.

- Точно. Млекопитающее. Но им опять-таки придется развиваться миллионы лет, чтобы стать разумными и завоевать эту планету.

- Лучше поздно, чем никогда, - с философским видом произнес Зейл.

- Но как всех пресмыкающихся? - спросил Винс.

- Всех необязательно. Уничтожим только этих, - Зейл кивнул на убитую рептилию, доставая из кармана микрокомпьютер и набирая на нем что-то.

- Что ты делаешь? - спросил Винс.

- Эти рептилии откладывают яйца, - сказал Зейл, глядя на жидкокристаллический экран компьютера. - Пол будущего детеныша зависит от температуры внешней среды. Из яиц, расположенных на краю кладки и получающих меньше тепла, выводятся детеныши женского пола, а из отложенных в центре кладки - мужского пола. Следует лишь на полмиллиона лет создать ядерную зиму, а потом резко поднять температуру, тогда они вымрут. Млекопитающие выживут.

- Ну ты даешь! Этот план настолько невероятный, что может удалиться, - согласился Винс, почесывая правым щупальцем затылок левой головы.

СТЕПАНЕНКО Олеся

КЛИМОВА Юлия

Я К ВАМ ОТТУДА, РАЗРЕШИТЕ ВОЙТИ

Глава 1

Солнце садилось за горизонт, отчетливо напоминая быстро стекающий по стене яичный желток. Огромные ромашки (сердцевины иных достигали размеров приличных кастрюль) уже готовились ко сну. На небе не как-нибудь, а вдруг появился странный предмет (по показаниям свидетелей оказавшийся расчёской) и с грохотом опустился на землю.

На местных жителей это не произвело ровно никакого впечатления: и не такое бывало в здешних краях. Эти жители (позвольте вам их представить: Добскр - заезжий турист и Руби - местный обыватель неопределённого возраста) продолжали свою непринуждённую светскую беседу.

- А где тут у вас зеленые мракозявы?- озабоченно оглядыва-

ясь, вопрошал Добскр.

- Какие «звяры»? - изумился Руби, выпучив на Добскра свои и без того выпученные глаза.

- Как какие? Зеленые, разумеется! - Добскр искренне возмутился непросвещенности собеседника. - Какими они ещё могут быть? Зелёные мракозявры - один из самых ценных видов на земле!

- Нет у нас никаких бракозявров! - отпарировал Руби и незадолго до этого обиделся.

-А-а, - безнадёжно махнув рукой в сторону Руби, Добскр принялся исследовать растущий поблизости полупятнистый Круматофф. Круматофф не подавал признаков жизни. Добскр приблизил лицо к растению, чтобы получше его рассмотреть, но Круматофф внезапно открыл глаз (это был пока единственный Круматофф, обзаведшийся глазом) и дружелюбно помахал листиком.

- Однако! - изумился Добскр, на всякий случай стараясь держаться подальше от странного растения. - А что тут у вас ещё есть интересенького? К примеру, какая у вас религия?

- Тсс! Об этом громко нельзя. А то он обидится!

- Кто?! - Добскр перешёл на шепот

- Эвенсберрер! - с трепетом провозгласил Руби и глянул на Добскра как на полоумного. Молодой человек решил на всякий пожарный не вопрошать далее о загадочном Эвенсберрере и особенностях местного идолопоклонства.

«Ну и имечко!» - подумал он и отковырял кусочек стебля возвышающейся над ним ромашки.

- А-а-а-а! - неожиданно разнеслось по лесу, отчего листья на Круматоффе энергично свернулись, почернели и отвалились. К ногам Руби (на редкость спокойного в сей злополучный момент) шлёпнулся Глёма средних размеров, забросав близлежащее пространство голубыми перьями. Фыркая и отплёвываясь, Руби пнул Глёму в кучу круматоффовых листьев.

- Сам дурак! - пискнул Глёма и шустро поскакал в чашу.

Оставив странного собеседника самому разбираться с флорой и фауной, Добскр побрёл далее осматривать окрестности и местные достопримечательности.

Выйдя на поляну, Добскр увидел маленький покосившийся домик, вокруг которого резво прыгала старушка с пылесосом. Под мышкой она держала внушительных размеров самовар.

- Добрый вечер, почтеннейшая! - обратился к ней турист. - Не скажешь ли ты, зачем пылесосишь эту лужайку?

- Дык это... зудров изгоняю! Знаете ли, никакого спасу от них

нет! Я их и тапком, я их и дихлофосом. Никакого житья от них, ей-богу. Придут ночью в дом и светятся, и светятся, окаянные. Ах, вот я вас! - и старушка продолжила своё пользительное занятие.

- А-а-а-а!- послышалось где-то рядом. Добскр поднял голову и увидел зайца в резиновой шубе, сидящего на берёзе и кидающего бананами в зудров. Зудры запищали, затопали тысячами лапок, но остались на месте.

- Ты чего орёшь? - испугался Добскр, выронив банан, который поймал минуту назад, чем произвёл новый переполох в стаде зудров.

- А чего? - вызывающе воскликнул заяц. - Да вот сижу себе тихохонько, никому не мешаю. Работа у меня такая, и я должен выполнять её хорошо.

- Так это ты недавно орал? Аж листья свернулись у этого... как его... полупятнистый такой...

- Круматофф, что ли?

- Ага, он самый! Да ещё этот упал... ну, как его там...

- Глёма.

- Точно, - внезапно Добскр понял, что мелет чушь. Ничего хорошего из этого не выходило.

- Вот я и говорю, - подтвердил заяц, - работа у меня такая - Глёмов пугать. А что насчёт Круматоффа, так это он сам выпендривается.

Сцена 1

На полу валяются смятые бумажки и тряпки. На сцену выходят двое. Это Аристотель и Людовик (далее «А» и «Л»).

А: Кажется, снег пошёл.

Л: Он самый. С чего бы это?

А: Дык ведь в Кухлюндии сезон.

По сцене пробегает заяц с Глёмой в лапах.

А: Вот и зайцы торчат в этом сезоне. Крутота!

Заяц бежит обратно с двумя Глёмами.

Л: А что это вы вчера такое нелепое отмочили?

А: Катехетом притворялся. А что, чудно было?

Л: Ещё как.

Заяц выбегает на середину сцены, одного Глёму бросает вверх, другого - засовывает себе в шубу. Людовик и Аристотель печально смотрят на это.

Занавес

Глава 2

- Нет, ни черта не слышно! Громче говори! Да не слышу я! - высокий человек весьма корявого вида утробно кричал в телефонной будке, распиленной вдоль и выкрашенной в непристойного оттенка красный цвет.

- Ещё громче! Помехи, чёрт бы их... Что? Зачем? - напрягаясь вопрошал человек, не щадя голосовых связок. В руке его в качестве трубки конвульсивно содрогался шланг душа, то и дело возмущённо брызгая кипятком. К своему расплавленному уху человек прижимал моллюска, чьи босые ноги (правда, на правой был носок, наполовину сползший) были неестественно раскинуты и выражали явное неудовольствие.

На другом конце провода слышалось непонятное сопение, сморкание, покашливание, гудение и прочие разнообразные звуки. Моллюск извивался и менял окраску с частотой мерцания сломанного телевизора.

- Нет, нет, повтори! В семь? А-а, чёрт! Да ничего, я отлучусь на секунду. У меня тут жена опять повесилась.

На соседнем дереве висела женщина. Верёвка щупальцем обвивала её талию, другой конец был привязан к толстой ветке. Женщина делала страшные гримасы, выпучивала глаза, махала не только всеми конечностями, но и волосами и даже некоторыми зубами. При этом она умудрялась вопить истошным дискантом, время от времени срывавшимся на хрип.

- Дорогая, заткнитесь! - вежливо проворковал человек из будки и сделал реверанс. Женщина послушно закрыла рот и перестала столь экспрессивно висеть. Человек из будки вынул из кармана платок и громко высморкался. С ближайших деревьев посыпались Глэмы разных калибров. Закончив процедуру, лёгким движением руки, он вынул из дупла табличку бледного цвета с надписью «Обед, просьба не беспокоить» и водрузил её на спокойно висящую женщину.

- Простите, а до сколько у вас обед? - послышался голос и показался человек (кстати, это был Добскр).

- А что вам?

- Я тут прогуливался, знаете ли, и подумал, не зайти ли на огонёк.

Женщина снова завращала глазами и на этот раз голосом, близким к естественному, заявила:

- Я думаю, это не очень удачная идея.

- Точнее, очень не... - отрезал её муж и снова вернулся к трубке.

- А есть в этом городе гид? - собирая последние остатки вежливости, осведомился Добскр.

- А нетути, а фигушки! - взвизгнула неизвестно откуда взявшаяся болонка болотно-зелёного цвета с кокетливой оранжевой чёлкой. - Кстати, меня зовут Йозефа. Приятнопознакомьтесьятебялюблю. - Йозефа подпрыгнула и лизнула Добскра в нос. Потом ласково вильнула всеми тремя хвостами и исчезла.

Добскр сел на лавочку, но та стала брыкаться и возмущаться:

- Хам! Что за люди пошли! Бедной скамейке и отдохнуть негде! - лавочка исчезла. Станный господин с повешенной женой тоже. Осталась только табличка с надписью «Обед».

Сцена 2

Вокруг пластмассовых ёлок толпятся и копошатся зудры, пытаясь натянуть Моллюска вместо наконечника. Моллюск возмущённо бьёт себя пяткой в грудь.

Действующие лица: Шкаф, Лошадь (далее «Ш» и «Л»).

Л: Абра-кадабра-бум! Сколько будет лягушек, если в болоте заведутся кабылики и всех съедят?

Ш: Восемь!

Л: Так нечестно! Ты знал!

Ш (помахивая дверцей): Ничего не знаю. Ты проиграла. Уговор есть уговор.

Лошадь, раздражённо топнув копытом, уходит в глубь зала и лезет на ель.

Ш (открывая антресоль): Яблоки не забудь!

Лошадь скрывается в густой хвое, на землю сыпятся арбузы, заваливая хохочущих зудров.

Ш (сердито): Ну вот, я так и знал. Опять ёлку перепутала. Чему её только учили?

Зудры пытаются утащить арбуз. По сцене снует старушка с пылесосом.

Занавес

Глава 3

На лес неравномерным покрывалом опускалась ночь. Апельсиновая луна выкатывалась из-за потемневшего Козлиного Холма, распыляя вокруг кучу эфирных масел. Добскр сидел на треугольном пне и мечтательно взирал на Апельсиновую луну.

- Здорово, брат! - кто-то положил на его плечо тяжёлую руку, и в воздухе запахло кипячёным керосином. Добскр обернулся и увидел тёмный силуэт гротескных очертаний. Перед ним стоял человек

огромных размеров, как в ширину, так и в высоту. На человеке была алюминиевая каска, лихо заломленная на одно ухо. Великан был основательно заросшим мэном, причём волосяной покров его, по видимому, никогда не знал расчёски. Штаны имели размеры весьма внушительные и доходили до подмышек. Держались они на ярко-зелёных подтяжках и зловеще шуршали при каждом движении.

- Д-добрый вечер... - пролепетал Добскр, причём «добрый» он произнёс хрипловатым фальцетом, а «вечер» и вовсе не получился. Великан добродушно ухмыльнулся и, изобразив поклон, представился:

- Большой и толстый мэн Вуглускр - это я, - пробурчал он, с удовольствием похлопывая себя по груди. - Слушай, ты тут расчёску не встречал? Удрала, гадость, и прячется где-то. А я - видишь? - Он энергично потряс головой, из которой посыпались листья и голубые перья Глёмов, - совсем запустил свою шевелюру.

- Нет, к сожалению, не встречал. - Это было неправдой, поскольку именно вуглускrova расчёска упала с неба прошлым вечером. - А вы... - договорить он не успел, так как Вуглускр с боевым кличем вдруг сорвался и огромными скачками прогрохотал в чащу леса.

Глава 4

В жирных объятиях ночи забрезжило и родилось тонкое сияние. Оно разрасталось, уплотнялось и приобретало некий жадеитовый оттенок. Над листьями горького папоротника зазвенел тысячами хрустальных колокольчиков девичий смех, такой задорный, что Добскр невольно улыбнулся. Вскоре сияние начало приобретать более чёткие очертания: взору изумлённого Добскра (за всю свою молодую бытность он впервые стал свидетелем материализации женщины из воздуха) предстало юное личико всё того же зеленоватого оттенка. Это было скорее не личико, а мордочка очень смазливой зверюшки с огромными изумрудными глазами и лукавой улыбкой. Далее Добскр ощутил неподдельный восторг от увиденного: на фоне пышных листьев папоротника вырисовывалась тоненькая обнажённая фигурка, словно выточенная из мрамора. Волнистые воздушные волосы плавно колыхались, обтекая прозрачные плечи юной феечки. Расточая повсюду мистический зелёный свет, крошка подплыла к Добскру и, тихонько хихикая, с лукавым любопытством разглядывала его, словно это он, Добскр, был диковинкой, прежде невиданной ночным лесом. Призрачная девочка парила вокруг завороченного туриста, и маленькие пальчики бестелесно ка-

сались его спутанных волос, одежды, лица.

Добскр старался сидеть неподвижно на своём треугольном пне, чтобы не дай Бог, не спугнуть это волшебное создание. Вдруг фейка снова рассмеялась, и его обдало ароматом её дыхания, мысли спутались в один большой клубок и распутываться, видимо, не собирались. Он отупело, как кролик на удава, смотрел в огромные глазища цвета морской глубины. По телу пробежала дрожь, во рту пересохло. «Сейчас, вот сейчас я грохнусь в обморок. А если она... оно... она прикаснётся ко мне, то просто рехнусь и всю жизнь буду всех уверять, что видел живую фею...», - думал Добскр, чувствуя, что не может оторвать взгляда от этих странных и до жути красивых глаз. Фея, всё так же задорно смеясь, наклонила голову чуть набок и водила пальчиком у носа Добскра.

«Вот сейчас я точно потеряю сознание», - пронеслось в голове у Добскра. Внезапно фея, что-то невнятно проворковав, чмокнула Добскра в нос и весело захохотала. Добскр, как истинный мужчина, исполнил своё обещание и незамедлительно шлёпнулся на траву, предварительно потеряв сознание.

Апельсиновая луна равнодушно продолжала опылять окрестности эфирными маслами. Лес безмятежно спал, предвкушая новый день и новую ночь, и снова день и снова ночь, и так до бесконечности.

Сцена 3

Обстановка из главы 4 при свете дня. На треугольном пне вышается тазик с пряниками. Вокруг суетятся и толкаются зудры, пытаясь добраться до пряников. На краю сцены сидит грустный Вуглускр и ощипывает ромашку. На заднем плане зудры выстраивают пизанскую башню. Башня падает. Вуглускр ощипывает ромашку. Зудры делятся на две команды и становятся в две шеренги. Одна команда кричит: «Пряники», другая отвечает «Да». Вуглускр ощипал ромашку и ощипывает Круматофф. Тот начинает интенсивно сбрасывать пятна и полупятна. Зудры водят хоровод вокруг пня и поют пряничные заклинания. Вуглускр, ощипав Круматофф, идёт к пню, не замечая пищащих зудров, берёт тазик и высыпает пряники, заваливая при этом зудров. Печально надевает тазик на голову и уходит, вздыхая.

Занавес

Глава 5

Добскр закурил, вспоминая происшедшее. Фея исчезла, луна тоже. Появился даже некоторый намёк на утро. По дереву полз та-

ракан. Добскр снял ботинок и кинул. Таракан жалобно каркнул и, превратившись в лиловый дым, испарился.

Из-за дерева выплыл странного вида тип. Одна половина его головы была рыжей, другая - зелёной. Одет он был в клетчатое пальто, в руках держал шляпу с оранжевым пером в крапинку.

- Доброе утро, уважаемый. Ты - математик, так?

- Нет... турист...

- Ну! Пятьюшестьвенник, так? Математик, значит. Ну, здравствуй, математик. Меня зовут Кохт.

- Ага, здрасьте, - Добскр ещё не мог прийти в себя после ночи.

Незнакомец повернулся к нему спиной, и Добскр заметил у него на спине табличку с надписью: «Заслуженный дурак Кухлюндии и близ прилежащих островов». Кохт повернулся лицом к Добскру и поднял палец вверх:

- Понятно? Заслуженный! А ты - «здрасьте». Почтительнее надо быть, уважаемый.

- Извините, - пробурчал Добскр, - я... того...

- Я заметил. Сидишь и мечтаешь. Мечтатели! Никакого проку от них! Вот ты, поди, и стихи ещё пишешь...

- Да нет...

- Зря. Что это за человек, который не пишет стихов! Червяк, а не человек!

- Я... в детстве поздравления сочинял...

- Ага! В детстве - поздравления! Ну, скажите мне на милость, разве порядочные дети сочиняют поздравления? Они играют, спят, безобразничают, расстраивают родителей...

- А вы... что... не любите детей?

- Детей? Любить? Ну, разве что в хрустящей корочке с горчичным соусом! Это же беда человечества! Ведь они могут только потреблять, ничего не давая взамен.

- Как ничего. А когда вырастут?..

- Тогда они уже не дети.

- Но ведь нельзя же сразу быть взрослым. Вот вы ведь тоже были ребёнком.

- Я? Ребёнком? Да... Ах! Какая это была пора! Детство! Это так прекрасно! Веселье, раздолье! А сколько в детях непосредственности, жизни! Дети! Они поистине цветы жизни!

Добскр опешил:

- Но ведь вы не любите детей...

- То есть как это? Да как вы смеете? Что за бестактность! Может, вы скажете ещё, что я и помечтать не люблю?

Он второй раз заставил Добскра смутиться. Добскр посмотрел на землю и убито произнёс:

- Говорили, что нет.

- Вздор! Клевета! Да я... В суд подам! Да что же это! Так оскорбить!

Казалось, даже онемел от возмущения. Продолжая неистовствовать, Кохт сел на бревно. Бревно ожило, заворчал и поползло в неизвестном направлении. Добскр закурил.

Глава 6

Добскр затушил недокурную сигарету о фонарный столб с болтавшимся на нём объявлением фиолетового цвета. Объявление гласило: «Ахтунг! Ахтунг! Сегодня и только сегодня! Крутейшая тусня самых крутых тусовщиков Кухлундии! Приглашаются все, кому не чужда атмосфера крутейших и неслабых пиплов! Господа, не облажайтесь! Бар «Лариса» ждёт вас!»

Так как особых планов на вечер не намечалось, Добскр решил окунуться в атмосферу крутых мэнов и направился к бару «Лариса».

Пройдя несколько шагов, Добскр наткнулся на серую стенку с прикрепленными к ней стрелками: «Крутые мэны здесь». С помощью стрелок, Добскр дошёл до деревянной двери, недавно выкрашенной в красный цвет. На двери эффектно значилось: «Лариса» с отвалившейся буквой «р».

- Мьсьё, же не сью па си жюр! - послышалось откуда-то снизу. Добскр опустил глаза и узрел следующее. У бара, как на паперти, сидела полусиамская кошка с протянутой лапой. Вокруг кошки, издавая тоненькое попискивание, копошились котята мал мала меньше. В левой лапе кошка держала грудного котёнка, запелёнутого в этикетку от «кискаса». Малыш сонно чмокал соской и время от времени ёрзал в маминых лапах. Кошка подёргала Добскра за штанину и снова протянула лапу. Тому ничего не оставалось, как, вывернув карманы, отдать всю имеющуюся у него мелочь. Кошка, радостно взвизгнув, одарила Добскра обожающим взглядом, сунула мелочь в карман передника. Малыш внезапно проснулся, и, выплюнув соску, поинтересовался: «Закурить есть?»

Красная дверь отворилась, и чьи-то волосатые руки втащили Добскра внутрь. Котёнок неожиданно хриплым голосом прокричал вслед: «Эй, а ты точно крутой мэн?»

Оказавшись внутри и, пытаясь проткнуть взглядом пелену табачного дыма, Добскр огляделся. Зверский уют, царящий в баре,

наводил на мысль, что здесь действительно тусуются крутые мэны. Тусовка была в самом разгаре. Слуховые рецепторы Добскра временно атрофировались от нагромождения звуков. На деревянной сцене гарцевал и отмачивал замысловатые па неслабый мэн в красно-кричащих ботинках неопределённого размера, у подножия сцены толпились, заморожено раскачиваясь, разномастные и разнокалиберные девицы, видимо, находя в этом тет-а-тет неподдельный кайф.

- Привет! Что-то я раньше тебя не видела. Как тебя зовут? А тебе нравится? Согласись, крутейшая тусовка? Вот этот, который скачет, это самый крутой музыкант современности! Как тебе эта песенка? Кстати, хит всех времён и народов «Городской флирт»! О, я торчу! О, боже мой, как он держит гитару! Ты посмотри на этого пипла в кефи! Он держит свой «Гиб-сокастер» грифом вправо! Какой ужас! Обрати внимание на этого тощего с басом! Кстати, его так и зовут - Тралабас. «Трала» - это потому, что он играет на тралалайке и ещё на сотне других неслабых инструментов. Особенно ему удаётся игра на духовом заварном чайнике. Bravo, bravo! - заверещала девица и неистово зааплодировала.

Данная молниеносная тирада настолько ошеломила Добскра, что он так и не успел разглядеть свою осведомительницу. Щебетунья кокетливо взмахнула ресницами и тут же испарилась, оставив Добскра в недоумении. Он вновь обратил внимание на сцену. Под неистовые антраша и подскоки самого крутого музыканта, так называемый Тралабас отшвырнул гитару и извлёк неизвестно откуда заварной чайник. Продудев финальное соло и забрызгав всех заваркой, человек-оркестр поклонился и важно направился к стойке, не дождавшись, пока музыканты закончат свое выступление. Заметив недоумённо глядевшего на него Добскра, Тралабас задумчиво произнёс:

- Да, парень, я знаю, ты в восхищении, - и опрокинул стакан крепкого чая. Тем временем музыканты, оставив инструменты и разбрасываясь автографами, тоже потянулись за выпивкой. Толпа девиц нахлынула и прижала Добскра к стойке. Кто-то протянул ему дымящийся стакан.

«Дока, я тя умоляю», - раздалось над ухом. Добскр оглянулся и увидел сидящих рядом двух типов, беседующих и глыкающих за стаканом стакан.

- Хай блэк, - обратился к Добскру один из них, только что умолявший своего товарища, - каким ветром к нам и надолго ли? Кстати, не угостишь чайком? А то наш уже кончился. Добскр подвинул

типу свой стакан, тот радостно пожал Добскру руку и представился:

- Грум. А это - Дока.

- Добскр, - ответил Добскр и ощутил радостное докино пожатие. К стойке подлетела недавняя добскрова знакомая и, порхая вокруг, затараторила, неистово улыбаясь:

- Привет Грум, привет Дока! Маркизу не видели? О, я вижу, вы уже знакомы. Ну, пока-пока! - послав восхищённому Доке игривый взгляд, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

Добскр с усилием попытался собрать глаза в кучу и сконцентрировать взгляд на замысловатую траекторию, прodelьываемую шустрой щебетуньей. Это ему удалось с трудом, поскольку девица с завидной резвостью шныряла от столика к столику и с неподдельным восторгом на лице умудрялась разговаривать со всеми сразу и с каждым в отдельности.

Пролетев мимо, девица послала ему счастливую улыбку и увлекла с собой Доку с Грумом.

Добскр подошёл к стойке и взял ещё стакан чая. Он пытался собрать мысли, разбредшиеся по его черепу, но ему это не удалось. В этой суете он остался один. Накатила ностальгия. Вспомнился заяц с синепёрым Глёмой, Руби и даже старушка с самоваром. Но больше всего его ум занимала лесная красавица. Добскр почувствовал, что снова может впасть в небытие, и встряхнул головой.

Снова огляделся и увидел недавних знакомых - Доку и Грума. С ними был ещё кто-то, кого Добскр ещё не успел узнать. Это была девушка, отличающаяся не только красотой и изысканностью, но и томным скучающим выражением лица. В сердцах крутых мэнов эта гёрла пробуждала жалость, и уже выстроилась очередь желающих на вопрос «что с вами случилось, леди» получить ответ «я в депрессии». Грум суетился вокруг своей, видимо, дамы сердца, то и дело предлагая:

- Маркиза, выпей чаю.

Маркиза жеманно морщилась, но пила. Вкруг неё витал аромат неизвестных Добскру духов.

В баре было ещё несколько примечательных личностей, как-то: парочка в очках - один в чёрных, другой в жёлтых (позже Добскр узнал, что они тоже музыканты), молодой человек, рассказывающий о своём первом опыте игры на барабанах (в результате он остался с одной палочкой и порванным барабаном, кстати, чужим) и многие-многие другие.

- Эй, приятель, как тебя там, иди к нам! - позвал его Грум.

Добскр, прихватив стакан чая, побрёл к шумной компании.

- Вот этот неслабый мэн! - прорал Грум, указывая на Добскра. - Это Боцкр! Это Маркиза! - снова заорал Грум и поклонился Маркизе вместо Добскра.

Девушка томно взглянула на него и томно протянула руку. Добскр неуклюже приложился губами к кончикам пальцев и смущённо добавил:

- Вообще-то я Добскр.

- Ну да, он самый, - весело воскликнул Грум. Тут же изобразив на лице озабоченность и сочувствие. Грум протянул томной девушке бокал, - Маркиза, выпей апельсиновой водки с соком.

- Грум, ты утомляешь меня.

- Маркиза, я тя умоляю, - обиделся Грум.

Добскр, наблюдая эту сцену, вдруг вспомнил снова с тоской свою лесную фею. Он бы мог мечтать вечно, если бы в компанию не втесался ещё один представитель неслабых мэнов. Это был тот самый скачущий музыкант современности, вызвавший столько восторгов у местной публики.

- Привет всем, - радостно провозгласил он, - только не просите автографы!

- А мы и не собирались, - сострила щebetунья. Её пышные ресницы затрепетали, игриво посылая музыканту колкие стрелочки своих серых глазок. Музыкант ничуть не обиделся и подмигнул девушке.

- «А мы и не собирались», - передразнил Тралабас и принялся дуть в свой чайник. Все бурно запротестовали и попытались чайник отобрать.

- Тралабас, я тя умоляю! - воскликнул Грум и спрятал инструмент под стол. Добскр с любопытством оглядел Музыканта и с удивлением обнаружил болтающуюся черепашку у него на джинсах. Черепашка спокойно висела, ухватившись зубами за ткань, и не выражала особого беспокойства. Казалось, такое положение её вполне устраивало.

- Солнышко, - обратился Музыкант к говорливой девушке, - хотела бы ты прогуляться со мной до стойки и порассуждать о чём-нибудь высоком. - Солнышко лукаво улыбнулось, и Музыкант увлёк её за собой. Черепашка возмущённо запротестовала, но высказать свой протест ей не удалось, поскольку челюсти её были накрепко пришпилены к джинсам музыканта.

Добскр почувствовал, что атмосфера неслабых мэнов его слегка утомила. Он, было, засобирался уходить, но тут появился Музы-

кант со странным выражением лица и хмуро поинтересовался:

- Никто Та не видел?

- Нет, не поползала, - заметил Тралабас, - может, наступил кто.

- А кто это - Та? Имя какое-то странное, - поинтересовался Добскр у остальной компании.

- А это его карманная черепашка, - томно отозвалась Маркиза, - она такая маленькая и незаметная, что он её всегда где-нибудь теряет.

- Да, - подтвердил Грум, - он привязан к Та, как я к вам, Маркиза, - и восхищённо вздохнул, глядя ей в глаза.

- Где же Солнышко? Она опять бросила меня на растерзание мужчинам, - сокрушённо проговорила Маркиза и, покачивая бёдрами, направилась к стойке. Грум печально поплёлся за ней.

- Вы слышали? Та снова куда-то смылась! - прощобетала Солнышко, весело заигрывая с Докой. Она снова внезапно появилась, и Дока изобразил на лице усиленное удовольствие. Добскр огляделся и обнаружил, что сидит среди пустых стаканов. Только захмелевший Тралабас, недобро поглядывая в сторону Грума и Маркизы, тихо бормотал себе под нос. Добскр решил, что ему пора удалиться. Так он и сделал.

Попав на свежий воздух и глубоко вздохнув, он почувствовал лёгкое дуновение и аромат горького папоротника. Его снова потянуло в лес, и он быстро зашагал по каменистой дороге к манящим зарослям.

Сцена 4

Пустой бар. Разбросанные стулья и куча пустых стаканов. Среди них тоскливо ползает черепашка. За столиком в углу сидят Музыконт, Тралабас, Грум и Дока (далее М, Т, Г, Д)

Г: Зашибись! (грустно заглядывает в стакан. Все удивлённо смотрят на него.) Не-е, просто зашибись!

М: Торчишь? Ну-ну... (Смотрит в свой стакан) А в Африке кукиши созрели. В отпуск пора.

Д и Г (переглянувшись): Ыгы! А с какой стороны сегодня встает солнце?

Т (хмуро): С западно-левой. И ещё синоптики обещают муравьиный дождь, не хило, а?

Все грустно смотрят на черепашку, которая обгрызает кактус на стойке бара.

М: Убил бы...

Все: Кого?

М: А кто его маму знает... Муторно...

Тралабас тихо напевает: «Мы гоним, гоним, гоним» и швыряет тапком. Она прячется за стойку. Все грустно смотрят в стаканы.

Занавес

Глава 7

- Нет, я не буду этого делать! Ни-ког-да! Это выше, тьфу, ниже моего достоинства!

- Не мели ерунды! Больше некому.

Добскр, очутившись в лесу, попал в самую гущу событий. Его взору представилась следующая сцена: заяц, пугатель Глёмов, яростно орал и возмущался, пытаясь что-то доказать человеку из телефонной будки. Тот в свою очередь пытался всучить зайцу в лапы палочку регулировщика. Заяц мотал головой и прятал лапы за спину.

- Чего это они, - спросил Добскр у сидевшей рядом зевающей мыши.

- А-а, - махнув рукой, зевнула мышь, - очередной раз этот тип, - она показала лапой в замшевой перчатке на человека из телефонной будки, - заставляет зайца регулировать движение Глёмов на восток. А заяц... Знаешь, скажу я тебе по секрету, - мышь снова зевнула, - заяц - он в душе поэт. Он и пугать-то Глёмов не любит, а уж регулировать... Он вообще-то хороший, но... - и мышь захрапела. Добскр аккуратно ткнул её пальцем в бок.

- А? Так о чём это я?

ДВОРЦОВА Светлана

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ

Моя страсть – археология. Поэтому я часто устраиваюсь ночным сторожем в музее. Вот и сейчас стою в одиночестве в зале со скульптурами и не могу оторваться от статуи дракона. Статуя великолепна, прямо шедевр, очень тонкая работа: спинка и чуть поднятые крылья темнее всего остального, хвост обогнул тело и прижался к передним лапам, черные глаза внимательно смотрят куда-то

вдаль... Просто чудо. Этакая опасная грациозная ящерица на охоте.

– Пригнись, обзор закрываешь - раздался низкий тихий повелительный голос. С детства не люблю, когда мне приказывают! Я оглянулся в поисках хозяина голоса.

– Не верти головой и пригнись, черт побери! – прошипел тот – же голос так резко и неприятно, что я счел за лучшее повиноваться и присел на корточки. В ту же секунду – я не поверил глазам – мраморная статуя атланта в самом углу воровато оглянулась и неуверенно повела плечами. Дракон, как будто только этого и ждал, сорвался с места и, хлопнув крыльями, с грохотом обрушился на втянувшего голову в плечи атланта. Две секунды и лапы с огромными острыми когтями превратили скульптуру в кучу щебня. Победитель чихнул от поднявшейся пыли, отряхнулся, как собака, и сложил крылья. Черные глубокие глаза обратились ко мне, а я все еще не мог решить, сплю я или схожу с ума.

– Ну, вот и все. А знаешь, мне их порой так жалко. Живут, как умеют, и ни в чем вроде бы и не виноваты... Ладно, человек, прощай... Статуя грустно вздохнула и легко, словно кошка, вспрыгнула на широкий подоконник.

– Подожди! – услышал я собственный голос, с омерзением отмечая ватные ноги и трясущиеся руки. Неужели слово —человек” так задело меня, что я осмелился окликнуть это чудовище?

– Кто ты? И за что его?.. – голос в конце фразы сорвался на писк, потому что я вспомнил страшные когти в действии, но дракон, кажется, понял. Он задумчиво покачал хвостом, как бы размышляя, стоит ли со мной разговаривать, или придушить выскочку на месте. Должно быть, он привык, что —чвочечки” разбегаются от него с криком, и сейчас был в нерешительности.

– Меня зовут Доломис. Я дракона – страж порядка, хранитель равновесия. Я появилась, когда менялось Время, и уйду вместе с этим миром. Мир изменился, но что-то осталось прежним, и остались недовольные... м-м-м... сущности. Они хотели вернуть все обратно, но могли лишь добиться безвременья, хаоса. Поэтому появилась я. Моя обязанность – находить и нейтрализовать тех, кто нарушает Порядок. Статуя должна быть неподвижна – это Закон.

– А ты? – голос уже стал почти нормальным, и даже не дрожал. Как будто я каждый день беседую с трехметровыми чудовищами, сидящими на подоконнике.

– А я не статуя. Я вообще неизвестно что, но впервые появилась в этом теле, поэтому считаю себя драконом... Не драконшей, не драконихой, именно драконом. А так, размер и форма не суще-

ственны. Смотри.

Она шевельнула хвостом, и я на мгновение ослеп. Проморгавшись, я не сразу понял, что случилось: вместо драконы передо мной сидела канарейка.

– Иногда полезно быть маленькой и незаметной, - прочирикала она. - И не три глаза. Я просто на время выключила твоё зрение. Для эффекта. Само превращение не слишком эстетично... - Взгляд канарейки потускнел, и она прикрыла глаза. – Ну все, мне пора. Спасибо что выслушал – даже драконам иногда нужны слушатели.

– А если я нарушу порядок?

Канарейка обернулась и печально покачала головой.

– В тот день, когда человек поймет свою силу и сможет изменить хоть что –нибудь, я исчезну, потому что придет новая эпоха, новый порядок, а с ним и новые хранители... Удачи тебе.

Канарейка взвилась в воздух и рассыпалась горсткой желтых перьев, ни одно из них не долетело до пола, превратившись в золотистую пыль, подхваченную и разнесенную внезапным сквозняком. Я задумчиво постоял над кучей мраморной крошки, подобрал один осколок, сунул в карман и медленно побрел прочь из зала. Острый осколок при каждом шаге впивался в ногу, напоминая о несчастном атланте и печальном страже.

А может, я все же сплю? Или сошел с ума?

ДВОРЦОВА Надежда

ЧТО?

Зварус торопился в тронный зал. Повелитель гневался, и приходилось спешить, но коридоры замка казались бесконечными. Наступая на подол традиционной чёрной мантии и спотыкаясь на высоких ступеньках, он всё-таки прокручивал в уме свои последние неудачи. Шесть покушений! Шесть!

Ни одно не удалось! Чья магия, чья страшная мощь встала на пути его воли? Самое сложное покушение - на его подготовку он потратил огромное количество Силы и немало магических снадобий. Купол библиотеки должен был обвалиться на голову этого мерзавца! Долгими ночами, на большом расстоянии, своей уни-

кальной деструктивной магией он расшатывал камни купола. И что? Придворный архитектор, который появлялся в замке очень редко, а переделывал что-либо ещё реже - именно в день провала затеял надстроить обсерваторию над библиотекой. Работники легко, очень легко разобрали потолок. А лошадь, которая должна была расшибить его о камни? Она "не понесла"! Её, видите ли, удалось успокоить! А специально подготовленный наёмный убийца с редчайшим ножом, самостоятельно находящим сердце недруга? Парень внедрялся в охрану в течение месяца. Не доверяя волшебному оружию, он смазал клинок ядом, а потом, как крутой профессионал, порезался им! Об остальном даже и вспоминать не хотелось.

Вот и вход в тронный зал. Повелитель, естественно, на троне. Сейчас начнётся...

– Ничтожный колдунишка! Когда мне, наконец, принесут весть о гибели Алена? Пока ты собираешься с мыслями, его государство набирает силу! Ещё месяц-другой, и он двинет на меня войско! А может быть, ты выбрал другого господина? Почему моя казна пустеет, а его пополняется?

– Но, мой повелитель, я предан вам как никто! Ведь именно с моей помощью умерли или сошли с ума...

– Молчи, дурак! Не хочу, ни слышать, ни помнить. Сейчас нам нужно королевство Алена. И я хочу знать, когда я получу известие о его смерти?

– Повелитель! Я виноват, конечно, виноват! Я прошу у вас ещё неделю. Одну неделю! Я уже предпринял нужные шаги. Ровно через неделю ваш враг будет мёртв.

Кроме тупой надменности, во взгляде короля не было ничего - ни интереса, ни жестокости - ничего. Пропустив мимо ушей обязательные угрозы и произнеся обязательные оправдания и самоунижения, Зварус медленно, постоянно кланяясь, вышел из зала спиной вперёд. Как же давно он здесь служит! На его глазах мелкий злобный мальчик превратился в тупого жестокого короля. С помощью Зваруса было завоёвано двенадцать государств. Каждый раз эта помощь давалась ему всё труднее. Его опыт возрастал, но росли и аппетиты короля.

И не разу он не получил достойной награды!

– А может быть, такой повелитель – и есть моя награда за мои дела? – горько усмехнулся он.

Придя в свою комнату, Зварус развёл огонь в жаровне, зажёл свечи и взял хрустальный шар. Шар привычно осветился изнутри...

Аула вошла в королевскую опочивальню, отодвинула тяжёлую портьеру окна, подошла к кровати и положила тёплую ладошку на плечо Алена. Открыв глаза, он в который раз удивился ясному свету, излучаемому этой девушкой. Казалось, что её лёгкая фигурка соперничает со столбом света, бьющего из проёма окна.

– Рано утром был сильный ливень, – зашебетала она, – а ты всё проспал! Сейчас в саду замечательно – свежо и мокро!

– С добрым утром, родная, – Ален сладко потянулся – Пойдём завтракать?

Они спустились в обеденный чертог и сели за простой завтрак: вино, хлеб и мясо. Лакей подошёл повязать салфетку на грудь Алена, но Аула, смеясь, вскочила, отобрала хрустящий кусочек льна. Попутно она пролила бокал вина, стоявший перед Аленом, и забрызгала его рубаху. Огорчилась, стала вытирать этой же салфеткой. Смеясь, Ален подхватил её на руки, и они отбыли переодеваться. Никто не видел, как собака, давно живущая в замке, понюхала вино. Вдруг она начала чихать и тереть лапами нос. Никто не видел, как рвало беднягу на заднем дворе. И никто не видел, как из воздуха над стулом Алена соткалась крупная змея, и, не найдя его, выползла в сад.

Спустились Ален и Аула только к обеду. За обедом Аула, как всегда, звенела весенней синичкой, а Ален молча слушал её голосок и думал, что уже не представляет себе день, час, минуту, в которой её не будет.

После обеда они вышли в парк и тихо пошли по аллее. Влажные листья радостно отдавали прохладу, дорожки блестели мелкими лужицами. По парку протекал ручей, ложе которого скрывало довольно глубокое ущелье. Мост был изящен, но узок, и Аула, смеясь, вскочила на широкую доску перил. Ален вначале просто вёл её, а потом пошёл по другой перекладине. Они смотрели под ноги и, иногда, друг на друга. Никто из них не заметил, как медленно и бесшумно выходят из своих пазов перекладины моста под ними, и одна за другой падают и падают вниз. В замок они возвращались другой дорогой. Подняв голову, Аула увидела живописный кусок скалы, нависающий над тропинкой. Перед ним был плоский камень. Быстро и ловко девушка взобралась туда, встала на площадку, которая, как клин, долгие годы держала скалу на месте. Раскинув руки по скале, она повернула лицо в профиль. Густые светлые волосы рассыпались по дикому камню. Девушка замерла. Ален, который вначале что-то кричал и хлопал в ладоши – застыл тоже.

Она была такой прекрасной, такой хрупкой! И чудесная панорама, открывающаяся с тропы, и лазурное небо были всего лишь фоном, слабым обрамлением невероятной красоты Аулы.

Зварус чувствовал, что сейчас просто умрёт. Отдав немало своей Силы на устройство катастрофы на мосту – он просто иссяк. Противная плита никак не хотела вылезать из-под камня! Ещё бы! На ней стояла эта девица! Он потел, задыхался, тянул изо всех сил, тянул, находясь за несколько километров – О, тёмные боги! – а проклятая плита только мелко тряслась. Ну сколько можно любоваться этой куклой! Зварус не мог прервать контакта – ведь подготовка к подобной акции займёт ещё неделю. Это его последняя надежда. Он тянул. Девушка стояла. Он тащил. Она не уходила. Он истекал едким, солёным потом, ноги противно тряслись, ныли усталые руки и спина. Девушка, хорошо видимая в шаре, уселась на плиту. Как было бы хорошо обрушить её вместе со скалой на голову этого негодяя! Вдруг Ален начал подниматься к ней и - О, Везельвул! - вышел из зоны поражения. В лаборатории мага раздался неприличный звук и появился неприятный запах. Когда они сели рядом и обнялись, он грохнул об стену свой хрустальный шар. В чём дело? Этот шар столько раз с бесстыдной ясностью отражал взаимоотношения королей и их любовниц и жён! О проклятые боги, что это были за отношения! И вдруг... Нет, она колдунья, она страшная колдунья! Такая молодая? Кто же из его коллег-соперников мог подготовить её так быстро?

***

Ночью Зварус, взыв от боли, взрезал свою ладонь. Вначале струйкой, затем каплями кровь пролилась на алтарь и вскипела лёгкими пузырьками. Над алтарём поднялось облако, которое постепенно приобрело черты лица Аулы. Медленно и торжественно Зварус произнёс:

– Находясь под заклатьем правды – назови имя своего учителя!

Губы девушки медленно отворились, а брови удивлённо воспроизвели фигуру "домик".

– В этом нет секрета, почтенный господин! Меня учил грамоте наш священник, отец Мур.

– Тогда почему ты так ловко разрушаешь все мои планы?

– Я не знаю о ваших планах, почтенный господин.

Лицо девушки стало задумчивым.

– Может быть, я просто...

Тут Ален, наверное, повернулся в своём замке на другой бок,

Аула проснулась, и лицо над алтарём исчезло.

Что??? Что ты хотела сказать? Поработила? Использую? Что?

Так кричал маленький злой человек в чёрной мантии, кривя лицо от боли и сжимая покалеченную руку.

Где-то под потолком задумчиво и ласково улыбалась вернувшаяся душа девушки. Она не была уже связана заклетьем, не собиралась отвечать на вопросы. Дома всё было спокойно, и даже наколдованная змея нашла себе дикую подружку и тихо спала. Поэтому душа Аулы тихо и понимающе улыбалась.

БОЧАРНИКОВ Евгений

ТЕ, КТО СТАРШЕ НАС

Из тьмы смотрели миллиарды ярких, жадных глаз. Они шептались, они пророчили, они кричали.

- Тьма с вами, вы лишь часть тьмы... ТЬМА...

Их шепот, крик, пророчество доходили до нас, но мы отсиживались за своими каменными стенами у своих погасших каминов.

Но однажды мы вышли из своих жилищ и увидели тьму... И миллиарды глаз, смотревших из нее. Мы испугались и закричали:

- Мы другие, мы не ваши, мы ненавидим вас...

И тьма расхохоталась, она смеялась нам в глаза и шептала:

- Тихо, тихо. Дети, вы уже наши, раз кричите небу...

И небо упало на нас множеством черных игл... Тьма поглотила нас... И теперь мы с ней, и кричим вам о том, что вы тоже часть ее... А к миллиардам глаз прибавилось еще несколько пар...

БОСИКОМ ЗА ВАСИЛИСОЙ

СКАЗКА

Маленький, неуклюжий гном поспешно семенил по плитам длиннющего коридора, громко шаркал и то и дело запинался. Ему при рождении было дано грозное имя Зигмунд, в надежде, что оно сделает его героем. Но Зигмунд из него вышел никудышный, с годами он все больше походил на тех примитивных гномов, которых все зовут Кешами да Кузями. Правда, иногда грозное имя Зигмунд вскипало в его крови, и тогда он мучительно хотел подвига, вот только не знал какого. Он шел, опустив свой курносый нос так низко, что даже самый его кончик, вечно задранный в небо, уныло устался в пол. В его крови снова бродил Зигмунд. Так и не найдя порядочного дела, гном сосредоточенно наматывал круги по всему зданию.

Вдруг он со всего размаха налетел на что-то громадное. Без энтузиазма оторвав взгляд от пола, он оглядел препятствие и разочарованно махнул рукой.

-А, человек.

Зигмунд обошел резиновый сапог, поправил капюшон, глядя на свое мутное отражение на его черной глади, и заспешил дальше. Но тут его нагло схватили и подняли под потолок.

-Ты что - гном? - глупо вылутился нахал.

-Сам не видишь?- огрызнулся Зигмунд.

-Настоящий?

-Нет, из мыльных пузырей.

-Что, правда?

-Отстань от меня,- рассердился гном.- Поставь на место.

Но этот невозможный тупица все равно не понял и опустил его на подоконник.

-Я из тебя жабу сделаю,- пообещал Зигмунд, пытаясь спуститься.

-Как?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Зигмунд не знал, как превращать людей в жаб. Он вообще мало знал об этих двуногих тварях.

-Нет, ты правда гном? - снова спросило тупое существо.

-Да, да, да! - заорал гном.

-Из параллельного мира?

-Из нормального мира.

-Как это из нормального? Это наш нормальный. Наш мир...

-Помойка!

-Да мы все можем!

-Это вы-то!?! - гном расхохотался. - Колдовать разучились, зверей не понимаете, под водой дышите только в намордниках. Скоро ходить разучитесь.

-А ты можешь дышать в воде? - удивился двуногий.

-Разумеется.

-И не тонешь?

-Зачем?

-Ну не знаю. Я же тону.

-Вот и дурак. Все они могут. Умора! - бурчал гном.

Он уже готов был юркнуть сквозь стену, но двуногий опять его сцапал.

-Тебя как зовут?

-Зигмунд, - гордо произнес гном.

-А меня Семен. Семен Николаевич.

-Ну и что?

-Давай дружить, - неожиданно предложил Семен.

Гном посмотрел на него внимательнее. По человечесьему времени ему лет двадцать. Долговязый, худой, рыжий. Большой рот, глаза светлые, уши торчат. Нет, жаба из него точно не получится, разве что лягушка.

-Чего это я стану с тобой дружить? - сощурился гном.

-Так просто, чтобы веселее было.

-Мне и так весело, - соврал Зигмунд.

-А будет еще веселее, - пообещал Семен.- Чипсов хочешь?

Зигмунд не устоял. Отказаться от чипсов было выше его сил. Из всего, что изобрели бестолковые люди, он тащил в свой мир только солёные, невесомые хрустяшки. Семен извлек из необъятного кормана целый пакетик хрустящего счастья и подал гному. Он взял его обеими руками и даже разволновался.

-Это все мне?

-Конечно. Жуй, - улыбнулся Семен.

Улыбка у него была хорошая, веселая. И Зигмунд как-то вдруг решил, что дружить с ним - это здорово.

Пока гном чавкал, парень присел на корточки у стены и с величайшим интересом его разглядывал.

-А вы все такие маленькие?

-Бывают еще меньше, - невнятно ответил гном.
-А вы злые?
-Добрые. Это упыри - злюки.
-Понравилось? Еще хочешь?
-Угу.
-На, держи. Мне тоже одного пакетика мало, всегда беру два.
"Какой замечательный человек, - думал гном. - И какой большой карман."
-Ты здесь живешь? - прохрустел он.
- Учусь. А ты дух университета?
-Вот еще! Духи примитивные, они из ваших.
-А что ты здесь делаешь?
-Думаю. Тут хорошо думать.
-Для того и строили. И о чем тебе думается в этих умных стенах?
Зигмунд перестал жевать, вздохнул грустно:
-О героях.
-Сказочных?
-Настоящих. Как Иван Царевич, - мечтательно произнес гном.
-Какой же он герой?- удивился Семен.
-Он змея победил!- восхищенно выдохнул Зигмунд.
-Это все сказки,- отмахнулся студент.
-У вас сказки, а у нас на самом деле. У нас все на самом деле.
-Что, и баба Яга? - выпучил глаза Семен.
-Конечно.
-Злая?
-Мудрая, вечно всех поучает, - поморщился гном. -Все на свете знает.
-И Василиса Прекрасная есть?
-Ага.
-Она в самом деле всех красивей ?
-А как же.
-Вот бы посмотреть! - оживился студент.
-Нельзя.
-Почему?
-Влюбишься. Сохнуть будешь, - вдохнул гном скорбно.
-А если и она меня полюбит?
-Не полюбит, - убежденно заявил Зигмунд.
-Ты-то откуда знаешь? - обиделся Семен.
-Ты хлипкий.
-Какой?

-Ну, понимаешь, ты не герой. А она должна полюбить обязательно героя. Чтобы стать настоящим героем нужно найти свое призвание. Я вот тоже ищу свое призвание.

-И какие бывают у гномов призвания? - спросил Семен без интереса.

-Детей спасать, музей охранять, клады делать. Некоторые преподавателей отвлекают во время экзаменов.

-Вот мне бы такого, - размечтался студент.

-Личных гномов не бывает. Это тебе не тамагочи. Тоже мне, напридумалидохлых железок.

-Так и вас всех мы придумали.

Что?! - Зигмунд рассвирепел. - Вы нас!? Да мы вас старше на... на... Вы все нас моложе, как ты своего деда. Может, это мы вас выдумали от скуки. Полицию - Змей Горыныч, а банкиров - Кашей Бессмертный.

-А Василиса кого?

-Не знаю.

-Пошли спросим.

Семен решительно встал.

-Ну, как к вам попадают?

Гном сразу одумался.

-Нельзя тебе к нам! Пропадешь! Не подходишь ты. Не богатырь и не волшебник. Небось и сказок не знаешь.

-Надо будет, вспомню. Тебе наши или народов мира?

-У нас все вместе, - буркнул гном. Его курносое лицо выражало крайнюю озабоченность. - С конем сладишь?

-С конем...- замялся Семен.

-Понятно. Меч в руках не держал, лук не натягивал, гусли не видел. Встретишь ежа - в обморок упадешь.

-Неправда! - возмутился студент.- Мы каждое лето в походы ходим. На днях опять пойдем. Я в лесу как дома.

-Ню, ню, - сказал гном и исчез.

Ошарашенный Семен стоял посреди коридора, хлопал глазами, ничего не понимая.

Неделю спустя веселая студенческая компания, взвалив на плечи рюкзаки, надвинув на глаза бейсболки, двинулись в путь за редким в городе ощущением свободы. Высыпавшись, как горох из электрички, туристы нырнули в лесную тень на узкую тропинку. Топали по влажному песочку, спотыкались о корни, пугали лягушек.

Семен шел последним, упершись взглядом в огромный, рыжий рюкзак впереди. С первых шагов поход этот уже его не радовал, сапог тер пятку, недельные запасы за плечами тянули к земле, желудок требовал пищи. Хотелось ныть и жаловаться. Красот природы он не видел, птиц не слышал, в общем, еле дожил до привала.

Как только он сбросил стопудовый рюкзак, Семену показалось, что он стал легким, как молодой кузнечик. Он стянул сапоги, земля приятно холодила уставшие ноги, еще бы умыться.

-Чур, я за водой. Я знаю, где ручей.

Семен схватил оба котелка и поскакал к ручью. Веселая, прозрачная вода звенела совсем рядом. Семен продрался через кусты, зачерпнул полный котелок и вылил на голову, как в прорубь рухнул. Даже глаза зажмурил от удовольствия.

-Ну что, пошли?

Семен вздрогнул от неожиданности. Сквозь мокрую челку разглядел маленькую фигурку.

-Зигмунд?

-Смотри-ка, узнал. Ты не передумал?

-Чего?

-Наш мир смотреть.

-Ты так неожиданно пропал тогда...

-Так ты идешь?

-Что, прямо сейчас? - растерялся студент.

-Иди, пока зовут. А то передумаю.

-Ладно. Только быстро, меня ждут.

Гном энергично зашагал вдоль ручья, Семен шлепал за ним. Он все ждал какой-нибудь пещеры или норы, но лес шумел вокруг самый обыкновенный, березы, елки кое-где.. Гном просто морочил ему голову.

-Ты, что издеваешься?! Зря гоняешь меня по лесу, - возмутился студент.

-Скоро придем, - заверил Зигмунд, но ничего не изменилось. Елки, березы.

И вдруг все его существо пронзил ужас. Волосы встали дыбом, руки похолодели.

-Что это? - пролепетал он пересохшими губами.

-А, Соловей-Разбойник, - отмахнулся гном, - закрой уши.

Сделав как сказано, Семен чуть успокоился и понял.

-Ультразвук. Ничего себе Соловей-Разбойник! Значит, уже пришли?

Точно как в былинах, трава стелилась к земле и деревья гну-

лись как от сильного ветра. Уши начали болеть. Зигмунд что-то пробурчал и сменил направление. Они бежали со всех ног, звук стал слабеть и, наконец, стих.

-Житья от него нет! - ругался гном. - Всех птиц распугал! Чтoб ему зубы кто-нибудь выбил!

-Он что, все время так? - поежился Семен.

-Нет. Только если настроение веселое.

Они вышли из леса. Впереди разлеглись широкие поля. На горизонте темнел другой лес.

-Нам туда, - указал Зигмунд.

-Далеко!

-Глупости!

Тут Семен снова застыл от удивления. Там, где травяной покров сменялся черным морем пашни, за плугом шел колоссального роста пахарь золотоволосый, в белой рубахе, босой.

-Это Добрыня Никитич поле готовит, - объяснил Зигмунд.

-А?

-Да, это он змея на днях победил. Чего силище зря пропадать. Вот он и пристроил зверюгу к делу.

Огромное ярко-зеленое пресмыкающееся изо всех сил тащило плуг. Змей вытягивал длинную шею, шипел, рычал, дико пучил глаза, плевался.. Чешуя блестела на солнце, как начищенная.

-Вот это монстр! И много у вас таких?

-Полно. Пошли быстрее, а то до темноты не доберемся, - торопил гном.

-Меня же потеряют, - ужаснулся Семен.

-Не потеряют, - заявил гном так категорично, что студент поверил. - К Василесе коротких путей нет.

Идти по свежевспаханной земле было трудно и так непривычно для босых ног горожанина, что Семен полностью сосредоточился на ходьбе. Видел только толстых дождевых червей да белые корешки в глубокой борозде.

На опушке леса они присели отдохнуть. Оседлав бревно, студент весело наблюдал, как, умаявшись, змей Добрыни повалился на толстое брюхо и тяжело водил боками. Богатырь принес откуда-то огромную бадью с водой, окатил зверюгу. Их обоих тут же скрыли густые клубы пара.

-Подъем! - скомандовал Зигмунд. - Уже совсем близко.

И правда, не прошли они вдоль кромки леса и ста метров, как на их пути встал огромный дуб. Толстый, здоровенный, все небо закрыл листьями. Обогнув гиганта, Семен остановился и восхи-

ценно уставился на новую невидаль. На фоне ослепительно синего, неохватного неба как шлем богатыря высился алый шатер, перевитый золотыми шнурами. У входа величавый, будто памятник, стоял богатырский конь - белый в яблоках, волнистая грива спускалась до самой земли. Он кивал точеной головой, звенел серебряной сбруей.

-Ух ты! Это все чье же? Добрыни?

-Мелковато для Добрыни, - сощурился гном.

-А чье?

-Твое.

От такого ответа у Семена земля из - под ног ухнула. Он так и сел на корень дуба.

-Как мое?

-Надо же тебя в порядок привести. Ты что к Василисе в этих драных джинсах собрался?

-А что? - испугался студент. - Плохо выгляжу?

-Хорошо, для пугала в огороде. Поднимайся, будем из тебя человека делать. Да-а, трудненько придется, —покачал головой Зигмунд, глядя, как Семен неуклюже вставал на ноги и бочком, затаив дыхание, крался мимо коня.

Гордое животное только мотнуло головой, отгоняя мошек, а студент пулей влетел в шатер, чуть живой от страха. Гном так и покатился со смеху.

-Что ты смеешься! - возмутился Семен. - Вдруг он мне в глаз копытом даст!

-А ему под хвост не лезь и не даст! - до слез смеялся Зигмунд.

-Хорошо тебе смеяться, - надулся Семен. - Я и на пони-то не ездил, а тут такая громада.

Гном вытер мокрые глаза, сказал серьезно:

-Не знаю, как пони, а этот конь точно умнее тебя. Будешь ему доверять, и все у тебя получится. А пока, облачайся.

Семен растерянно оглянулся. Шатер был устлан яркими коврами, уложен подушками. В центре студент с ужасом увидел богатырские доспехи.

-И... это мне?

-Конечно. Что тебе не нравится?

-Размерчик не мой. Я меньше раз в пять.

-Пожалуй, - поморщился гном. - Ну-ка примерь.

-Они меня раздавят.

-Щщас, - сказал гном, съежился весь, замахал руками, надул щеки, даже покраснел от натуги и тоненько, жалобно свистнул. Вся

амуниция уменьшилась вдвое. Семен долго сопел, напяливая тяжелую кольчугу,

-Она мне до пяток достает, а в шлем я весь войду.

Гном снова сморщился, студент зажмурился, когда открыл глаза, все было идеально: шлем, рубаха, кольчуга, штаны, наколенники, налокотники...

-А сапоги?

-Что - сапоги? - гном втянул голову в плечи.

-Почему они не уменьшились?

-Наверное, это неправильные сапоги.

-Попробуй еще. В таких я и шага не шагну.

Рис. Анны Беспаловой

-Снимай, попробую.

Семен поставил огромные, красные боты на одну из подушек и отошел опасливо. Через мгновение на подушке валялись два крошечных, кукольных сапожка.

-Ты что наделал?! Верни!

-Не могу, - угрюмо сознался Зигмунд. - Они совсем неправильные. Если раз не получилось, теперь не исправишь.

-Да они и тебе-то малы.

-Босиком пойдешь.

-Ты спятил?!- возмутился студент.

Зигмунд обиделся, надул губы, засунул руки в карманы и отвернулся. Семен тупо смотрел то на сапожки, то на свои ноги. Как ни силился, не мог он представить себе витязя при полном параде и босого.

-Сделай хоть что-нибудь, - прохныкал он умоляюще. - Я же все ваше зверье уморю в таком виде.

-Как? - не понял гном.

-Так и помрут со смеху. Не пойду к Василисе! Это же черт знает что такое! Ну посмотри на меня!

Гном обернулся, еще секунду сохранял обиженную мину, но не выдержал и расхохотался. Его бедного так трясло, что он повалился на подушки и дрыгал ногами.

-Сделай-ка лицо пострашнее, - приговаривал он давясь смехом, - ты еще меч, меч возьми. Ой, умора! Ну, богатырь! Семен - голая пятка!

Студент стоял в центре шатра в сверкающих доспехах, грозно хмурил брови, низко надвинув шлем, глядел мрачно и решительно, сжимал кулаки и шевелил пальцами босых ног.

С трудом успокоившись, Зигмунд напряг все силы, чтобы исправить положение. Он морщился, как зимняя груша, вертелся, как волчок, прыгал, приседал, застывал, как столб, кричал, бурчал, мычал...

Все было напрасно. Сапожки беззаботно валялись на подушке, игнорируя манипуляции гнома. А потом и вовсе пропали.

-Ох, - только и успел сказать студент.

-Не раскисай, - заявил Зигмунд, вытирая пот со лба. - С обувью не вышло, я сделаю так, чтобы никто не заметил, что ее нет.

-Никто, никто? - недоверчиво переспросил Семен.

-Никто, - заверил гном.

Оба вздохнули с облегчением, но самое страшное было еще впереди. Едва босой богатырь вышел из шатра, как ему нестерпимо захотелось вернуться обратно.

-Садись в седло, поехали, - весело scomандовал гном. - Для новоиспеченного витязя его слова прозвучали, как приговор.

-Ни за что! - отрезал Семен.

Зигмунд сделал страшное лицо.

-В жабу превращу!

-Лучше бы сапоги сделал, - огрызнулся Семен и сделал шаг к коню.

-Сапог не могу, а жабу могу! - угрожал Зигмунд. - В большую

жабу!

-Это такая в бородавках? - уточнил витязь.

-В бородавках, - заверил гном. - Мокрая, мерзкая, квакает, шипел он, наступая на Семена, и уже начинал морщиться.

-А может пешком? - пискнул богатырь.

-Нельзя!

Похолодевший от ужаса Семен поставил ногу в стремя, взялся за седло, с трудом подтянулся, стал перекидывать ногу, но услышал гнусное хихиканье гнома.

-Что еще?

-Богатырь Семен не прост,

Едет - держится за хвост, - пропел Зигмунд. Семен сжал зубы, попробовал еще раз.

-Богатырь наш деловой,

Ездит он вперед спиной.

Студент обошел коня, гном не унимался.

-Вот вам новый авангард,

Скачет конь башкой назад.

Кое-как разобравшись с ногами, босой богатырь, наконец, уселся правильно и перевел дух. Зигмунд подпрыгнул, как мячик, плюхнулся впереди него .

-Трогай.

-Сам его трогай.

-Фу, тупень,- фыркнул гном.

Зигмунд шепнул что-то коню в большее ухо, и он величавой поступью двинулся вперед. Новый богатырь сидел ни жив ни мертв, боясь дышать, весь напрягся, облизывал пересохшие губы. Гном вертелся и ерзал, что-то высматривал.

-Странненько, странненько. Куда она могла деваться? Тут была, точно помню. И спросить не у кого. И где они все?

-Кого ты ищешь?

-Да Василису твою. Вчера еще здесь была. Ничего не понимаю.

-Может, ушла куда? Что ей посреди поля сидеть?

- Тут шатер ее был. Прямо здесь стоял.

Гном соскочил на землю. Конь встал как вкопанный. Зигмунд поднял обгорелую палочку и схватился за голову.

-Похитили! Так и есть, змей похитил!

-А может, съел? - почему-то спросил Семен.

-Думай, что говоришь. У нас змеи девиц не едят.

-А кого едят?

-Добрых молодцев.

Семен со стоном сполз с коня.

-Хочу домой!

-Теперь нельзя.

-А когда?

-Пока Василису не найдем, домой нельзя, - неумолимо серьезно произнес Зигмунд.

-Нет, это все мне снится! И за что мне эти муки?! - взмолился босой богатырь. - Кони! Змеи! Домой хочу.

-Не ной. Думать мешаешь, - зашипел на него гном.

-О чем тут думать!?

-Садись на коня, к Бабе-Яге поедем, она все знает. Если будет в духе, расскажет, где Василису искать, - рассуждал Зигмунд, наморщив лоб.

-Еще и Баба-Яга!- возмутился студент. - Никуда я не поеду! Сам разбирайся!

-Ладно, оставайся, - фыркнул гном. - Жабы в природе тоже нужны.

-Что?! Не надо! - испугался Семен. - Я еду! Еду!

По лесу ехать верхом оказалось еще хуже, чем по полю. То и дело приходилось наклоняться, чтобы ветки не били по лицу, их, конечно, можно было и рукой отвести, но богатырь боялся выпустить из пальцев гриву и вывалиться из седла. Устав кланяться, он скукожился, прижался к коню. Так и сидел, как приклеенный, даже глаза зажмурил. Зигмунд важно шагал впереди, не переставая ворчать.

-Вечно мне не везет. Богатырь - липовый, даже коня боится, Василису змей спер, теперь хочешь - не хочешь придется с ним воевать, а у меня такой вояка...

Гном сплюнул в траву и пошел быстрее. Тропа петляла, раздваивалась, терялась в траве, но неуклонно вела в чащу. Золоченые солнцем березки, сменились хмурыми елями, замшелые, корявые стволы все теснее жались друг к другу, лохматые ветви низко склонялись над тропой

Когда тропинка совсем пропала из виду, гном вздохнул, полез в карман, достал кусок хлеба и тоненько засвистел. Невесть откуда перед ним появился черный котяра. Он схватил с ладони хлеб, пожевал недовольно и, задрав пушистый хвост, затрусил между стволов. Семен следил за происходящим, осторожно открыв один глаз. Среди вековых деревьев было так темно, что кота почти не было видно, только когда он оборачивался, ярко светились желтые глаза.

-Эй, проснись, приехали! - гном потянул Семена за ногу.

Богатырь вздохнул, сполз с коня, все тело ломило, он едва разогнул затекшую спину.

-Темно, хоть глаз выколи. Где это мы?

-Иди за мной, - велел гном.

Посреди непроглядной тьмы раздался скрип и появился освещенный квадрат. В дорожке света от него Семен увидел кусок забора, увенчанный черепами коров и людей. Волосы у него встали дыбом, когда из темноты появилась огромная куриная нога, поскребла землю и убралась обратно. Потом раздалось громкое кудаханье и старушечий голос.

-Молчи, дура деревянная! Стой ровно! Опять из-за тебя квашню опрокинула. Вот вкопаю тебя в землю по самую крышу!

Снова появилась куриная лапа и сложилась в выразительную фигу.

-Кто там пришел? Чего во дворе топчитесь? - спросила старуха.

-Это Зигмунд, бабуля, - подал голос гном. - Я не один, с богатырем.

-Чаво-то не чую богатыря. А ну, иди на свет!

Гном толкнул Семена, он шагнул на желтую полосу, кот метнулся из-под ног, витязь потерял равновесие и растянулся на земле. Шлем свалился с головы и укатился в темноту

-Бо-га-тырь...- протянула старуха. - Он что - не местный?

-Первый раз у нас, - пояснил Зигмунд и шмыгнул в избушку.

Семен поспешно поднялся и последовал за ним. Поднявшись на три ступеньки, он оказался в небольшой светлой горенке. Беленая печка, пузатый самовар, чистая скатерть на столе, вышитые занавески, тепло, уютно. На сундуке сидела старушка в ярком платке, нос картошкой, глаза злющие.

-С чем пожаловал, добрый молодец? Дела пытаешь аль от дела пытаешь? - строго спросила она, точно как положено в сказке.

И тут Семена понесло.

-Ты, старая, сначала меня напои, накорми, в баньке попарь, а потом и спрашивай! - выпалил он.

Старуха аж рот разинула.

-Как посмел!

-А разве не так надо?! - растерялся студент.

-Прости его, бабушка, - засуетился гном. - Он неуч. Читал что попало. Он больше не будет.

-Это он что ли босиком за Василисой идет? - спросила Баба-

Яга строго.

-Он, - потупился Зигмунд. - Я думал, из него герой получится, а он...

-Знаю, знаю, - махнула рукой старуха. - Мне про богатыря без сапог еще бабка говорила, помочь велела. Босых земля любит. Садитесь за стол, с голодухи какие геройства.

После щей, пирогов с зайчатиной, соленых грибочков, варенья и меда, после малинового чая, Семену уже никуда идти не хотелось. А гном выскочил из-за стола, напомнил:

-Покажи, бабуля, где Василису искать, да мы пойдем.

Баба-Яга достала из-за печки медный таз, начищенный как зеркало, велела Семену.

-Гляди сюда.

Студент заглянул на дно таза и отпрянул.

-Вот это телевизор!

-Тоже мне, сравнил, - буркнула старуха.

По круглому дну плыли облака, светило солнце, неожиданно появилось что-то темное и стало приближаться. Стали различимы длинный хвост, толстое тело, лапы с когтями. Из облака дыма разом вынырнули две головы.

-Вот это хари!- вырвалось у Семена.

Пасти дышали рыжим пламенем, внизу загорались деревья и кусты. Все заволакивал черный дым.

-Мутант огнедышащий!

-Все пожег супостат. Житья от него нет! У него Василиса!- сказала Баба-Яга.

-Не! К нему не пойду!- замотал головой богатырь.

-А Василиса?

-Да Бог с ней.

-Смотри!- велела Яга и толкнула его к тазу.

Из дальней дали глянули на Семена огромные синие глаза, порхнули стрелы ресниц. Видение исчезло, а он все стоял, как громом пораженный. Его сердце наполнилось восторгом и незнакомой нежностью.

-Все, влюбился, - констатировал Зигмунд, помахав ладонью перед его носом.

-Куда идти? - хрипло спросил Семен.

-Вот тебе клубок, куда он покатится, туда и ступай.

Яга подала ему клубок красных ниток, но он выпал из его руки и быстро покатился из избушки. Богатырь ринулся за ним. Он бе-

жал по лесу, не видя ничего, кроме этого клубка. Торчащие щепки и корни кололи босые ноги, ветки елей хлестали по лицу, темные силуэты появлялись и пропадали в чаще, смутно светились трухлявые пни, скрипели вековые стволы, жутко ухал филин. Богатыря уже ничего не пугало. Клубок постепенно разматывался, становился все меньше и вдруг кончился.

На сухой растрескавшейся земле осталась только красная ниточка. Семен перевел дух, огляделся, лес кончился, кругом горелые пеньки, зола, пыль.

-Эй, зверюга! Где ты есть? - закричал богатырь что есть силы.

Сверху раздалось хлопанье тяжелых крыльев и шипение. Семен поднял голову, прямо на него падал здоровенный змей. Обе головы извергали пламя, когти жутко сверкали, громадные кожаные крылья закрывали небо.

-Мама, - прошептал витязь и хотел бежать, но вспомнил синие глаза и вытащил меч.

-Урод вонючий! - кричал Семен на змея, чтобы разозлиться. - Вот я тебя!

Он замахнулся тяжеленным мечем, но змей выбил его ударом огромного хвоста. Навалился на богатыря всем своим весом, сбил с ног, сгреб его в лапищу.

-Еда-а!

-Какая я тебе еда! - прохрипел Семен.

-Вкусная-я!

Обе головы разинули зловонные пасти. Богатырь зажмурился и выпалил:

-Кто первый?

-Чего-о? - не поняли головы.

-Левая или правая?

Пасти захлопнулись, головы посмотрели друг на друга. Семен едва успел перевести дух.

-Вместе-е, - зашипели головы.

-Стойте! - заорал богатырь. - Я ядовитый! Я кислый и горький и ...

-Обожаю-ю!

-Последнее желание!

Пасти опять захлопнулись.

-Перед смертью положено выполнять одно желание, последнее, - затараторил Семен.

-Быстрее-е, - велела правая голова.

-Шустрее-е, - прошипела левая.

-А ты точно исполнишь?

-Точно-о.

-Я хочу... хочу...

Головы дышали нестерпимым жаром.

-Хочу, чтобы ты остыл! - выпалил Семен, не подумав.

-Холодно-о! - зашипело чудовище с очень тупым видом.

Его четыре красных глаза потухли и стали прозрачно серыми, из ноздрей повалил пар, и повисли сосульки. Змей разинул пасти, чтобы испепелить богатыря, но из обеих полилась вода.

-Бр, холодно! - завопил промокший Семен.

-Холодно-о! - повторил змей.

-А ты отпусти меня, будет теплее, - посоветовал хитрый витязь.

Чудовище разжало лапы, и Семен повалился на землю. Змей тряс головами, топал, бил хвостом, махал крыльями, чтобы согреться. Он снова и снова разевал пасти и налил столько воды, что растрескавшаяся земля стала влажной, появились лужи и ручейки.

-Бабушка-а! - обиженно взвизгнул змей и с шумом поднявшись в воздух, быстро исчез за облаками.

-Больше никогда не вернется, - услышал Семен радостный голос Зигмунда. - Здорово ты его одолел! Настоящий герой!

Босой богатырь гордо выпрямился. Над промокшей землей поднимался туман, и Семен все силился через его пелену разглядеть девичий силуэт. Туман становился все гуще ...

Семен открыл глаза. Сон медленно отступал. Он так удобно устроился на парте, голос лектора звучал монотонно. Семен сладко зевнул и повернулся к соседке.

-Знаешь, мне такой чудной сон приснился.

Она вскинула на него огромные синие глаза и улыбнулась.

-Знаю.

А на последней парте гном Зигмунд деловито примерял костюм амура.

10 февраля 2000 года

Авторы сборника «Люди в квадрате»

Белоусова (Муратова) Ольга Александровна родилась 9 мая 1977 г. в г. Новокузнецке. Закончила исторический факультет Томского университета, учится в аспирантуре. Работает в музее «Кузнецкая крепость». Участник II Форума молодых писателей России в Москве в октябре 2002 г., где обсуждалась ее фантастическая повесть «За стеной». В КЛФ «Контакт» пришла в ноябре 2002 г. Первая публикация - рассказ «Корабль с голубой планеты» - в газете «Голубая магистраль» (Саратов) 27 августа 1991 г. Несколько ее рассказов печатались в городских газетах. Рассказ «Падала с неба звезда» опубликован в интернетовском журнале «Пролог».

Рассказ «Падала с неба звезда» впервые опубликован в газете «Губернские ведомости» 31 января 2003 г. Рассказ «Готовность - ноль» впервые опубликован в газете «Сельские вести» 8 августа 2003 г. «Почти сказка» из повести «Перекресток волков» впервые опубликована в газете «Кузнецкий меценат» 20 ноября 2003 г.

Бочарников Евгений Николаевич родился 18 июля 1986 г. в г. Новокузнецке. Закончил 9 классов в школе №73. Учился в 11 училище. Работает грузчиком в частной фирме, готовится к поступлению в институт. В КЛФ «Контакт» пришел в 2000 г.

Публикуется впервые.

Буланов Виктор Юрьевич родился 27 января 1988 г. в г. Новокузнецке. Учится в 10-м гуманитарном классе лицея N 84. В КЛФ «Контакт» пришел в октябре 2002 г. Первая публикация - рассказ «Ночной разговор», публикуемый и в этом сборнике, - в газете «Сельские вести» 25 апреля 2003 г. Миниатюра «Туман над водой» впервые опубликована в газете «Сельские вести» 8 августа 2003 г.

Бурмин Петр Сергеевич родился 12 июня 1933 г. в селе Солоновка Алтайского края. В 1947 г. приехал в Новокузнецк вместе с родителями, которые завербовались на строительство КМК. С 1950 г. начал работать на КМК. Служил в армии, в погранвойсках. На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем. В шестидесятых годах прошлого века у П. С. Бурмина было опубликовано до десятка стихотворений о детях и космосе. В семидесятые годы был на семинаре писателей по рекомендации Геннадия Емельянова - с повестью «SOS». Первая публикация фантастической прозы - глава из повести «Остров разума» - в газете «Сельские вести» 21 марта 2003 г. В КЛФ «Контакт» пришел в 2001 г. Рассказ «Гостя» публикуется впервые.

Бычкова (ныне - Тарзанова) Ирина Александровна родилась 25 апреля 1974 г. в г. Новокузнецке. Закончила монтажный техникум. Работала лаборантом в гимназии. Сейчас работает в Центре технического творчества, ведет учебное объединение бисероплетения. В КЛФ «Контакт» пришла в начале 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация - статья о творчестве Дж. Р. Р. Толкина «Книги эти дарят свет» - в газете «Кузнецкий рабочий» 1 мая 1991 г.

Рассказ «Поиски» впервые опубликован в газете «Кузнецкий рабочий» 16 мая 1992 г.

Василевский Кирилл Васильевич родился 15 февраля 1988 г. в г. Новокузнецке. Учится в 10-м классе лицея N 84. В КЛФ «Контакт» пришел в августе 2000 г. Прежде не публиковался.

Верещагин Анатолий Федорович родился 23 сентября 1958 г. в г. Новокузнецке. Закончил металлургический техникум в 1978 г. Служил в армии. Работает охранником. В КЛФ «Контакт» пришел в 1983 г.

Рассказ «Исследование жизни Колобка» публикуется впервые.

Волошина Дина Владимировна родилась 15 марта 1980 г. в г. Сургут Тюменской обл. Училась на историческом факультете Новосибирского педагогического университета. Работает компьютерным дизайнером в разных фирмах Новосибирска. В КЛФ «Контакт» пришла осенью 2001 года. Печаталась в молодежных газетах Новосибирска.

Рассказ «Поединок» печатается впервые.

Гилев Борис Михайлович родился 13 августа 1938 г. в г. Боготол Красноярского края. В 1962 г. закончил Свердловский медицинский институт. Долгое время работал главным врачом Новокузнецкой инфекционной больницы № 8. Преподает в медицинском училище. Организовывал и принимал участие в работе новокузнецких клубов «Коллекционер», «Книжник», «Филателист», «Диалог» и других. Организатор и долгое время - первый президент КЛФ «Контакт».

Первая и единственная публикация - пародия на Ф. Карсака и А. и Б. Стругацких (в соавторстве с В. Колотвиным) - в газете «Твои проблемы» в апреле 1993 г.

Головков Александр Анатольевич (15 июня 1957 г., Новокузнецк - 30 января 1999 г., Новокузнецк). Закончил Новокузнецкий горномашиностроительный техникум в 1977 г. Около 20-ти лет проработал на производстве. Затем ушел в журналистику. Сотрудничал

со многими городскими газетами. В КЛФ «Контакт» пришел в 1980 г. Первая НФ-публикация - рассказ «Соседи» - в газете «Сельская правда» 12 июля 1983 г. В том же году в альманахе «Огни Кузбасса» опубликована его повесть «Экспертиза на искренность». Его рассказы печатались в сборниках «Мы - «Притомье» и «Просто фантастика» Кемеровского книжного издательства, «Ветка кедра» и «Фантастика-91» московского издательства «Молодая гвардия», во многих газетах. В 1997 г. рассказ А. Головкова «Монолог Харона с Цербером на поводке» номинировался на премию «Интерпресскон» (одну из самых престижных в российской фантастике) по разделу «Сверхкороткий рассказ». В 1999 г. Кемеровское отделение Союза писателей планировало принять его в свои ряды. Журналисты «Кузнецкого рабочего» готовят к выпуску авторский сборник А. Головкова, который он составил и планировал напечатать еще при жизни.

Рассказы, вошедшие в этот сборник, публиковались:

История любви // Сельская правда. - 29 сентября 1983 г.;

то же // Кузнецкий рабочий. - 22 мая 1991 г.;

то же // Кузнецкие вести. - 10 марта 1999 г.;

то же // Сельские вести. - 28 января 2000 г.

Этот сладкий процесс познания // Сельская правда. - 16 апреля 1988 г.;

то же // Сельские вести. - 14 декабря 2002 г.

то же // Наша жизнь. - Пестово (Новгородская обл.) - 19 февраля 2003 г.

К слову о критике // Сельская правда. - 11 февраля 1989 г.;

то же // Богданов Е. А., Головков А. А., Ковякин С. К. Просто фантастика: Повести и рассказы. - Кемерово: Кн. изд-во, 1990;

то же // Новокузнецк без политики. - Июнь-июль 1996 г.

Люди в квадрате // Богданов Е. А., Головков А. А., Ковякин С. К. Просто фантастика: Повести и рассказы. - Кемерово: Кн. изд-во, 1990.

Монолог Харона с Цербером на поводке // Кузнецкий рабочий. - 15 июля 1995 г.;

то же // Интерпресскон-97. Конкурс сверхкороткого рассказа: [Подборка рассказов, номинируемых на премию «Интерпресскон» по разделу «Сверхкороткий рассказ»]. - СПб., 1997.

Греп Евгений Викторович родился 22 апреля 1979 г. в г. Новокузнецке. Закончил Сибирский государственный индустриальный университет в 2001 г. Работает инженером ОЗИТ в Сбербанке. В КЛФ «Контакт» пришел в 1997 г. Первая публикация - рассказ «Сказки ветра» - в газете «Озарение» осенью 1999 г. Большие рас-

сказы Е. Грепа печатались в альманахах «Кузнецкая крепость» в 1999 г. и «Огни Кузбасса» в 2000 г. В издательстве «Сталкер» (Донецк, Украина) готовится к изданию авторский сборник Е. Грепа «Наброски с невозможного».

Маленькая повесть «Господин диктатор!» публикуется впервые.

Григорьев Евгений Алексеевич родился 9 апреля 1981 г. в г. Астана (Казахстан). В Новокузнецке живет с 1996 г. Студент электротермического факультета Сибирского государственного индустриального университета. В КЛФ «Контакт» пришел в октябре 1999 г. Первая публикация - рассказ «Рок» - в газете «Сельские вести» 26 апреля 2002 г.

Сказка «Кривое зеркальце» впервые опубликована в газете «Кузнецкий меценат» 18 сентября, 2 октября 2003 г.

Дворцова Надежда Ивановна родилась 5 мая 1965 г. в Новокузнецке. Закончила Кемеровский медицинский институт в 1989 г. Работает участковым врачом-педиатром. В КЛФ «Контакт» пришла в октябре 2003 г.

Публикуется впервые.

Дворцова Светлана Игоревна родилась 10 марта 1986 г. в г. Кемерово. В Новокузнецке живет с 1989 г. Учится в 11 классе лицея №84. В КЛФ «Контакт» пришла в 2003 г.

Первая публикация – рассказ «Золотая пыль», публикуемый и в этом сборнике, - в газете «Сельские вести» 12 декабря 2003 г.

Егоров Константин Кузьмич родился 13 февраля 1969 г. в г. Новокузнецке. Окончил Кузнецкий металлургический техникум. Работал журналистом в городских газетах. Сотрудник Культурно-образовательного центра библиотеки им. Н. В. Гоголя. В КЛФ «Контакт» пришел в 1999 г. Первая публикация - новогодняя сказка «Как Кощей Бессмертный за снегом ходил» - в газете «Кузнецкий рабочий» 30 декабря 1997 г. Стихи и сказки печатались в журналах «Кузнецкая крепость», «Двенадцать месяцев», «Лит. Кузбасс», альманахе «Озарение», во многих газетах. В 2003 г. библиотека им. Н. В. Гоголя и КЛФ «Контакт» выпустили к 25-летию КЛФ «Контакт» очень маленьким тиражом (25 экз.) книжечку сказок К. Егорова «Солнышко на курьих ножках».

Сказка «Солнышко на курьих ножках» впервые опубликована в газете «Курс» (г. Белово) 22 февраля 2002 г. Сказка «Школа Красных Шапочек» публикуется впервые.

Зотов Андрей Юрьевич родился 13 февраля 1973 г. в г. Новокузнецке. Школу закончил в 1990 г. Учился в Новокузнецком педин-

ституте. Закончил биологический факультет Новосибирского университета. В КЛФ «Контакт» пришел в 1991 г. Активный участник ролевого движения.

Первая (и единственная) публикация - рассказ «Рак биосферы» - в газете «Кузнецкий рабочий» 16 мая 1992 г.

Ивонина (ныне - Бражникова) Елена Кирилловна родилась 5 июля 1959 г. в г. Прокопьевске. Закончила факультет иностранных языков Новокузнецкого государственного педагогического института в 1981 г. Работала в средней школе п. Каз Таштагольского района, в НТБ института ВНИИГидроуголь, на заводе «Гидромаш», в школе-гимназии N 62. В данное время - преподаватель в Новокузнецком филиале Международного института экономики и права. В КЛФ «Контакт» пришла осенью 1986 г. Активный участник ролевого движения. Долгое время - вице-президент КЛФ «Контакт». Первая публикация - статья «Феномен Толкиена, или Размышления дилетанта о любимом писателе» - в газете «Кузнецкий рабочий» 4 января 1992 г. Стихи печатались в городских газетах и журналах, в сборнике «Узор волшебных снов: Поэзия «Контакта», выпущенном клубом в 1997 г.

«Легенда об Элмере и Лориэль» публикуется впервые.

Калашников Николай Николаевич родился 9 февраля 1951 г. Закончил Новокузнецкий пединститут факультет русского языка и литературы в 1973 г. Сначала работал директором сельской школы в Крапивинском районе, затем ассистентом кафедры русского языка НГПИ, корректором, в настоящее время печатником в ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат».

В клубе любителей фантастики «Контакт» с 27 апреля 1978г. С 1987 – президент клуба «Контакт». Занимается библиографией фантастики, имеет публикации в журнале «Библиография». Член межрегиональной ФЭН - группы «Людены» (исследование творчества братьев Стругацких). Руководит секцией литературного творчества членов клуба «Контакт». Почетный читатель библиотеки им. Н.В.Гоголя г. Новокузнецка.

Составитель сборника.

Карпова Надежда Александровна родилась 6 ноября 1981 г. в г. Тейково Ивановской области. В Новокузнецк приехала в возрасте 12 лет (в августе 1994 г.). В 2003 г. - выпускница факультета информационных технологий НФИ КемГУ. В КЛФ «Контакт» пришла в 1999 г. Первая публикация - сказка «Крылья мечты» - в газете «Губернские ведомости» 19 мая 2001 г. Пишет роман «Внучка Золо-

того Дракона». Рассказ «Фея света» опубликован книжечкой, которую библиотека им. Н. В. Гоголя и КЛФ «Контакт» выпустили очень маленьким тиражом (25 экз.) в 2003 г. (к 25-летию КЛФ «Контакт»).

Фрагмент из первой главы романа «Внучка Золотого Дракона» впервые опубликован в газете «Губернские ведомости» 31 января 2003 г.

Климова Юлия Евгеньевна родилась 10 января 1980 г. в г. Прокопьевске. В 2003 г. - выпускница факультета русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии. В КЛФ «Контакт» не приходила. Соавтор О. Степаненко.

Ковякин Сергей Константинович (5 октября 1949 г., рудник Первомайск Тисульского района Кемеровской обл. - 2 мая 1996 г., г. Таштагол). Закончил естественно-географический факультет Новокузнецкого пединститута в 1972 г. Перепробовал множество профессий - учитель, директор школы, рабочий старательских артелей, пожарный-десантник, докер Владивостокского рыбного порта, лесник... Затем стал профессиональным писателем. Член Союза писателей России. Его рассказы и повести печатались не только в газетах и журналах Кемеровской области, но и в московских изданиях. Некоторые произведения С. Ковякина переводились и печатались в Польше, Венгрии, ГДР, Финляндии, Китае... Вышло несколько авторских сборников. Принимал участие в конкурсах короткого рассказа, проводимых к 10-летнему и 15-летнему юбилеям КЛФ «Контакт». Его рассказы печатались в клубных альманахах и клубных страничках. В письме к составителю этого сборника Сергей писал, что общение с КЛФ «Контакт» дало ему информацию и помогло в написании нескольких повестей.

Фантастическая притча «Пастор и мы, мутанты» впервые была напечатана во внутриклубном альманахе КЛФ «Контакт», затем печаталась в газете «Кузнецкий рабочий» (11 июля 1991 г.) и в авторских сборниках С. Ковякина.

Колесова Наталья Валенидовна родилась 6 октября 1964 г. в г. Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета в 1989 г. Работала корреспондентом районной газеты «Красное знамя» Промышленновского района, инженером в «Запсибремонте», сейчас - инженер на Западно-Сибирском металлургическом комбинате. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация - повесть «Голубая пантера» - в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Эта же повесть опубликована в журнале «Порог» (Кировоград, Украина) в 1997 г. Написано Натальей около десятка

повестей. Отрывки из трех из них печатались в местных газетах. В издательстве «Сталкер» (Донецк, Украина) готовится к изданию авторский сборник Н. Колесовой.

Повесть «Просто игра...» публикуется впервые.

Колотвин Валерий Викторович родился 12 июня 1961 г. в г. Новокузнецке. В 1981 г. закончил строительный техникум, затем служил в армии. Художник. Организовал творческую группу художников и поэтов «Круг Чистых». Член Московского объединения художников Международного Художественного Фонда с 1996 г. В КЛФ «Контакт» пришел в 1978 г. Пишет стихи и прозу. Прозу писал и самостоятельно, и в соавторстве. Первая публикация - юмореска из цикла «Из космических озарений» под псевдонимом Тупавко (Тумаков, Павлов, Колотвин) - в газете «Комсомолец Кузбасса» (Кемерово) 26 января 1980 г. Первая самостоятельная публикация - подборка стихов - в сборнике стихов и графики «Круга Чистых» «Автобус», отпечатанном в Новокузнецке в 1989 г. Первая публикация в прозе - «Рассказ N 1» (из серии «Контакт - есть контакт») - в газете «Кузнецкий рабочий» 16 октября 1993 г.

Глава из повести-буриме «Мир на холсте» и миниатюра «Смерть Эзопа» публикуются впервые.

Колотвина Марина Юрьевна родилась 7 ноября 1962 г. в г. Новокузнецке. Закончила новосибирскую физматшколу в 1980 г. Художник. Член творческой группы художников и поэтов «Круг Чистых». Член Московского объединения художников Международного Художественного Фонда с 1996 г. Пишет стихи. В КЛФ «Контакт» пришла в 1983 г. Первая публикация - стихотворение «Смешайте живую и мертвую воду...» - в газете «Сельская правда» 16 сентября 1989 г. Стихи Марины печатались во многих газетах, сборниках и каталогах выставок «Круга Чистых», журнале «Зеркало», альманахе «Провинция», в книге «Антология русского верлибра» (М., 1991), сборнике «Узор волшебных снов: Поэзия «Контакта» (Новокузнецк, 1997).

Эссе-размышление «Со-Творение» (Из книги «Антология «грибницы») публикуется впервые.

Ксионжек Владислав Христофорович родился в 1956 г. Работал преподавателем в Сибирском металлургическом институте, журналистом в газете «Комсомолец Кузбасса». В середине 80-х годов уехал в Москву, работал (предположительно) в редакции журнала «Техника-молодежи». В КЛФ «Контакт» пришел в конце 1978 г. Первая публикация - рассказ «Мальчик, Старик и Собака» - в журнале «Химия и жизнь» в 1980 г. Рассказы В. Ксионжека печата-

лись в городских и областных газетах, альманахе «Огни Кузбасса», журналах «Юный техник», «Техника-молодежи», в сборниках издательства «Молодая гвардия» - «Фантастика-83», «Фантастика-87», «Фантастика-88/89», «Остров пурпурной ящерицы» (1984).

Рассказ «Сказка о фее» сохранился в архиве составителя и, по нашим сведениям, публикуется впервые.

Немиров Валерий Анатольевич родился 21 апреля 1954 г. в г. Новокузнецке. Закончил факультет русского языка и литературы Новокузнецкого педагогического института в 1977 г. Работал учителем русского языка и литературы. После службы в армии пришел в журналистику. Работал в газетах «Металлург», «Сельские вести», с 1990 г. - в газете «Кузнецкий рабочий». С КЛФ «Контакт» сотрудничает с 1983 г. Писал о клубе. Ведущий страничек фантастики сначала в «Сельской правде», а затем в «Кузнецком рабочем». Именно благодаря его усилиям увидели свет многие произведения «контактовцев». В 1991 и 1992 годах странички фантастики «Кузнецкого рабочего» «Золотой шар» получали грамоты «Аэлиты». Первая публикация В. Немирова (по его воспоминаниям) - стихотворение в литфаковской стенной газете «Филолог» в 1975 г.

Рассказ «Метро» впервые опубликован в газете «Сельская правда» 26, 28 февраля 1987 г.

Нестеренко Олег Владимирович родился 12 ноября 1984 г. в г. Новокузнецке. Закончил гимназию N 11 с золотой медалью в 2002 г. В данное время - студент отделения романо-германской филологии филологического факультета Томского государственного университета. В КЛФ «Контакт» пришел в сентябре 1999 г. Первая публикация - поэма-сказка «Голый король» - в школьном журнале гимназии N 11 «Гимназист» в октябре 1999 г. Первая сказка из цикла «Сказки королевства Мелдор» «Тортик для эльфа» была опубликована в газете «Губернские ведомости» 19 мая 2001 г. В 2003 г. к 25-летию КЛФ «Контакт» библиотека им Н. В. Гоголя и КЛФ «Контакт» очень маленьким тиражом (25 экз.) выпустили три книжки Олега Нестеренко: «Сказки королевства Мелдор» (все сказки цикла); повесть «Ромео и Джульетта. Remake»; «Голый король» (в которую вошли поэмы «Голый король», «О похождениях беглого сарацина, или О том, на что способно монастырское вино»). Олег - прекрасный иллюстратор. Все его произведения - с авторскими иллюстрациями. Он пробует свои силы в качестве переводчика фантастики с английского. Его перевод рассказа американского писателя Ф. Стоктона «Дама или тигр?» опубликован в газете «Сельские вести» 8 августа 2003 г.

Сказка «Тортик для эльфа» впервые опубликована в газете «Губернские ведомости» 19 мая 2001 г. Сказка «Такой вот день

рождения» впервые опубликована в газете «Сельские вести» 6 сентября 2002 г. «Ночной пролог» из повести «Ромео и Джульетта. Ремейк» впервые опубликован в книжечке под одноименным названием.

Плеханова Светлана Афанасьевна родилась 30 августа 1941 г. в селе Нарым Томской области. Закончила Кемеровский институт культуры в 1978 г. Работала библиотекарем, потом долгое время была ответственным секретарем Новокузнецкого городского правления общества книголюбов. Далее работала художником-исполнителем Новокузнецкого отделения Художественного фонда РФ. Сейчас работает в фирме, торгующей китайской фитотерапией. Один из организаторов и долгое время вице-президент КЛФ «Контакт». Пишет стихи и фантастическую прозу. Первая публикация - юмореска из цикла «Господин Президент» в газете «Сельская правда» 4 мая 1988 г.

Первые две юморески из цикла «Господин Президент» публиковались («Сельская правда» 4 мая 1988 г. и «Твои проблемы» в апреле 1993 г.). Третья юмореска публикуется впервые.

Рыжова Ольга Сергеевна родилась 20 августа 1983 г. в Новокузнецке. Студентка факультета русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии. В КЛФ «Контакт» пришла в сентябре 1999 г. Пишет стихи и прозу. Первая публикация - подборка стихов - в альманахе «Озарение» в 2001 г.

Рассказ «Найти слова...» публикуется впервые.

Скударнов Игорь Федорович родился в 1958 г. в г. Новокузнецке. Закончил Новосибирский госуниверситет по специальности «химия». Имеет научные публикации в области теоретической вирусологии, математического моделирования химических реакторов. С 1983 г. работает в органах внутренних дел г. Новокузнецка. В КЛФ «Контакт» пришел в 1987 г.

Первая публикация - рассказ «Опыт биотрансформации», публикуемый и в данном сборнике, - в газете «Сельская правда» 14 мая 1988 г.

Старков Дмитрий Анатольевич родился 13 апреля 1968 г. в г. Кемерово. В КЛФ «Контакт» пришел 13-летним школьником в 1981 г. После окончания школы работал в разных местах оформителем, сторожем, электриком... В начале 90-х годов уехал в г. Санкт-Петербург. Работает в рекламных фирмах. Активно переводит фантастику. В его переводах выходили романы Р. Хайнлайна, Б. Стерлинга, Г. Кука... В 1994 г. номинировался на профессиональную

писательскую премию «Странник» и Беляевскую премию за перевод романа Р. Хайнлайна «Двойная звезда». Первая публикация - пародия на А. Казанцева - в газете «Сельская правда» 1 октября 1988 г. Рассказ «Не упустите шанс» публиковался в журнале «Техника-молодежи» в 2001 г. Роман Д. Старкова еще ждет своего издателя.

Повесть «Ой, там, за занавесочками!» впервые опубликована в альманахе «Литературный Кузбасс» (Кемерово) в № 3 - 4 за 2001 - 2002 гг.

Степаненко (ныне - Логунова) Олеся Сергеевна родилась 20 мая 1980 г. в г. Новосибирске. В Новокузнецке живет с 1994 г. В 2003 г. закончила факультет русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии. В КЛФ «Контакт» пришла в июне 2000 г. Первая публикация - маленький рассказ «Однажды» - в сборнике «Волшебные перышки» в 1999 г.

Сюрреалистическая повестушка «Я к вам оттуда, разрешите войти» написана весной 2000 г. в соавторстве с Юлией Климовой. Публикуется впервые.

Тараканов Сергей Борисович родился 3 апреля 1952 г. в г. Свердловске. Закончил исторический факультет Томского университета в 1975 г. В Новокузнецк приехал в 1977 г. Преподаватель истории в Кузбасской государственной педагогической академии. В КЛФ «Контакт» пришел в ноябре 1987 г.

Первая публикация - рассказ «О бедном драконе замолвите слово...», публикуемый и в этом сборнике, - в газете «Сельские вести» 25 апреля 2003 г.

ТПРУНЯ - коллективный автор. Под этим псевдонимом объединились в конце 1978 г. члены клуба «Контакт» Валерий Колотвин (тогда - учащийся техникума), Аркадий Павлов (тогда - школьник) и Олег Тумаков (тогда - студент СМИ). Они писали юморески, рассказы, выпускали клубные стенгазеты, в которых были их стихи, комиксы, рисунки, заметки... ТПРУНЯ был и коллективным художником. К сожалению, просуществовало очень недолго (всего одно лето!) их великолепное панно во всю стену в одной из комнат правления общества книголюбов. Невостребованной осталась и их незавершенная повесть «Контакт», которую они писали под псевдонимом «братья Ивановы», написанная не без влияния, а кое-где не без пародирования творчества братьев Стругацких. ТПРУНЯ просуществовал недолго - лет пять. Ныне Валерий Колотвин - художник и поэт творческой группы «Круг Чистых», Аркадий Павлов в 2003 г. закончил режиссерский факультет ВГИКа, недавно приезжал в наш

город снимать фильм - свою дипломную работу, Олег Тумаков - ведущий инженер бюро рекламы КМК.

Первая публикация ТПРУНЯ - юмореска из цикла «Из космических озарений» - в газете «Комсомолец Кузбасса» 26 января 1980 г. под псевдонимом Тупавко (Тумаков, Павлов, Колотвин). Было опубликовано шесть юморесок из этого цикла. Полностью цикл «Из космических озарений» публикуется впервые.

Чернышева Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в г. Новокузнецке. Студентка исторического факультета Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Возможно, именно поэтому - не член КЛФ «Контакт», а выступает в данном сборнике как гость клуба.

Повесть «Босиком за Василисой» публикуется впервые.

Шамаханова Екатерина Юрьевна родилась 25 июля 1969 г. в г. Горьком (ныне - Нижний Новгород). В школу пошла во Владивостоке. В Новокузнецк приехала в 1979 г. Закончила факультет иностранных языков Новокузнецкого педагогического института. Работала учителем английского языка в новокузнецких школах NN 12 и 91. С 1996 г. живет в г. Екатеринбурге, работает в художественном училище им. И. Д. Шадра. В КЛФ «Контакт» пришла в 1992 г. после прочтения «Хранителей» Дж. Р. Р. Толкина. Активный участник ролевого движения. Первая публикация - статья «О чем говорит «Властелин колец» - в газете «Твои проблемы» в апреле 1993 г. В 1994 г. журнал «Уральский следопыт» опубликовал статью Е. Шамахановой «Зачем человеку кольчуга: (Ролевые игры с точки зрения толкиениста)». Большая подборка ее стихотворений опубликована в сборнике «Узор волшебных снов», названном так по строчке из ее стихотворения. В декабре 2002 г. библиотека им. Н. В. Гоголя и КЛФ «Контакт» выпустили очень маленьким тиражом (25 экз.) поэтический сборник Е. Шамахановой «Белые листья».

Рассказ «Тучи» публикуется впервые.

Оглавление

От составителя 3

Мир на холсте

Колотвина Марина	
Со-Творение	7
Головков Александр	
История любви	10
Люди в квадрате	12
Этот сладкий процесс познания	17
К слову о критике	17
Монолог Харона с Цербером на поводке	19
Старков Дмитрий	
Ой, там, за занавесочками!	20
Ксионжек Владислав	
Сказка о фее	41
Колотвин Валерий	
Мир на холсте	46
Смерть Эзопа	52
ТПРУНЯ	
Из космических озарений	53
Плеханова Светлана	
Из цикла «Господин президент»	64
Гилев Борис, Колотвин Валерий	
Пародии	67
Верещагин Анатолий	
Исследование жизни Колобка	70
Немиров Валерий	
Метро	73

Поиски

Ивонина Елена	
Легенда об Элмере и Лориэль	81
Бычкова Ирина	
Поиски	92
Колесова Наталья	
Просто игра...	95

Шамаханова Екатерина	
Тучи	126
Зотов Андрей	
Рак биосферы	133
Скударнов Игорь	
Опыт биотрансформации	138
Тараканов Сергей	
О бедном драконе замолвите слово...	140
Ковякин Сергей	
Пастор и мы, мутанты	142

Найти слова

Греп Евгений	
Господин диктатор!..	149
Нестеренко Олег	
Тортик для эльфа	188
Такой вот день рождения	192
Ночной пролог	197
Белоусова Ольга	
Падала с неба звезда	200
Готовность – ноль	203
Почти сказка	210
Рыжова Ольга	
Найти слова	213
Буланов Виктор	
Ночной разговор	215
Туман над водой	217
Карпова Надежда	
Внучка Золотого Дракона	218
Григорьев Евгений	
Кривое зеркальце	226
Егоров Константин	
Солнышко на курьих ножках	235
Школа Красных Шапочек	237
Волошина Дина	
Поединок	240
Бурмин Петр	
Гостя	246

Василевский Кирилл	
Конец Мезозойской эры	253
Степаненко Олеся, Климова Юлия	
Я к вам оттуда, разрешите войти	255
Дворцова Светлана	
Золотая пыль	268
Дворцова Надежда	
Что?	270
Бочарников Евгений	
Те, кто старше нас	274
Чернышева Анна	
Босиком за Василисой	275
Сведения об авторах	290

В подготовке сборника принимали участие:
Николай Калашников – составитель, редактор, корректор;
Ольга Белоусова, Евгений Греш – компьютерный набор текста;
Компьютерный зал «Аквариум» – сканирование;
Константин Егоров – верстка;
Ольга Гончарова – макетирование;
Наталья Позднякова – дизайн издания;
Валерий Колотвин – обложка сборника.

Отпечатано на ризографе ЦГБ им. Н.В.Гоголя
Печать обложки и переплет –
ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат»

Тираж 100 экз.